

Александра
Василевская

СТРАННИКИ
ОДИННАДЦАТИ
ПРОСТРАНСТВ

НЕТ ХУДА БЕЗ
ДОБРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александра Алексеевна Василевская
Странники Одиннадцати
Пространств. Нет
худа без добра

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69583564
SelfPub; 2023*

Аннотация

В борьбе с нахальными паукрабами, которые застраивают и обматывают паутиной планету за планетой, мятежникам всё реже сопутствует удача. Команда лишается всего и, кажется, обречена на нелепую гибель. Но на самом деле каждое поражение приближает мятежников к победе – ведь на их пути встречаются не только негостеприимные планеты и хитрые враги, но и райские уголки, полные новых друзей...

Содержание

Глава 1. Клешни прочь от Укрытого Рукава!	6
Глава 2. Лирическое отступление: как Семиларен удачно заблудился, понял непонятное существо и отвернулся от прошлой жизни	31
Глава 3. Тайна исчезнувшей планеты	41
Глава 4. Игры разумов и гонки вооружений	76
Глава 5. О чём не молчат рыбы	106
Глава 6. Крылья обретённые	119
Глава 7. Крылья утраченные	155
Глава 8. Да здравствует общественный транспорт!	193
Глава 9. Лирическое отступление: краткое содержание паукрабских текстов, которые мужественно, сдерживая удушующий хохот, перевёл Фиб-Фиб	224
Глава 10. Карты, деньги, два слова	230
Глава 11. Сорок мюмзиков и один спаситель	255
Глава 12. Все прелести системы Самобыт	294
Глава 13. Самобытное самобытское торжество	335
Глава 14. Вперёд и с песнями	439
Глава 15. Нет худа без добра	494
Глава 16. Лирическое отступление: как на	560

Самобыте зашло светило лженауки	
Глава 17. Невидимые миры	588
Глава 18. О биотехнологии и птичках	643
Глава 19. Мёд и дёготь	667
Глава 20. Удар ниже пояса во благо	705

Александра Василевская Странники Одиннадцати Пространств. Нет худа без добра

Замечательному биологу и популяризатору науки Александру Владимировичу Маркову, с которым повезло не только жить в одно время, но и быть немножечко знакомой.

Если у него вдруг появится масса свободного времени, а книги лучшие под рукой не окажется, он найдёт тут себя в образе странного, но благородного существа. Да простит он меня в любом случае.

Глава 1. Клешни прочь от Укрытого Рукава!

Черепашки, омары, карпозубики – дрессировать можно буквально любую тварь при условии, что вы найдёте способ эффективного её поощрения, а также придумаете интересный номер, соответствующий её возможностям.

Карен Прайор

«Несущие ветер»

И сказал Господь Моисею: пойдя, иди отсюда ты и народ, который ты вывел из земли Египетской, в землю, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: потомству твоему дам её.

Исх. 33:1

Новой встречи с космическими чудовищами Райтлет и Сэн ждут, как похода в гости к старым друзьям. Теперь, многое зная о поведении удивительных существ, охотники могут спасти целый рукав Галактики, в который уже начала проникать пусть даже не Три-, но всё ещё могущественная Двумперия. И приниматься за дело охотникам надо срочно. Ед-

ва вылетев из последней магистральной трубы, они сталкиваются с двумперским патрулём – а это значит, что скоро Укрытый Рукав перестанет быть островком мира и покоя в истерзанном Млечном Пути. Не дожидаясь грубых обвинений и требований, охотники удирают по краю Рукава, рассчитывая на то, что в поле их зрения появятся космические чудовища. И в самом деле, очень скоро двумперские корабли оставляют погоню и спешно ретируются. Двумперцы уверены, что неугодный им корабль непременно уничтожит большая стая чудовищ, которая будто бы из пустоты возникает прямо по курсу.

– Вот вы где, друзья! – улыбается Райтлет. – Сэн, тащи сюда голограмм-проектор! Юур солшом!

– Юур солшом! Тогда магний на тебе! – отвечает Сэн.

Не успевают хваталки протянуть к кораблю длинные руки, только разевают пасти удержатели и лепоракантигрызы, едва-едва мурчальники касаются вибриссами звездолёта, как на нём появляются оригинально вооружённые охотники: Райтлет с объёмистым мешком и Сэн с прибором, похожим на глубокую тарелку, края которой усеяны тонкими антеннами.

Чудовища выглядят озадаченными. Не затягивая паузу в космической тишине, Сэн включает голограмм-проектор. В мгновение ока над кораблём Райтлета всплывает голографическое изображение ошестинившегося боевыми орудиями двумперского звездолёта, причём в натуральную величину.

Впрочем, правильнее называть это изображение голографической моделью, так как у него та же температура и электрические характеристики, что и у настоящего корабля.

Несколько чудовищ, помедлив пару стеков, бросаются на голограмму. Втуне пощёлкав челюстями и помахав руками в пустом пространстве, они собираются вновь переключиться на настоящий звездолёт, но, к своему приятному удивлению, прямо перед ними в пространстве повисают кусочки самого вкусного на свете металла: магния. Опытный глаз охотника помогает не обделит угощением ни одно чудовище из тех, которые напали на голограмму.

– Процесс пошёл, – комментирует Сэн.

– Хорошие зверюшки, – отвечает Райтлет. – Продолжим. Давай ещё раз тот же три... двумперский. Ррр, не привыкну никак.

Во второй раз чудовища нападают на голограмму намного быстрее и веселее, за что получают больше магния. Кроме того, к первым энтузиастам присоединяются ещё несколько существ. Охотники повторяют процедуру ещё пару раз и замечают, что чудовищ вокруг стало больше.

– Ха, догадливые! – радуется Райтлет. – Сэн, давай теперь какой-нибудь не-двумперский.

Над звездолётом всплывает изображение космического корабля хриввалэйтнов. Он напоминает по форме боевой двумперский звездолёт, но отличается по температуре и цвету. Большинство чудовищ не реагирует на эту голограмму,

но некоторые всё же бросаются в атаку. Этим торопыгам, конечно, никакого магния не полагается. Даже сородичи смотрят на них укоризненно, не говоря уж об охотниках. И этого достаточно: в следующий раз, когда появляется изображение не-двумперского корабля, нетерпеливые чудовища больше не кидаются на него.

Итак, за несколько дечасов Райтлет и Сэн успевают замечательно выдрессировать множество космических чудовищ. Отныне чудовища яростно набрасываются на двумперские корабли и совершенно не обращают внимания на все прочие.

– Молодцы, отличная работа! – раздавая новоиспечённым защитникам Укрытого Рукава остатки магния, торжествует Райтлет.

– Научным методом и лаской кого угодно выдрессировать можно! – поддерживает Сэн. – Кроме, пожалуй, три... двумперцев.

Вдруг чудовища настораживаются и резко поворачиваются в одну сторону. Как убеждаются Райтлет и Сэн, к краю Укрытого Рукава приближается новый двумперский патруль, который вовсе не собирается уклоняться от встречи с космическими чудовищами. Напротив, внушительный по размерам флот летит угрожающе прямо и уже начинает швыряться во все стороны плазменными и твердоплазменными снарядами.

– Вот пороссягство! – плюётся Сэн.

– Спрячемся, чтобы они не догадались, кто науськал чу-

довищ, – заявляет Райтлет и жестом подзывает ближайшего мурчальника. – У меня как раз осталось ещё чуть-чуть магния.

Райтлет показывает кулаком с зажатым в нём кусочком ценного металла, что именно делать мурчальнику. Смышлёное чудовище быстро обвивает своим телом звездолёт и позволяет его экипажу спрятаться в своём густом меху. Необычное убежище даёт охотникам чувство такой безопасности, что они даже позволяют себе обменяться парой крепких поцелуев. И... соображений о том, как назвать новооткрытый вид.

– По-моему, этих зверюшек нужно назвать так, чтобы сразу было понятно, что они умные! – смеётся Сэн.

– С другой стороны, не стоит давать подсказки, – задумчиво произносит Райтлет. – Вдруг двумперцы всё каким-то образом узнают.

– Магниелюб... а, нет, этим они воспользуются...

– Я бы оставил им родовое название «чудовище». Удивительно, но никаких существ так больше не называли!

– Чудовище... сообразительное... укрыторукавное?

– А может, чудовище-кораблеед космическое?

– Прекрасно! Райтлет, ты молодец! И, похоже, телепат. Я только что придумала то же название.

– Все влюблённые – немного телепаты. А корфилли – тем более.

– И об этом я тоже подумала, корфилль!

Тем временем двумперский патруль добирается до чудовищ. И тут же его настигает возмездие: в считанные деминуты чудовища превращают боевые корабли в металлолом. Лишь нескольким спасательным капсулам удаётся ускользнуть – и то совсем ненадолго: им не удаётся миновать смертельных объятий особенно сообразительных хваталков.

– У нас получилось! Получилось! Юур дефнерп! – радуются Райтлет и Сэн, покинув мягкое убежище.

Как только мурчальник разворачивается, на коннектар Райтлета приходит сообщение от Джекса:

– Друзья, надеюсь, вы уже расположили к себе чудовищ. Они нам нужны на орбите Фордокс-Примы. Как мы и боялись, двумперцы не отступили. Паукрабы позвали на помощь йорзе, а они принялись разрушать планету! Даже Подземелье нас не спасает, нам всем нужно срочно эвакуироваться! Скорее, ведите к нам ваших космических зверюшек! Эти чёртовы двумперские корабли повсюду!

– Скоро будем! – заверяет Джекса Райтлет.

Таким образом, к ближайшей магистральной трубе направляется целая эскадрилья борцов с Двумперией, разношёрстная в буквальном смысле слова.

Фордокс-Прима, к орбите которой спешат Райтлет, Сэн и космические чудовища – не из тех планет, что легко сдаются захватчикам. Несмотря на то, ещё самые первые колонисты отвергли всё, что связано с военным делом, а слово «армия» провозгласили грязным ругательством, планета далеко

не беззащитна. Фордокс-Приму оберегают многочисленные генераторы мощных защитных полей, орбитальные системы слежения за окрестностями звезды Маньифика (которая известна землянам под неромантичным названием 46 Малого Льва) и несколько сотен высококвалифицированных специалистов – Мастеров Планетарной Безопасности. Слаженная работа естественного и искусственного интеллекта позволяет своевременно распознавать угрозы и справляться с ними ещё в космосе. Если всего этого оказывается недостаточно, за дело берутся отряды боевых роботов и даже бойцов-людей. Казалось бы, чем не армия? Во-первых, все эти бойцы – добровольцы. Никто не имеет права заставить фордокс-приманца заниматься тем, что ему не нравится. Во-вторых, бойцов никогда не натаскивают на беспрекословное подчинение приказам. Наоборот, они должны в первую очередь думать своей головой (или своим центральным процессором), проявлять смекалку и уметь грамотно отстоять любое своё решение даже перед самым великим командиром. Ещё одна черта, которая отличает фордокс-приманские оборонительные силы от армии – простое правило, которому они всегда следуют: не убивать противника, а обезоруживать его.

А лучше – вообще не доводить дело до сражения.

Однако на Фордокс-Приму ещё никогда не нападали такие сильные, быстрые и безжалостные противники, как паукрабы. Гравитационные возмущения, которые вызвали фэлконинговские генераторы чёрных дыр в опорных точках

защитных полей, обезвредили первые несколько сотен боевых кораблей, но вскоре паукрабы вновь атаковали планету. На этот раз они были подготовлены гораздо лучше, и с гравитационными возмущениями справились легко. Не смутила паукрабов и другая находка из лаборатории Стефана: гравитационные лучи. Всеми силами многочисленные нахальные беспозвоночные старались продавить защиту планеты, не гнушаясь самыми подлыми методами. Например, никакие моральные принципы не запрещали паукрабам выпускать в сторону фордокс-приманских кораблей мерзкую паутину, которая не только мешала обзору, но и останавливала двигатели. Кроме того, паукрабы пользовались и хакерскими атаками, стараясь вывести из строя самое разное фордокс-приманское оборудование, в том числе жизненно важное – как на кораблях, так и на планете. Сами же паукрабы оказались очень хорошо защищены от хакеров: даже талантливому Джексу не удалось добраться до глубин их программных кодов. Казалось, что числом, скоростью и наглостью паукрабы всё-таки возьмут непокорную планету... но ценой невероятных усилий, множества жизней и кораблей самоотверженные фордокс-приманцы и их верные инопланетные союзники сумели удержать паукрабские корабли в низких слоях атмосферы, так и не дав им приземлиться.

Паукрабы поняли, что без помощи им не справиться. Они вызвали йорзе. Йорзские корабли, внушавшие своим видом одновременно страх и отвращение, не стали проры-

ваться к поверхности планеты. Наоборот, они плотной сферой облепили самые верхние слои атмосферы Фордокс-Примы и словно бы остановились в нерешительности. Все фордокс-приманские хакеры, в том числе и Джекс, быстро обнаружили, что у йорзе легко можно вывести из строя бортовые компьютеры и системы управления боевыми орудиями. Вскоре все звездолёты йорзе оказались обезоружены. Но это ни на что не повлияло: корабли застыли на месте.

– И чего они встали? – недоумевал Джекс, который вместе с ещё несколькими десятками хакеров находился в лаборатории Стефана. – Они нас хотят спровоцировать? Ничего не понимаю!

Стефан, который всё это время напряжённо размышлял, что ещё из его оборудования может пригодиться для защиты родной планеты, пробежался глазами по одному из экранов, на котором отображались результаты сканирования йорзских кораблей, и вдруг настороженно поинтересовался:

– А что это у них за тёмные пятна внутри корпусов?

– Не знаю, сколько ни сканировали, не сумели эти участки проанализировать, – ответил Джекс.

– Гиперполимер?

– Похоже на то. Но что они там прячут?

– Увеличь хотя бы одно пятно на изображении. Может, его форма что-то подскажет.

Стефан и Джекс впились взглядами в экран. Пятно, несомненно, представляло собой какое-то орудие. Но какое? По

данным хакеров, на кораблях йорзе работало всё, кроме оружия.

И вдруг страшная догадка поразила киборга:

– Чёрт! Чёрт!!! Это был отвлекающий манёвр! Они хотят опустошить Фордокс-Приму, как опустошили Цеффан и сотни тысяч других миров!!! Я узнаю... узнаю эти орудия, йорзе взяли их у орхгов!

– Суки гиеньи! – высказался Стефан. – В Подземелье!

– Другого выхода нет!

Всего через несколько мгновений по планете разлетелось важное сообщение. И все фордокс-приманцы как будто бы испарились. На самом деле они переместились в хорошо укреплённое Подземелье, воспользовавшись специальными ручными телепортаторами, которые обязательно выдавали каждому уроженцу Фордокс-Примы ещё в начале жизни. Подземелье – это огромное пространство под поверхностью планеты, в котором было всё необходимое для жизни всего населения Фордокс-Примы в течение многих местных лет¹ – мощные биореакторы и гигантские запасы клеток для них, медицинское оборудование, удобные жилища, копии лучших музеев, полностью развитые экосистемы и многое другое. В Подземелье находились и эвакуационные космические корабли – гигантские светло-голубые шары на своеобразных конических «подставках». Они предназначались для самого отчаянного шага – переселения на другую планету. Судя по

---

¹ Год на Фордокс-Приме длится ровно 370 земных суток.

всему, их час пробил: ведь на всех опустошённых планетах захватчики устанавливали генераторы жёсткого излучения и распыляли такую смертоубийственную смесь ядов, что даже самые стойкие бактерии и знаменитые космические тихоходки² не смогли бы прожить там и деминуты. Всё для того, чтобы не вернулись старые хозяева планет, и не обосновались новые поселенцы.

Планету для переселения выбирали Мастера Космической Безопасности. Активно участвовали в обсуждении и всё те же Мастера Планетарной Безопасности, и другие Мастера, и прочие фордокс-приманцы. Дискуссия затянулась – с одной стороны, Мастера уже давно проработали многие и многие варианты, но с другой – на этот раз риск был велик как никогда. Никто так и не смог узнать, откуда именно в Укрытый Рукав проникли двумперцы, и где они могли подстергать фордокс-приманцев при эвакуации.

Всё осложняло ещё и то, что несколько местных лет назад загадочным образом исчез тот самый прославленный капитан Мантецци, о котором недавно вспоминали Стефан и Таулак. Мастерство этого бельтальянского пилота было столь велико, что ни одна искорка не задевала его корабль, когда под самым крылом бушевала гроза, или извергался мощный вулкан... или даже взрывалась сверхновая.

---

² Потомки самых обыкновенных земных тихоходок, что оказались на космических кораблях, которые впервые отправились к звезде Маньифика. Если уж они где-то заведутся, полностью истребить их уже не удастся. Благо, они микроскопические и совершенно безобидные, поскольку питаются пылью и перегноем.

И так же умело капитан Мантецци скрывался от внимания всего Млечного Пути.

Других талантливых пилотов на Фордокс-Приме было много, но они предлагали слишком разные пути, которые друг другу противоречили. Сходились все только в одном: лететь нужно разрозненными группами, чтобы хоть кому-то удалось добраться до новой Фордокс-Примы. Также предполагалось, что между группами будут курсировать патрули бойцов.

Вдруг в диспут встрял звонкий голос Стефана:

– Друзья! Предлагаю лететь на Фиави, по разработанному маршруту, но с хитростью. Каждая группа может выбрать себе опасную планету, в атмосферу которой может нырнуть в случае, если эти двумперские суки нас всё-таки достанут. Я знаю кучу миров на этом маршруте, где двумперцы за нами испугаются гнаться. Да, они не настолько храбрые, какими хотят казаться, уж поверьте моему опыту. Все тридцать три удовольствия – гейзеры, облака из серной кислоты, супервулканы, каменные дожди, непроглядные цветные туманы, моря соляной кислоты, лабиринты из острых скал, нескончаемые грозы... для наших капитанов грамотно провести свои группы по этим планетам, думаю, будет легко, а вот двумперцы вряд ли будут готовы.

– Я, конечно, не Мантецци, но между облаками из серной кислоты часто летаю, проведу своих, – сказал один из пилотов.

– Грозы – вообще не проблема, – присоединился второй.

– Значит, идея хорошая? – не без нотки самодовольства поинтересовался Стефан у остальных фордокс-приманцев.

– Хорошая! – грянул хор капитанов.

Другие жители благословенной планеты, которые привыкли доверять настоящим профессионалам, также поддержали идею Стефана.

– Ну, а я, пожалуй, вместе с бойцами полечу. Прикрою вас, если что. Не забывайте – у меня большой опыт в гонках на выживание!

– Чего-чего, а скромности тебе не занимать, – с лёгким сарказмом прокомментировал Джекс.

– Пошёл ты в задницу, уязвил мою милую гордыню.

– Летим немедленно! – раздались из разных уголков Подземелья радостные голоса.

– Подождите! – предостерегающе подняв руки, крикнул Джекс. – Йорзе вряд ли захотят нас отпускать! Но я уверен, нам помогут наши друзья, которые взялись дрессировать космических чудовищ. Если у них всё получилось, мы сумеем прорваться без потерь. Сейчас я друзей вызову, и вот тогда взлетим!

Прошли считанные деминуты, но в верхних слоях атмосферы Фордокс-Примы уже закипела битва между космическими чудовищами и двумперскими боевыми кораблями.

– Вылетайте прямо сейчас! – доносится из коннектара Джекса голос Райтлета. – Кораблей больше, чем чудовищ.

Зверюшкам нужно время, чтобы справиться с ними со всеми. Двумперцы ещё и подкрепление высылают!

– Но пока двумперцы отвлеклись на наших чудищ, так что торопитесь! – добавляет Сэн.

– Спасибо вам огромное, друзья! – реагирует Джекс и подаёт знак однопланетянам.

Мгновенно фордокс-приманцы занимают места в эвакуационных кораблях. Некоторые из них – грузовые, и в них отправляется культурное и даже природное наследие гордой планеты. Открываются специальные тоннели, и звездолёты начинают разлетаться. Взору фордокс-приманцев открывается удручающее зрелище: планета уже опустошена. Зелёные континенты обратились в куски безжизненного обгорелого камня, вода почернела, а прекрасные города обратились в жалкие руины. На поверхности Фордокс-Примы с ужасающей скоростью нарастает паукрабская паутина, а паукрабские же роботы уродуют пространство безобразными двумперскими постройками, генераторами жёсткого излучения и распылителями ядов.

– Стоп, попробую-ка я кое-что сделать, – сообщает Стефану Джекс и выпрыгивает из готового к старту корабля. – Я всё-таки киборг, какое-то время я тут выдержу.

– Ты спятил? – вскрикивает Стефан.

– Возможно. Летите без меня! Нам-то всё равно с тобой на Хлонокоптер потом. Будем на связи.

– Ладно.

Про себя Стефан добавляет:

– Вот псих! Даже похлеще меня!

Проводив взглядом сферические корабли, которые храбро защищают дрессированные космические чудовища, Джекс устремляет взор к одному из паукрабских роботов. Машина эта как-то отбилась от своих «родичей» и занята какой-то туманной строительной деятельностью.

– Я тебя всё-таки разберу, сволочь, – шепчет Джекс и начинает подкрадываться к роботу, попутно копаясь в настройках собственных металлических рук, дабы обзавестись разными нужными инструментами.

При этом Джекс замечает, что не видит у робота ни единой электронной мысли. А вот целый поток других машинных мыслей доносится до него из-за спины...

«Стой! Дурак!»

«Чувак, не надо!»

«Оссссстановиссссссь ссссссейчас же!»

«Это небезопасно!»

Обернувшись, Джекс обнаруживает собратьев-киберпанков с Кибервирта в полном составе.

– Вы чего, ребята? – удивляется Джекс. – У вас что, вирусы? Дайте мне уже спокойно отловить эту паукрабью падлу!

– Джекс, если ты заберёшь ходострела – а именно так называется эта машина – паукрабы будут знать о ваших с командой перемещениях всё, – предупреждает Кузнецов. – И ещё они будут знать, о чём вы говорите, что едите на обед и

чем занимаетесь на ночь глядя. Систему слежения нам ещё не удалось взломать. Мы потратили на неё очень много времени и энергии, но не добились вообще ничего даже с обновлённой логикой. Мощная защита. И хороша система слежения настолько, что и нас чуть не поймали. Мы были не в логове, когда пытались сделать то же, что и ты. Если бы мы не успели в последний стек дать ложный сигнал, паукрабы нас точно бы переплавили.

Подумав немного, Джекс отвечает:

– Так вот оно что... а я и не знал... в Энциклопедии, конечно, об этом не напишут. А я уж нехорошо о вас подумал!

– Я заметил, – кивает Реагент.

– Расслабься. Органичесссские не сссассстрахованы от ошшшибок, – добродушно шипит Питон. – И полуорганичесссские тоже, и даже машшшшшины! Всссё хорошшшо.

– А не происходят ли паукрабские роботы с Кибервирта? – интересуется Джекс.

– Нет, – отвечает Щёточка, заметно прильнув к ногам Реагента. – Эти ходострелы – потомки паукрабских транспортных средств. Поэтому, кстати, они на вид неуклюжие, но на самом деле очень быстрые и маневренные.

– То есть, наша стоп-фраза на них не подействует.

– У них какая-то своя стоп-фраза, но мы ещё до неё не докопались.

– Ладно. Будем работать над этим дальше. Спасибо, что не дали мне сделать большую глупость.

– А ты думал, мы тебя, дурака, оставим, – усмехается Метаморф, который принял форму рослого серебристого кенгуру с оранжевыми глазами. – Куда вы летите дальше?

– На Хлонокоптер.

– Исчезнувшая из Энциклопедии планета... нормалёк, – откликается Четыре-на-Четыре. – Надо поискать источник правок в Энциклопедии.

– Что ж, тогда мы полетим к себе, – заключает Кузнецов, и роботы удаляются к своему хорошо замаскированному под окружение кораблю.

Не дойдя до корабля, Реагент оборачивается и обращается к Джексу:

– Один вопрос: ты видишь мысли ходострелов?

– В том-то и беда, что не вижу, – бормочет Джекс. – А ты?

– С ними что-то не так, это точно. Я выловил всего два слова.

– И каких же?

– «Слава паукрабихам!»

– Паукрабихам?

– Да.

– Странный шифр. Но я до него докопаюсь! Если найдётся способ нейтрализовать их систему слежения...

– Над этим поработаем мы. У тебя и так дел хватает. Возвращайся на корабль – твоё органическое тело здесь теперь долго не выдержит.

Джекс возвращается в свой звездолёт с неохотой, сожалениями

нием и гневом одновременно. Он считает себя виноватым во всём, что случилось. Да, он далеко не в одиночку защищал Фордокс-Приму. Да, йорзе – непревзойдённые мастера обмана. Да, так пал даже Цеффан, родина могущественных терраформов... но Джекс в подобных ситуациях привык всегда винить только себя. Будь он чуть-чуть повнимательнее, быть может, Фордокс-Приму и не опустошили бы, и по ней бы не ползали металлические прислужники проклятых паукрабов!

Или паукрабих...

После того, как мёртвый мир покидают роботы-киберпанки, рядом с ещё не успевшим взлететь кораблём их собрата-киборга падает кусок двумперского боевого звездолёта со следами зубов космических чудовищ.

– Последний! – доносится голос Райтлета из коннектара Джекса.

– Теперь наши зверюшки обучат своих братьев во всём Рукаве, и никакая двумперская зараза сюда не сунется! – заявляет Сэн.

– Вы молодцы! – реагирует Джекс.

– Жалко только, вашу планету не успели спасти...

– В этом виноваты вовсе не вы, – со своей фирменной улыбкой приговорённого к казни произносит Джекс. – К счастью, в Галактике ещё есть живые миры – такие, как известный нам с вами Фиави. Надеюсь, мои однопланетяне по дороге к нему не попали в какую-нибудь засаду.

Тем временем фордокс-приманский флот успешно минует уже тринадцатую опасную планету на пути к «земле обетованной». Пока ни одной группе не пришлось окунаться в атмосферы негостеприимных миров.

– Фиави уже совсем близко! – замечает Стефан, включив связь со всеми группами. – Чувствуете, как усиливается притяжение? Это гравитация нового мира!

По закону подлости, именно после этих ободряющих слов Стефана обнаруживается очередная двумперская эскадрилья. Она невелика по размеру – в ней лишь пара десятков боевых кораблей – но за ней не следуют чудовища, и потому эти звездолёты чрезвычайно опасны. Собственно, они уже вынуждают фордокс-приманцев закрыться аргоновыми щитами, без предупреждения открыв стрельбу по их кораблям.

– Вот суки! – отплёвывается Стефан и, подумав немного, вновь обращается к однопланетянам: – Я беру двумперцев на себя!

– Доктор, это не Ваша забота, а наша! – отзывается один из фордокс-приманских бойцов.

– А я хочу сам им напакостить!

С этими словами Стефан направляет свой многострадальный кораблик прямо к двумперцам. Лихие кренделя, которые отчаянный любитель гонок на выживание выписывает прямо перед носом у врагов, вынуждает их переключить всё внимание на него. Остальным фордокс-приманцам в большинстве своём удаётся быстро уйти из засады и войти в го-

рячую атмосферу планеты Гефшторм. Последним кораблям достаётся немного плазменных зарядов от двумперцев, но Стефан бесстрашно перерезает путь захватчикам. Ему достаточно долго удаётся отвлекать внимание двумперцев на себя и увёртываться от их снарядов и лазеров. Но вдруг из ниоткуда появляется какой-то крохотный двумперский кораблик, совсем не похожий на боевой звездолёт. Он приближается вплотную к кораблю Стефана, и фордокс-приманцу удаётся разглядеть в кабине ухмыляющиеся йорзские физиономии. Доктор Фэлконинг старается замысловатыми манёврами запутать назойливого преследователя, но двумперский кораблик оказывается слишком быстрым. В конце концов, он буквально прижимается к правому борту звездолёта Стефана. Ещё миг – и двумперцы неожиданно покидают фордокс-приманца, слегка проехавшись ещё и по левому борту.

Вдруг на месте событий оказывается целая стая космических чудовищ. Защитники Укрытого Рукава в два счёта расправляются с двумперским флотом и летят куда-то дальше. Однако Стефан не спешит вздохнуть с облегчением. Чутьё подсказывает ему, что что-то не так.

– Что это были за фокусы? – недоумевает Стефан и замечает на правом боковом стекле кабины взрывное устройство с часовым механизмом, на котором мигает противным ярко-розовым цветом лампочка.

Стефан пытается открыть правую дверь корабля, но обна-

руживает, что йорзе и их приспешники успели её заварить.

– Попробуем левую, – думает доктор Фэлконинг, спокойно нажимает нужные кнопки, тянет необходимый рычаг и... понимает, что двумперцы успели крепко заварить и эту дверь. Тут ещё оказывается, что неисправен бортовой компьютер. Корабль, не повинуясь больше командам Стефана, входит в зону притяжения зелёной планеты Линтуя. Вскоре ломаный бортовой компьютер отдаёт совершенно неуместный приказ: войти в атмосферу. Рывок – и корабль покидает космический вакуум. Вид плотной атмосферы, которая окружает дикую планету, недвусмысленно указывает на то, что физик, просветитель, гонщик и просто выдающийся фордокс-приманец никак не выкрутится: взрыв будет мощным.

И надежды на то, что его воскресят, похоже, нет.

– Что ж, погибать – так с музыкой! – широко улыбнувшись, решает Стефан и включает проигрыватель над приборной доской.

Из динамиков льётся голос той самой земной певички, о которой нередко грезил доктор Фэлконинг:

Нет! Мне не жаль...

Нет! Ничего мне не жаль:

Ни то зло, что так жгло,

Ни добро – мне теперь всё равно...

Стефан приглушает в кабине свет и достаёт из бардачка

бутылку красного вина и бокал.

– Ну, Воробушек, за всё хорошее, – думает доктор Фэлконинг и опустошает бокал.

После этого Стефан просматривает фотографии на своём коннектаре, которые напоминают о самых ярких событиях его пяти жизней. Пребывание на Земле, впрочем, Стефан сознательно опускает: ему достаточно голоса уроженки этой негостеприимной планеты и оставшегося ещё с завтрака полслевкусия от мармайта.

Когда заканчивается последний куплет, взрывное устройство срабатывает. Пилоты последних фордокс-приманских кораблей замечают огненную вспышку в атмосфере зелёного мира. А с помощью мощных оптических приборов они разглядывают и детали. И видят они, что от корабля остались лишь обломки, а от доктора Фэлконинга – похоже, вообще ничего...

Ещё не зная о том, что случилось, Джекс всюду пытается связаться со Стефаном.

– Да что ж такое! Неужели двумперцы перекрыли каналы связи? – беспокоится Джекс.

– Давай мы попробуем – может, это с твоим коннектаром что-то не так, – предлагает Райтлет.

Но ни Райтлету, ни Сэн не удаётся выйти на связь. Тогда их друг-киборг решает обратиться за помощью к улетевшим с Фордокс-Примы киберпанкам. Однако они утверждают, что все каналы связи работают исправно. В самом деле,

вскоре с Джексом связывается один из пассажиров последних фордокс-приманских кораблей – никто иной, как Таулак Терпенкар.

– О, Таулак, сколько лет, сколько зим! – радуется Джекс, но тут же меняет интонацию: – Ты знаешь, что со Стефаном, почему он не выходит на связь?

– Лучше я тебе покажу, – с дрожью в голосе отвечает Рыцарь Просвещения.

Джекс, Райтлет и Сэн просматривают снятые на видео последние мгновения жизни Стефана. Сказать, что они приходят в ужас – значит, ничего не сказать.

– Я вам всем, гады двумперские, отомщу за Стефана!!! – взывает Джекс. – Жестоко отомщу! Как подло, как низко вы его прикончили!

– Ррр, двумперцы по-другому и не умеют, – рычит Райтлет.

– Теперь уже ничего не поделаешь, – вздыхает Сэн. – Летим на Хлонокоптер?

Два звездолёта удаляются от изуродованной Фордокс-Примы. Они не спеша летят по краю Укрытого Рукава. За дечасы тихого полёта Райтлет, Сэн и Джекс собираются немного прийти в себя. Но если охотники на чудовищ восстанавливают душевное равновесие и физические силы довольно быстро, Джекс перестаёт терзаться самыми горькими мыслями только к самому концу путешествия.

Тем временем остальная часть команды уже успела на-

браться сил. Путь на Хлонокоптер сам собой затянулся из-за того, что не оказалось на месте одной из старых магистральных труб. Наконец, мятежники благополучно добираются до лесистой и скалистой планеты.

– Хм, планета цела и находится, э-э-э, там же, где, гм, раньше, – констатирует факт Айзел. – Правда, гм, лесов стало меньше.

– Значит, на ней какие-нибудь паукрабские или йорзские базы, – вслух думает Силмак.

– Ловушек они там, блин, понаставили, точно вам говорю, – добавляет Накет.

– Ну, и это тоже...

– Базы есть, – заявляет Стив. – Паукрабские. А вокруг них крутятся бленты. Самих паукрабов, вижу, мало. Если мы сядем тихо, нас не будут торжественно встречать. Надо узнать, что здесь изменилось с уходом орхгов.

– Если изменилось, – бормочет Айзел, который всё ещё не верит в свой успех на Эр-Нюге.

– И хорошо бы проникнуть на какую-нибудь базу – тогда, может, и узнаем, как бороться с паукрабской напастью.

Как только мятежники выходят из корабля, перед ними тут же возникает тот самый блент по имени Семиларен, от которого противники Тримперии спасались в пыточной.

И который убил юпитерианского тентакля, симбионта протоплазмика.

– Опять ты! – рывкает Карл и угрожающе ощетиливается

щупальцами, но блент, подняв все семнадцать рук – ни в одной из которых не обнаруживается даже намёка на какое-либо оружие – взмаливается:

– Прошу, не бейте! Я теперь на вашей стороне! Я знаю, зачем вы здесь, и помогу вам!

– Ой, знаем мы эту старинную сказку! – усмехается Ярвокс. – Почему мы должны тебе верить?

– Мне оригинально вправили мозги...

Глава 2. Лирическое отступление: как Семиларен удачно заблудился, понял непонятное существо и отвернулся от прошлой жизни

А ещё я видел сон, что учу крокодилов читать по-фарсидски. А ещё я видел сон, будто я минарет, а на моей голове кричат муэдзины. А ещё я видел сон, что мои волосы ушли на базар покупать гребешок.

К/ф «Волшебная лампа Алладина»

Многое понял коала, и ружьё понял, и фуражку, и себя в фуражке понял...

Евгений Шестаков

«Коала и война»

Каждый день, который Семиларен проводил в пыточной, был похож на любой другой почти как две капли воды. Иногда, конечно, приводили каких-то особенных пленников, или приходил какой-нибудь важный орхг, паукраб или йорзе. Но в целом блент не замечал, чтобы в жизни что-то

менялось кардинально. Собственно, он ни к чему новому и не стремился. Стабильная, непыльная (а точнее, кровавая) работа надзирателя, какая-никакая каморка в качестве жилья, союз с могущественной Тримперией – всё это его вполне устраивало. Конечно, тот случай, когда Семиларен узнал о том, что он всего лишь раб тримперцев, так и не стёрся из памяти семнадцатирукого. Однако блент отнёс его к категории недоразумений. С тех пор Семиларен больше никому не перечил и послушно делал то, что ему приказывали. За это он получил от Тримперии кое-какой приятный подарок: ему больше не напоминали о рабстве и не пытались сломать руки.

Но однажды что-то начало меняться. Семиларен обнаружил, что орхги стали массово улетать с Хлонокоптера, а их место заняли паукрабы. Тримперию почему-то переименовали в Двумперию. Паукрабы практически за одну ночь преобразовали планету: с помощью неутомимых ходострелов они возвели огромные базы и какие-то другие несуразные здания там, где раньше простирались цветущие луга и росли густые леса, покрыли паутиной множество скал и осушили почти все болота. Ещё паукрабы что-то переиначили во всех пыточных, в том числе и в той, где работал Семиларен. В конце концов, его и других блентов из пыточных просто-напросто выгнали, причём по-хамски, чуть ли не пинком под зад.

Отчаянно пытаюсь понять, что же он сделал не так, почему

его вышибли с работы, и кто теперь задаст жару ничтожным противникам Три... Двумперии, Семиларен прыгал домой словно в бреду, путаясь не то что в мыслях – в собственных руках.

Так блент и не заметил, что умудрился заблудиться.

– Ну же, каждый день этой дорогой прыгаю! – упрекал себя Семиларен, натываясь на те же пни и на тех же накосинок в траве, что и прошлые раз пять. – О, Всеблагий, помилуй...

Не найдя дорогу в очередной раз, Семиларен грязно выругался и поскакал в произвольном направлении.

– Если всё время прыгать, невозможно в итоге никуда не прискакать, – подумал блент.

Уже светало, но Семиларен так и не нашёл нужного пути. Даже развитое инфракрасное зрение ничуть ему не помогало. Блент совершенно запутался и отчаялся. Внезапно он оказался посреди неосушённого болота, поросшего густой растительностью и окружённого высокими щербатыми скалами.

– Соберись, ягулярский хвост! – попытался взять себя во все руки Семиларен, но вскоре вновь потерял самообладание.

Перед блентом возникло причудливое белое существо. Оно казалось сплошным клубком из двенадцати беспрестанно извивавшихся щупалец. Из середины этого клубка торчала узкая голова на тонкой шее. Единственный жёлтый

глаз существа с вертикальным зрачком над вертикальным же ртом глядел одновременно на Семиларена, сквозь него и вглубь него.

Приподняв верхние шесть щупалец, существо вдруг начало менять окраску, причём именно в том спектре, который лучше всего воспринимал Семиларен. На теле... точнее, щупальцах существа вырисовывались самые невероятные, удивительно сложные узоры. Менялись они с такой скоростью, что у Семиларена начало барахлить восприятие окружающего мира. Он чувствовал, будто не спал целую вечность, и притом никак не мог заснуть. Он видел всё и ничего, что-то слышал и осязал, совершенно не разбирался в своих ощущениях. Семиларен собрал осколки разных мыслей и попытался что-нибудь из них составить – но не смог. Вдруг он понял, что связан прочной верёвкой. Семиларен довольно быстро освободился, но верёвка опутала его вновь. Что бы ни делал блент, верёвка неизменно связывала ему руки. Она как будто липла к ним. В отчаянии Семиларен перестал сопротивляться – и верёвка тут же исчезла.

Неожиданно Семиларен оказался в каком-то странном стеклянном коридоре. Стены коридора с угрожающей скоростью надвигались на блента. Даже семнадцать сильных рук не могли остановить эти стены. Семиларен думал, что ему пришёл конец, но стены в один миг застыли, после чего непонятным образом превратились в железные решётки. Так и не поняв, что же произошло, Семиларен заметил, как решётки

стали искривляться, переплетаться самым затейливым образом. Образовался сложный узор, который почему-то вызывал у блента отвращение.

Вдруг в искривлённой решётке образовалось небольшое окно, и Семиларен инстинктивно подался к нему. В окне он увидел толпу других блентов, которые парадным строем прыгали среди многих других существ. Эти самые другие существа быстро исчезали, будто испарялись. Вокруг быстро менялся фон: луга превращались в леса, леса – в горы, горы – в пустыню, пустыня – в океан, а океан в итоге превратился в жуткую серую пустошь.

Семиларен хотел было обратить внимание сородичей на себя, но вдруг у него перехватило дыхание от ужаса. Бленты, на которых он смотрел, были вовсе не блентами. То были чудовищные гибриды семнадцатируких жителей Хлонокоптера и двумперцев. С омерзением Семиларен обнаруживал у своих собратьев паукрабские и йорзские челюсти, конечности, глаза и другие части тела. Пропорции у этих уродов были абсолютно неестественными, кошмарно искажёнными. И в то же время Семиларен не мог отвести взгляд. Он видел, что уродливые гибриды безжалостно истязали, беспрестанно унижали и оскорбляли друг друга.

Семиларен наконец отпрянул от окна, отвернулся... но снова заглянул в него. И обнаружил, что всю картину стал загораживать какой-то огромный экран, на котором самые разные существа с крайне радостным видом маршировали

под управлением двумперцев. Семиларен почувствовал, что понял эту аллегорию, но внезапно очутился в бескрайней пустыне, которую заполняли самые странные объекты органической и неорганической природы. Более того, эти диковинные штуки были в каком-то смысле живыми – они тянули нити, щупальца, сферы, треугольники, неведомые многогранные формы к Семиларену и мало-помалу сковывали его движения. Блент хотел было пронзительно завопить, но чужой страшный ландшафт в мгновение ока сменился родным хлонокоптерским лугом. Больше ничто не сдерживало блента.

Отдышавшись, Семиларен осторожно потрогал грудной рукой траву. К облегчению блента, она не стала превращаться во что-то непонятное и пугающее. Семиларен успокоился и поскакал, как ему показалось, наконец-то прямо к дому. Вдруг он оказался на развилке. Одна дорога была неестественно прямой, трава вокруг неё была аккуратно скошена. Другая не отличалась от предыдущей тропы, была такой же извилистой и зелёной. Семиларен поддался инстинкту и прыгнул на второй путь. В тот же стек блент оказался... в открытом космосе. Вокруг в причудливом безудержном танце кружились звездолёты, какие-то знакомые и незнакомые существа, леса, вода, огонь, болота и пустоши, звёзды и новые непонятные предметы... в этот миг Семиларена посетило очень приятное чувство увлекательного приключения, которое он не испытывал уже невероятно давно. Воодушев-

лѐнный блент начал ускоряться, с радостным визгом стал маневрировать между всеми предметами, которые попадались ему на пути... пока они не исчезли, а перед ним не возникла его собственная планета...

Семиларен вдруг понял, что всё, что он видел, было сообщением! Но он всё никак не мог обернуть его в слова... однако текст внезапно проявился будто бы прямо на сетчатке глаз сам собой:

«Ты в смятении, но отрицаешь это. Ты принимаешь порядок Двумперии. Но это ложный порядок. Так называемый «союз» – лишь уловка. Она отвлекает внимание от тирании и унижения. Такой «порядок» тебе не нужен. Вспомни, кто ты. Твой порядок – в хаосе. Пустись в приключения, и тогда ты раскроешь свою истинную силу и сделаешь что-то значительное».

Поняв всё это, Семиларен то ли потерял сознание, то ли заснул.

Очнулся блент в пещере, прорубленной в одной из щербатых скал у болота. Пещера была обставлена скромной каменной мебелью. В то же время, был в ней и стационарный коннектар, и очень даже продвинутый электрогенератор. Блент осмотрелся и вдруг пересѣкся взглядом с тем самым одноглазым существом с двенадцатью щупальцами. Существо покачало узкой головой из стороны в сторону, затем выхватило будто бы из воздуха платальбом и стилус. Оно что-то написало на странице платальбома и дало его Семи-

ларену.

«Молодец, ты всё понял правильно», – гласила надпись на чистейшем литературном хифсдангле.

– Слушай, ты, клубок щупалец! – рявкнул Семиларен. – Ты же знаешь хифсдангл! Почему ты мне сразу ничего не объяснил? Что это вообще было?

Существо, по Галактической Энциклопедии известное как инж–галлюциноген хлонокоптерский, снова написало что-то на странице платальбома и показало надпись бленту.

«Я вызвал у тебя галлюцинации, создал тебе видение. Словам моим ты бы не внял. А так ты всё понял».

– Да, галлюцинации гораздо понятнее, чем нормальные слова, конечно! Я прямо смысл жизни постиг! Тогда всякий наркоман, выходит дело, философ! Смотрит будто бы всякую чушь, а на самом деле Великую Книгу Бытия Всего Сущего читает! Вот оно что, оказывается! А я-то, дурак, думал...

Инж сунул страницу с очередной надписью бленту прямо в грудную руку.

«Если бы сарказм был всем, на что ты способен, я бы не стал тебе помогать».

– Ладно, извини. Так зачем ты это сделал?

«Вся планета и каждый её житель страдает из-за Двумперии, но никто не хочет ничего с этим делать. Ни до кого не достучаться. По правде сказать, мало кто доходит до моего болота... я же болото покинуть не могу, иначе высохну

и умру. Ты же удачно сюда зашёл. Я сразу понял, что тебя можно наставить на путь истинный».

– Про генератор воздуха не слышал?

«Слышал. Но вряд ли он мне поможет – во-первых, у меня такая кожа, на которой не приживаются почти никакие бактерии. А во-вторых, мне нужна особенно мощная оболочка из влажного воздуха. Мне не хватит стандартных трёх коптермирад».

– Генераторы разные бывают! В одних можно настраивать мощность оболочки, а другие изначально коптермирад на десять рассчитаны...

«Это здорово, но как мне достать такой генератор?»

– Можно заказать с доставкой.

«Подпрыгни ко мне поближе. Видишь эти шрамы на всех щупальцах? Это сделали паукрабы, когда я решил вызвать галлюцинации у них. Они быстро вышли из транса и изрубили меня на мелкие кусочки. Только моя способность к регенерации спасла меня от смерти. Поэтому я не хочу светиться перед двумперцами. Даже виртуально».

– Заодно ты ответил и на мой мысленный вопрос. Значит, паукрабов вот так перевоспитать не получится. Жаль. Тогда надо набить им морды!

«Наконец-то я вижу отважного и немного безрассудного блента. Настоящего блента».

– Да уж! Как бы ты мне мозги ни заплетал, но я всё-таки понял, что двумперцы нас одурманили, сделали рабами и

вышибли из нас всю тягу к приключениям! Сегодня же сколочу партизанский отряд и попрыгаю на разведку! А там и надаём по рукам этим гадам! Спасибо... это... а как тебя зовут?

«Ифи».

– Всего одна буква?³

«Да. У нас так принято».

– Ага. Ты открыл мне глаза, Ифи! Спасибо!

Семиларен поскакал к выходу и сказал Ифи напоследок:

– Обещаю, когда всё закончится, я привезу тебе генератор воздуха!

Инж с благодарностью кивнул, и блент умчался прочь. Наконец-то он и вправду добрался до дома. Но заскочил он домой совсем ненадолго, лишь для того, чтобы подкрепиться, привести себя в порядок и прыгать дальше – собирать сородичей и скакать на разведку к ближайшей паукрабской базе.

Единомышленников у Семиларена не нашлось, и поэтому он взялся за дело сам. Но одиноким разведчиком блент пробыл недолго – уже через несколько дней он встретил тех самых мятежников...

---

³ В самом деле, одна из букв хифсдангского алфавита называется «ифи». Обозначает она звук «и».

Глава 3. Тайна исчезнувшей планеты

*Семён Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и видит:
на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.*

*Семён Семёнович, сняв очки, смотрит на сосну и видит,
что на сосне никто не сидит. <...>*

*Семён Семёнович не желает верить в это явление
и считает это явление оптическим обманом.*

Даниил Хармс

«Случаи»

– Сам поражаюсь, как иронично вышло – галлюцинации открыли мне глаза на правду! – заканчивает рассказ Семиларен.

– Что ж, тебе можно доверять, – говорит Семиларену Стив. – Я видел каждую твою мысль, ты не пытался ничего скрыть. Добро пожаловать в команду!

– Спасибо. Поскакали, я знаю, где тут ближайшая паукрабская база! Но сначала... мне нужно очистить совесть. Да, представьте себе, она у меня есть.

С этими словами блент подсакивает к Карлу и низко опускает голову, подставляя ему самое уязвимое место на

длинной шее, которое не могут защитить ни костные пластины на голове, ни первые верхние руки:

– Сможешь ли ты простить меня, протоплазмик? Я был слеп, когда убил твоего сородича! Дай мне искупить вину!

Тронутый до глубины души Карл с улыбкой отвечает:

– Ты был тогда другим... может, ты даже правильно поступил – он всё равно медленно и мучительно умирал, а ты прекратил его страдания. Что ж, я не держу на тебя зла.

– То есть, ты не выпьешь мне всю межклеточную жидкость? – осторожно спрашивает Семиларен, поднимая голову.

– О, только один стаканчик... шучу, шучу!

– Кстати, о стаканчике, – реагирует Стив и извлекает из глубин внутренних карманов полупальто именно такую посудинку. – Семиларен, друг мой, не поделишься шлёмлаком?

– Жируешь! Да за просто так! – смеётся блент. – Такой ценностью-то делиться – не знаю, подумаю ещё!

– А что это – шлёмлак? – тихо интересуется Витс и, в очередной раз упрекнув себя за глупый вопрос, лезет в Галактическую Энциклопедию.

Тем временем Семиларен, смеясь, выжимает из собственных ушей в подставленный стаканчик густую светло-кремовую жидкость.

– Т-так эт-то... к-как бы ск-казать... к-конечный п-продукт м-метаболизма?! – во всеуслышание поражается Витс, оторвав глаза от Галактической Энциклопедии.

– Он самый, – отхлебнув немного шлёмлака, отвечает Стив.

– Можно мне тоже чуть-чуть? – обращается к Стиву Млем и опускает в стаканчик щупальца, используя их как трубочки для питья.

– Омерзительно! – восклицает Витс.

– А ты сам попробуй, – улыбается Стив и протягивает стаканчик человеку. – Держу пари, тебе понравится.

– Н-но эт-то же н-ненорм-мально – есть... т-то есть, выпить... т-такое!

– Признай, всё дело в привычке. Тебя же не смущают живые растения и трупы животных на обед?

– Кстати, наверняка ты пьёшь преобразованную кровь – молоко, – добавляет Веншамея.

– И не забудь про мёд, суть пчелиную блевотину! – усмеяется Яарвокс.

– Всё живое и всё, что оно выделяет, по сути своей, съедобно, – продолжает мысль Стив.

– Звучит мерзко, но, похоже, тут и впрямь дело в привычке, – немного подумав, заключает Витс.

Витс довольно уверенно берёт стаканчик из рук Стива, но в последний миг осекается:

– А эт-тот... шлём-лак... т-точно не яд-довит для ч-человека? З-земного?

– Э-э-э, шлёмлак безопасен для всех, гм, видов людей, – сообщает Айзел.

Витс, инстинктивно всё-таки зажмурившись, отпивает из стаканчика... и приходит в полный восторг:

– Господи! Да это же на вкус как... топлёные сливки!

– Вот так ты и освобождаешься от условностей, – улыбается Стив. – Вернёмся к нашему делу.

– За мной! – заявляет Семиларен, и вся компания отправляется в путь.

Уже через пару сотен шагов – или, в случае блента, прыжков – мятежники достигают совершенно непроходимого по меркам не-хлонокоптерцев леса. Точнее – одной из очень немногих сохранившихся на Хлонокоптере зелёных рощиц. Несмотря на то, что стараниями паукрабов она стала в разы меньше, чем была ещё недавно, она всё ещё создаёт впечатление необозримой.

– Э, да тут напрямик не пройти! – восклицает Ярвокс.

– По моим расчётам, обойти лес мы сможем не быстрее, чем за пять дечасов, – констатирует Бастер.

– Да чё тут думать, рубить на хрен, и всё! – ухмыляется Накет и тянется за горметом.

– Двумперцы найдут след, – одёргивает человека Тецклай.

– Мыслить надо шире! Вернее, выше! – хитро улыбается Семиларен. – Поверху поскачем.

– Ясно, – вздыхает Айзел и начинает разминать рукрылья. – Я тут единственный, гм, летун, но я, э-э-э, справлюсь...

– Выглядишь как интеллигент, а желания у тебя мазохист-

ские! – восклицает блент, подхватывает смущённого острой шуткой Айзела тремя парами спинных рук, высоко подпрыгивает и сажает фоксиллинда на крону одного из деревьев.

Таким же способом Семиларен перемещает наверх всех остальных.

– А ты ничего, сильный, – делает бленту сдержанный комплимент Герн.

– Да вы не самые тяжёлые существа, которых я поднимал! – усмехается Семиларен и вдруг грустнеет: – Было дело... приходилось в той пыточной... ну, тех, кто...

– Лучше не вспоминай, – советует Карл.

Полог леса оказывается на удивление гостеприимным. Густая и мягкая листва покрывает плотно переплетённые ветви так, что можно идти по ней так же, как по лугу.

Вскоре вся компания достигает паукрабской базы. По крайней мере, по ощущениям Семиларена. Но её там не видно. Одинокая скала, покрытая пожухлой растительностью – это всё, что видят мятежники.

– Вот тут она была! Руки дам связать, прямо здесь ещё утром стояла! – восклицает блент.

– Маскировка? – предполагает Стив.

– Нелогично, – отрицает Бастер. – Мой просвет не обнаружил никаких признаков маскировки – ни статической, ни динамической.

– Ха, так на то она и маскировка, чтобы её не вскрыли! – ухмыляется Герн.

– Я усовершенствовал свой просвет, пока мы летели сюда с Эр-Нюга, и откалибровал его на нашем же корабле. Мой просвет теперь способен обнаруживать признаки как статической, так и динамической маскировки.

– Даже двойной или тройной? – оживаетея Тецклай.

– Да. Здесь нет ничего, что указывало бы на маскировку.

– Перенесли эти уроды базу, вот что!!! – срывается на крик Семиларен. – Они же целые планеты туда-сюда таскают, что им одно здание!

– Может, о нас узнали... – вздыхает Карл.

– И перенесли базу из страха? – сомневается Веншамея. – Это же, как Бастер любит говорить, нелогично! Я бы на их месте, наоборот, устроила засаду. Бац-бац, и нет мятежников!

– А может, они и не трусы, – пошевелив вибриссами, произносит Силмак. – Просто плевать они на всех хотели. И на нас, думаю, в том числе.

– А ведь мы им в чём-то помогли, – бубнит Млем. – Заставили орхгов выйти из Союза...

– Семиларен, как всё-таки выглядела база? – интересуется тем временем Стив. – Она случайно не была похожа на космический корабль?

– Да ягуляррский хвост!!! – раздражённо выкрикивает в ответ Семиларен. – Обычное паукрабское здание, конус такой без верхушки, с рёбрами, дверь там была, окна... будто в землю вкопана... как и другие их постройки, ничего осо-

бенного!

– Бастер, а ты уверен, что твой просвет не барахлит?

– Нелогично: в радиусе двухсот коптермирад я вижу всё, включая насекомых в траве, подземные источники и ваши органические скелеты, – отчеканивает Бастер. – Если бы эта скала была замаскированной базой, я бы нашёл маскировочные устройства и сообщил вам. Здесь я вижу только камень и скудную растительность.

– Может, э-э-э, поищем на других континентах? – предлагает Айзел.

На борту верного «Хитрюги» мятежники достигают другой стороны Хлонокоптера. Но что на других континентах, что на затерянных в океане островах картина одна и та же: там, где наверняка должны быть паукрабские базы, возвышаются либо одинокие скалы, либо самые обычные некрасивые паукрабские здания, которые одним своим присутствием портят любой пейзаж. Что ещё больше смущает мятежников, так это то, что за всё это время они не сталкиваются ни с одним патрулём. Вернувшись на всякий случай к первой «базе» и снова ничего там не обнаружив, все решают, что лучше отправиться на какую-нибудь другую планету, чем терять время на Хлонокоптере. Стив, полистав Галактическую Энциклопедию и покопавшись в собственных воспоминаниях, объявляет новый курс:

– Полетели на Флуплюль. Не так давно эта планета тоже сгинула из Энциклопедии. Она вся покрыта водой, и паукра-

бам там будет сложнее спрятать свои базы.

Как только «Хитрюга» в очередной раз отрывается от хло-нокоптерской земли, к нему приближаются два звездолёта. Это вернулись охотники на чудовищ и Джекс.

– Ха, как-то вы быстро, – усмехается Райтлет, когда все звездолёты сливаются воедино.

– Тц-тц! Да с вами же тот блент из пыточной! – замечает Сэн.

– Его зовут Семиларен, и он теперь с нами, – поясняет Тецклай. – А на планете мы ничего не нашли.

– Даже ни одну паукрабскую базу не осмотрели? – прищурив глаза, жёлто-зелёные от любопытства, спрашивает Райтлет. – Хотя бы вот эту?..

Обернувшись к окну, команда с огромным удивлением видит на месте одинокой скалы паукрабскую базу. Именно такую, какую описывал Семиларен. Это усечённый конус тёмно-серого цвета с розовыми рёбрами, чёрной дверью у основания и несколькими круглыми окошками, которые вряд ли пропускают много света внутрь сей мрачной конструкции.

Наклет выражает все чувства, которые испытывает большая часть команды, сочной матерной фразой, которую невозможно уложить ни на какую бумагу.

– Значит, это всё-таки маскировка, – комментирует Стив, когда мятежники выходят из корабля. – И очень хитрая!

– Нелогично, – реагирует Бастер. – Почему просвет ниче-

го не показал?

– И тут гиперполимер, зараза! – скрежечет Джекс.

– Нелогично, – снова возражает робот. – Посмотри на результаты моего сканирования. Гиперполимер отображался бы как чёрное пятно. Вместо него я отчётливо вижу камень и растительность.

Киборг анализирует данные и усмехается:

– Искусство-то в толковании! Одну и ту же картинку можно объяснить по-разному. Если к гиперполимерной основе прикрепить камень, сканирование покажет самую обыкновенную скалу. Убирать и выставлять камень в нужное время не так уж и сложно, если подумать.

– Логично.

– Меня больше тревожит другое, – тихо вступает Млем. – Почему паукрабы сняли маскировку именно сейчас?

Вдруг Силмак настораживается и встаёт столбиком, как земной суслик:

– О-о-о, кажется, я знаю, почему. Я слышу паукрабский корабль!

– Ррр! Он летит сюда, точно, я вижу! – осмотревшись, подтверждает опасения шнырявки Райтлет.

– Прячьтесь! – рявкает Семиларен. – Если что, я с этими тарелками на ножках разберусь!

– Тебе бы тоже не светиться, – советует Яарвокс. – У тебя и оружия-то нет...

– Да пусть только сунутся – я их в ягулярские пятна по-

рву! Семнадцать рук мне хватит, не переживай.

Не-хлонокоптерцы мигом возвращаются на «Хитрюгу». Семиларен же остаётся неподалёку от разоблачённой паукрабской базы. Высокая трава скрывает даже рослого блента и все его семнадцать рук.

Паукрабский корабль, замаскированный, как всегда, под астероид, подлетает вплотную к базе и зависает над ней. Это выглядит так неестественно, что Семиларен начинает опасаться, что галлюцинации инжа ещё не выветрились из мозга...

Не происходит ровным счётом ничего. Даже по ощущениям Семиларена, телепатов и по данным сканирования киберпанков. Корабль висит над базой довольно долго. Затем он вдруг срывается с места, но улетает совсем недалеко и приземляется рядом с базой. Из корабля выходят пять паукрабих. На каждой из них – металлический экзоскелет. Они начинают оплетать отвратительной паутиной стебли растений – но сплошным покровом, а кусками. Каждая паукрабиха внимательно всматривается в каждый кусок паутины и будто бы в ответ плетёт свой. Затем одна паукрабиха достаёт из металлической клешни коннектар, набирает какой-то номер и кратко распоряжается:

– Быстро сюда.

Уже через пару деминут у базы появляется внушительных габаритов блентиха, у которой все руки, кроме грудной, заняты разнообразным оружием – испарителями, электробла-

стерами, копьями и даже кривыми пиратскими саблями.

– Охраняй базу. Чтоб никто не вышел и не зашёл, поняла? – инструктирует блентиху паукрабиха.

– Я не подведу, – кивает охранница.

Паукрабиха поворачивается к сородичам и ухмыляется:

– Ах, эти бленты! Послушнее них только орхги были. Помните, как мы им наврали, что Император приказал улетать, и они все разом с Хлонокоптера и смылись?

– Ага, – поддакивает другая паукрабиха. – Здорово мы Тримперию в Двумперию превратили! Давно надо было это сделать – орхги только под ногами путались. У блентов хотя бы рук много, от них проку больше.

Семиларена очень злят слова паукрабих. Он едва сдерживается, чтобы не выскочить из травы и не пообрывать этим двумперским хамкам все ноги...

Одна паукрабиха вдруг переводит взгляд на лес.

– А чего мы эту зелень-то оставили? – интересуется она.

– Недоглядели, – фыркает ещё одна паукрабиха. – Идиотский лес, надо его срубить. Полигон на его месте построим.

– Направим сюда терраформисток, пусть разберутся, – комментирует пятая паукрабиха. – Бленты, думаю, особо возражать не будут.

Это последняя капля. Семиларен начинает мелкими скачками приближаться к ненавистным паукрабихам, разминая при этом когтистые пальцы всех семнадцати рук.

– И чего он к ним попёрся? – хмыкает Герн, глядя в окно.

– Хочет их убить, – констатирует Стив.

– Дебил...

Тут же из «Хитрюги» выскакивает Накет и бежит прямо к Семиларену.

– Два дебила, – заключает Силмак.

– Это сила! – тут же добавляет Яарвокс.

– Пошло, но метко, – отмечает Карл.

Накет быстро, но удивительно тихо догоняет Семиларена и хватает того за длинный хвост.

– Ты чё, дурак? – шёпотом обращается человек к бленту.

– А ты чего, нет? – парирует Семиларен.

– Не лезь ты к этим падлам!

– Ещё чего! Да я целую планету спасу, если их прикончу!

– Жопа у тебя вместо головы! Если их живьём взять, можно же чё-нибудь вытянуть!

– Из паукрабих? Ну, можешь ещё попробовать научить деревья разговаривать! Либо молчать будут, либо врать! Больше них только йорзе чушь городят! Ты мне лучше вот что скажи: ты быстро бегаешь?

– Ну, да, а чё?

– Отвлеки эту дуру, а? Чтоб она сюда не смотрела?

Накет оценивает взглядом дюжую охранницу. И соглашается:

– Ладно, не вопрос. А ты хотя бы одну живую паукрабиху оставь, понял? Попытка-то не пытка!

– А, ну тебя к ягуляррам! Постараюсь!

Накет подкрадывается поближе к базе, после чего выпрыгивает из травы и кричит блентихе:

– Эй, ты! Жирная дура!

С гневным рёвом охранница бросается на отчаянного мятежника, но тот оказывается быстрее и маневреннее. Пока Накет уводит обозлённую блентиху подальше от базы, Семиларен нападает на паукрабих. В новом порыве ярости блент забывает об уговоре и начинает буквально рвать врагов на части вместе с их металлическими экзоскелетами... впрочем, когда дело доходит до последней паукрабихи, Семиларен всё-таки вспоминает слова Накета. Блент обездвигивает паукрабиху, крепко сжав ей все десять конечностей. В таком виде он собирается отнести её на «Хитрюгу», но та вдруг выпускает – как и полагается паукрабам, из-под хелицер – целый ком отвратительный паутины прямо в лицо Семиларену. Тот, крепко выругавшись на своём языке, не выпускает, тем не менее, мерзкое беспозвоночное из рук. Вместо этого он со всей силы разбивает ему панцирь об шасси корабля. Противная мутная гемолимфа забрызгивает не в меру импульсивного блента с ног до головы.

– Вот ведь... – собирается высказаться Семиларен, но его перебивает запыхавшийся Накет:

– Ты... чё... уф... долго ещё? Ф-фух... я уже... бегать... блин... заколебался!

– Смысла уже нет, я их всех перебил, – честно отвечает Семиларен.

– А, ладно, хрен моржовый с ними!

На далёкой холодной планете под тучным существом с густыми вибриссами ломается табуретка.

– Короче, валим на корабль, там разберёмся, чё дальше делать! – предлагает Накет.

Не успевает Семиларен ответить, как за спиной Накета возникает блентиха.

– Попался, двурукий! – гаркает она, но вдруг переводит взгляд на Семиларена. – А ты чего не на работе? А! Знаю! Ты тот изменник! Шастаешь, значит, по нашим базам и продаёшь информацию мятежникам! Шпион, значит!

– Ай, какая сказочница! Фантазии полные уши! – язвительно отзывается Семиларен.

– ЗАТКНИСЬ!!!

Охранница бросается на Семиларена. Накет пытается этому помешать, но его быстро сбивают с ног. Завязывается жаркая битва, в которой победа пока не желает доставаться новообращённому противнику Двумперии и его двурукому союзнику. Семиларен яростно сражается, но блентиха то и дело прижимает его к земле. Как ни старается повлиять на сражение Накет, у него тоже ничего не получается.

– Хм, я уже запутался, э-э-э, где чьи руки... эм, что-то мне подсказывает, что, гм, Семиларену надо помочь, – бормочет Айзел.

Фоксиллинда оборачивается и видит, что остальная команда всё уже поняла и полезла разнимать блентов. Посколь-

ку в их быстродвигающихся, а кое-где и крепко сцепленных руках сориентироваться практически невозможно, внимание мятежников переключается на ноги. Охотникам на чудовищ довольно быстро удаётся сбить блентиху. Тецклаю удаётся выбить из нескольких рук оружие. Телекинезом Стив и Карл стараются окончательно обездвижить блентиху, но та пока ещё свободными руками успевает включить телекинез-блокиратор, закреплённый на бедре, и принимается с ещё большей силой отбиваться от всей команды.

– Ррр, и не с такими разбирались! – фыркает Райтлет и тянется за верной изоляцией, но блентиха умудряется вырваться и раскидать всех.

– Вот поросыгаство! Чуть хвост мне не сломала! – взвизгивает Сэн.

– Да что вы вообще все полезли, ягулярр вас дери?! – взрывается Семиларен. – Я сам прекрасно справляюсь!

Разумеется, при этих словах блента в очередной раз кладут на лопатки.

– Очень похоже, – вложив в эти слова максимум сарказма, отвечает Стив и обращается к остальной команде: – В первый раз не получилось – получится во второй! Постарайтесь добраться до блокиратора, друзья мои!

– НИ ДО ЧЕГО ВЫ НЕ ДОБЕРЁТЕСЬ!!! – оглушительно ревёт блентиха, взмахивает каким-то из многочисленных орудий, и мятежников поражает удар током – не слишком сильный, но очень неприятный.

– Ах ты ж... – собирается Накет выругаться самым крепким матом, на который только способен, но его перебивает чей-то незнакомый голос, громкий, но успокаивающий, который слегка растягивает некоторые слова:

– К чему все эти драки? Успокойтесь, я помогу!

Это оказывается ягулярр – представитель второго местного разумного вида. На взгляд землянина он похож на большую саблезубую кошку с красно-коричневым мехом, густо покрытым разнообразными чёрными пятнами. Лишь светло-оранжевая морда и ослепительно белое брюхо лишены замысловатых узоров.

– Позвольте, друзья... – вкрадчиво произносит ягулярр, лизнув шестипалую переднюю лапу и взмахнув длинным хвостом.

Больше ничего он сделать не успевает – на него кидается Семиларен.

– Драная зверюга!!! – вопит блент, размахивая руками.

Блентиха тоже отвлекается и подаётся в сторону ягулярра, чем пользуется Бастер: он дотягивается до блокиратора у неё на бедре, снимает его и сплющивает. Это помогает Стиву наконец-то обезоружить и обездвижить бешеную охранницу. Карл же использует свой телекинез для того, чтобы остановить разъярённого Семиларена и ягулярра, который уже выпустил когти и оскалился – скорее рефлекторно, чем сознательно.

– Ну, давайте, расскажите вашу древнюю легенду о том,

почему бленты и ягулярры враждуют, – с мягким упрёком обращается к двум хлонокоптерцам Карл.

– Легенда???. Какая, ягуляррский хвост, легенда?! – над-рывается Семиларен. – Они охотились на наших детей, разбирали наши постройки на свои вонючие гнёзда, грабили могилы и делали из наших костей инструменты! Житья нам не давали!

– Вообще-то, всё было немножечко не так! – вступает ягулярр. – Ради еды и костей для инструментов мы всегда охотились на гербхов и лесных ползунов, а не на блентов. Не мы переделывали ваши постройки, а вы, извините, разрушали наши логовища и строили на их месте ваши несуразные здания. Вы обманывали нас, похищали, брали в плен, а потом использовали в своих междоусобных войнах. Было такое, верно?

– Чушь ягуляррская!!! Это вы нас использовали в своих разборках!!!

– Мы? Мы даже не знали, что такое «война», пока вы не пришли на наши земли! Наши мелкие разборки – ничто по сравнению с...

– Замолкни, комок шерсти!!! Это вы захватили наши владения!!!

– Короче, всё это было давно и неправда, – со скучающим видом заключает Карл.

– Ещё как правда! – вставляет своё визгливое слово блентиха, которая тщетно пытается вырваться из телекинетиче-

ских объятий терраформа. – Это всё ягулярры! Если бы не они, давно был бы двумперский порядок! Эти проклятушие мятежники...

Когтистая семипалая рука Тецклая закрывает рот охраннице.

– На уши давит, – ворчит хриввалэйтн.

– Вернёмся в настоящее время, – говорит Карл. – Наш саблезубый соратник, насколько мне удаётся прочитать мысли, всерьёз готов нам помочь. Я даже подозреваю, что он с удовольствием присоединился бы к нашей команде.

– Да, я много о вас наслышан. Ради вашего благородного дела я готов сменить джарс.⁴ Старый меня отпустит.

– Этот ходячий ковёр – в нашей команде? Ну уж нет! – рывкает Семиларен, но Карл внезапно выпускает щупальца и обматывает ими шею блента.

Полупротоплазмик-получеловек подтягивает Семиларена к себе поближе и с необычно зловещей интонацией обращается к нему:

– Послушай, Семиларен. Я тебя вроде как простил, но могу... передумать. Ты когда-нибудь чувствовал, как под кожей извиваются щупальца, а потом вдруг пересыхает во рту? Далеко не лучшие ощущения. Давай договоримся: ты держишь при себе предрассудки насчёт ягулярров, а я держу при себе

---

⁴ Сообщество, которое включает в себя ягуляррский прайд или несколько прайдов, их друзей и союзников (в том числе и других видов), а также питомцев ягулярров. В более широком смысле – сообщество лучших друзей.

щупальца. Хорошо?

– Ладно, ладно! – испуганно соглашается Семиларен.

– Карл, откуда у тебя эти бандитские замашки? – удивлённо спрашивает Млем.

– Нет ничего криминального в том, чтобы говорить на понятном моему визави языке, – отвечает Карл. – Ну, да, я не Айзел, чтобы...

– Опять «Айзел»! – вскрикивает фоксиллинда. – Это был не гипноз, сколько раз можно повторять! Просто, хм, удачное стечение обстоятельств! Я не...

Самоуничжительные причитания профессора прерывает то, чего не ожидал никто. Даже четыре мозга Стива с выдающимися телепатическими способностями не предвидели того, что блентиха выбросит из ушей огромное количество шлёмлака. Густая светло-кремовая жидкость выплёскивается на всех – даже на Карла, Семиларена и ягулярра, которые находятся несколько поодаль от эпицентра событий.

– Это, конечно, вкусно, но как-то обидно! – стараясь в буквальном смысле не терять лица, заявляет Яарвокс.

– Тьфу, подкрад... – плюётся Стив и рефлекторно отпускает блентиху, чтобы протереть чувствительные глаза.

Только этого и ждала коварная охранница паукрабской базы. В мгновение ока она откуда-то выхватывает новый телекинез-блокиратор, включает его, а затем вновь оцетинивается оружием и бросается на мятежников. Семиларен успевает кинуться ей наперерез, но всё равно воцаряется

полный хаос.

– Паукрабы!.. – вдруг выкрикивает ягулярр.

И мятежники, и охранница застывают на месте и поворачиваются к ягулярру.

– ...могут сбежаться на шум, который вы тут устроили, – слегка укоризненно обращается к мятежникам ягулярр. – Да и вообще, друзья, зря вы пытаетесь пробраться на базу! Лучше уходите!

Тут же ягулярр добавляет неслышным шёпотом:

– Прячьтесь в кусты, я разберусь! Поглубже, поглубже!

Вся команда уходит в растущий поблизости густой кустарник. Даже Семиларен, настроенный на то, чтобы сражаться дальше, послушно прячется в буйной зелени.

– Смотри-ка, есть что-то между ушами у этого коврика! – ухмыляется блентиха.

– Я же понимаю, что ты здесь не просто так, – мурлычет ягулярр. – На этой базе паукрабы хранят что-то особенно ценное. Что-то важное не только для них, но и для всей Двумперии. Кого попало они не поставят! Именно поэтому базу доверили охранять тебе, лучшей из лучших. Внутри никому постороннему не попасть, так что мне остаётся лишь благоразумно уйти.

– Это точно! – крикает блентиха, раздуваясь от гордости. – Надо же, понимает клыкастый, о чём толкует!

Ягулярр не обращает никакого внимания на слова охранницы и уходит в противоположную от безопасных кустов

сторону.

– Хорошо помог, молодец, – тихо фыркает Герн. – Упрятал нас в кусты, подольстил этой заразе и ушёл.

– Я большего от этой поганой зверюги и не ожидал! – шипит Семиларен. – Нельзя доверять клыкастому комку шерсти, вот что! Пусть идёт куда подальше, а мы выходим!

– Тихо, тихо, – остужает пыл блента Карл. – Во-первых, помни про щупальца, а во-вторых, наш новый друг сейчас подойдёт к нам со спины. Он нарочно запутал следы.

– Итак, друзья, – раздаётся из-за спин мятежников шёпот ягулярра, – я советую вам снова приблизиться к входу на базу. Блентиха скоро откроет дверь.

– Почему ты так уверен? – сомневается Веншаменя.

– Дело в том, что у блентов сильно отличаются мужские и женские мозги. И у блентих развито нездоровое любопытство. Подчёркиваю – нездоровое: они любят заглядывать в замочные скважины и чужие сумочки. А ещё я знаю, что паукрабы никогда свои базы блентам не показывают. Просто ставят около них, говорят «охраняй», и на этом всё. Достаточно разжечь то самое нездоровое любопытство в нашей блентихе, чтобы она открыла нам путь внутрь! Смотрите, она уже подпрыгнула к двери.

В самом деле, блентиха оказывается прямо у двери базы. Слева от двери находится какая-то еле заметная панель. Блентиха пытается что-то на ней набрать, но ничего не выходит.

– Вот засада! – восклицает она. – Даже пароль не дали!

– Срань бедантиевская! – тихо ругается Накет и обращается к ягулярру: – Всё, блин, провалился твой план!

– Пароль – «мизергели», – раздаётся из коннектара Джекса голос Кузнецова.

Джекс спешно вытаскивает из кармана пиджака коннектар и выводит на экран голографическое изображение собратель-киберпанков.

– Не сейчас, Реагент! – шепчет Джекс.

– Именно сейчас, – возражает ягулярр. – Подними коннектар, и пусть твой друг повторит пароль. Блентиха сейчас сосредоточена только на том, чтобы пробраться внутрь базы. Она не пойдёт нас искать.

Действительно, когда киборг поднимает над головой коннектар, а Кузнецов громко повторяет загадочное слово «мизергели», блентиха, даже не оборачиваясь, радостно принимается вводить пароль.

Но опять ничего не получается: дверь остаётся запертой.

– Там голосовое управление, – уточняет Реагент. – Клавиатура лишь отвлекает внимание. Ничего набирать не надо.

Наконец, блентихе удаётся открыть дверь и заскочить внутрь.

– За ней? – предполагает Семиларен и подаётся вперёд.

– Нет, мы зайдём тогда, когда она выпрыгнет, но ещё не успеет закрыть дверь. Подкрадёмся поближе, чтобы быстро забежать внутрь, – продолжает инструктировать коман-

ду ягулярр. – Вот отсюда. Мы будем слева от неё, когда она выйдет. Панель будет от неё справа, и она первым делом повернётся к ней, так что мы сможем проскочить. Пока у нас есть пара деминут, чтобы подготовиться. Кстати, спасибо за пароль!

– И не простое, а очень большое спасибо! – говорит Джекс киберпанкам. – Как вы до этого дошли? Не под расширением ли?

– Точняк, – подтверждает Четыре-на-Четыре. – Опять Щёточка постаралась, зашпык нашла. И нормалёк такой!

– Всё для любимого... – произносит Щёточка, прильнув к ботинкам Реагента, после чего торопливо добавляет: – ... коллектива. Всё для любимого коллектива.

Джекс, Карл и Млем изо всех сил сдерживают хохот.

– Вот только не говори, что это сбой, – хихикает Карл.

– Да, это не сбой! – звонко отвечает Щёточка и переключает своё внимание на Реагента. – Ты же телепат, ты знаешь, как я к тебе отношусь! Почему ты не реагируешь? Скажи прямо!

– Потому что я так запрограммирован, – отвечает Кузнецов. – Я отношусь к тебе как к хорошей коллеге. Тебе этого мало?

– Бесчувственная жестянка! Вирусованная тварь! Железная скотина! – вскипает Щёточка.

– Пошло-поехало, – безразлично комментирует Реагент.

– Холодный андроид! Я его всем процессором люблю, а

он!.. пошёл ты на свалку!

– Теперь вам открыт доступ к любым паукрабским базам, – перебивает уже перегревшуюся от гнева Щёточку Кузнецов. – Мы ещё не знаем, что это за волшебное паукрабское слово. Но оно работает, по крайней мере, в двух рукавах Галактики.

– Спасибо, друзья мои! – улыбается Стив. – Крутые хаке-ры!

Перед тем, как голограмма исчезает с экрана коннектора, все успевают заметить, как Кузнецов лёгким движением гладит громко проклинаящую его Щёточку по спинке, и та мгновенно успокаивается.

Скоро возвращается блентиха. Разумеется, она поворачивается вправо, чтобы закрыть дверь с помощью пароля.

– Вперёд! – шепчет ягулярр.

Вся команда буквально влетает внутрь базы, и тут же дверь закрывается. Мятежников окружает полутьма. К счастью, паукрабов в ней не обнаруживается. И это означает, что план ягулярра отлично сработал.

– Bravo, – восхищается Ярвокс. – Даже мы с Герном так бы всё не провернули!

– Тонко! – поддерживает Райтлет.

– О, ничего особенного, – скромно улыбается ягулярр. – Пока наши с вами глаза привыкают к темноте, позвольте представиться: Леод Назарх, дипломат, тосслен.⁵ С отличием

---

⁵ Посол, посланник-миротворец у ягулярров.

окончил Дипломатический Университет Хлонокоптера. Без ложной скромности замечу, что я уже предотвратил не один десяток конфликтов на самых разных планетах. Правда, в последнее время вылетать становится всё труднее – паукрабы и йорзе гораздо коварнее орхгов, их патрули незаметнее и быстрее...

– Тц-тц! Странно, что мы на них пока не наткнулись, – цыкает Сэн.

– Боюсь, что это вопрос времени. Так что не будем затягивать с разведкой.

Мятежники осматриваются. Тёмно-кобальтовые стены, покрытые паутиной, создают впечатление заброшенного помещения. Подозрительно только то, что нигде нет пыли. Кроме того, паутина висит на определённых местах: так, она окружает две двери, а на стенах образует достаточно ровные линии.

– Направо не пойдём, – шепчет Стив. – Там полно паукрабов. А в остальных помещениях их нет. Наверное... не могу сказать точно, ведь телепатические способности здесь ослабевают.

– Гиперполимер, да, – кивает Карл. – Раньше его использовали учёные, чтобы хранить опасные вещества в лабораториях... а теперь двумперцы прячут с его помощью свои тёмные тайны.

– Там кто-то есть! – замечает Райтлет и подаётся в ту сторону, где этого кого-то видел.

Какая-то маленькая тёмная тень пробегает вдоль стены и исчезает.

– И кто это? – интересуется Витс.

– Мой просвет показывает пустое место. Значит, этот «кто-то» состоит из гиперполимера, – отчеканивает Бастер. – Нелогично!

– Ещё как нелогично, – шепчет Джекс.

– Может, паукрабы теперь сами маскируются с помощью гиперполимера? – предполагает Леод.

В озадаченном молчании команда входит в левую дверь. Помещение заставлено компьютерами и завешано экранами, на которых отображаются базы паукрабов на этой планете и ещё в нескольких ближайших звёздных системах.

– Отдел связи, – просканировав помещение, заявляет Бастер.

– Гм, мне кажется, надо обратить внимание на то, как, э-э-э, расположены базы, – произносит Айзел. – Что-то мне, хм, подсказывает, что это поможет, эм, понять, что же затеяли эти, гм, беспозвоночные.

– В ближайших звёздных системах всё достаточно хаотично, – замечает Стив, окинув взглядом экраны. – Но мысль хорошая. Может, в большем масштабе что-то и проявится. Пойдём лучше дальше.

– Вверх, – уточняет Тецклай. – Я видел лифт.

На втором этаже экипаж «Хитрюги» и два местных жителя снова видят две двери, окружённые паутиной. Из-за них

раздаётся металлический скрежет, электронные перезвоны и пiski. От этих звуков у Джекса вдруг холодеет внутри.

– Фабрика по производству роботов и цех программирования, – сдавленным голосом сообщает он. – Как я ненавижу это место! Всё напоминает об унижении и боли! И всё же... раз мы здесь... я отключу паукрабского робота, а потом разберу до последнего винтика. Думаю, их козырь – не программный код, а внутреннее строение. Хотя и программный код эти вонючие членистоногие тоже обновили! Кстати, «фабрикой по производству» это место называют для того, чтобы запутать следы. На самом деле уже почти готовых роботов привозят сюда неизвестно откуда. Знать бы, откуда именно... но пока мы этого не знаем, я с удовольствием выпотрошу то, что найду здесь!

– Что ж, если мы заходим, я подстрахую! – заявляет Семиларен.

– Предлагаю разделиться, – говорит Стив. – Пусть часть из нас останется здесь, а остальные пойдут дальше.

В итоге, на втором этаже остаются Джекс, Карл, Млем, Ярвокс, Герн и Семиларен. Все остальные поднимаются выше. Вновь они видят две двери с неизменной паутиной поблизости.

– Справа какие-то живые существа, но не паукрабы, – настораживается Стив. – Их много. И все чувствуют страшную боль...

– Их надо спасти! – тут же реагирует Райтлет.

Глазам мятежников открывается картина, достойная разве что орхгской пыточной. Самые разные существа – как неразумные, так и разумные – примотаны паутиной к мрачным стенам. Перед каждым из них выставлено оружие паукрабских роботов. Вскоре оно срабатывает, и от несчастных пленных остаются только кровавые пятна.

– Поздно, – шепчет Сэн.

– Вот уроды! – сквозь зубы цедит Накет, добавив ещё тише пару слов покрепче. – Может, разломать тут всё ваще к хренам? Чё нам, блин, терять, в конце концов? Эти ублюдки и так в курсе, что мы существуем. Пусть знают, что рано или поздно мы им всем надерём задницы!

– Не надо, – с нескрываемой горечью вздыхает Стив. – Я бы и сам был рад всё тут разнести к подкрадской матери. Но мы пришли на тихую разведку, и поэтому лучше не оставлять лишних следов. Пойдём дальше.

– И мы не должны опускаться до уровня двумперцев, – добавляет Тецклай. – Только они...

– Стоп, опять какая-то тёмная штука бежит! – напрягается Леод.

– Те же характеристики, – дребезжит Бастер. – Нелогично...

Следующая дверь ведёт в помещение с необычно чистыми белыми стенами. Это лаборатория, которая заставлена многочисленными шкафами с оборудованием, энциклопедическими секвенаторами и биореакторами промышленного ти-

па. При этом на столах не оказывается ни единой бумажки, ни одного книгоплата или платальбома. Над столами развешана всё та же плотная паутина.

– Вряд ли мы узнаем, что они тут творят, – бормочет Силмак.

На всякий случай команда запечатлевает интерьер лаборатории на свои коннектары.

– Похоже, там ещё один этаж, – замечает Райтлет.

– Нужно проверить всё, – заявляет Стив, и команда вновь возвращается к лифту.

Помещение, которое находится под самой крышей паукрабской базы совсем небольшое, но оно темнее всех, и больше всего опутано паутиной. На большом круглом столе в центре комнаты обнаруживается стопка платальбомов с какими-то непонятными записями и странными рисунками. Хифсдангла на них нет. И всё же, вероятно, это самая ценная находка на базе.

– Держу пари, это их планы и документы, – выпаливает Силмак.

– Эм, они точно стоят того, чтобы их, гм, сфотографировать, – кивает Айзел.

– Странно, что нас ещё не поймали, – шипит Тецклай, спрятав в карман коннектар. – Неужели тут так туго с охраной? Или паукрабы так надеются на блентов?

– Возможно, – протягивает Леод. – Или вот что: заняв местное население бессмысленной работой, паукрабы пола-

гают, что никто не сунется на базу. Все займутся своим «делом», и никому не придёт в голову сюда ломиться.

– Что ж, вряд ли мы узнаем больше, – говорит Стив. – Спускаемся. Посмотрим, как там грабят «фабрику».

На втором этаже ничего особенно интересного не происходит. Над одним из паукрабских роботов виртуально колдует Джекс (со стороны это выглядит так, как будто он просто сверлит машину взглядом), а остальная команда напряжённо осматривается.

– Чтоб тебе на Земле скучно жить,⁶ – шипит Джекс, видимо, в очередной раз не сумев отключить робота, но вдруг восклицает уже радостно: – Есть! Докопался я до секретной кнопочки! Всё... наконец-то я отомщу!

– Мечь ведёт только к мести, – высказывается Леод.

– Один робот за целую планету? Они этого даже не заметят. Это всего лишь моя личная мечь.

– За целую планету? – переспрашивает Витс.

– Кстати, да, ты так и не рассказал! – оживает Яарвокс. – Что с Фордокс-Примой?

Со своей фирменной горькой улыбкой Джекс бросает в ответ:

– Могло быть и хуже. Жители целы, колонии ещё остались. Можно сказать, только адрес сменился.

– Что ты имеешь в виду? – интересуется Бастер.

– Наш новый адрес – Фиави, если что.

---

⁶ Самое грязное фордокс-приманское ругательство! Хуже матерного!

– Твою планету... опустошили! – прочитав мысли киборга, догадывается Млем.

– Именно. Фордокс-Прима мертва.

– Добро пожаловать в наш мрачный клуб, – похлопав по плечу Карла, сочувственно произносит Стив.

– Боюсь, мы будем выглядеть в этом клубе слишком жизнерадостно, – усмехается Джекс. – Несмотря на то, что я всех подвёл, мы обошлись малой кровью. Мы хотя бы не вымерли как вид.

– Ты? Всех подвёл?! Что ты несёшь, Джекс! – возмущается Карл. – Я же вижу все твои воспоминания! Ты был не один – это раз. Йорзе смогли в своё время обмануть даже хокенд'ивенов – это два. Наконец, именно благодаря тебе спаслись сами фордокс-приманцы!

– Я мог это всё предотвратить! Но не предотвратил!

– На колу мочало... Джекс, прекращай это самобичевание. Ты же прекрасно понимаешь, что у тебя нет никаких оснований...

– Ты видишь мои воспоминания, но не был на моём месте!

– Ну что ты опять рогами упёрся, а? Когда ты от этого отучишься?

– Карл, оставь Джекса в покое, – мягко обращается к полупротоплазмику-получеловеку Млем. – Пусть он сам это преодолеет.

– А как Стефан? Почему он не полетел с тобой? – спрашивает Джекса Витс.

– Шестая жизнь ему не светит, – снова надев улыбку приговорённого к казни, отвечает киборг. – Двумперцы подбили его над Линтуей.

– Час от часу не легче, – вздыхает Веншамяя.

– Как бы то ни было, прошлое есть прошлое, – неожиданно твёрдым голосом заявляет Джекс. – Идём. Поможете эту паукрабскую железную дуру вытащить?

– Конечно! – отзывается вся команда.

– Я выйду первым и отвлеку охранницу, – сообщает Леод. – Всё будет хорошо, я и это продумал.

Совместными усилиями мятежники дотаскивают паукрабского робота до лифта. Но как только лифт открывается, снизу доносится противный паукрабий голос:

– Ты чего тут забыла?

– Ничего я не забыла, – отвечает... знакомый голос блентихи. – А что, я не имею права посмотреть, что охраняю?

– Нет!

– С чего это нет?

– А с того это! Вышла отсюда, дура!

– Сама ты дура!

– Нет, это ты дура!

– Это ты дура!

Диалог «про дуру» затягивается. Потом наступает тишина. Обрадованные мятежники снова вызывают лифт... и диалог возобновляется с новой силой.

– Они же сходятся в одном, – говорит Семиларен. – Они

обе дуры! Помирились бы!

– Как и вы с ягуляррами, кстати, – вступает Карл.

– Ещё чего!!! – синхронно шипят Семиларен и Леод.

– Пока вы в одной команде – придётся сосуществовать мирно, – одёргивает блента и ягулярра Стив.

Тем временем, блентиха и паукрабиха продолжают неоригинальный диалог.

– А может, проскользнём мимо, пока они ругаются? – с надеждой произносит Яарвокс.

– Не выйдет, – отвергает Стив. – Они драться начали. Двадцать семь конечностей на двоих – заденут!

И действительно, слова «дура» больше не слышно. Дикий визг и звуки ударов сотрясают базу. Про себя вся команда – даже та её часть, которая в обычной жизни вообще не пользуется нецензурной лексикой – обкладывает обеих дерущихся многослойным и крепким матом, но вслух не произносит ничего. Мятежники терпеливо ждут, когда паукрабиха и блентиха выяснят отношения и освободят первый этаж.

Но сбыться этому не суждено. Прямо за спинами мятежников раздаётся высокий металлический голос:

– Тревога!!! Вторжение!!! Тревога!!!

Обернувшись, все видят маленького четвероногого робота с овальным корпусом, в середине которого мигает круглый красный огонёк. Не успевает кто-либо что-нибудь сделать, как из корпуса робота выдвигаются боевые орудия. Целый град из каких-то мелких, но очень острых снарядов об-

рушивается на команду.

– Да вы издеваетесь?! – вопит Джекс, выставив перед друзьями паукрабского робота в качестве щита. – Мало вам этих ходячих солонок, да?!

– Какая низость! Перепрограммировать и превратить в солдат наших кибервиртских просветников-исследователь! – возмущается Бастер с выразительностью органического существа. – Их ещё и покрыли гиперполимером! За что с ними так обошлись?

Вскоре паукрабский ходострел начинает разваливаться: запас патронов у маленького робота оказывается необычайно большим.

– Ну, никак не везёт мне с этими уродами! – восклицает Джекс и вызывает лифт.

Наконец, мятежники спускаются на первый этаж. И тут же сталкиваются с паукрабихой и блентихой. Но это ещё полбеда: команду со всех сторон начинают окружать паукрабихи в металлических экзоскелетах и множество роботов – как ходострелов, так и бывших просветников. Семиларен выпрыгивает вперёд и кричит соратникам:

– Я их отвлеку!

– Я тоже помогу! – вызывается Леод.

– Тебя ещё не хватало, комок шерсти!

– На себя посмотри, зелёный! Давай, ты – туда, я – сюда!

– Ишь, раскомандовался! Брысь, клыкастый!

– Или вы помогаете, или оба идёте... сейчас попрошу На-

кета уточнить, куда именно!!! – выходит из себя Карл.

К счастью, дело не заходит дальше словесной перепалки. Семиларен семнадцатью руками сдерживает атаку с одной стороны, а Леод хитрыми манёврами отвлекает на себя внимание с другой. Неожиданно слаженные действия враждующих аборигенов позволяют остальной команде выскользнуть за дверь и обогнуть базу по широкой дуге. Спустя буквально деминуту вслед за новыми друзьями устремляется Семиларен, а затем и Леод, который успевает закрыть дверь прямо перед носом у паукрабих. Стив вызывает «Хитрюгу», и вскоре мятежники поднимаются в воздух. Уже в верхних слоях атмосферы Хлонокоптера по звездолёту проходят несколько плазменных снарядов. Но благодаря стараниям кибервиртских мастеров корабль не получает никаких повреждений.

– А на Флуплюль мы всё-таки полетим, – говорит Стив, просмотрев снимки платальбомов с паукрабскими записями и рисунками, смысл которых пока никому не ясен. – Кстати, Бастер, смени номер корабля на всякий случай. Вдруг, когда мы улетали, наш номер запомнили и внесли в какой-нибудь список. С информационными технологиями, как мы видели, у двумперцев явно хорошо, всякое может быть.

– Логично, – соглашается Бастер.

Глава 4. Игры разумов и гонки вооружений

То, что мы называем «мыслями», зависит, видимо, от организации извилин в мозгу – точно так же, как путешествия зависят от дорог и иных путей сообщения.

Бертран Рассел

«Почему я не христианин»

– У нас, – сказала Алиса, с трудом переводя дух, – когда долго бежишь

со всех ног, непременно попадешь в другое место.

– Какая медлительная страна! – сказала Королева. – Ну, а здесь,

знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!

Льюис Кэрролл

«Алиса в Зазеркалье»

Поскольку удивительная планета-океан Флуплюль скры-

ваётся среди плотных звёздных скоплений в Шлейфовом Рукаве,⁷ а путь туда лежит через рукав Укрытый, дорога обещает быть долгой, но довольно спокойной, тем более что системы защиты корабля себя уже успели зарекомендовать. Поэтому все решают использовать время полёта для того, чтобы окончательно прийти в себя. Некоторые даже чувствуют, что им нужно подкрепиться или подзарядиться. К их числу относится и Витс, который решается на крайне необычный для себя эксперимент.

Он берёт из холодильника эппендорф с человеческими клетками.

– Всё живое и всё, что оно выделяет, по сути своей, съедобно, – вспоминает Витс слова Стива. – Почему, в конце концов, человеку нельзя есть человечину, ради которой не нужно никого убивать? Я же просто положу эти клетки в биореактор, и...

Витс подходит к синтебиотеку, но останавливается в нерешительности и принимается про себя рассуждать:

– Но это же клетки какого-то определённого человека! Вдруг это кто-то, кого я когда-то знал? Да или даже незнакомец... человека есть всё-таки нельзя. Так и до дикаря-каннибала можно скатиться. От выращенного в биореакторе мяса недалеко до естественной плоти. С другой стороны... я же не убил этого человека, я просто использую его клетки! Но использую без его ведома... если бы я узнал, что из моих

---

⁷ Шлейфовый Рукав с точки зрения землян – Рукав Щита-Центавра.

клеток готовят еду...

– Утешу тебя трижды, – весело вступает Стив, прочитав мысли человека. – Во-первых, все эти клетки – из моих личных запасов, и попали они туда самым правильным путём: из медицинских лабораторий и научных учреждений. Там они, в свою очередь, оказались с согласия тех, у кого клетки забирали. Всех обязательно спрашивают о том, можно ли использовать клетки в кулинарных целях. Конечно, в каком-нибудь тёмном подполье никто никого не спрашивает, кривым шприцем забирает кровь и тащит в свою каморку, где сооружает из этих клеток что-то отвратительное...

– Сейчас весь Млечный Путь – подполье с Двумперией во главе!

– Согласен. Но я-то запасался клетками задолго до тёмных времён. Теперь второе. Если ты не хочешь ненароком съесть часть какого-то своего знакомого, можешь прогнать клетки через энциклопедический секвенатор и посмотреть, кому же они принадлежат. Наконец, все человеческие клетки тут – фордокс-приманские. А это, друг мой, совсем другой вид человека. Земляне ведь в Космос ещё не вышли, поэтому их клетки в свободном доступе не найти. Никто у вас их не брал.

– Ясно. Тогда это даже как-то... уже не так страшно. Впрочем... хм, другой вид... боюсь, фордокс-приманец будет сильно отличаться от землянина по вкусу.

– Есть здесь один землянин, которому не составит ника-

кого труда плюнуть в пробирку.

– Что?

– В слюне много лейкоцитов. Лейкоциты – самый благодарный материал для выращивания живых тканей.

– погоди! То есть, ты мне предлагаешь ... попробовать самого себя?!

– Почему бы и нет?

Пока Витс пытается собрать какую-то мысль из разрозненных кусочков, Стив добродушно посмеивается:

– Если ты всё ещё чувствуешь себя неловко, посмотри, что кладу в биореактор я.

– На пробирке написано... твоё полное имя на хокене!

Это твои клетки?!

– Да, друг мой!

– Но ты же последний из своего вида, ты мог бы их использовать для того, чтобы восстановить своих братьев!

– При мне всегда триллионы клеток.

– Да и ешь ты... очень редко!

– Конечно. Всё благодаря восьминогим подкрадам. Эти сильные и очень умные хищники сделали нас, хокенд'ивенов, теми, кто мы есть. Они следовали за нами по пятам, не давали покоя ни днём, ни ночью. Только в негостеприимных горных пустошах подкрады нас почти не преследовали. Так мы и научились обходиться малым – кстати, не только в еде. Хотя мы по традиции и ругаемся подкрадами, на самом деле мы им глубоко благодарны. Интересная связь, не правда ли?

– Ещё бы.

Стив уходит с кухни. Обдумывая всё, что сказал терраформ, Витс и не замечает, как из собственных лейкоцитов сооружает с помощью синтебиотека самый настоящий стейк. И без колебаний пробует его.

Результат, впрочем, Витсу не нравится.

– Мда, – бормочет землянин. – То ли я так плохо готовлю, то ли я и вправду такой невкусный.

– То есть, это, ну, ты не будешь, как бы, доедать, а? – раздаётся вдруг тонкий голос лопхофсслы из-под кухонной раковины.

– Э-э-э... пожалуй, не буду. Нет, никакой я не дикарь-каннибал. Труп коровы и живой салат меня устроят гораздо больше.

Витс усмехается. Кажется, его действительно больше не смущает своеобразная кулинарная этика Космоса с большой буквы, раз он позволяет себе такие... солёные шуточки!

– А ты... кстати, как тебя зовут? – интересуется человек у лопхофсслы.

– Я, это, Юрксла Заксла, значит, – отвечает обитатель кухни.

– Витс, очень приятно. Держи свой стейк.

– Это самое, как его, спасибо!

Прижав к себе шестью тонкими ручками продукт необычного кулинарного эксперимента, Юрксла уползает в своё скромное обиталище. Витс же понимает, что не так уж и пло-

хо быть тем, кто отдаёт свои клетки другим существам для еды. Наоборот, есть в этом что-то альтруистичное и даже умиротворяющее.

В отличие от Витса, который впервые за долгое время обрёл покой, Млем терзается многими странными мыслями. Несмотря на то, что его друг – точнее, бывший друг Донлэ никогда не был для него авторитетом, слова декаперода глубоко запали в мозг центору. Пусть даже эти слова были и не его собственными, а йорзскими. Предопределённость истории и неистребимые инстинкты – вот что тревожит Млема. Поговорить о первом оно решает с Джексом, который, как оно чувствует, ещё не до конца смирился с потерей Фордокс-Примы, хотя и всеми силами пытается это скрыть, даже от самого себя. Дверь в каюту киборга немного приоткрыта – а это, как знает давний друг Джекса, знак того, что войти и поговорить очень даже можно. И всё же, вежливое по природе центор аккуратно интересуется, заглянув в каюту тремя из пяти глаз:

– Джекс, можно к тебе зайти?

– Можно всё, что не запрещено законами физики, – отшучивается Джекс.

Млем заходит внутрь и прикрывает дверь. Оно замечает, что Джекс пишет на компьютере какие-то явно бессмысленные программные строки – очевидно, для того, чтобы отвлечься.

– Знаешь, есть у меня один философский вопрос, – на-

чинает Млем. – Я буду очень радо, если ты сможешь мне на него ответить. Для этого я вынуждено буду вспомнить Фордокс-Приму. Но обещаю: в конце концов я насыплю тебе соль на рану, и тебе станет легче.

– Ты хотела сказать, что утетишишь меня?

– Да, конечно.

– Эх, Млем, а у нас выражение «сыпать соль на рану» означает диаметрально противоположное!

– Да? Забыло, извини. У нас солью действительно лечили раны, так и стали говорить.

– Ладно тебе, всё лучше, чем когда я тогда ляпнул... помнишь – «дурная голова ногам покоя не даёт»?

– Как не помнить, ха-ха! Как же долго я тогда не могло понять, почему именно голова...

– Ага, и я напрочь забыл, что у тебя в голове – лёгкое, а не мозг! До чего же весело было!

Джекс и Млем дружно смеются. Центор не сразу решается свернуть на нелёгкую философскую тему, но, наконец, обращается к Джексу:

– Как ты думаешь, всё ли в жизни предопределено? Должна ли была тяжёлая участь постигнуть твою родную планету?

– Млем, я не телепат, но прекрасно понимаю, к чему ты ведёшь. Ты хочешь убедить меня в том, что я не виноват. И знаешь – я с удовольствием сниму с себя вину, если ты сможешь это доказать. Но так доказать, чтобы я ничего не смог возразить! Сразу говорю: аргумент «я вижу твои воспомина-

ния» несостоятелен. Попробуй побыть в шкуре не-телепата!
Вперёд!

– Хорошо. Для начала ответь мне на один простой вопрос. Вечны ли планеты?

– Нет ничего в этом мире вечного. Только редкое бессмертное существо – или, если мыслить шире, какая-то целая космическая цивилизация может, если...

Джек осекается, а Млем загадочно улыбается. Киборгу ничего не остаётся, как тоже ответить улыбкой – но не фирменной горькой, а самокритично-добродушной.

– Млем, блестяще. В одном вопросе ты уместило битый час рассуждений. Да, я понял. Космическая цивилизация на то и космическая цивилизация, чтобы вырваться за пределы планеты, которая рано или поздно станет для жизни непригодной. И чтобы взять с собой тех живых существ, которые не достигли такого уровня развития.

– Даже так!

– Да. Как раз незадолго до всего этого, мне рассказывали, растениям и животным новые телепортирующие импланты вживляли. Так что всех, кому импланты вживить успели, мы с собой увезли. Даже северандских оленят – в этом году, как зоологи сказали, они родились на два дня раньше, чем обычно. Им повезло.

– И ты ещё переживал, Джек. За что ты себя укорял, скажи, а?

– Планету всё равно жалко. И многие живые существа всё

же погибли вместе с ней – те, которым имплантов не досталось. Но те оленята... кто бы им помог, если бы я всё-таки не сообразил, что затеяли йорзе? А я, получается, успел... значит, не такой уж я и кретин, правда?

Млем многозначительно улыбается, качает головой и прикрывает рукой лицо. Джекс же усмехается и меняет тему разговора:

– Насчёт предопределённости. Мы же знаем, что законы природы определяют всё, что когда-либо произойдёт. Но в этих же самых законах природы предусмотрена и случайность.

– А что, если то, что мы воспринимаем как случайность, на самом деле неслучайно? Тоже, выражаясь образно, запрограммировано?

– Случайность по определению не может быть запрограммирована!

– Возможно, это мы так думаем. Мы списываем что-нибудь на случай, а на самом деле это не случай! Как доказать, что случайно, а что нет?

– Очень просто! Ты можешь с точностью до слова предсказать, что я сейчас скажу? Даже с твоими телепатическими способностями?

– Нет, только в общих чертах. К тому же, половина сознания у тебя находится в центральном процессоре – а органические телепаты не могут видеть, о чём думают машины.

– Ну, это уже детали, я имею в виду ту часть сознания, ко-

торая у меня в органическом мозге – слова я всё-таки продумываю именно этой частью. Я вот о чём: во-первых, на все процессы в мозге довольно сильно влияют квантовые эффекты, а во-вторых, сам факт предсказания меняет состояние системы. Может, если бы ты спросило меня о том же по-другому, я бы и ответил иначе.

– Мне известны основные принципы квантовой механики. Я знаю, что наблюдатель неотделим от наблюдаемой системы. Но что, если предопределено то, что наблюдатель подействует на систему именно так, а не иначе?

– Знаешь, у любого явления есть причина. Следовательно, можно сказать, что предопределено вообще всё. И в то же время, сама причина, по которой существует наша Вселенная и весь Мультиверс – это случайность! Тебе знакома Теория Всего?

– Если честно, я так и не изучило её полностью, знаю только некоторые частности. Неужели Теория Всего действительно описывает всё?

– Она описывает рамки, в которых всё может существовать. Я тебе скажу, из чего Теория Всего состоит. В первой части – определение реальности. Вторая часть посвящена возникновению Вселенных, третья объясняет, какие физические законы присущи нашей Вселенной и почему они именно такие. А в четвёртой части приведены частные следствия из этого набора законов: например, неизбежность возникновения жизни и её эволюции.

– Что ж, ознакомлюсь для начала хотя бы со второй частью – первую я уже слышало на Кибервирте.

Млем достаёт из кармана пиджака книгоплат с Галактической Энциклопедией и погружается в чтение статьи о Теории Всего. К удивлению центора, статья оказывается похожей больше на произведение графомана-халтурщика, чем на доступно изложенную стройную научную теорию:

– Состояние псевдовакуума вкупе с вероятностно-флуктуирующими колебаниями приводит к фазовому переходу ранней псевдо-пространственно-временной системы в материально-вселенный тип с ненулевыми полями взаимодействия или же непостоянный континуум, склонный к обращению в нулевое агрегатное состояние без развития системы полей... – спотыкаясь на каждом слове, читает Млем вслух.

– Что?! – переспрашивает Джекс. – Там вот так написано?

– Да. Если честно, я мало что понял. Хм, так о науке в Энциклопедии раньше никогда не писали...

– Так, посмотрю-ка в своей Энциклопедии... чёрт! Точно йорзская или паукрабская работа! Вот мерзавцы! Они специально прячут простую суть Теории Всего под кучей неграмотно наваленных друг на друга терминов! Чтобы никто не разобрался, чтобы все считали, что наука – это сложно... как это подло! Ах, если бы я помнил, как статья звучала изначально...

– Не хочу хвастаться своей абсолютной памятью, – раздаётся с потолка голос Карла, – но воспользуюсь ею и по-

могу вам. Так вот, Млем, слушай, как это должно было звучать: «Из-за постоянных квантовых флуктуаций – то есть, возникновения и исчезновения единиц энергии – в пустом пространстве невозможно состояние, при котором величины всех полей – гравитационного, электромагнитного и других – были бы в точности равны нулю. Если величина хотя бы одного поля ненулевая, в пустом пространстве образуется пространственно-временной континуум. Континуумы могут быть неустойчивыми и устойчивыми. Устойчивость или неустойчивость континуума случайна и не зависит от величины породившей его флуктуации. Если континуум неустойчив, он имеет слишком маленький размер и быстро, менее чем за стек, исчезает из-за собственных флуктуаций. Если же он устойчив, он увеличивается в размерах, и образуется новая Вселенная. Таким образом, Вселенные существуют потому, что как в пустом пространстве, так и в пространстве-времени неизбежно случайное возникновение и исчезновение единиц энергии». Теперь понятно?

– Более чем! То есть случайность заложена в само устройство Вселенной! – догадывается Млем. – И всё predetermined лишь отчасти: некоторые вещи происходят сами собой хаотически. Следовательно, не может быть настолько неотвратимой судьбы, чтобы на неё вообще ничто не влияло! Спасибо, друзья, теперь я с этим разобралось. А вот следующий вопрос я задам, пожалуй, профессиональному биологу. Млем выходит из каюты Джекса и направляется к Айзелу.

Его дверь тоже оказывается открытой.

– Можно спросить кое о чём биологическом и философском одновременно? – осторожно обращается к профессору Млем.

– Э-э-э, да, разумеется, – с мягкой улыбкой отвечает Айзел.

Млем заходит в каюту.

– Помнишь, я рассказывало тебе о встрече с Донлэ? – спрашивает центор.

– Хм, да, помню, – отвечает фоксиллинда.

– И когда он говорил о том, что инстинкты нельзя убрать до конца... я как-то засомневалось, но вместе с тем и забеспокоилось. Что, если он прав, и в каждом из нас можно пробудить дикое животное?

– Гм, всё зависит от того, что он имел в виду, эм, под инстинктом. Э-э-э, часто инстинктами ошибочно считают, гм, рефлексy. Инстинкты, гм, немного отличаются от рефлексов, но тоже, э-э-э, относятся к врождённому поведению. Только рефлексy, гм, активируются в любое время, а вот, э-э-э, инстинкты включаются тогда, когда есть, хм, потребность. Как и рефлексy, инстинкты, хм, одинаковы для всех особей данного, эм, вида. Их контролировать, э-э-э, невозможно.

– То есть, в каждом из нас, разумных существ, осталось что-то неуправляемое?

– Рефлексy – да. Но инстинкты, гм, у разумных существ

встречаются, хм, весьма редко. Так, у нас, э-э-э, фоксиллинда, настоящий инстинкт только один: подбрасывать, эм, в воздух добычу, прежде чем, э-э-э, проглотить её. Всё остальное – это либо, гм, рефлексы, либо уже, эм, выучиваемое поведение. Как ты, хм, прекрасно понимаешь, инстинкт включается только тогда, когда я, гм, голоден и вижу, э-э-э, добычу.

– Здесь всё понятно. А вот что произойдёт со мной, если во время Множества я возьму и выпью чьей-нибудь крови? Я никогда этого, конечно, не делало – я вообще стараюсь в это время себя вести аккуратно. Вроде бы как сдерживаюсь. Но вдруг что-то пойдёт не так, и я начну против своей воли пить кровь и откладывать яйца?

– Это не, гм, инстинкт. Раз ты можешь, хм, не вести себя строго определённым образом даже тогда, э-э-э, когда есть потребность – значит, гм, это не инстинкт. Кровь может усилить твоё, э-э-э, желание размножаться в этот, гм, период, но ты не утратишь, хм, над собой контроль. И ведь ты не можешь, хм, просто взять и отложить яйца. Даже самооплодотворение требует, хм, определённых действий.

– Да, помню уроки биологии в школе... подожди. Значит, это... выучиваемое поведение! Как же я не соотнесло одно с другим!

– Да. Э-э-э, у вас, центоров, инстинктов вообще, гм, нет. Но это не значит, что разумное существо, э-э-э, не может потерять самоконтроль. Это происходит, э-э-э, при заболева-

ниях или, хм, если ввести какие-то особые вещества в кровь. Ещё можно, гм, добиться изменения поведения, редактируя, эм, экспрессию генов в определённых клетках. Даже разумные существа – это, гм, продукт естественного отбора, который, э-э-э, вслепую нагромождает что-то новое поверх старого. Мы все несовершенны, даже с развитой, гм, биотехнологией. Ведь, э-э-э, далеко не всё можно, эм, отредактировать так, чтобы не задеть ничего, хм, другого. Хотя, гм, если подумать, есть значительно более простой способ лишить разумное существо самоконтроля: отключить ему критическое мышление. Слепая вера – враг разума.

– И мозговзломы йорзе – тоже.

– Да. Жаль, что о том, как работают эти, хм, устройства, известно слишком, э-э-э, мало. Но я надеюсь, что мы, э-э-э, сумеем с этим разобраться до того, гм, как попадём под их, м-м-м, влияние.

– Думаю, нам бояться нечего. Среди нас нет существ, обделённых критическим мышлением. Спасибо, Айзел, что помог.

Айзел скромно улыбается в ответ, слегка прикрыв клюв рукой. А обретшее, наконец, покой центор выходит из каюты профессора и направляется к себе. По дороге оно натывается на Семиларена и Леода. По иронии, первая фраза, которая достигает ушных перепонок Млема, напрямую относится к первой теме, которая его ещё недавно беспокоила.

– Откуда нам знать, какая нас ждёт судьба? – вопрошает

ягулярр.

– Сверху как угодно будет, такой и судьбе быть, – в несвойственной для себя манере, без единой нотки сарказма или насмешки отвечает Семиларен.

– Сверху? Почему не снизу, не сбоку...

– Дубина ты стоеросовая, комок шерсти с клыками!!! – резко обижается Семиларен. – Сверх, единственный наш Бог – это Перводвигатель всего сущего, Распорядитель судеб, Блюститель чистоты душ...

Семиларену не удаётся прочесть лекцию о богословии, так как Леод взрывается хохотом:

– Ты серьёзно в это веришь? В какого-то там Сверха, который якобы за всё отвечает? Перводвигатель, ё-моё!

– Ковёр ты ходячий!!! Что значит «якобы»? Ты никогда не замечал, что у судьбы определённый рисунок, что всё явно движется к какой-то цели? Думаешь, этот рисунок создают лишь слепые законы природы?

– Вообще-то, ничто не предсказуемо до самого конца: вспомни квантовую механику!

– Не доказательство ли это свободной воли Сверха?

– При чём тут Сверх! У всего на свете природа вероятностная, вот в чём дело! Есть же крошечный шанс, что прямо сейчас сюда телепортируется какое-нибудь ведро и упадёт мне прямо на голову. Он ничтожно мал, согласен, но он есть! Следовательно, нет ничего определённого, нет никакой судьбы, есть только стечения обстоятельств.

– Судьба есть! На всё воля Сверха! Я в это верю!

– То, что ты веришь, не означает, что так оно и есть!

– Лучше бы на тебя действительно ведро упало, клыкастый комок шерсти!

– Возможно, я погорячилось насчёт критического мышления у всех, – думает про себя Млем и удаляется.

– Ну тебя, – заключает Леод, словно бы уловив мысль центора, и они с Семилареном расходятся – обменявшись, впрочем, напоследок презрительными взглядами. Семиларен, прыгая в свою каюту, сталкивается с Айзелом.

– М-м-м... прошу прощения, хм, за неделикатность, но я, э-э-э, подслушал ваш с Леодом разговор и, хм, хотел бы тебе кое-что, гм, по этому поводу сказать, – робко, но в то же время с некоторой вкрадчивостью обращается к бленту фоксиллинда.

– Я весь внимание, – живо отзывается Семиларен.

– Твоя религия... хм, ты действительно веришь в некое сверхъестественное существо, управляющее всем и вся?

– Верю.

– Но почему? Почему ты, гм, веришь? У тебя же, эм, нет никаких доказательств существования...

– Вера не нуждается в доказательствах, на то она и вера!

– Э-э-э, я предлагаю тебе поразмыслить вот над чем. Ты же, гм, не веришь ни в каких других богов, верно? Ни в чучундрских, гм, Гэрха и Тэрха, э-э-э, ни в ликантропскую Светлую Богиню-Прародительницу Вуухту, ни в челове-

ские, хм, пантеоны богов?

– Нет, конечно! С чего это мне служить чужим богам?

– Подумай: если у тебя нет оснований, гм, верить в них, почему ты веришь, эм, в своего бога? Неужели, э-э-э, дело только в традициях, которые приняты, хм, в твоём обществе? Представь, э-э-э, что ты не принадлежишь ни к какой группе блентов, или ты, гм, вообще не блент. Какие, э-э-э, у тебя тогда останутся причины, хм, для веры в бога?

Ответом Айзелу служит напряжённое задумчивое молчание блента.

– Никогда раньше не заморачивался, но ты меня заинтриговал, – наконец отвечает Семиларен. – Знаешь, я подумаю над этим.

– Этого я и боялся, – шепчет Айзел. – Это действительно фоксиллиндский гипноз! Он у меня всё-таки есть! И я им... не всегда могу управлять! О, нет!

Несколько взмахов рукрыльями прямо над головой Семиларена – и фоксиллинда вновь оказывается у своей каюты. На стене рядом с дверью он обнаруживает Карла.

– А может, хм, я не применил нечаянно гипноз? – интересуется Айзел у полупротоплазмика-получеловека. – Может, это просто, э-э-э, дар убеждения? Что скажешь?

– В бытность свою человеком мне приходилось общаться с множеством верующих. И ни разу не было такого, чтобы после единственного разговора со мной религиозный человек сказал: «Я подумаю над этим»!

– Хм, да. Значит, это точно гипноз. Мне нужно научиться его контролировать, пока я не натворил бед!

– Ничего ты не натворишь, Айзел. Фоксиллиндский гипноз – не бельтальянский и даже не марбианский, он намного мягче.

– Тебе не понять! – огрызается вдруг Айзел и влетает в каюту.

Фоксиллинда закапывается в свою библиотеку. Всё, что его интересует на данный момент – это опыт сородичей, которые живут (или жили когда-то давно) с умением гипнотизировать. Как управлять самой страшной, в представлении Айзела, силой – силой контроля над чужим разумом?

И как не сойти при этом с ума самому?..

Фоксиллинда настолько встревожен заново открывшейся способностью, что все тексты, которые он сейчас пытается читать, проходят как-то мимо мозга. «Смотришь в книгу – видишь фигу» – именно это меткое человеческое выражение лучше всего передаёт состояние Айзела. И человеческий же голос из этого состояния фоксиллинда выводит:

– Айзел, у тебя никакого мусора не завалилось? – интересуется Яарвокс.

Айзел оборачивается. У входа в его каюту стоят бывшие контрабандисты с объёмистым ящиком.

– Э-э-э, сейчас посмотрю, – бормочет Айзел. – Простите, э-э-э, а зачем он вам?

– Я вспомнил, что наша легенда больше не действует, – тут

же выпаливает Герн. – Райтлет нам теперь не помощник. Мы – двумперский грузовой крейсер, который развозит смешанные грузы. Поэтому я предлагаю такой «смешанный груз» соорудить из всякого дерьма, чтоб не жалко отдать было, если вдруг припрут к стенке.

– В общем, если у тебя есть барахло, которые ты не успел положить в ящик для переработки мусора – швыряй сюда, – подытоживает Яарвокс.

– Э-э-э... у меня там один артротопок есть мёртвый, с завтрака, хм, остался...

– Годно!

Усилиями находчивых контрабандистов и всего остального экипажа «Хитрюги» ящик наполняется самым смешанным грузом, который только можно придумать. Отслужившие свой век устройства, просроченные лекарства, колбасные обрезки, старые картриджи от копипринтера, разбитые кости, флаконы с выветрившимися духами, пустынные камни и даже пачки бумажных купюр, которые стыдливо прятал от посторонних глаз Витс – всё это должно будет надолго занять двумперцев, если заветный ящик всё-таки придётся отдать им в клешни или руки.

«Смешанный груз» оказывается готов вовремя: на радаре вырисовывается маленький звездолёт явно двумперского образца.

– Там паукрабы, – фыркает Стив. – Даже мысли их читать противно.

– Органические, будьте добры, освободите отсек управления, – вежливо обращается к друзьям Бастер, новый «владелец» корабля.

Считанные мгновения – и отсек управления преобразается: все живые существа покидают его, равно как и мятежная атмосфера. Всё соответствует стандартам Тройного Союза: стерильно-серые стены, крошечные иллюминаторы вместо панорамного окна, строгая чёрная приборная доска и ощущение неприятной пустоты.

– Корабль 2644-Г-РБТ-БЗ1326-405! Пункт назначения? – безэмоционально спрашивает паукрабиха за штурвалом двумперского звездолёта.

– Флуплюль, – также безэмоционально отвечает Бастер.

– Груз?

– Смешанный.

– Одобрено.

Маленький звездолёт исчезает из поля цифрового зрения Бастера и с экрана радара.

– Сработало, – констатирует Бастер. – Впрочем, расчёты показывают, что вероятность того, что нас остановят и попросят показать тот самый груз, довольно высока: ноль целых восемьдесят шесть сотых.

– Изолента решает всё! – изящным движением выудив из самого неприметного кармана жилета характерный серый рулончик, заявляет Яарвокс. – Замотаем всё покрепче, пусть развлекаются!

– От просвета изоленга не укроет, – замечает Джекс. – Хотя подожди... я её отсканировать не могу! Неужели?..

– Забыл уточнить: это не простая изоленга, а гиперполимерная! Стянули, помнится, из какой-то тримперской лаборатории.

– Яарвокс, это ценнейший материал. Обязательно напечатай ещё на копипринтере! Прямо сейчас!

– Не вопрос!

Пока верный копипринтер производит коптермирады новой гиперполимерной изоленги, «Хитрюга» входит в пространство Укрытого Рукава. Бастер меняет цвет и форму всего корабля, чтобы защитить его от дрессированных космических чудовищ-кораблестов.

Полёт через Укрытый Рукав – уже, впрочем, переставший быть Укрытым – по привычке расслабляет экипаж «Хитрюги». Когда звездолёт приближается к краю Шлейфового Рукава, Бастер не успевает предупредить друзей, чтобы они разошлись по каютам: двумперский патруль возникает перед «Хитрюгой» совершенно внезапно. На радаре он не отображается, а телепаты не видят экипажи двумперских кораблей. Фантомы? Увы – твердоплазменные снаряды, которые двумперцы выпускают из боевых орудий, даже не постучавшись и не поздоровавшись, оказываются самыми настоящими. Корабль начинает сильно трясти, хотя заметных повреждений вроде бы как нет.

– Держу пари, гиперполимер пользуют, сволочи! – шипит

Тецклай, свалившись с потолка.

– Так и есть! – подтверждает Бастер.

На экране связи появляется экипаж одного из патрульных кораблей. Состоит он сплошь из паукрабих, облачённых в металлические экзоскелеты.

– Мятежники, точно! – скрипит одна из паукрабих, после чего отдаёт команду, и в «Хитрюгу» влетает ещё один снаряд.

– Тц-тц! Да что вы говорите! – саркастично цыкает Сэн.

Двумперские корабли вдруг резко перестраиваются: один остаётся прямо перед «Хитрюгой», а остальные окружают его со всех сторон. Пользуясь тем, что пока патрульные корабли перестраиваются, никто не стреляет, Тецклай принимает к приборной доске в надежде вывернуть какой-нибудь манёвр или как-то запутать двумперских стрелков. К сожалению, все системы управления кораблём вдруг немеют и перестают реагировать на любые команды.

– Гррр! Что за пададь?! – рычит Тецклай.

– Мы не орхги, мы вам ничего не расскажем! – противно ухмыляется одна паукрабиха с экрана связи.

– Ладно, блин, идите сюда! – рывкает Накет и достаёт из-за пояса гормет. – Лезьте на корабль, едрён батон! Мы вас тут всех перерубим!

– И как ты себе это представляешь? – одёргивает Накета Яарвокс, который, хоть и сам любит подраться, не лишён и осторожности.

– Да чё там! За тебя, Веншамея! – выкрикивает Накет, картинно подняв гормет... и тут же осекается, поймав на себе удивлённые взгляды друзей.

– Ну, с такой-то мотивацией и я, пожалуй, не против поучаствовать! – восклицает Ярвокс и достаёт из-за пояса электробластер.

– Хватит передо мной выделываться, вы мне оба не нравитесь! – кричит Веншамея.

– Брать вас на абордаж – слишком большое для вас удовольствие! – шипит с экрана связи очередная паукрабиха. – Огонь!

Со всех сторон в обездвиженный звездолёт прилетают твердоплазменные снаряды. Они вот-вот пробьют аргоновые щиты...

– Одну деминуту, пожалуйста! – возникает перед экраном связи Леод. – Как насчёт переговоров?

Паукрабихи в ответ мерзко хохочут. Наконец, одна из них всё-таки снисходит до того, чтобы ответить:

– Не будет никаких переговоров! Вы сдохнете, и всё!

– Кажется, вы не совсем понимаете, какую упускаете выгоду, – мурлычет Леод, выпустив и втянув несколько раз когти на правой передней лапе. – А я вам с удовольствием объясню, если вы прекратите хотя бы на несколько деминут по нам палить.

Как ни странно, стрельба прекращается. Похоже, паукрабихам стало интересно, что же им предложит этот жалкий

мятежник.

Но план на самом деле другой: зная, что телепаты обязательно уловят его мысль, Леод старательно проецирует в сознании образ Айзела, который усмиряет паукрабих с помощью гипноза. Мысль подхватывает Карл. Стараясь не привлекать к себе внимания, он тихо уползает по потолку к каюте Айзела.

– Айзел, друг, ты нам нужен, – обращается к фоксиллинда полупротоплазмик-получеловек. – Я знаю, ты всё ещё не уверен в своём гипнозе, но сейчас нам без него не обойтись. Леод, конечно, талантливый дипломат, но окончательно вырваться из окружения мы сможем только с твоей помощью.

– Нет! – взвизгивает в ответ Айзел. – Ни за что! Пользоваться гипнозом – это неправильно! Я уже жалею, что применил его на Эр-Нюге! Даже орхгам, гм, аморально навязывать своё, эм, мнение!

– Ничего ты не навязывал, и навязывать тебе будет не нужно! Просто скажешь, что корабль следует по разрешённому маршруту, везёт разрешённый груз, и никаких мятежников здесь и в помине нет. Вот и всё!

– Я не могу... э-э-э... не могу, и всё! Я им даже не управляю... мой гипноз... нет!

– Айзел, давай быстрее! Паукрабихи могут смекнуть, что Леод им просто забивает эфир, и тогда нам конец!

– Нет! Делайте, что хотите, но не заставляйте меня...

Карл теряет терпение. Он выпускает из пальцев щупальца

и пытается вытащить Айзела из каюты телекинезом... но он не срабатывает.

– Телекинез-блокиратор? – спрашивает Карл.

– Н-н-нет, – запинается Айзел.

– Значит, это двумперские штучки! Они обездвижили наш корабль и собираются обстрелять его со всех сторон, понимаешь? Ты всё ещё не хочешь нам помочь их отвадить?

– Только не гипнозом!

– Ой вей...

В отсеке управления медленно теряет синие полосы на голубой коже Млем. Оно чётко знает: если Карл переходит на идиш, дело совсем азохен вей.

– Да укусите кто-нибудь за жопу этого старого хрыча! – взрывается вдруг Накет.

К счастью, двумперцы не улавливают этот пассаж. Всё их внимание приковано к Леоду, который уже несколько деми-нут мусолит тему возможных выгод, которые Двумперия получит, если мятежники останутся в живых.

На призыв Накета живо реагируют Силмак, Семиларен, Райтлет и Сэн. Кусать профессора ни за какое место они, конечно, не собираются. Они просто используют для того, чтобы вытащить Айзела из каюты, целых двадцать девять рабочих конечностей. Через несколько мгновений упирающийся фоксиллинда всё же оказывается перед экраном связи.

– А мой друг Айзел ещё подробнее расскажет, что мы вам готовы предложить! – тут же ориентируется ягулярр и усту-

пает место Айзелу.

Фоксиллинда окидывает всю команду неопределённым взглядом. Понимая, что выхода нет, он снова поворачивается к экрану связи... и вдруг видит в паукрабихах то, чего не видел никогда раньше.

Добычу.

Фоксиллиндский гипноз изначально был средством, которое позволяло задержать добычу, чтобы её можно было схватить одним движением...

– Почему вы решили, что на этом корабле мятежники? – необычно мягким даже для себя голосом спрашивает Айзел, приподняв рукрылья и заглядывая паукрабихам прямо в глаза.

Паукрабихи переглядываются в недоумении.

– Это ведь грузовой корабль, который следует по разрешённому маршруту и везёт разрешённый груз, не так ли? – продолжает Айзел.

– Так и есть, – отвечают по ту сторону экрана.

– Вы, несомненно, обеспокоены новыми восстаниями. И вы склонны видеть мятежников даже там, где их нет.

– Возможно...

– Так зачем же вы нас останавливаете? И стрелять по нам не нужно – не думаю, что владельцу корабля это понравится.

При этих словах Айзел изящным плавным жестом указывает на Бастера. Поначалу робот собирается сказать своё подтверждающее слово, но быстрые расчёты в его централь-

ном процессоре показывают, что так эффект от речи Айзела может сойти на нет. Поэтому Бастер обходится лишь согласным кивком.

– И правда, чего это мы... – ворчит одна паукрабиха.

– Забудьте об этом корабле. Он вам не угрожает.

– Хорошо...

Сеанс связи прерывается. Паукрабский патруль неспешно расплзается в разные стороны, и к «Хитрюге» возвращается управление.

Не успевает кто-либо из команды нарушить торжественное молчание, как Айзел предостерегает:

– Хм, давайте лучше соблюдем легенду. Я всё ещё, э-э-э, не уверен в своих силах. Гм, они могут вернуться. Бастер, останешься здесь?

– Конечно, – отвечает робот.

Органические существа снова покидают отсек управления. Бастер внимательно осматривает окружающее корабль пространство и радар. Ни один двумперский корабль не собирается возвращаться, и команда празднует маленькую победу.

– Ну, Айзел, освоился с гипнозом? – с улыбкой спрашивает у фоксиллинда Стив.

– Вроде бы да. Но... э-э-э... я узнал о себе кое-что, чего, хм, не хотел бы. Мне нужно, гм, как следует над этим подумать.

– А вообще, мы получили ценную подсказку, – вступает

Карл. – Раз паукрабы поддались гипнозу, значит, они не так умны, как нам казалось! Значит, у них непременно найдётся слабое место!

– А ведь Семиларен тоже поддался твоему гипнозу, – с нескрываемым удовольствием добавляет Леод. – Значит ли это, что он круглый дурак?

– Заткнись, клыкастый! – рявкает в ответ блент.

– Я ничего такого не имел в виду! – восклицает Айзел. – Я просто, хм, сомневаюсь в том, что ум паукрабов, эм, по-настоящему острый.

– Но использовать гиперполимер они додумались, – ворчит Тецклай. – Думаю, киберпанкам стоит поработать над нашим радаром, чтобы мы смогли обнаруживать их корабли. Так мы выйдем вперёд. Хотя бы ненадолго.

– Уже принимаемся за дело, – реагирует Бастер и устраивается за столом перед главным компьютером.

– Уже! – вторит Джекс, также усевшись за стол и вытащив из внутреннего кармана пиджака несколько книгоплатов. – Ярвокс, нет цены твоей гиперполимерной изоленте!

– А ещё у меня проволока с собой есть, – зачем-то добавляет Ярвокс.

Оба киберпанка синхронно уставляются на бывшего контрабандиста горящими от энтузиазма глазами.

– Давай проволоку, – металлически звенят киборг и робот.

Ярвокс делится с Джексом и Бастером содержимым ещё

одного кармана своего жилета, и киберпанки тут же принимают за дело.

Глава 5. О чём не молчат рыбы

Для познания нравов какого ни есть народа старайся прежде изучить его язык.

Пифагор

Киберпанки успевают смастерить новый радар прямо перед посадкой на Флуплюлю. Она, впрочем, грозит и не состояться: облетев всю планету, мятежники не находят под лазурной атмосферой этой планеты ничего, кроме толстого слоя паутины. В общем-то, к паутине, которая протянута между планетами, они уже успели привыкнуть. К сожалению, она всё быстрее и быстрее появляется в новых местах. Но целая планета в паутинном коконе – это уже интересно.

– Как ни странно, здесь нет паукрабских баз, только паутина, – глядя на только что собранный радар, комментирует Бастер.

– Тоже вариант! – реагирует Стив. – Думаю, это своеобразный склад паутины. Надо же откуда-то её тянуть к другим планетам.

– Логично.

– Как бы то ни было, нам нужно под паутину проникнуть.

– Не сейчас. К нам приближаются двумперские корабли.

Мне придётся отдать им «груз».

Два паукрабских корабля подлетают вплотную к «Хитрюге». Бастер снова играет роль владельца корабля, а заодно и курьера.

– Груз цел? – безо всяких преамбул обращаются к Бастеру паукрабихи на борту.

Из кают «Хитрюги» доносится тихое хихиканье бывших контрабандистов.

– Цел, – отвечает Бастер. – Разрешите спуститься на поверхность?

– Нет. Паутину не трогать. Передавай груз в воздухе.

На одно мгновение в командной строке Бастера выплывает выражение, которое в переводе с унипрога, универсального кибервиртского программного языка, означает буквально следующее: «швырнуть ящик в этих хамок». Стерев эту строчку, Бастер выдвигает из носа корабля трап, который доходит до самых двумперских звездолётов. Похожий на канатоходца, только с ящиком вместо шеста, Бастер идёт по трапу и останавливается перед кораблями паукрабих. Паукрабьи клешни быстро выхватывают из стальных рук робота весь заботливо собранный Яарвоксом и Герном мусор в красивой гиперполимерной упаковке.

– Всё, лети отсюда, – грубо сообщает Бастеру одна паукрабиха.

– Можно было бы сказать «спасибо», – вежливо произносит Бастер.

– А маслицем тебя не смазать? Ты же бездушная машина,

с чего тебе такая честь?

Бастер ничего не отвечает, но на внутреннем унипроге провожает удаляющиеся двумперские корабли старинным кибервиртским проклятием – пожеланием заевших шестерёнок, ржавого корпуса, разбавленного масла и перегоревших светодиодов.

– Да не обращай ты внимания на паукрабих, друг, – раздаётся вдруг поблизости вкрадчивый йорзский голос. – Они так со всеми разговаривают.

Бастер оборачивается и видит маленький звездолёт, в разы меньше обычного двумперского драндулета. Экипаж представлен двумя йорзе, один из которых не сводит глаз с приборной доски, а другой продолжает говорить, по-гиенни растягивая губы в льстивой улыбке:

– Как приятно встретить готового протянуть руку помощи трудолюбивого робота. Ведь ты не откажешься от хорошей работы на благо Двумперии?

«Откажусь» – высвечивается в командной строке Бастера.

– Не откажусь, – произносит робот вслух.

– Вот и славно. Вот тебе проект, отвези его на Кибервирт, – с этими словами йорзе протягивает роботу платальбом. – Спасибо, друг.

Бастер принимает платальбом из когтистых рук киборга настолько холодно, насколько это возможно с ограниченными способностями выражать эмоции.

– Кстати, наш просвет показывает, что у тебя на корабле

есть какие-то органические существа, – словно не обращаясь к Бастеру, бормочет йорзе. – Непонятно, какие именно, но их там немало!

– Это... сурки-ржавчинники, – после небольшой паузы находится Бастер. – Совершенно безобидные зверьки.

– А, тогда всё хорошо. Не будем больше задерживать! Спасибо ещё раз!

Йорзский кораблик словно испаряется. Бастер спешит внутрь корабля.

– Друзья, у меня две новости, и обе плохие, – говорит робот, показывая команде платальбом.

– Насчёт просвета не беспокойся, – успокаивает коллегу-киберпанка Джекс. – Был бы копипринтер, а там хоть город строй, как говорится. В два счёта мы с тобой соорудим непроницаемое для двумперских радаров покрытие!

– Логично. Но что делать с этим проектом?

– Изучить и уничтожить! – категорично заявляет Стив.

Тщательное исследование йорзского платальбома занимает у команды где-то три деминыты.

– Мозговзломы обновляют, – с горечью вздыхает Млем.

– Тоже мне обновление, – хмыкает Стив. – Это как если бы мы приборную доску со столом местами поменяли.

– Видимо, йорзе тоже любят занимать своих подданных бессмысленной работой, – заключает Бастер. – Теперь можно избавиться от платальбома.

– Давай его сюда! – выпаливает Семиларен.

Семнадцать рук горячего блента обращают платальбом в массу пластиково-металлических обломков. Ими Бастер наполняет заправочный отдел копипринтера.

Избавившись от неприятного двумперского артефакта, команда решается проникнуть под паутинную «кору» Флуплюля. Прodelав в паутине аккуратное отверстие по форме корабля, экипаж «Хитрюги» слегка модифицирует свой звездолёт, и тот превращается в некое подобие подводной лодки. Когда «Хитрюга» наполовину погружается в воду, мятежники оперативно заделывают отверстие всё той же старой доброй изоляцией с гиперполимерным покрытием.

Импровизированная «подлодка» оказывается единственным сколько-нибудь значимым источником света в толще флуплюльских вод в огромном радиусе: отвратительная паукрабская паутина практически не пропускает лучи голубого солнца. Потому неудивительно, что те обитатели вод, которые не относятся к когорте глубоководных, мгновенно окружают корабль. Все они – разумные рыбы. Гигантские, средние, крошечные, переливающиеся всеми цветами радуги, полосатые, пятнистые, одноцветные, контрастные, блестящие, прозрачные, с огромными вуалевыми хвостами, с едва заметными плавничками, угревидные, плоские, треугольные, шарообразные, покрытые наростами, колючие, гладкие, двуглазые, многоглазые, усатые, с торчащими наружу зубами, клювастые, со ртами-присосками, светящиеся, стайные, одиночные...

Несмотря на всё своё пёстрое, хотя и заметно истасканное несладкой жизнью в тёмных водах разнообразие, флуплюльцы едины в своём отношении к экипажу «Хитрюги»:

– Какое счастье! Вы не паукрабы и не йорзе! – раздаются радостные, но слабые голоса из динамика, подключённого к гидрофону. – Наконец-то мы видим свет! Надежда есть! Не всё потеряно!

Не успевает кто-либо на борту «Хитрюги» что-нибудь сказать в ответ, как рыбы меняют тему разговора:

– У вас нет еды? Хоть какой-нибудь? Пожалуйста, умоляем, поделитесь хотя бы крошкой! Мы сделаем для вас, что хотите! Пожалуйста! Хотя бы чуть-чуть еды! Нам приходится есть собственную икру и обкусывать друг другу плавники, чтобы не умереть...

И это флуплюльцы! Тысячелетиями эти весёлые рыбы не знали невзгод. Даже суровые шторма и нашествия опасных диких хищников флуплюльцы переживали на удивление легко. Каждый из четырёхсот двадцати шести дней в году обязательно был каким-нибудь праздником, пусть даже таким, который праздновали только две-три семьи на каком-нибудь одном-единственном маленьком рифе. Что уж говорить о тех, которые отмечала вся планета-океан – Феерии Рачков-Светлячков, Празднике Весёлых Пузырьков, Фестивале Космоса, Дне Архитектуры⁸ и многих других собы-

---

⁸ Если вы думаете, что в именительном падеже это Дно Архитектуры, а не День – вы либо просто землянин с хорошим чувством юмора, либо... истинный флуп-

тиях! Кстати, об архитектуре: флуплюльцы всегда славились своими невероятно красивыми подводными дворцами, хитроумными лабиринтами, плавучими строениями и высокотехнологичными океанскими космопортами. Казалось, что красивые сооружения строили все поголовно и все дни напролёт, прерываясь лишь на сон, праздники, нерест и короткие перекусы. О еде разумные рыбы не беспокоились никогда: весь океан кишел планктоном, водорослями и крупными мягкотелыми беспозвоночными. Ровно до тех пор, пока паукрабы своей паутиной не закрыли всему океану доступ к свету, из-за чего вымерли фотосинтезирующие организмы – основа почти всех пищевых сетей. Лишь скудные глубоководные экосистемы спасли от немедленной гибели около четверти населения Флуплюля. Сейчас от этой четверти уже осталась только половина, поскольку последствия экологической катастрофы со временем достигли даже самых потаённых глубин, и голод начался уже там.

– Конечно, мы с вами поделимся едой, – после небольшой паузы заверяет флуплюльцев Стив. – Биореактор у нас всегда заряжен.

– Буль! Биореактор! – булькает один рыбий голос. – Ещё не так давно, буль, мы считали это устройство инопланетной, буль, безделушкой. Как мы, буль, были недалёковидны!

– Это вполне, хм, естественно, – реагирует Айзел. – Известно, гм, что среди существ с развитой, э-э-э, регенераци-

ей мало хороших, эм, травматологов. Неудивительно, гм, что вы никогда и не думали выращивать еду, э-э-э, искусственно. Ваши экосистемы, хм, всегда были образцами, эм, устойчивости и разнообразия.

– Может, подарить им сам биореактор? – вдруг произносит Витс.

– Отличная идея! – одобряет Стив. – Вовремя ты заправил копипринтер, Бастер!

– Пока будет печататься новый биореактор, давайте воспользуемся уже существующим, – предлагает робот. – Там как раз остались программы для флуплюльских организмов.

Под радостное верещание сотен флуплюльцев мятежники воскрешают в биореакторе вымерший фито- и зоопланктон, а также зелёные водоросли и мягкотелых беспозвоночных. Вскоре всё это богатство оказывается снаружи «Хитрюги», и тут же начинается бурное рыбье пиршество. На первый взгляд кажется, что рыбы хаотично и эгоистично стараются урвать побольше, не думая о других. Но на самом деле каждая рыба выбирает себе небольшой участок, с которого собирает еду, не мешая при этом соседям. Зрелище получается очень красивое и гармоничное. Когда еда заканчивается, как раз оказывается готов новый биореактор. С помощью бортового телепортатора мятежники отправляют устройство в толщу флуплюльских вод. Его сразу же подхватывают хасситафы – постоянно меняющие цвет и форму узоров на длинном и тонком теле рыбы с большими добрыми глазами.

– Спасибо! Спасибо вам огромное! – раздаются из динамика ликующие рыбки голоса. – Мы не останемся в долгу! Как нам вас отблагодарить?

– Кое-что вы можете для нас сделать, – отвечает Стив. – Просто ответьте на пару вопросов. Во-первых, есть ли на Флуплюле паукрабские базы? Наш радар их не обнаружил.

– Ни одной! Они живут где-то в своей мерзкой паутине! Баз нет!

– Подкрадство, – реагирует Стив. – Значит, вряд ли вы нам поможете перевести паукрабские тексты с фотографий...

– Буль! Это я могу! – вдруг отзывается уже знакомый булькающий голос. – Покажите мне, буль, фотографии, и я, буль, переведу! Буль, меня зовут Анк'Уф, я был, буль, у паукрабов в плену и, буль, выучил их язык.

К окну «Хитрюги» подплывает представитель вида оубуллерей – изящная рыба с длинным чёрным телом в голубую полосу и четырнадцатью треугольными плавниками на спине и брюхе. Вытянутым рылом Анк'Уф касается стекла, показывая место, откуда ему будет удобнее всего читать текст с фотографий. Стив подходит к окну и показывает оубуллерю снимки документов и записей с хлонокоптерской базы.

– Буль, я готов, – объявляет Анк'Уф, пройдясь синими глазами с почти незаметными зрачками по фотографиям. – Буль! Удивительно, но на той базе, буль, где держали меня, буль, были точно такие же записульки! Точнее, буль, это их

планы.

– Такие же, как где? Ты помнишь, на какой планете была база? – интересуется Леод. – Мы были на Хлонокоптере.

– Нет, буль, это был не Хлонокоптер. Это, буль, была какая-то совершенно другая планета. На ней, буль, не было никакой растительности.

– А было бы здорово, если бы планы оказались одинаковыми на всех паукрабских базах, – думает вслух Веншамея. – Знаю, странная идея, но вдруг...

– Ну, чё там? – нетерпеливо интересуется Накет.

– Буль! «Миллион этих планет превратить в коконы»... дальше все эти, буль, планеты перечислены... «На миллионе этих планет возвести базы»... и эти, буль, планеты тоже перечислены. «И ещё сто тысяч планет – уничтожить». Буль, среди вас есть телепаты, верно? Возьмите, буль, из моей памяти список – у меня было достаточно, буль, времени, чтобы расшифровать название каждой, буль, планеты. Буль! Дальше. «Раскидывать сети, тянуть нити. Чужаки уйдут, потратив жизни на наше благо. Только йорзе достойны находиться на нашей Великой Паутине, потому что признают нашу власть и удобно подстраивают под нас мир. Орхги – грубая сила, они нужны только на первых порах. Ходострелы – слуги: свой разум им дозволено использовать только ради нас и ради Великой Паутины. Те, кто не служит нам, умрут. Великая Паутина – вершина нашей истории».

Наступает мёртвая тишина.

– Э-э-э, это всё? – удивлённо спрашивает Айзел. – Там точно больше ничего, хм, нет?

– Буль! Нет, – отвечает Анк’Уф. – Остальное – это, буль, рисунки. Какие-то, буль, очень странные рисунки. Это явно, буль, какой-то тайный код. Но его, буль, я вскрыть так и не сумел.

– Ррр! Но мы наконец-то поняли, что нужно этим беспозвоночным! – восклицает Райтлет. – Два миллиона планет для сооружения какой-то Великой Паутины, и ещё сто тысяч им зачем-то надо убрать.

– Два миллиона планет... а это много или мало в масштабах Галактики? – интересуется Сэн.

– Очень мало. В Млечном Пути три триллиона планет. Обитаемых из них где-то... пол-триллиона, если я не ошибаюсь. А с разумной жизнью, если я правильно помню, миллиардов десять.

– Всё так, – подтверждает Карл. – Десять миллиардов и одна с разумной жизнью, если быть точным.

– Даже странно, что паукрабам нужно так мало... – бубнит Млем.

Пока экипаж «Хитрюги» старательно усваивает и обдумывает новую информацию, Райтлет проверяет свой коннектар и объявляет:

– Пришёл сигнал бедствия с Альдона. Говорят, эту планету паукрабы тоже хотят уничтожить!

– Буль, её в списках нет! – удивляется Анк’Уф. – Буль, ни

в одном!

– Эти мерзятые твари нас обманули, – скрежещет Джекс.

– Полетели, проверим! – вступает Силмак. – Может, конечно, там ловушка. А может, и нет! Пока не увидим, не узнаем!

– Вряд ли это ловушка, – произносит Бастер. – Если бы нас узнали, с нами расправились бы здесь, на Флуплюле. Это было бы логично.

– Будь что будет, но мы полетим, – заявляет Стив. – Киберпанки, на вас гиперполимерное покрытие для корабля. Надеюсь, на какое-то время это нас обезопасит. К тому же, нас никто не обязывает сразу же садиться. Покружим над планетой, оценим обстановку, и тогда уже решим, что делать дальше.

– Ты с нами, Анк'Уф? – спрашивает у разумной рыбы Силмак.

– Буль! Нет. Я нужен здесь, буль, на Флуплюле. Попробую, буль, очистить от паутины, буль, хотя бы одну взлётную трубу. Если у нас, буль, будет доступ в космос, буль, мы улетим отсюда в Укрытый Рукав.

Поблагодарив отважного оубулля, мятежники поднимаются на поверхность, снова прорезают паутину и заделывают отверстие. Кроме того, Бастер в очередной раз меняет номер звездолёта. В итоге, с Флуплюля «Хитрюга» улетает незаметно. А когда корабль стараниями неутомимых киберпанков обретает гиперполимерное покрытие, он становится

совсем невидимым.

Таким же невидимым, как и пункт назначения.

Да, Альдон тоже исчез из Галактической Энциклопедии.

Глава 6. Крылья обрётённые

Знание – сила.

Кому только эту фразу не приписывают!

Альдон – планета с необычной на земной взгляд цветовой гаммой. Под сине-зелёной атмосферой простираются оранжевые океаны, окружённые совершенно чёрными пляжами. Континенты же отличаются ярко-красным цветом почвы и не менее ярким лимонно-жёлтым – растительности. А разумные жители планеты, мелльды, окрашены в довольно блёклый зелёный цвет со смазанными голубоватыми пятнами и редкими чёрными точками. Может показаться, что эти не просто мягкотелые, а прямо-таки желеобразные существа вообще не способны основать какую бы то ни было цивилизацию просто по физиолого-анатомическим причинам. У мелльдов нет ни рук, ни щупалец, ни иных хватких конечностей. Челюстей у них тоже нет – круглый рот открывается на конце небольшого хоботка. Даже пять выразительных белых глаз не очень-то помогают орудийной деятельности. Как же мелльды возвели на своей планете города и покорили Космос? Им повезло: в оранжевых водах Альдона несть числа бактериям-телекинозитам. Водой мелльды должны регулярно пропитываться насквозь. Таким образом, симбиоз между

телекинетическими бактериями и разумными желеобразными оказывается просто неизбежным. Мелльды владеют телекинезом настолько искусно, что им завидуют... точнее, завидовали даже терраформы.

Стив, кстати, не завидует, но совершенно искренне мелльдов уважает.

Но даже почти что врождённый телекинез не спасает разумных жителей Альдона от страшного хищника – мегажута. На этой планете он вообще ни к селу, ни к городу: единственную особь завезли сюда какие-то нерадивые звероловы. Хищник хорошо приспособился к местным условиям: изменил свой ритм жизни, переселился с равнин в горы, а самое главное, приобрёл иммунитет к телекинезу.⁹ Поэтому мелльды так же беззащитны перед мегажутом, как перед Двумперией. А она постоянно напоминает о себе разрушительными налётами, уродливой архитектурой и атмосферой всеобщего отчания. Тем не менее, даже боевые корабли аккуратно облетают горы, в которых живёт мегажут.

«Хитрюга», покружив немного над Альдоном и ни с кем не столкнувшись, приземляется недалеко от тех самых гор (которые, кстати, отличаются насыщенным шоколадным цветом). Рядом с ними находится полузаброшенное мелльдское поселение с опутанными паукрабской паутиной зданиями. Едва завидев корабль, малочисленные обитатели зло-

---

⁹ Именно благодаря иммунитету этого мегажута появились хитроумные устройства – телекинез-блокираторы.

счастливого поселения бросаются навстречу экипажу, но очень скоро испуганно останавливаются и поспешно, задействуя все силы телекинеза, ползут обратно.

Мегажут сегодня не спит. Похоже, он как раз собрался на охоту. Исполинский хищник тёмно-зелёного цвета угрожающе быстро приближается к мятежникам на шести когтистых лапах. Оскаленные зубы, грозный рык и налитые синей кровью глаза не сулят ничего хорошего тому, кто окажется на пути этого зверя.

Что несколько не смущает горячих парней, всегда готовых подраться – Семиларена и Накета.

– Валим его! – вопит блент, оснастив каждую из семнадцати рук испарителем.

– Убить всегда успеем, сначала ловим! – слегка корректирует амбициозные планы Семиларена Накет – обнажив, впрочем, и свой гормет с голубым клинком.

– Да куда ж вас несёт!.. – шипит Леод.

Блент и человек с двух сторон бросаются к мегажуту... и через несколько мгновений отправляются в короткий полёт, который заканчивается не очень мягким, но синхронным приземлением в лимонно-жёлтую траву.

– Ррр! Не знаете – не беритесь! – рычит, вооружаясь, Райтлет. – Мы с Сэн его укротим!

– Мы профессионалы! – поддерживает тц-рики. – Юур солшом!

– Юур солшом!

– А п-по-моему, он-ни все н-немножечко с д-дуба рухнули, – мямлит Витс, с ужасом наблюдая, как охотники на чудовищ кидаются на страшного зверя.

– Согласна, – с ничуть не меньшим ужасом шепчет Веншамя.

Завидев охотников, мегажут останавливается будто бы в недоумении. Но на самом деле это знак того, что хищник готов биться. Из устрашающей зубастой пасти мегажута раздаётся кошмарный рёв, сквозь который пробивается ещё и наипротивнейший визг. Райтлет отвечает чудовищу своим самым глубоким и громким рыком, который до костей пробирает всех, у кого кости, собственно, есть. Сэн же замахивается на мегажута горметом и сердито бьёт хвостом. Поняв, что странных двуногих существ испугать не удалось, мегажут припадает к земле и начинает надвигаться на сартонари и тц-рики, время от времени делая резкие выпады когтистыми лапами и страшными челюстями, а также стараясь задеть противников шипастым хвостом. Райтлет и Сэн то отступают, то сами надвигаются на чудовище, причудливым образом при этом подпрыгивая, кружась будто бы в танце странного ритма, размахивая горметами и мотая во все стороны хвостами. Райтлет временами подскакивает к мегажуту так близко, что едва не задевает его горметом или когтями, а порой даже щёлкает зубами рядом с самыми глазами чудовища. Сэн в это время старается отвлечь внимание мегажута на себя, ударяя его хвостом с самых неожиданных сторон.

Вдруг Райтлет выдаёт ещё один манёвр – низко приседает, словно собираясь пронзить горметом мягкое брюхо чудовища, но в последний миг высоко взлетает и, приземляясь, царапает когтями морду мегажута. При этом удар приходится на левую сторону. Мегажут рефлекторно бросается влево, но в мгновение ока справа подбегает Сэн и взмахивает горметом у правого глаза чудовища.

– Ну и танцы-шманцы, – озвучивает мысль почти всего экипажа «Хитрюги» Герн.

– Э-э-э, их смысл станет понятен, если, хм, вспомнить о биологии мегажута, – комментирует Айзел. – Мегажут – это, гм, не просто груда мышц, эм, зубов, когтей и шипов. Это чудище, хм, вблизи может читать мысли. Поэтому Райтлету и Сэн, хм, приходится думать, гм, одно, а делать, э-э-э, другое. Эм, то есть, перед тем, как сделать выпад, хм, правой рукой, они думают, гм, как сделают его левой.

– Надо же, какие премудрости.

И премудрости эти работают. С каждой новой атакой Райтлета и Сэн мегажут всё больше теряется и теряет ловкость. Улучив момент, сартонами останавливается и начинает пятиться, размахивая горметом прямо у носа чудовища, а хвостом указывая то влево, то вправо. Вдруг Райтлет неожиданно бросает гормет и молниеносно взбирается по правому боку чудовища ему на спину. В это же время Сэн запрыгивает мегажуту на нос и бьёт того хвостом прямо по глазам. Мегажут принимается прыгать и беспорядочно моло-

тить хвостом, чтобы сбросить охотников, но Райтлет вцепляется когтями в шею мегажута и удивительно точным и сильным толчком опрокидывает гигантского хищника на землю. Мегажут не успевает встать – Сэн уже хватается за чувствительное горло чудовища. Ещё одним точным и сильным ударом Райтлет заставляет хищника лечь на спину. После этого мегажут прекращает сопротивляться и, тихо ворча, складывает лапы. Охотники слезают с чудовища, обмениваются традиционным восклицанием «юур дефнерп» и крепко обнимаются.

Когда мегажут робко поворачивает голову к влюблённым охотникам, внезапно настораживается Силмак:

– Эй, ребята, а вы у мегажута чего-то металлического под левым глазом не заметили? Блестело там что-то!

– Нет, – честно отвечает сартонами, приподнимает голову мегажута, и... – Ха! Жучок! Причём явно двумперского образца!

– Похоже, это действительно ловушка, – вздыхает Млем.

– Грррр, летим отсюда! – ворчит Тецклай.

– Ничего так и не выяснив? – одёргивает хриввалэйтна

Стив.

– А чего тут выяснять? Вы уже попались! – раздаётся из-за спин мятежников чей-то мерзкий глумливый голос.

В этот же миг раздаётся выстрел, и замертво падает мегажут, который уже собирался аккуратно подняться и уйти восвояси.

Взору обернувшегося экипажа «Хитрюги» предстаёт далеко не самая приятная картина. Весь звездолёт покрыт отвратительной паукрабской паутиной. Окружают корабль создатели – вернее, создательницы паутины, облачённые в металлические экзоскелеты паукрабихи, а также грозные ходострелы и вооружённые до зубов йорзе с неизменными ухмылками на гиенных лицах.

– Лучше было бы, конечно, прихлопнуть вас на Флуплюле, – бросает куда-то в сторону йорзе, обладатель мерзкого глумливого голоса и электробластера, который оборвал жизнь могучего чудовища, – но тогда бы мы повредили драгоценную паутину паукрабих...

– Это точно! – взвизгивает одна из паукрабих и угрожающе скрежечет металлическими клешнями.

Силы, конечно же, неравны. Но всё тех же импульсивных Накета и Семиларена это не останавливает...

– Ребята, я их отвлеку! Вперёд! – кричит Накет и рвётся в бой.

– Я с тобой, дружище! – восклицает Семиларен и устремляется вслед за Накетом.

Ни паукрабихи, ни ходострелы, ни йорзе никак не реагируют на этот выпад. Только паукрабихи начинают как-то странно, кусками, оплетать траву паутиной...

Семиларен и Накет, не замечая явного подвоха, кидаются на двумперцев... но тут в руках у йорзе и паукрабих неожиданно оказываются мелльды. Коварные двумперцы держат

их прямо перед собой, выстроив таким образом живой щит. Судя по всему, мелльды полностью лишены телекинеза – они вообще не сопротивляются. Еле слышно они умоляют отпустить их – но всё, конечно же, втуне.

– Вот жопа! – вскрикивает Накет, резко затормозив как раз вовремя, чтобы не задеть горметом беззащитных местных жителей.

Семиларен же тормоза включать не собирается.

– Стой, говно собачье!!! – рывкает Накет, едва успев схватить блента за две руки.

– Ты чего?! – возмущается Семиларен.

– Да ничё! Глаза разуй, блин!

Блент останавливается и пристыженно прижимает уши. Ещё один миг – и он бы лишил жизни не одного невинного местного жителя...

Двумперцы, видя замешательство мятежников, принимают злорадно гоготать.

– Ха-ха-ха! Жалко вам этих ничтожных желеобразных, да? Что, ребятки, совесть мучает? – мерзким тоном осведомляется загораживающий вход на корабль йорзе с самым большим мелльдом в руках.

Тут же находится опомнившийся Семиларен:

– Надо же, какое слово выучили – «совесть»! В каком словаре вычитали?

Не сразу двумперцы распознают сарказм. Но когда распознают, гадкий гогот затихает.

– Сдавайтесь, ублюдки, – грубо прерывает молчание одна паукрабиха. – Может, в живых останетесь.

Двумперский ультиматум встречает лишь тишина, полная презрения. Унижаться никто не собирается. Несмотря на то, что ситуация кажется безвыходной, каждый мятежник пытается придумать какой-то спасительный манёвр.

Но всё тот же йорзе с гнусной ухмылкой ломает все надежды мятежников:

– Мы уже давно за вами следим. И всё про вас знаем. Даже странно, что ваши brave киберпанки не заметили всех этих датчиков...

Джек и Бастер озадаченно переглядываются. Неужели и правда?..

– Йорзе не верьте. Верьте мне, – тихо шепчет друзьям Стив, уловив тревожные мысли в органическом мозге Джекса. – У меня есть план.

Стив меняет форму зрачков: чёрные амёбы в его глазах становятся тонкими вертикальными линиями. После этого терраформ складывает руки, сгибает все пальцы, кроме указательных, прикладывает кисти к носу и всем телом напрягается. Несколько стеков – и он исчезает. А точнее, телепортируется прямо за дверь «Хитрюги».

От глаз двумперцев исчезновение Стива не ускользает.

– Хе-хе! Вон, даже Стив вас бросил! – хихикает йорзе с самым большим мелльдом в руках.

– А не пошёл бы ты... – отзывается Накет.

Назвать точный пункт назначения человек не успевает: дверь «Хитрюги» открывается, и оттуда высовывается двухпалая нога терраформа. Мощный пинок – и йорзе, выпустив из рук мелльда, перелетает через мятежников и впечатывается гниеным лицом ровнёхонько в грязную лужу.

Не успевают двумперцы что-либо сообразить, как мятежники уже оказываются внутри корабля. Остаётся лишь одна проблема: крепкая паутина, которая опутывает его снаружи, не даёт взлететь. Но решение быстро находит Тецклай у приборной доски:

– Гррр! Гиперполимер не горит, а паутина – ещё как. Поднимаю температуру... давление снижено... форсаж!!!

Когда паукрабы и йорзе понимают, что их обхитрили, они принимаются обстреливать освободившийся звездолёт... но уже через несколько мгновений «Хитрюга» скрывается из виду. Тут же двумперцы посылают в погоню несколько десятков боевых кораблей, но они очень быстро теряют след: корабль мятежников больше не отображается на их радарх, и никто не успевает заметить, в какую именно из пяти магистральных труб, которые открываются недалеко от Альдона, он ныряет.

А ныряет «Хитрюга» в ту сеть магистралей, которая ведёт к краю Укрытого Рукава.

– Уф, ещё немного – и тяжело бы нам пришлось, – выдыхает Яарвокс, когда становится ясно, что никакой погони не предвидится. – Жалко только, ничего выяснить не удалось.

– Ррр, кроме того, что мы все обвешаны какими-то датчиками, – ворчит Райтлет.

– Это обман, – уверяет Джекс. – Я перепроверил всё, и Бастер тоже. Нет у нас никаких датчиков.

– Йорзе почти удалось нас деморализовать, даже я чуть было не поверил, – вступает Стив. – Но я умнее их.

– А вот паукрабы умнее не стали, – тихо усмехается Тецклай. – Оплетать паутиной корабль – глупо.

– Внутри они тоже побывали, – замечает Веншамея. – Вон там, над дверью, паутины наплели.

– Я сейчас её уберу, – объявляет Бастер и направляется к двери, но его вдруг останавливает Леод:

– Подожди-ка! Эти узоры... что-то они мне напоминают...

Леод долго всматривается в лоскут паутины, принохивается и напряжённо шевелит вибриссами. Наконец, его осеняет:

– Точно! Друзья, как же я мог забыть! Я видел похожую систему общения у... блургров! Они тоже пишут нитями – не паутиными, правда, а слизистыми, но очень похоже!

– Я тебе больше скажу, Леод, – улыбается Стив. – Блургры и паукрабы – на самом деле родственники. Мои братья разделили их уже на племенном уровне развития, так что их языки действительно должны быть похожи. Я уверен, что блургры помогут нам расшифровать эту подкрадскую вязь!

– Подожди, – прерывает Стива Млем, – вы их... раздели-

ли? Зачем?

– Они уже начали друг с другом грызться, не осознавая своего родства. Длилась эта грызня так долго, а главное – так много ради неё оба вида создали оружия, что нам надоело. Мы оставили на Мизергели паукрабов, а блургров переселили на Леззу.

– Это был единственный выход? Разве других способов разрешить этот конфликт не было?

– Млем, я знаю, о чём ты думаешь. Мы пытались. Намекали знаками, пытались повлиять на их верования, создавали ситуации, из которых можно было выйти только всем вместе. Ничего не получилось.

– Должен был быть другой способ. Может, то, что паукрабы себя так ужасно начали вести, на самом деле – следствие разделения? Какая-то потаённая обида на вас, терраформов?

– Но блургры-то стали мирными. Затворниками, да, но они не пытаются заматывать целые миры в паутину. Значит, паукрабы ведут себя как сволочи не потому, что мы отделили их от блургров.

– Трудно сказать наверняка. Что-то мне подсказывает, что твои братья поступили не совсем правильно, Стив.

– Думай что хочешь. Курс на Леззу, друзья мои. Путь неблизкий, успеем отдохнуть.

Команда неслышно расходится по каютам. Но уже скоро тихий воздух внутри корабля начинает сотрясать эмоциональный диалог Райтлета и Сэн. Он крайне сбивчив, и даже

не всегда в нём можно разобрать оформленные слова и предложения. В нём дикий первобытный восторг, адреналин, вельоксин, горячая любовь, взаимная гордость и истинное охотничье счастье.

Завершается разговор внезапно – четырьмя чёткими репликами:

– Слушай, это же был тот самый мегажут, с которым я сражался на арене. За него-то мне и дали чёрные доспехи! Я вспомнил: у него те же шрамы и отметины на морде!

– Обомлеть! Жалко, что эти черти пороссячи его пристрелили.

– У нас на Тихарлавсе хранится его ДНК. Его можно будет восстановить!

– Ух ты, здорово!

Тем временем на кухне начинается другой разговор. Там Юрксла, повстречав Веншамею, пытается своим наполненным множеством ненужных слов говором объяснить ей, кто он такой. Веншамея отделяется стандартной фразой «Приятно познакомиться!» и лезет в холодильник, где находит бутылку земного красного вина. Налив себе бокал, Веншамея садится за стол и тихо произносит, ни к кому не обращаясь:

– Кругом обман, жестокость, несправедливость... а мы тут пьём.

– Простите, не мы, а вы, – возникает на кухне Яарвокс. – Алкашка ты всё-таки.

– Какое тебе дело! У меня тяжёлые мысли, я вспомнила Теэклавеллу...

– О, и ты хочешь утопить тяжёлые мысли в вине? А они не тонут, знаешь. Поверь, я через это проходил. Ничего хорошего из этого не выходит. Как сопьёшься...

– Я не собираюсь спиваться! Просто немного...

– Забыться?

Веншамея испепеляет Ярвокса взглядом. Но вдруг смягчается:

– Как с языка снял... хм... может, ты и прав, – с этими словами Веншамея прячет бутылку обратно в холодильник и снова садится за стол. – Видимо, я не так сама себя поняла. Да! На самом деле, мне нужно просто выговориться! Если бы меня кто-то выслушал...

– С удовольствием! – живо реагирует Ярвокс и подлетает к бывшей королеве Теэклавеллы.

Ярвокс резво, но в то же время нежно приобнимает Веншамею и почти что втыкает усы и мефистофельскую бородку ей в щёку...

Звонкая пощёчина тут же отдаляет седого контрабандиста от бывшей королевы.

– Пошёл вон, кобель!!! – вскрикивает Веншамея. – Похотливый козёл!

– Да что я сделал-то? – возмущается Ярвокс.

– Ничего! Руки от меня убери! Хватит меня лапать!

– Лапать? Я тебя просто приобнял! Не за сиськи же...

Ярвокс не успевает договорить: он получает новую пощечину, ещё более звонкую и болезненную.

– Ну и чёрт с тобой, – ворчит Ярвокс, потирая щёку, и утекает с кухни. – Тоже мне, недотрога какая.

Веншамея вновь остаётся одна. Сначала ей опять хочется взяться за вино, но что-то её останавливает. То ли слова Ярвокса, то ли собственные сомнения...

– Чё случилось, Веншамея? – участливо спрашивает оказавшийся у порога Накет.

– Я опять вспомнила Теэклавеллу, – вздыхает Веншамея. – Если бы не моя дурацкая затея с восстанием, все теэклавелльцы были бы сейчас живы! А я их убила. Да, именно убила! И разрушила целую цивилизацию!

– А мне кажется, что всё не так страшно, – мягко говорит Накет и садится рядом с мрачной королевой.

То есть, бывшей королевой.

Нет, всё-таки королевой. Его личной.

В отличие от своего предшественника, Накет соблюдает дистанцию и держит руки при себе.

– Ты же готовила людей к восстанию, так?

– Конечно. Годы тренировок, расчёты, огромный труд. Прорабатывали все варианты, а выпал нерасчётный!

– Ну, ты же не вытащила всех этих людей утром из постели и не приказала идти на орхгов в чём родила! Они знали, что рискуют!

– Да, но дело-то не в этом. Зачем я вообще это всё устро-

ила? Можно было как-то тихонько выскользнуть из-под власти орхгов, уйти в подземелье... тогда бы планета была цела! Зачем было вылезать?

– А знаешь, кучу планет орхги уничтожили вообще ни за что. Жители тех миров им верно служили, никогда им не перечили. Но вот ударило чё-то Императору в голову – и всё, от тех планет камня на камне не оставили! Поверь, таких полно. Так что вашу планету могли разнести средь бела дня ваще просто так.

– Вот как? То есть, ты считаешь, что дать отпор стоило попробовать?

– Стоило! И ты не виновата в том, что произошло в итоге. Не повезло просто. Кто его знает, что в башке у Хргрт’Экты тогда было. И неужели ты одна на всю планету о восстании думала? Вы, теэклавелльцы – умный и гордый народ, всё равно бы рискнули когда-нибудь. Лучше героем помереть, чем всю жизнь рабом быть – это ж прямо про вас!

Ещё раз прокрутив в голове всё, что сказал Накет и всё, что помнила о том роковом дне она сама, Веншамея наконец приходит к тому выводу, к которому Накет её настойчиво подводил.

– Накет, спасибо тебе большое! Почему я сама об этом обо всём не подумала? Ругаю себя, самобичеванием занимаюсь... а всё так просто! И ни одной избитой фразы. Ты просто умница.

– Ну, избитыми фразами утешать – последнее дело, –

скромно улыбается Накет, заметно покраснев. – Хотя, ваще-то, ничё такого оригинального я и не сказал!

– Сказать что-то важное можно и самыми неоригинальными словами.

– Например... «я люблю тебя»?

– Или, – Веншаменя пододвигается к Накету поближе, – можно ещё так: «я хочу»...

– Коньяку и колбасы?

Неожиданная шутка заставляет Веншаменя затрястись в диком припадке почти беззвучного хохота. Другой хохот, вполне звучный, раздаётся вдруг из кухонного шкафчика. Накет быстро встаёт, открывает шкафчик и находит там Силмака, который держит в первой паре лап пачку печенья.

– Что? – обдав Накета крошками, реагирует шнырявка. – Мне просто понравилась шутка, я не удержался!

Накет сначала посмеивается вместе с шнырявкой, но потом меняет тон:

– Силмак, дуй отсюда.

– А волшебное слово?

– Быстро!

Накет уже не смеётся. А вот Силмак, хотя и выходит послушно из кухонного шкафчика и направляется к выходу с кухни, продолжает тихонько хихикать в вибриссы. Не успевает Накет выразиться по этому поводу, причём привычным крепким слогом, как его обнимает Веншаменя.

– Не нужно больше слов! – шепчет она и горячо целует

Накета.

– Прямо здесь! Прямо сейчас! – только оторвавшись от губ Веншаеи, заявляет Накет. – Моя королева!

Словно по волшебству, с Веншаеи очень быстро слетает платье: длинные пальцы Накета уже нащупали все застёжки...

Не в силах больше сдерживать страстное желание, он прижимает бывшую королеву Теэклавеллы к холодильнику и осыпает поцелуями всё её тело, не пропуская ни одного изгиба...

– Да разденься же ты, запаришься! – улучив момент краткой передышки, весело упрекает Накета Веншаея.

– Я не хочу от тебя отрываться! – выкрикивает в ответ Накет.

– Тогда я тебе помогу... боже, какой ты горячий! С какой ты планеты?

– С Бедантии!

– А я думала, ты фордокс-приманец!

– Хватит мне льстить, юмористка! И ксенофильша...

– Кто?!

Когда стараниями теэклавеллянки бедантиец освобождается от одежды, он хватается её за грудь и выпаливает прямо в лицо:

– Ксе-но-филь-ша!

Это хлёсткое слово вовсе не смущает Веншаею. Наоборот, оно возбуждает её ещё сильнее:

– Да! Да!!! Покажи мне больше, инопланетянин! Больше!

– Больше? Ну, смотри, не лопни!

А это самое «больше» уже давно наготове...

– Хоть бы мысли скрывали получше, – говорит собратьям-телепатам в отсеке управления Карл. – Аж жарко стало!

– Да ладно, это было ожидаемо, – пожимает плечами Стив.

Впрочем, зрачки Стива меняют форму: из круглых становятся квадратными. А это значит, что терраформ лукавит, и его на самом деле впечатляет всё происходящее на кухне.

Что уж говорить о Карле – хоть он и не теэклавеллец, и не бедантиевец, но всё-таки человек...

– Так, всё, не могу больше! Пойду-ка жене позвоню! – наконец, объявляет Карл и выходит из отсека управления.

По дороге он сталкивается с Джексом.

– Приятного эротического путешествия! – находится киборг, до чутких слуховых датчиков которого уже долетели желания полупротоплазмика-получеловека.

Карл отвечает укоризненной улыбкой и неприличным земным жестом, после чего запирается у себя в каюте.

– Млем, зайдём к Карлу деминут через пять? – с выражением озорного мальчишки спрашивает центора Джекс.

– А как же! – не менее шаловливо отвечает Млем. – Как это... дурная голова ногам покоя не даёт, правильно?

И киборг, и центор сгибаются пополам от хохота.

Тем временем на кухне изгибаются во всех сразу направ-

лениях разгорячённые тела Накета и Веншаеи, нарушая тем самым все законы биологии и физики. К тому же, уже приближается миг, в который, как известно, ощущение границ тела совсем теряется...

Именно в это время на кухню решает зайти Тецклай. Он не знает, что там творится (а раздающиеся оттуда звуки списывает на включённое у кого-то в каюте радио), и надеется просто насинтезировать в биореакторе мясной кашицы себе на ужин. Но стоит хриввалэйтну только пересечь порог кухни, как прямо в лобный глаз ему прилетает ботинок Накета, а затем ещё и сапог Веншаеи.

– Брысь, ящерица!!! – синхронно орут на Тецклая любовники.

От неожиданности хриввалэйтн отскакивает к самому потолку коридора. Оправившись от удара, Тецклай медленно уползает в отсек управления и оскорблённо ворчит:

– Гррр! Проклятые млекопитающие! Нашли время трахаться!

– Разве это не в природе всех раздельнополых? – добродушно усмехается Млем.

– Гррр! Нет! Я вот, например...

– Сказал представитель вида, который в гнездовой сезон целые сутки напролёт только и... – насмешливо начинает Стив, но Тецклай перебивает его:

– Только в гнездовой сезон! Только раз в год! И уж точно не в общественных местах!

Продолжая гундосить себе под нос, Тецклай устраивается в углу, намереваясь хотя бы немного подремать. Но, разумеется, Накет и Веншамея расходятся всё больше и больше, и их страстные вздохи и стоны становятся слышны во всём корабле – в том числе и в отсеке управления.

– Гррр, да сколько можно?! – возмущается хриввалэйтн.

К счастью для чувствительного Тецклая, ровно после этих слов любовники достигают пика наслаждения и затем переходят на неслышный нежный шёпот.

– Моя королева... мой прекрасный цветок...

– Мой рыцарь... моё рыжее солнышко...

Обменявшись ещё несколькими поцелуями, Накет и Веншамея принимаются неспешно одеваться. И тут они обнаруживают ещё одного гостя. Это Бастер, который стоит на пороге кухни с уборочным аппаратом в руках.

– Ты чё, всё это время на нас пялился?! – снова вскипает едва успевший остыть Накет.

– Я пришёл только что, – невозмутимо отвечает робот. – Я пришёл убираться.

– Да мы сами... – смущённо начинает Веншамея, но тут же вступает Накет:

– Нет, Веншамея, ты всё-таки королева! Не пристало тебе заниматься уборкой! Роботам же в удовольствие делать всякую скучную работу, не забывай!

– Логично, – одобряет Бастер.

– Что ж, иногда можно позволить себе побездельничать, –

улыбается Веншамея, поправив растрёпанные синие волосы. – Тем более после... такого праздника!

Накет и Веншамея тихо уходят с кухни, всё ещё глядя друг другу в глаза и приобнимая друг друга.

– К тебе пойдём или ко мне? – спрашивает Веншамея у Накета.

– Ваще неважно, – отвечает он.

В коридоре парочка натывается на Яарвокса. Тот обводит любовников тяжёлым взглядом и бросает в сторону:

– А вроде мужик ты был, Накет...

– Чё? – резко переспрашивает бедантиевец.

– Да пусть идёт далеко и надолго, – дёргает Накета за рукав Веншамея и выпаливает в лицо Яарвоксу: – Не твоё, вот и бесишься!

И Веншамея, и Накет заливаются хохотом. Яарвокс же, не меняя выражения лица, ограничивается кратким ответом:

– Смешно дураку, что нос на боку!

Накет и Веншамея, пропустив слова Яарвокса мимо ушей, уходят в ближайшую каюту, которая принадлежит бывшей королеве Теэклавеллы.

У двери же в каюту соседнюю, которую занимает Карл, с застывшими на лицах озорными улыбками притаились Джекс и Млем. Яарвокс даже не замечает их, а вот Леод, который собрался прогуляться до ванной, останавливается и удивлённо вглядывается в киборга и центора.

– Хорошая традиция экипажа «Воображения», – шепчет

Млем, прочитав мысленный вопрос Леода.

– Готово? – с нетерпением интересуется у Млема Джекс.

– Конечно! Пошли!

Джекс и Млем весело вваливаются в каюту Карла:

– И чем это ты там занят без нас? Ну-ка, показывай!

– Поцы вы оба!!! Кыш отсюда!!! Энни, они меня достали!

Леод посмеивается в вибриссы, слушая дружескую перебранку.

– Ха, – тихо усмехается он. – Как сказал бы мой брат, «весело жить не запретишь!»

– Хорошо сказано, – отзывается оказавшийся рядом Витс.

– Да, за словом братец мой на дерево не лез. Никогда с ним скучно не было. И решительности в нём было куда больше, чем во мне. Когда Тримперия только-только захватила нашу планету, он сразу корабль собрал – сам, своими лапами! – и полетел орхгам всякие козни строить. Когда его чуть не поймали однажды, он мне сказал, что полетит за помощью к самому Стиву. После этого я ничего от брата не слышал. Где он пропал, интересно?

Витс тут же бледнеет. К горлу его подступает ком, чаще начинает биться сердце, а руки леденеют...

– Леод, я д-должен т-тебе п-п-признаться, – заикается человек.

– В чём? – добродушно махнув хвостом, спрашивает ягулярр.

– Т-твой б-брат лет-тел к Ст-тиву, н-но встрет-тил его я.

Я т-тогда б-ыл в-в об-блике Ст-тива. Я... я ск-казал – т-так мне н-над-до б-было ск-каз-зять – что к-ключ к сп-пасению Г-галакт-тики на Зе-земле, т-то есть, н-на Солнце-3. Он м-мне п-поверил и п-полетел т-туда... а т-там его уб-били. Т-там вс-сех уб-бивали, к-кого я п-посылал...

Дрожа от страха и угрызений совести, Витс с трудом решается заглянуть Леоду в глаза. Но, к своему удивлению, он не видит там ни злобы, ни хотя бы упрёка.

– Ах, вот оно что, – тихо произносит Леод, а затем добавляет громче и увереннее: – Спасибо, что сказал! Лучше знать, чем пребывать в неведении.

– Т-ты... ты н-не злишься на м-меня? – почти беззвучно выдавливает Витс.

– Нет. Не злюсь. Хорошо, что ты признался. На самом деле, мне стало легче.

Витс недоверчиво смотрит на Леода. Где же гнев, где же желание отомстить?

Ягулярр легко улыбается и виляет хвостом, показывая, что ничего такого он не чувствует, после чего уходит.

– П-почему... почему он т-так легко всё в-воспринял? – бубнит всё ещё дрожащий Витс. – Я б-бы на его м-месте выпустил к-когти...

– Леод не такой, – раздаётся из-за спины Витса голос Стива. – Успокойся, всё хорошо. Ты молодец. Не всякий так бы смог.

Витс неопределённо хмыкает в ответ. Стив улыбается:

– Я знаю, ты всё ещё запутан. Но одно ясно: тебе нужно выспаться. Биологические часы у тебя сбились.

– Откуда ты знаешь?

– Твоя нервная система для меня – открытая книга.

– Подожди. Наш корабль теперь покрыт гиперполимером. Разве он не ослабляет телепатические способности? Тогда, на паукрабской базе, ты это сам говорил!

– Мы уже все приспособились. И Млем, и Карл тоже при-
норовились читать мысли сквозь гиперполимер. Наши моз-
ги, хотя и сложнее устроены, но такие же гибкие, как и у не-
телепатов.

– Понятно. Но я не уверен, что действительно хочу спать. Мне всё ещё очень, очень стыдно и... страшно.

Стив вдруг обнимает Витса. Сначала человек просто це-
пенеет от неожиданности, а затем весь его страх и угрызения
совести выходят наружу. Витса пробивает страшная дрожь,
ему становится трудно дышать, а на глаза наворачиваются
слёзы отчаяния.

– Отпусти... прошу, отпусти! – пищит Витс, пытаясь вы-
рваться из объятий терраформа.

Стив, тяжело дыша, прижимает Витса к своей груди ещё
крепче, причём так, что лбом человек утыкается ровно в
то место, где находится лёгочный мозг терраформа. Через
несколько мгновений Витс чувствует облегчение и приятную
сонливость – смешанную, впрочем, с некоторой слабостью.

– Что это было? – шепчет человек. – Что ты со мной сде-

лал?

– Я снял напряжение с твоего мозга и перенёс его в свой, лёгочный, – отвечает Стив, выпустив Витса. – Проще говоря, я временно принял на себя твой страх. А теперь иди спать, пока он не вернулся. Мне же придётся поесть – то, что на моём языке называется «вдохом эмоций», требует много энергии. Да не за что.

Стив улыбается Витсу и уходит на кухню, не выказывая никаких признаков слабости или поглощённого страха. Витс же, лишённый всяких духовных и физических сил, еле-еле доползает до своей каюты, переодевается в пижаму и, рухнув в постель, мгновенно засыпает.

Где-то через два дечаса Витс просыпается. Он вспоминает, что забыл поставить себе на ночь стакан воды, и потому отправляется на кухню. На полпути он вдруг останавливается. Витсу кажется, что кто-то бесшумно крадётся за ним. Обернувшись, он никого не обнаруживает. Ещё два шага вперёд... и снова это ощущение! Витс осматривается и вновь убеждается, что никто за ним не крадётся. Списав неприятное чувство на сегодняшние треволения, Витс идёт на кухню, наливает себе стакан воды и возвращается к себе. Но стоит ему открыть дверь в каюту, как ему опять начинает казаться, что его кто-то преследует. Витс в очередной раз оборачивается и замечает Леода.

– А, это ты! – с облегчением выдыхает Витс. – А я уж испугался – мало ли, думаю, кто на корабль пробрался...

Леод как-то странно приседает, опускает уши и растягивает губы – не то улыбаясь, не то скалясь. Выждав пару секунд, ягулярр с грозным рыком бросается на человека.

– Ты с ума сошёл??? – взвизгивает Витс, роняет стакан и со всех ног бежит к отсеку управления.

Никого там не обнаружив, он понимает, что защищаться ему придётся самостоятельно. Витс вытаскивает из бардачка первый попавшийся гормет, который оказывается испарителем, и направляет его на Леода. Чтобы настигнуть человека, ягулярру не хватает лишь одного прыжка.

– Не подходи!!! Я не хочу делать тебе больно!!! – отчаянно вопит Витс.

– И я не хочу делать тебе больно, – совершенно спокойно отвечает Леод, убрав оскал и подняв уши.

– П-п-правда? – заикается Витс, рефлекторно убрав клинок гормета.

– Правда. Я просто хочу тебя убить!

Один взмах когтистой лапой – и выключенный испаритель Витса выкатывается из отсека управления. Вскоре ягулярр опрокидывает на пол и самого Витса.

– Помогите! ПОМОГИТЕ!!! – надрывается жертва, тщетно пытаясь отбиться от хищника.

Но никто не отвечает. Леод треплет Витса, возит его по полу и играет с ним, как с добычей.

– Да что с тобой такое?! – визжит Витс и хватается за Леода за оба верхних клыка.

Поняв, что Леод оказался почти обезоруженным, Витс лягает его в брюхо и вырывается. Он бежит к двери... но та оказывается запертой.

– Кто закрыл дверь? Выпустите меня!!! – отчаянно кричит Витс.

– Живым не уйдёшь! – шипит Леод из-за спины человека. – Ты убил моего брата! Ты должен умереть!

Ягулярр вновь набрасывается на человека и валит его на пол. На этот раз у Витса не получается отбиться: хищник пригвозждает его когтями к полу.

– Умррри! – громко рыча, заявляет Леод и разевает пасть, собираясь сделать последний смертельный укус своими жуткими клыками.

– Нет... не-е-ет!!! – в ужасе хрипит Витс и...
...просыпается в холодном поту.

Это был сон!

Или нет? Дверь каюты приоткрывается, и к Витсу заглядывает Леод.

– Что с тобой? Ты кричал, и я подумал... – мягко обращается к человеку ягулярр, но Витс принимается тараторить:

– Сон в руку! Ты пришёл меня убить! Только прошу тебя, сделай это быстро! Ты ведь знаешь, где у человека сонная артерия, да?

Леод уставляется на Витса с явным недоумением:

– С чего ты взял, что я хочу тебя убить?

– К-как – с чего? Т-твой б-брат п-погиб из-за меня! Н-

неужели ты н-не хочешь отомстить?

Леод улыбается и садится возле постели Витса. Человек нервно подтягивает к себе одеяло.

– Я знаю, для тебя это странно, – произносит Леод с самой доброй интонацией, – но я действительно не хочу тебе мстить.

– Ты простил меня? – осторожно интересуется Витс.

– Я даже не обижался. Обида ведёт лишь к обиде, месть – к мести, ненависть – к ненависти. Это порочный круг, и в него просто не надо вступать.

– А как же наша борьба с Двумперией?

– Мы не мстим. Мы пытаемся остановить зло, которое разрушает Галактику. Это совсем другое.

– Я – часть этого зла. Я по доброй воле служил Двумперии... то есть, тогда ещё Тримперии. Ты должен ненавидеть меня! Признайся, ты втайне хочешь разорвать меня на части!

– Нет. И знаешь, Витс, даже если бы я тебя ненавидел, я бы никогда не сделал тебе больно. Я не могу причинять боль. Вообще. Никому.

– С такими-то клыками и когтями?

– Именно так. Знаю, это звучит нелепо, но...

Леод пододвигается к кровати и кладёт на неё передние лапы. Витс сначала испуганно отстраняется, но, видя, что когти у ягулярра убраны, подползает к нему ближе.

– Я был самым слабым котёнком в семье, – рассказывает

Леод. – Надо мной постоянно издевались сверстники и даже родные братья и сёстры. Время от времени меня даже били. А всё потому, что у меня больше, чем у других, всегда была развита эмпатия. Я очень рано заметил, что когда кому-то больно, мне тоже становится очень неудобно. Я никогда не дрался, никогда не охотился на живую добычу именно потому, что всем всегда сопереживал. И этим все пользовались. Чтобы хоть как-то защититься, я и научился дипломатии. Сначала нашёл дома одну книжку, потом в школе стал ходить на дополнительные уроки, а там мне уже и рекомендацию в Дипломатический Университет Хлонокоптера дали. Все эти мои навыки переговоров – лишь защита от боли, своей и чужой.

– Невероятно, – шепчет Витс. – Я бы никогда не подумал, что ты такой... ты ведь просто излучаешь уверенность! Голос у тебя громкий, как у спортивного комментатора, ты всегда знаешь, что и как сказать, каждое слово и каждое движение у тебя отточено! Я до сих пор в восторге от того, как ты нас тогда провёл на базу! И ты хочешь сказать, что...

Голос Леода вдруг теряет твёрдость:

– На самом деле... я часто чувствую себя беспомощным. Вся эта уверенность – лишь маска... которую я не могу снять. Ну... во всяком случае... при всех.

Витс проникается таким сочувствием к Леоду, что начинает гладить его по голове, как самого обыкновенного земного котёнка. Вдруг человек осекается и отдёргивает руку от

головы ягулярра:

– Ой, прости! Я как-то не спросил...

– Не бойся, у нас этот жест означает дружбу и доверие, – улыбается Леод. – Вот со сцурикатами этого делать не стоит – если погладишь сцуриката по голове, придётся на нём жениться. У нас это не так. Можно ещё?

Витс снова проводит рукой по мягкой шерсти Леода. Тот начинает негромко мурлыкать от удовольствия. Витс же бормочет себе под нос:

– И это ты считаешь себя беспомощным! У тебя есть своё мнение, ты знаешь, чего хочешь от жизни и почему ты такой, какой ты есть. А я... я просто никто.

– В отличие от меня, ты не боишься показывать, какой ты есть на самом деле.

– А какой я на самом деле? Злой? Добрый? Лживый? Искренний? Я не знаю, кто я!

– Сейчас ты точно добрый и искренний.

– Но был злым и лживым!

– Возможно, был. Но сейчас в тебе ничего этого не осталось.

– Во мне не осталось вообще ничего! Ни добра, ни зла...

– Тогда почему ты так упорно идёшь по пути добра? Почему ты честно признаёшься в своих проступках? Почему благодаришь за добро? Почему помогаешь другим и соперничаешь?

– Н-ну... п-просто т-так н-надо...

– Раз ты говоришь «надо», значит, ты к чему-то стремишься?

– П-пытаюсь стать лучше... искуп-пить свою вину...

– Вот! И у тебя здорово получается!

– Думаешь?

– Знаешь, мне неизвестно, что в прошлом толкнуло тебя на путь зла. Но я точно знаю, что ты на него больше не вернёшься. Сердце у тебя доброе. Я уже давно это понял.

Витс слегка отворачивается, обдумывая слова Леода. И впервые за долгое время улыбается.

– Спасибо, Леод. Спасибо, что веришь в меня. Мне этого так не хватает... Стив, конечно, время от времени меня хвалит, но всё равно, я чувствую в его голосе какую-то насмешку. Не хочу ничего плохого про него сказать, но...

– Стив – очень сложная личность. Он – загадка, которую невозможно разгадать до конца. Необязательно, что когда ты слышишь в его голосе насмешку, он действительно над тобой насмеяется. Возможно, он имеет в виду что-то другое.

– Что ж, возьму на заметку. Спасибо ещё раз.

– Тебе спасибо. Только... одна просьба. Пожалуйста, не говори о том, что я тебе рассказал, этому зелёному.

– Какому именно? Для меня все зеленоватые.

– Как это? У твоего вида людей двухцветное зрение?

– Не у всех. У меня дальтонизм, я не вижу красный цвет.

Болезнь такая.

– Ох... что ж, я имею в виду того зелёного с семнадцатью

руками. На всякий случай... не говори ему ничего, ладно?

– Ладно.

Леод кивает, убирает лапы с постели Витса и выходит из каюты.

– Что-то сегодня всё как-то наоборот, – думает Витс и, несмотря на огромный объём новой информации в голове, легко засыпает вновь.

Леод тем временем снова прокручивает в голове разговор с Витсом и начинает напряжённо думать над тем, как бы отблагодарить человека за искренность и сочувствие. Эту мысль ловит Карл.

– Есть чудесный способ сказать Витсу «спасибо» на деле, – свесившись с потолка, вкрадчиво говорит ягулярру полупротоплазмик-получеловек.

– Я весь внимание!

Через несколько дечасов вполне выспавшийся Витс просыпается, не увидев больше никаких кошмаров.

Вот только всё вокруг выглядит для него как-то странно...

– Что у меня с глазами? Рябит как-то... неужели я заболел? – тревожится Витс.

Он бежит в ванную и застывает перед зеркалом, вглядываясь в своё отражение. Ничего необычного. Или...

С ужасом Витс понимает, что у него изменился цвет кожи! Из привычного светло-зелёного он стал каким-то... непонятным!

– Ну, как тебе красный цвет? – доносится до человека ве-

сѣлый голос Леода.

– К-красный? – недоумевает Витс. – Что?!

– Я подумал, что отблагодарить тебя на словах недостаточно. И Карл помог мне сделать тебе настоящий подарок – вылечить твою глазную болезнь. Дальтонизм, я правильно запомнил? Пока ты спал, мы сделали тебе инъекцию.

Витс тарачит на Леода глаза, полные невиданного прежде удивления.

– Значит... значит, так видят мир здоровые люди? – тихо спрашивает он.

– Именно так.

Ошарашенное выражение лица Витса сменяется на радостное:

– Как же это... красиво! Господи! Я никогда не думал, что может быть столько цветов! Столько оттенков, столько... красный... так какой из цветов – красный?

– Ну, вот, например, зубная щётка Джекса – ярко-красная...

Леод кивает в нужную сторону. Витс берёт красную зубную щётку и благоговейно рассматривает её, будто святыню.

– У меня шерсть красно-коричневая. У тебя у самого кожа розоватая. Наконец, красная у тебя кровь. Со временем ты привыкнешь.

– Леод, ты...

Витс опускается на колени и крепко обнимает ягулярра, уткнувшись носом в его шерсть. Чувства так переполняют

человека, что он оказывается не в состоянии произнести то «спасибо», что способно выразить всю гигантскую его благодарность. Вместо этого наружу у Витса вырываются слёзы. Леод похлопывает плачущего человека по спине мягкой ладонью с убранными когтями.

– Это начало прекрасной дружбы, – говорит ягулярр.

– Ага! – всхлипнув особенно шумно, откликается Витс.

Трогательную сцену прерывает грубоватый голос Семиларена за дверью:

– Вы надолго, голубки? Целуетесь там, что ли?

Леод собирается в завуалированной форме отправить блента в пешее путешествие с эротическим уклоном, но быстрее реагирует Витс:

– А ты что, ревнуешь?

Ягулярр и человек переглядываются и раздражаются таким громогласным смехом, что у Семиларена не остаётся ни единого шанса достойно ответить.

Наконец, Леод и Витс покидают ванную. Они слышат в отсеке управления разговоры, от которых явно веет тревогой, и решают разобраться, в чём дело.

– Четыре дечаса уже прошло, а поворота я не вижу, – бормочет Карл, склонившись над приборной доской. – И корабль не замедляется. Обычно скорость автоматически сбрасывается перед развязками. Надо посмотреть...

Нужного поворота навигатор не показывает ни на уже пройденном пути, ни дальше.

– И что там? – беспокоится Витс.

– Трубу перестроили, – отчеканивает Карл. – Тогда понятно, почему двумперцы не стали гнаться за нами. Да, это было тогда, когда ты спал – мы наткнулись на патруль. Джек еле-еле успел им помехи устроить и сбить настройки навигаторов. Значит, мы в ловушке. Куда же теперь ведёт эта магистраль?

– Насколько я понимаю, в незаселённый регион Хвоста Галактики,¹⁰ – отвечает Райтлет, который истинно охотничьей интуицией почувствовал что-то нехорошее.

– Это точно засада, – заявляет Стив, который всё это время вглядывался в радар. – Расходимся по кораблям! Кстати, Витс, можешь взять себе отдельный кораблик. Я тебе доверяю.

– Спасибо, – шепчет Витс.

– Быстрее, друзья мои!

Вскоре «Хитрюга», ещё не выйдя из гиперпространства, распадается на тринадцать разношёрстных звездолётов. Вылетев из трубы, они отдаляются друг от друга, чтобы двумперцам было сложнее их задержать.

Однако никаких двумперцев мятежники на своём пути не видят. Всё, что предстаёт перед их органическими и цифровыми глазами – это пепельно-серая планета и два её солнца: голубое и красное.

---

¹⁰ Хвост Галактики земляне считают просто Внешним Рукавом.

Глава 7. Крылья утраченные

Без великих препятствий не может быть великих достижений.

Вольтер

Что беспокоит мятежников, так это непонятные сбои в работе планетарных и простых просветов, навигаторов и даже хорошо защищённых бортовых компьютеров и систем связи. Как выясняют Джекс и Бастер, дело явно не в магнитном поле двух звёзд. Всё это похоже на массивованную хакерскую атаку. Пока киберпанки пытаются разобраться с этой напастью, к одному из кораблей – тому, который ведёт Стив – подкрадывается подозрительно знакомый звездолёт. Его владелец тщательно скрывает мысли, но что-то всё-таки упускает.

– Наш старый знакомый Баер, – понимает Стив.

В самом деле, система связи вдруг начинает работать, и на экране возникает знакомое лицо. Точнее, маска.

– Моё почтение, о Лучезарный Ум, – обращается к терраформу человек и тут же меняет притворно-уважительный тон на глумливый: – Что же ты один в своём звездолётишке? Тебя все бросили, да?

Стив отвечает самой саркастичной и ядовитой улыбкой,

на которую только способно терраформское лицо.

– Сколько гордости! Даже ответить не соизволит! – продолжает насмехаться над Стивом Баер.

– Я с подкрадским дерьмом не разговариваю, – фыркает Стив.

– А мне и не разговоры с тобой нужны. Скажи своим друзьям, что игра окончена. Это ловушка.

Несмотря на то, что корабли мятежников успели отдалиться друг от друга, их все разом гигантской плотной сферой окружает громадная двумперская флотилия.

– Мы уже догадались, – холодно цедит Стив.

– Какие умнички! Если жить хотите, объединяйте корабли и летите за мной. Теперь вы мои пленники.

– Здравсьте вам! – внезапно возникает в эфире голос жаргеуга-охотника за головами.

Того самого, который в своё время приволок в тримперскую пыточную уйкку-монашка, а ещё пытался поймать Яарвокса и Герна на Тыттоке.

– Кто засаду устроил? Кто флотилию собрал? Кто хакеров снарядил? Не ты, Баер! Это моя добыча. Так что вали!

– Твоя добыча? Хрен тебе! Они мои! Это я показал, где их подкарауливать!

– О, да, это было так сложно! Допереть, что они нырнут в единственную на дофигамирад¹¹ трубу! Да, тут титанический ум нужен!

---

¹¹ Примерно два миллиарда земных километров.

– А кто двумперцам сказал, что у мятежников корабль из саморга и гиперполимера? Кто предсказал, что они разделятся, и поймать их будет легче? Я! Пошёл в жопу, Финт!

– Сам пошёл в жопу! Они мои!

– Нет, мои!

Пока два охотника за головами продолжают выяснять отношения, мятежники понимают, что это отличная возможность уйти. Увидев в сфере из боевых звездолётов прорехи, они плавно, без резких движений, приближаются к слабым местам. Двумперцы даже не сразу соображают, что рискуют упустить противников. Но когда это до них доходит, все шансы мятежников испаряются. Двумперские корабли плотно смыкают ряды.

Проанализировав ситуацию, Бастер решает отвлечь внимание флотилии на себя. Его звездолёт неожиданно устремляется прямо к самым тяжеловооружённым двумперским кораблям. Но двумперцы не ведутся на этот трюк. Напротив, они координируют свои действия и уплотняют сферу. И настолько она получается плотной, что в ней вовсе не остаётся прорех. Более того, звездолёты мятежников уже начинают задевать друг друга. Понимая, что вырваться из окружения по отдельности не удастся, мятежники дают своим кораблям слиться воедино, рассчитывая на мощь объединённых двигателей «Хитрюги».

Как только все тринадцать звездолётов превращаются в старый добрый «грузовой» корабль, Бастер спрашивает у

остального экипажа:

– Попытаться снова их отвлечь?

– А передай-ка мне управление ненадолго, – предлагает Семиларен. – Я вспомнил, чему меня в тримперской школе учили. И такие манёвры там были. Мы выберемся!

– А ведь семнадцати рук хватит не только на основной штурвал, но и на запасные, – одобряет Млем.

– Вот и я о том же!

Семиларен устраивается перед приборной доской и хватается за все штурвалы. Вначале он поворачивает корабль слегка вправо, потом немного влево, затем чуть-чуть вниз и вверх. Этот необычный манёвр позволяет прощупать слабое место в окружении. Оно, как ни странно, оказывается прямо над «Хитрюгой».

– Придётся взлетать вертикально, – комментирует Тецклай, подбираясь ближе к приборной доске. – Дай-ка я изменю конфигурацию двигателей... гrrrr... готово.

– Благодарю! А теперь держитесь крепче! Кто улетит – я не виноват! – отзывается блент, выжидает пару стеков и резко тянет на себя все штурвалы.

«Хитрюга» с силой пробивает сферу двумперских кораблей. Когда звездолёт достаточно удаляется от двумперцев, Семиларен заявляет:

– А вот теперь надо опять разделяться! Чтоб опять не окружили!

Вновь «Хитрюга» распадается на тринадцать кораблей.

Они разлетаются прежде, чем двумперцы успевают понять, что произошло. Однако фора в несколько стеков оказывается ничтожной: паукрабы, йорзе и их подданные быстро приходят в себя и разделяют свою флотилию. За каждым кораблём мятежников начинают гнаться десятки, если не сотни двумперских. Всеми возможными способами, в том числе и стрельбой, двумперцы вынуждают мятежников не только снова приблизиться друг к другу, но и прижаться к пепельно-серой планете. В конце концов, уже в жёлтой атмосфере этого небесного тела в очередной раз из тринадцати звездолётов собирается «Хитрюга». И опять его окружают плотной сферой.

– А если податься резко вниз? Может, на этой планете есть какие-нибудь острые скалы и узкие долины? Мы бы пронеслись по ним и оторвались! – предлагает Силмак.

– Дурак ты! – рывкает в ответ Семиларен. – Они же только того и ждут! Нам вверх надо!

– Ой, извини, глупость спесочил. Дурацкий этот рефлекс – внизу нора, внизу безопасно... тьфу ты, сцурикат!

– Я лучше...

– Влево, быстро! – внезапно командует Джекс.

Семиларен проворно уводит корабль влево. И очень вовремя: мимо проносится мощный твердоплазменный заряд. Мощнее, чем могли бы выдержать системы защиты корабля. Прилетел он откуда-то явно не из двумперской сферы.

– Это Финт, – разъясняет Стив. – Финт-Ломаный Клык,

если быть точным. Подбить нас решил, подкрадский сын. Почти не вижу мысли Баера, но готов держать пари, что он захочет перещеголять жаргеуга и тоже начнёт по нам палить.

– Угомонились бы эти истерички! – хватается шестью руками за голову блент.

– Придётся, видимо, ненадолго сдаться, – рассуждает вслух Яарвокс. – Двумперцы расслабятся, и тогда мы рванём.

– Значит, не такую уж я и глупость спесочил! – смеётся Силмак. – Вниз?

– Нет, блин, вбок, – ворчит Семиларен и заставляет «Хитрюгу» плавно опускаться по спирали.

Когда корабль оказывается уже в считанных угомирад от поверхности пепельно-серой планеты, двумперцы в самом деле решают, что мятежники сдаются, и немного расходятся. Сфера становится чуть более разреженной.

– Ррр, вот теперь самое время! – возбуждается Райтлет.

– Держитесь! – гаркает Семиларен, и...

Блент не успевает потянуть штурвалы на себя. «Хитрюгу» подбивают сразу четыре твердоплазменных заряда с двух сторон. Крылья вместе с двигателями разлетаются на куски, да и по фюзеляжу расползаются угрожающие трещины...

– Все держитесь ближе к носу! – кричит Стив и бежит к выходу из звездолёта.

– Стив, ты куда? – кричит ему вслед Айзел.

– Куда надо!

Стив открывает дверь и выпрыгивает из корабля. Вся ко-

манда бросается к двери и с ужасом смотрит на Стива. Вытянувшись в струнку, терраформ обгоняет «Хитрюгу», а затем переворачивается в воздухе так, чтобы быть спиной к земле, а лицом к кораблю. Тут же Стив напрягает все силы телекинеза, чтобы замедлить падение звездолёта.

Видимо, забыв о том, что сам он падает слишком быстро для того, чтобы остаться целым и невредимым.

– Стив, ты – идиот! – кричит терраформу Карл.

Стив лишь смеётся в ответ и передаёт Карлу мысль не совсем приличного содержания.

Другая мысль, куда приличнее, внезапно поражает Витса.

– Юрксла! – взвизгивает он и уносится на кухню.

– Тебя-то ещё куда понесло?! – надрывается Карл, но тут же остывает: – А... ты единственный, кто о нём беспокоится...

Витс вскоре возвращается в отсек управления с лопхоффслой на руках. Подошва вместо ног не позволила бы этому существу быстро покинуть своё скромное кухонное убежище...

Тем временем, «Хитрюга» уже оказывается всего в сотне коптермирад от поверхности пепельно-серой планеты. Стив в последний раз вкладывает всю свою энергию в телекинез и уводит заметно затормозивший корабль немного в сторону. Через несколько мгновений звездолёт сравнительно мягко опускается на землю.

Терраформ же со всего маху влетает спиной прямо в ка-

мень, одиноко возвышающийся над унылой серой пустошью...

– Выходим! Двигатели могут взорваться! – предупреждает друзей Тецклай.

Вся команда выскакивает из корабля и бежит к Стиву. Камень, на котором он лежит, уже весь покрылся тёмно-зелёной кровью. Не успевает кто-либо хотя бы коснуться терраформа, как раздаётся оглушительный взрыв.

Мятежники оборачиваются и видят, что в останки «Хитрюги» с неба ударяют мощные лазеры. Несколько мгновений – и от звездолёта остаётся лишь пепел.

– Всё, что нажито непосильным трудом... – вздыхает Ярвокс.

– Зато мы все целы! – тут же находит положительный момент Силмак, но осекается: – Кроме Стива...

Карл снимает с камня неподвижное тело терраформа и проводит выпущенными из пальцев щупальцами по его груди. Сначала кажется, что полупротоплазмик-получеловек ничего не обнаруживает и готов признать терраформа мёртвым, но вдруг лицо Карла светлеет.

– Он жив, – сообщает он. – Но жизнь еле-еле в нём теплится. Не уверен, что микромедя хватит, чтобы поставить его на ноги. Идиот, зачем нужно было собой жертвовать? Можно было просто...

– Тихо, двумперцы садятся! – шипит Герн.

Мятежники на всякий случай прячутся за камнем. Двум-

перская флотилия приземляется, окружив место, где ещё де-минуто назад находился «Хитрюга». Паукрабы и йорзе внимательно рассматривают пепел, оставшийся от звездолёта – видимо, надеясь найти в нём что-то нужное для себя любимых. Затем до поверхности планеты добираются два небольших кораблика, из которых выбегают Баер и Финт.

– На хрена ты их спалил? Не видать теперь награды, жопа ты с ручкой! – набрасывается на жаргеуга человек.

– Я спалил? Врун ты хренов! – огрызается Финт. – Это ты всё испортил, засранец!

– Кретины!!! – кричит на обоих охотникам за головами одна паукрабиха, выскочив из своего корабля. – Остолопы! Нам нужен был их корабль! Сами эти ничтожества нам незачем!

– Точно? – спрашивает Баер, покосившись на камень, за которым притаились мятежники. – А если я их для вас словлю?

– Они там, это точно, – клацнув кривыми зубами, подтверждает Финт. – Поймать их?

– Да ну вас! – отмахивается другая паукрабиха. – Всё равно операция провалилась.

– Провалилась? Провалилась? – раздаётся голос йорзе. – Слава Создателю, что всё вышло именно так! Этих двух дебилов надо наградить! Удвоить, нет, утроить им награду! Ведь без своего корабля мятежники никуда не денутся с этой необитаемой планеты! Они тут сдохнут и больше не будут

нам мешать! Летим отсюда. Баер, Финт, мы сейчас переведём вам деньги.

Двумперцы идут обратно к своим кораблям, поглядывая на камень и злобно посмеиваясь.

Финт и Баер тоже направляются к своим звездолётам. Баер специально пропускает жаргеуга немного вперёд и, улучив момент, вонзает тому в спину испаритель. Финт издаёт сдавленный скрип и падает замертво.

– Тц-тц, вот подлюка, – укоризненно цыкая, комментирует Сэн.

– О, коварные мятежники! – вскрикивает Баер, поспешно убрав испаритель. – Они подстрелили Финта!

Две паукрабихи оборачиваются и подходят к телу Финта. Осмотрев труп и подняв на Баера свои неизменно пустые глаза, одна из них говорит:

– Что ж, тогда вся награда достанется тебе.

Но не успевает Баер в своей фирменной подхалимской манере низко поклониться паукрабихам, как в жёлтом небе пепельно-серой планеты объявляются звездолёты орхгов. Не дав двумперцам взлететь, орхги стреляют по их кораблям, вынудив снова приземлиться и выйти наружу. На земле завязывается жаркая битва: в ход идут испарители, электробластеры, кинжалы, плазменные снаряды, лазеры, зубы, когти, клешни...

Начинает казаться, что орхги уверенно побеждают. Один из них, подозрительно похожий на Хргрт"Экту, замечает

прячущихся мятежников и подбегает к ним.

– Ох, воскресили всё-таки, – ужасается Айзел.

– Вряд ли, – сомневается Джекс. – Хотя... не могу его почему-то просканировать.

– Я знаю, о чём вы думаете, – обращается к экипажу уни-чтоженного корабля орхг. – Я – незаконный сын Хргрт’Экты. Любил он по бабам ходить. Моя мать, к сожалению, была не против. Такого отца никому не пожелаешь. Спасибо, что разобрались с ним. Орхги теперь с вами, мы боремся с Двумперией! Мы можем увезти вас с этой необитаемой планеты, в наших кораблях полно места!

– Э-э-э, это очень, хм, любезно с вашей стороны, – вежливо отвечает Айзел.

– Тогда идём скорее, я вас прикрою!

– Кстати, а ты не знаешь, что это за планета? – интересуется Бастер. – Мой просвет не выдаёт никаких результатов.

– Знаю! Это...

Не то что слово – мысль о названии планеты не успевает достигнуть мятежников. Очутившийся рядом Баер насквозь протыкает орхга испарителем. Разумеется, снова со спины.

Но сразу убить выходца из рр’хагарртских болот человеку не удаётся. Стиснув зубы, истекающий синей кровью орхг старается удержаться на ногах и прикрывает собой команду.

– Я не сдамся... не позволю... я никогда... – хрипит он и падает лицом в серую землю.

– Держись! – кричит орхгу Яарвокс и вытаскивает из кар-

мана жилета микромед.

Как только медицинский прибор касается раны, орхг неожиданно вспыхивает ослепительно белым пламенем и превращается в кучу пепла.

Новое двумперское оружие, которое оказалось в руках подлого Баера – это суперподжигатель. Внешне он почти не отличается от обычного электробластера. Но в том и заключается коварство этого мощнейшего орудия. Цель поражают десятки крошечных снарядов, которые, соприкоснувшись с плотью жертвы, воспламеняются. Температура пламени невероятно высока: она сравнима с жаром из глубин самых горячих звёзд. Неудивительно, что органическое существо сгорает практически моментально.

– Не соврали киборги, всё работает, – ухмыляется Баер, с заметным даже сквозь маску удовлетворением любуясь на своё оружие.

Налюбовавшись вдоволь, Баер наставляет суперподжигатель на мятежников:

– Что, ребятки, думали – всё? Да, за корабль мне и так заплатят, но за вас отваяют ещё больше. Вы мне нужны живыми, так что не рыпаться. Потопали.

Мятежники переглядываются. Никому не хочется превращаться в пепел. Но унижаться и сдаваться в плен этому уроду – ещё хуже.

– Во! – лаконично показывает намерения команды Яарвокс в виде широко распространённой у людей комби-

нации из трёх пальцев.

Баер не замечает издёвки: он прилип глазами к телу Стива.

– А Стив чего, совсем мёртвый? – спрашивает Баер.

Не дождавшись ответа, он направляет суперподжигатель на терраформа:

– А, всё равно от этого куса дерьма уже ничего не добьёшься...

Удивительно, но быстрее всего на эту явную угрозу реагируют не телепаты и не охотники на чудовищ, а... Витс. Он хватает Баера за руку и поворачивает её так, чтобы подлец в маске направил смертельное оружие на себя самого.

Это, впрочем, совершенно не пугает Баера. Он лишь омерзительно ухмыляется:

– Ой, не смей меня, букашка!

– Витс, берегись! – почти синхронно выкрикивают телепаты, но Витс не успевает ничего сделать: ему в глаза летит серая пыль, которую Баер собрал незаметным движением свободной руки.

Витс зажмуривается и дёргается так, что его пальцы соскальзывают с руки Баера на суперподжигатель. Ещё одно резкое движение – и палец Витса оказывается как раз на спусковом крючке...

Баер сгорает заживо в ярком пламени, не успев даже вскрикнуть. Суперподжигатель, конечно же, остаётся цел и падает на оставшийся от человека в маске пепел.

Витс открывает глаза, смотрит вниз и осознаёт, что именно он только что сделал.

– Что я натворил!!! Господи!!! – вопит он, схватившись за голову. – Что на меня нашло, что со мной происходит??? Я убил человека!!!

– Не человека ты убил, а дрянь, – фыркает Яарвокс. – Расслабься.

– С почином, Витс! Первый мёртвый негодяй – это всегда что-то особенное! – поддерживает Райтлет.

– «Расслабься»? «С почином»? Да вы рехнулись! – визжит Витс. – Я нарушил обещание, которое дал сам себе... и Стиву! Я обещал стать лучше, измениться... и что теперь? Я снова убийца и подлец! Всё, чего я добился, пошло пеплом... то есть, прахом!

– А мне показалось, что ты случайно крючок задел, – вступает Силмак.

– Я на это надеюсь, – с непривычной строгостью добавляет Млем. – Ведь ты не просто убил Баера, но и прекратил его существование. Его невозможно будет восстановить. Но я никак не могу понять, намеренно ты это сделал или нет. Мне плохо видны твои мысли.

Витс опускает глаза и пытается что-то выдать в ответ. Вдруг он чувствует, как его ноги касается знакомая мягкая лапа.

– Ты ведь не хотел его убивать, верно? – обращается к Витсу Леод.

Голос Леода сейчас ласковый, но взгляд у него тяжёлый и испытующий. Бледный как полотно Витс начинает тараторить:

– Н-нет! Н-не хот-тел, к-конечно! Я... я н-не...

Ягулярр добродушно взмахивает хвостом и кивает Витсу.

– Будем считать это несчастливой случайностью. Ничто не предсказуемо, в конце концов.

– И, к тому же, это всё-таки была дрянь, – фыркает Ярвокс.

– Как ты можешь судить, кто дрянь, а кто не дрянь?! – взрывается неожиданно Витс.

– Расскажу-ка я тебе вкратце биографию этого субъекта в маске. Да, мы с Герном как-то откопали один секретный материалчик... короче, слушай. Родился Баер на Земле, в очень богатой и вроде как благополучной семье. Но уже с детства начали у нашего товарища проявляться садистские наклонности. Родители это благополучно прохлопали, и где-то там в семнадцать лет...

– Шестнадцать, – педантично поправляет Герн.

– В шестнадцать лет Баер родителей своих убивает. Просто так, от скуки. Дальше он покупает диплом, потому что, разумеется, учиться честно – это не про него. Уж не помню, какой именно – то ли юриста, то ли экономиста, ну да неважно...

– А это разве не одно и то же? – совершенно искренне недоумевает Млем.

– Один хрен моржовый, да! – отвечает Накет.

На далёкой холодной планете тучное существо с густыми вибриссами проваливается под лёд.

– В общем, не суть важно, какое «образование» получил этот урод, но дальше – хуже, – продолжает Яарвокс. – Он угнал корабль Стефана и прилетел на Шельнок, а оттуда проник в шельнокскую колонию на Зыуме. Там Баер всякими подкупами, лизоблюдством и заказными убийствами выбил себе место в правительстве, потом «дослужился» и до премьер-министра. Ещё занятная деталька: пока Баер плёл интриги, чтобы добраться до премьерского кресла, он устроил себе и личную жизнь – конечно же, браком по расчёту. Там, по-моему, опять без какого-то убийства не обошлось... а, точно, вспомнил: первого мужа своей жены он отравил. Потом на этот злополучный Зыум нападают орхги, наш новоиспечённый премьер-министр колонию сдаёт. Перерезали там орхги, тем не менее, всех. Сам Баер выжил только потому, что на глазах у Хргрт'Экты убил всю свою семью. Да, от этого брака по расчёту у него и дети были, но для него они ничего не значили. О том, что творил Баер под боком у орхгского Императора, не мне тебе рассказывать. В конце концов, он-то тебя и похитил, помнишь? Ну а последнее, что мы об этой твари знаем, так это то, что она убила своего союзника только для того, чтобы выбить побольше денег. Все это видели. Ну что, Витс, не дрянь ли Баер, причём самая последняя?

Витс неопределённо пожимает плечами в ответ. Ему всё ещё тяжело собрать воедино все разрозненные и тревожные мысли, которые забивают ему голову. Яарвокс машет на Витса рукой и бросает взгляд в сторону всё ещё продолжающейся битвы между двумперцами и орхгами.

– Ой, триндец нашим новым соратникам, – с горечью заключает Семиларен.

Суперподжигатель был далеко не только у Баера. На самом деле, этим страшным оружием были вооружены все до единой паукрабихи и все до единого йорзе. Но до последних деминут своё драгоценное новёхонькое оружие они берегли. Когда же двумперцы решают, наконец, суперподжигателями воспользоваться, у отчаянных орхгских бойцов не остаётся никаких шансов. Все орхги, которые искренне хотели помочь мятежникам, погибают в огненных муках, и от них остаётся лишь не заметный на общем сером фоне пепел.

– Теперь нам больше никто не помешает, слава Создателю, – ухмыляется один йорзе, убрав оружие.

– Но вот эти гады очень живучие, – сомневается одна паукрабиха, указывая на мятежников. – Может, замотать их в паутину?

– Хорошая идея! – отзывается ещё целая компания паукрабих.

– Не тратьте вы на них паутину! – обращается к паукрабихам тот же йорзе. – Не волнуйтесь, им отсюда деваться некуда. Рано или поздно они сдохнут. Летим.

Двумперские корабли покидают двухсолнечное небо горячей планеты. Уже действительно горячей. Температура воздуха – около сорока водяных градусов,¹² если верить приборам Бастера и Джекса – которые, впрочем, так и норовят почему-то отключиться.

– Припекает уже как-то, – замечает Веншамея и хватается за голову.

Тут же на её тёмно-синие волосы опускается рубашка Накета.

– Ты чего? – смущённо улыбается Веншамея, обратив глаза на поджарое тело бедантиевца. – Сам сгоришь ведь!

– Не-а, – усмехается Накет. – Я ж с Бедантии, у нас там так всегда!

В этот же миг на пепельно-серую землю бессильно падает Тецклай.

– Я всё... – шепчет он. – Оставьте меня. Такую жару я не выдержу.

– Тц-тц, а ведь солнца только-только поднимаются, – цыкает Сэн.

– Друзья, я мигом сделаю нам всем убежище! – вызывается Силмак, подпрыгивает, как мышкующая лисица, и вбуравливается в землю.

Через пару деминут нос шнырявки высовывается из весьма глубокой норы.

– Добро пожаловать! – отряхнувшись, объявляет Силмак.

---

¹² Водяной градус равен земному градусу Цельсия.

Те мятежники, которые держатся на ногах, влезают в нору сами. Стива и Тецкляя друзьям приходится внутрь затаскивать. Если с хриввалэйтном никаких сложностей не возникает, то Стив оказывается неожиданно... тяжёлым.

– Чёрт бы тебя подрал с твоим самопожертвованием! – ворчит Карл, с трудом передвигая тело терраформа.

Наконец, и Стив оказывается глубоко под землёй, в стороне от палящих лучей двух солнц.

А вот кое-кто из тех, кто на ногах, не торопится заходить в убежище. Это Витс. Он останавливается перед входом в нору, со стыдом и страхом оглядывает друзей и отворачивается.

– Витс, давай, тут прохладнее! – подбадривает человека Райтлет.

– У меня и так на душе холод, – мрачно отвечает Витс.

– Витс, зачем добавлять к душевной боли ещё и физическую? – спрашивает Леод, вновь глядя на Витса довольно-таки испытующим взглядом. – Что и кому ты хочешь этим доказать?

– Я просто... я не должен быть рядом с вами! Вы должны меня отвергнуть!

– За что?!

– Я же убийца! Да, я не хотел, но... нельзя было... ни в коем случае...

– Ха! Да я тоже убийца! – весело восклицает Райтлет. – По крайней мере, был им не так давно!

– А я до сих пор убийца! – усмехается Семиларен. – Накет свидетель, у меня руки в крови! Или как там это у паукрабов называется?

– Гемолимфа, – беззвучно произносит Айзел.

– Ну, значит, в этой ге-мо-лим-фе руки, вот! И ничего, сию тут, никто меня не гонит! Давай, хорош выпендриваться, дуй сюда!

– Это, как его, – вступает Юрксла, – а меня ты, как бы, это самое, сегодня, ну, спас, вот. Я тебе тут, того, местечко, как его, нашёл. Ну, вот, иди сюда, значит.

Лёгкая улыбка проскальзывает по лицу Витса. Может, он не такой уж мерзавец? Утешаясь этой мимолётной мыслью, человек, наконец, залезает в спасительную нору.

– Ну, народ, как выживать-то будем? – обращается ко всем Герн. – Всё с кораблём пропало – и еда, и вода, и инструменты...

– Э, погоди, инструменты в карманах ещё есть! – перебивает Яарвокс.

– Перво-наперво – вода! – заявляет Силмак. – Найдём воду, а всё остальное приложится. Всё будет хорошо, друзья, я в этом уверен. Накет, одевайся, пошли.

Накет вновь надевает рубашку, шарит по карманам брюки, не найдя там того, чего искал, спрашивает Силмака:

– Есть чем морду замотать? Похоже, всё в каюте оставил.

– Сейчас найду...

Силмак копается в карманах своего балахона и находит

длинный белый шарф, которым Накет покрывает голову и закрывает лицо. Силмак же защищён от зноя и пыли собственными густыми усами.

Перед тем, как выйти вместе с Силмаком на поверхность, Накет касается плеча Веншамеи и ласково говорит ей:

– Я обязательно добуду для тебя воды.

– Ну, вода не только мне нужна, – улыбается Веншамея. – Нам она нужна всем.

– Нет уж, ты получишь её первой!

Веншамея скромно опускает голову. Накет и Силмак выходят и удаляются от норы. Уже довольно-таки издалека до оставшихся в норе друзей доносится звонкий голос Накета. Очевидно, он откликается на какую-то колкость Силмака:

– Ага, конечно! Топай, топай кверху жопой!

Ярвокс в ответ на это насмешливо хмыкает.

– Чего хмыкаешь? – сердито спрашивает Веншамея.

– А что, нельзя? Ох ты божечки, простите, Ваше Королевское Величество, постараюсь дышать потише! – саркастично отвечает Ярвокс.

– Не надо юлить, я знаю, о чём ты думаешь! Наши с Накетом отношения тебя не касаются, понял?

– Да при чём здесь ваши отношения?!

– А при том! Я же всё вижу! Не лезь к нам, понял?

– Друзья, не ссорьтесь, – пытается понизить градус перепалки Леод, но его голос тонет в крике:

– Да я вообще хоть слово сказал? Чего ты ко мне прице-

пилась?

– Хватит! Я всё прекрасно вижу! Просто запомни раз и навсегда, что тебе ничего не светит! Так что даже не смотри в нашу сторону! И нечего хмыкать!

– Слушай, ты не переживай, я третьим к вам не полезу...

– Вот и нечего! Мы с Накетом...

– А вот кто вы, кстати? Просто любопытно!

Веншамея запинается, но вскоре парирует:

– А это неважно! И не твоё вообще дело, козёл бородатый!

– Да я просто спросил...

– Просто! Знаем мы это ваше «просто»!

– Да отстань ты уже от меня, истеричка!

– На себя посмотри, хамло!

– Так, быстро замолкли, оба! – неожиданно резко встречает Джекс, встав между Яарвоксом и Веншамеей. – Хватит вести себя как дикари! Оставьте свои варварские разборки как-нибудь на потом!

Убедившись, что ссора не возобновляется, Джекс разворачивается и собирается вернуться на своё место.

– Ой, нашёлся самый цивилизованный, – бормочет Веншамея и сквозь зубы добавляет: – Зазнайка фордокс-приманский.

Органический бирюзовый глаз Джекса впивается в бывшую королеву Теэклавеллы так, что она начинает мечтать о том, чтобы оказаться на поверхности раскалённой планеты и сгореть там заживо. Вопросительно поднятая бровь ещё

сильнее обжигает Веншамею, и она поспешно извиняется:

– Прости, сдуру ляпнула... ты бы лучше... просканировал, что ли, это место и сказал, где мы!

– Мой просвет перестал работать, – печально констатирует Джекс. – И вообще вся электроника барахлит. Коннектары тоже не действуют. Двумперцы, похоже, тут всё заглушили. Они так часто на необитаемых планетах делают, да, мерзавцы. У Бастера тоже всё... Бастер, тебе, может, отключиться пока стоит? У тебя там аж интерфейс дёргается, я же вижу!

Робот долго не отвечает. Наконец, он коротко произносит:

– Логично, – и, произвольно отключившись, падает.

– Так, в отключке уже трое, – комментирует Семиларен. –

Однако, тенденция!

– Бастер будет в порядке, – уверяет Джекс. – Вот насчёт

Стива и Тецкляя я так не уверен... как они, Карл?

Карл, который всё это время водил микромедом то по телу

Стива, то по телу Тецкляя, поднимает глаза и вздыхает:

– Так себе. У Тецкляя тепловой шок, а Стив просто на волоске держится. Он словно уходит из-под микромеда. Не знаю, как ещё это можно описать. Жизнь еле-еле держится, всё на минимуме. Только одно сердце из пяти бьётся, лёгкие вообще не двигаются.

– Эм, терраформы умеют, гм, сознательно контролировать, э-э-э, вегетативные процессы, – вступает Айзел.

– Да, но в норме они никогда настолько не понижают жизнедеятельность. Стив, чёрт тебя дёрнул прыгать! Кто тебя

просил собой жертвовать, кто?

– Я вот о чём беспокоюсь, – тихо говорит Леод. – А что, если наши разведчики вернутся без воды?

Самые страшные и тяжёлые мысли о мучительной гибели тут же приходят всем в мозги. Карл это чувствует и успокаивает друзей:

– Воды много во мне. Часть её мне придётся отдать Стиву и Тецкляю, поскольку она может ускорить их восстановление, но остальным я поделюсь с вами. Не стесняйтесь, берите. Я готов отдать всю воду.

– Ты же можешь превратиться в капсулу, – тревожится Млем. – Твоя человеческая часть погибнет.

– Ну и пусть. Я не раз через это проходил. Я могу вступить в симбиоз с кем угодно из вас, друзья. Или же вновь стану одиноким протоплазмиком. Как захотите.

С этими словами Карл выпускает из пальцев щупальца и поливает Стива вместе с Тецкляем небольшим количеством воды.

– Нет, я не могу! – смеётся Джекс. – Стива за самопожертвование упрекаешь, а сам готов до капсулы досушиться?

– Джекс, не пойти бы ли тебе куда-нибудь далеко и надолго?

– Уже в пути! Магнитик привезти на память?

Карл в ответ только посмеивается и продолжает поливать Стива и Тецкляя живительной влагой из собственного тела. Однако в мыслях своих он переходит на отчаянный идиш,

ругаясь, выражая тревогу, досаду и даже страх. Страх перед смертью – не своей, а чьей угодно ещё...

– Какие тут все альтруисты стали, – фыркает Герн.

– А ты прямо только о себе и заботишься, – улыбается Яарвокс. – Мне же ни разу не помогал, вообще!

– Ну, это другое. Я так. Я к тому, что если всем всё давать, давалка сломается. Подумали бы лучше каждый о себе. Может, тогда хоть кто-то выживет.

– Э-э-э, есть такое понятие, гм, как реципрокный, хм, альтруизм, – вступает Айзел. – Это значит, что...

– Да не нужно мне этой нудятины, профессор! Просто выживать должен сильнейший, я так считаю. Если рассчитывать на каждого, всем не хватит, вот что.

– Стива и Тецкляя мы не оставим! – неожиданно жутко хрипит Карл.

Полупротоплазмик-получеловек ловит на себе удивлённые, испуганные и тревожные взгляды друзей. И читает соответствующие мысли. Ведь Карл весьма изменился за эти несколько деминут. Он истратил уже немало воды, спасая Стива и Тецкляя от верной смерти. Кожа сделалась бледной и полупрозрачной, и синяя протоплазма стала заметно просвечивать сквозь неё. Начали выступать и кости. Жуткое впечатление усиливают помутневшие синие глаза и утончившиеся пальцы.

– Не бойтесь за меня, – тихо продолжает Карл. – Да, я израсходовал много воды, но её ещё достаточно. Со мной всё

будет хорошо. Может, выпьете по капле?

– Нет-нет, мы потерпим! – торопливо откликается Семиларен.

– Беру свои слова назад, – шепчет Герн. – Надеюсь, наши разведчики всё-таки найдут воду.

Силмак и Накет ищут воду крайне напряжённо. Накет полагается на глаза, а Силмак – на нос. Второй оказывается более чутким.

– Ура! Я нашёл воду! – радуется Силмак, встав на последние лапы.

– Да ты ваще молоток! Глубоко? – интересуется Накет.

– Хм... порядком, да. Коптермирад два, наверное.

– Жопа!

– Да ладно тебе, я справлюсь!

Силмак и Накет добираются до нужного места. Ничто не говорит о том, что именно здесь под пепельно-серым грунтом спрятано самое ценное для любой пустыни вещество. Силмак прицеливается, разминает все десять лап и тем же движением мышкующей лисицы ныряет в грунт. Правда, глубоко ему уйти не удаётся – на поверхности остаются торчать две последние пары лап и полосатый чёрно-белый хвост.

– Эх! Камень тут! – сообщает из-под земли Силмак.

– Тьфу, срань бедантиевская! – плюётся Накет.

– Там просто трещинка в этом камне. Через неё-то я воду и учуял. Но как бы её пробить поглубже? У тебя в карманах

ничего нет?

– Не, блин, ваще ничего не осталось.

– Жалко. Тогда вот что сделаем: пойдём дальше, я попробую уйти где-нибудь поглубже и добраться до источника воды снизу.

Накет кивает, и они вместе с Силмаком продолжают путь по раскалённой серой пустыне. Она вдруг начинает становиться всё серее и серее с каждой деминутой или даже с каждым стеклом.

– Пыльная буря будет, – соображает Накет. – Вот жопа, только этого не хватало!

– Ой, не пыльная буря, – тревожно замечает Силмак, пригнувшись. – Огненная! Уже где-то началась.

– Говно собачье, блин, жопа! Хотя погоди... чему тут гореть-то? Ни травинки, ни деревца, нет ни хрена же...

– В чём ты, Накет, никогда не был силён, так это в геологии! Верхний слой местного грунта сплошь состоит из горючих минералов. В них полно органики. Видимо, это когда-то был живой мир, и...

– Я вижу огонь! В жопу рассуждения, давай, копай!

Силмак вновь вбуравливается в грунт. Он успевает прорыть сравнительно глубокий ход как раз вовремя: едва они с Накетом скрываются там, как поднимается жуткий ветер, который несёт с собой ярко-оранжевый огонь. Вскоре пламя охватывает всё пространство до самого горизонта.

– Как там наши-то, интересно? – вздыхает Силмак. – До-

статочно ли глубокоую нору я им вырыл?

– Ох, блин, надеюсь! Лишь бы Веншамея уцелела...

– О, кстати... раз уж мы тут застряли на какое-то время... нет, ты не думай, я не лезу в твою личную жизнь, но хотел бы спросить: что у вас с ней всё-таки? Кто вы друг другу?

– Люблю я её безумно. Она меня, по ходу, тоже. Ну и чё тебе ещё надо?

– Да вот... понимаешь, страсть – это прекрасно, но что дальше? Вы подумали об этом?

– Ни о чём мы не думали. Мы захотели друг друга и сделали это. Чё такого-то?

– Знаешь, когда я вижу одну и ту же несчастливую историю твоей любви, у меня все сердца кровью обливаются, честно.

– В этот раз всё не так! Она меня не бросит!

– Ты уверен? А мне кажется, что раз за разом история повторяется! Ты влюбляешься и влюбляешь в себя, окунаешься со своей возлюбленной в бурный поток страсти, и на этом всё заканчивается! Каждый раз одно и то же! Очнись, Накет!

Накет отворачивается и цедит какие-то замысловатые матерные выражения с использованием бедантиевской игры слов.

– Ты уже давно не мальчик, – продолжает Силмак. – И всё равно, ты каждый раз сначала делаешь, а потом думаешь! Иногда это здорово выручает, но в любви... в любви скорость ни к чему. Может, вам с Веншамеей стоит остано-

витья, подумать, узнать друг друга получше, а потом уже разжигать огонь страсти? Не думай, что я против ваших отношений, ни в коем случае! Я просто даю тебе дружеский совет.

Накет смотрит на Силмака как-то странно и неопределённо. Шнырявка ласково добавляет, похлопав когтистой лапой человека по плечу:

– Я просто хочу, чтобы ты был счастлив. Ты ведь заменил мне семью...

Накет улыбается и обнимает Силмака:

– Спасибо, что до сих пор обо мне заботишься. Может, ты и прав. Если вернёмся, я поговорю с Веншамеей...

– Не «если», а «когда»!

Тем временем в убежище, от которого разведчики удалились уже не на один и не на два угомирад, проникает запах дыма.

– Что-то где-то горит, – неоригинально констатирует Герн. – Высунулся бы кто, посмотрел.

Из норы выглядывают Райтлет и Сэн. И почти тут же они прячутся обратно.

– Rrr! Сюда движется огненная буря! – восклицает Райтлет.

– Хм, может, нам стоит уйти ещё, э-э-э, поглубже? – беспокоится Айзел.

– Было бы куда, – с фирменной горькой улыбкой усмехается Джекс и стучит стальной рукой по задней стенке норы. –

Камень. Без сверла не пробить.

– Ха-ха-ха, «без сверла не пробить»! – хохочет Семиларен. – Да я любую каменюку голыми руками разобью! Их у меня всё-таки семнадцать!

Семиларен отпрыгивает почти к самому входу в нору, сжимает все семнадцать кулаков и несётся к задней стенке. Впрочем, все семнадцать использовать не приходится: уже для первого кулака на грудной руке столкновение с прочным камнем оказывается очень болезненным.

– Ягуляррский хвост!!! – ругается блент.

Тут в нору падает горящий вполне убедительным пламенем уголёк. К счастью, пламя не успевает ни на что перекинуться, поскольку уголёк давит сапог Яарвокса.

– Чёрт подери, начинается! – чертыхается нечаянный пожарный.

– Надо закрыть вход! – восклицает Веншамея.

– Ага, и чем? Руками, что ли? – рывкает в ответ Герн.

Отчаянное решение принимает Айзел: он закрывает вход в нору собственной спиной, расправив к тому же рукрылья.

– Ты сожжёшь себе спину! – тревожится Млем.

На лице Айзела появляется выражение страшной муки, но голос его твёрд:

– Лучше одна сгоревшая спина, чем десяток горелых тел.

К тому же, у нас ещё есть микромеды.

Айзел пытается улыбнуться и показать, что всё не так страшно. Но эти попытки только больше напрягают друзей.

У Семиларена и вовсе сдают нервы:

– О Сверх Всесильный, Всеблагий, помоги нам! – принимается неистово молиться блент. – Смилуйся над нами, спаси нас, грешных!

Леод не удерживается и прыскает со смеху. Так, что до слуха блента это долетает.

– Тебе ещё смешно, кошачий коврик?! – вскрикивает Семиларен и бросается на ягулярра.

– Семиларен, я согласен, что это несколько недипломатично с моей стороны, – произносит Леод. – Но мне кажется, что...

– Заткнись!!!

– Ты даже договорить не даёшь, полудурок ушастый!

Бледно-голубые щупальца Карла, который уже стал похож на обтянутый почти совсем прозрачной кожей скелет, заполненный синим месивом внутренностей, обвиваются вокруг шеи Семиларена и придерживают за нос Леода.

– Оба... сейчас же стихли!!! – почти беззвучно шипит Карл, вытаращив на вечных спорщиков жуткие мутные глаза. – Я из вас двоих всю межклеточную жидкость высосу! Знаете, как мне сейчас хочется это сделать? Знаете, сколько воды я отдал...

– Карл, я тормоз, – обращается к полупротоплазмиду-получеловеку Джекс. – Я только сейчас сообразил, что для меня потеря межклеточной жидкости – не такая беда, как для всех остальных. Во мне же есть техническая вода, которую

я могу перенаправить в органическую часть!

– Только останови меня вовремя...

– Не вопрос.

Киборг снимает посеревший от пыли пиджак и задирает рукав зелёной рубашки, чтобы освободить органическое левое плечо. Предплечья же обеих рук, а также правое плечо у Джекса роботизированы и не содержат ничего, кроме нержавеющей стали и высокотехнологичной электронной начинки.

Щупальца Карла дотягиваются до левого плеча Джекса и тут же проникают под кожу. Видно, как они извиваются и вытягивают межклеточную жидкость из органического тела киборга. Зрелище это не для слабонервных...

– Жуть какая, – впервые за долгое время подаёт сдавленный голос Витс.

– Это даже не больно, – улыбается Джекс, и даже не горько, а совершенно умиротворённо.

Через пару дециминут Карл, уловив мысль Джекса о том, что пора бы закругляться, втягивает щупальца обратно в пальцы.

– Спасибо, – уже не столь хриплым, хотя ещё довольно тихим голосом благодарит киборга полупротоплазмик-получеловек, который обрёл немного более живой и чуть более здоровый вид. – Ты настоящий друг.

Джекс только скромно пожимает плечами в ответ.

Семиларен же, не замечая ничего вокруг, продолжает вслух молиться:

– Спаси нас, Всеблагий, Сверх Всемогущий, не оставь нас!

– Ох... Семиларен, позволь озвучить недосказанную... ай... мысль, – произносит Айзел сквозь стиснутый от боли клюв.

– Какую?

– Несколько странно надеяться на... э-э-э... не слишком убедительные... ай...

– А, я понял, о чём ты. Да, я подумал над тем, что ты мне тогда сказал. И нашёл аргумент, против которого ты мне ничего не возразишь.

– Ой! И какой же?

– Вера не нуждается в доказательствах. Я просто знаю, что молитвы работают. Я неоднократно в этом убеждался лично. Сверх помогает всем, кто в Него верит и кто Ему молится.

– Ага! Эх... а тем, кто в него не верит?

– Если верующий попросит за них, тоже поможет.

– Семиларен... ой-ой... я не хочу тебя обидеть, но... ай! Похоже, ты не слишком-то хорошо... уф... помнишь свой главный священный текст!

– Ещё как помню! Я благочестивый свехослав!

При этих словах Леод крепко зажимает лапами рот, чтобы не засмеяться в голос.

– Тогда налицо явное... ох... противоречие, – еле сдерживая стон, продолжает Айзел. – Я специально проштудировал вашу Священную Книгу Сверховой Воли. Ай! Вот, цитирую: «Неверящий и неведающий да не вкусит благодати,

от Сверха исходящей; благочестивый же, прося за недостойных, обязан уверить неверящего и наставить неведающего; ибо тот, кто не несёт Слова Сверхова в душе своей, суть порождение Нечисти».

– Сверх всесилен! Как Он захочет, так и будет! Необязательно именно так! – с запалом истинного фанатика обороняется Семиларен.

– Уф... какой тогда смысл... ай, в священном тексте? Почему тогда в нём... уф... нет приписки «а может быть, и нет»? Ой... Сверх же ещё, насколько я помню... эх... всезнающ?

– Да, конечно!

– Так что же... ой... он не знает, что мы неправильно истолковываем его волю? Ай! Почему бы не прояснить всё сразу? Кстати... уф... всемогущество и всеведение... эх... это взаимоисключающие понятия.

– Бог сверхъестественен! Он не подчиняется законам нашей Вселенной!

– Как он тогда может на неё воздействовать? Ай!

– Через верующих, которые поклоняются ему и прославляют, а как иначе?

– Они же часть Вселенной... ой! Ну, хорошо, допустим. Эх... но сам-то он... ох... получается, не всесилен? Почему бы ему просто... ой... не явить себя? Тогда бы в него... уф... поверили все. Не знаю, стали бы... ох... прославлять, но... ай... убедились бы в его существовании.

– У него же нет физической формы! Он действует в судьбе и поступках!

– Ох... тогда любое событие... уф... можно истолковать как волю Сверха, не так ли?

– Да, так и есть!

– Ой... не кажется ли тебе, Семиларен... эх... что твой бог просто выдуман... Ай! Выдуман, чтобы отмахнуться от объяснения всего происходящего? Ой... прости, я, возможно, слишком резок...

– Нет-нет, всё хорошо. Можешь испытывать мою веру и дальше. Она крепче, чем ты думаешь.

– Ох... а вот ещё строки из Священной Книги: «А всякий, кто сеет смуту в душе благочестивого, кто устраивает испытание для его веры, тот действует по наитию Нечисти; если нечистый не уверует всею душою своею, пронзи мечом сердце его, ради его же блага избавь от грешного неведения». Я всё ещё не верю в Сверха. Ай! Пронзишь мне сердце, благочестивый? А оно... ой... вот тут, перед тобой! Уф... справа... и ещё... ой! Ты должен убить... уф... и всех остальных! Цитирую... ох... ещё: «Кто не чтит Слова Сверхова по неведению или по упорству – раб Нечисти, неотмываемый, обречённый; меч, вонзённый благочестивым в сердце, да избавит его от страданий».

– Нет... нет! Ни за что!

– Но тогда... уф... ты не подчиняешься повелениям самого Сверха! Ой! Если в этом тексте он в самом деле... ох..

изложил свою волю...

Блента берёт оторопь. Между ушами начинают копошиться разнообразные мысли, которые не стыкуются между собой, но крутятся вокруг вопроса веры. Айзел, сдержав новый вскрик боли, возобновляет интеллектуальную атаку:

– И ещё: «Тот, кто не следует воле Распорядителя судеб, не чтит Книги, сколь бы благочестивым не считал себя, сколь не поминал бы имени Сверха, нечист; только...»

– «...выполняя неукоснительно каждое предписание, только покоряясь божественной воле, достоин он блага Сверхова», – заканчивает цитату Семиларен.

Где-то с полдеминуты блент усиленно размышляет. Наконец, он воздевает руки и восклицает:

– А гвоздей жареных не хочешь, Сверх? Мало тебе того, что неверным жизни не даёшь, так ты ещё и верных по всем рукам связываешь! Я отвергаю тебя! Как же я был глуп... Айзел, спасибо, что заставил задуматься.

– Не за что, – улыбается фоксиллинда. – Э-э-э, кажется, буря кончилась...

– Боюсь представить, что у тебя со спиной, – сочувственно произносит Ярвокс, доставая из кармана микромед.

Фоксиллинда заходит в нору. Вместо сиреневых перьев его спину теперь «украшают» чёрные корки, кровавые пятна и жёлтые пузыри. Даже выдавший виды Ярвокс содрогается при виде всего этого. Но, взяв себя в руки, он принимается залечивать ожоги Айзела.

– Карл, как там Стив и Тецклай? – интересуется Айзел, едва почувствовав облегчение.

Снова обратившийся в обтянутый кожей скелет Карл в ответ только печально мотает головой.

– Всё то же, – добавляет он неслышным шёпотом.

– Интересно, успели ли Силмак с Накетом спрятаться? – беспокоится Млем.

– Чёрт пороссячий его знает, – грубовато, но тоже обеспокоенно отвечает Сэн.

Силмаку и Накету удалось пересидеть бурю в своей норе. Когда они, наконец, решаются выйти на поверхность, им открывается ещё более унылая картина, чем до бури. Весь грунт покрыт чёрной коркой, а небо заволокло дымом так, что два солнца слились в одно невразумительное пятно.

Но это вовсе не самое страшное...

– Чё-то я совсем запамятовал, в какой стороне наши, – вздыхает Накет. – Чёртова дура, щас и по солнцам-то не ориентируешься... да ещё и дым этот сраный... но у тебя-то с носом всё хорошо?

Силмак встаёт на две последние лапы, тщательно принюхивается и...

– Вот сцурикат! Я не чую ни воды, ни наших! – с ужасом восклицает Силмак. – Гарь, везде гарь! Считай, что нюха у меня больше нет!

Накет всматривается в Силмака испытующим, но полным остатков надежды взглядом. Не увидев в выражении лица

шнырявки никакого намёка на обычный для него оптимизм, Накет взрывается:

– Жопа! Жопа! Жопа!!! Срань бедантиевская, говно соба-
чье!!! Какого хрена?! Что ж за жопа-то, сука, падла, едрён
батон, етить твою мать!!!

Силмак абсолютно потерянным взглядом смотрит на ру-
гающегося Накета.

– Но ведь совсем безвыходных ситуаций не бывает, так? –
пытается оживить стремительно усыхающий оптимизм шны-
рявка.

– Из любой жопы есть выход, – бубнит себе под нос Накет,
но тут же выпаливает: – Кроме этой! Мы пропали! А ещё
подвели друзей! И... Веншамею...

Окончательно утративший надежду Силмак опускается
на все десять лап.

– Какая нелепая гибель, – шепчет он.

– Да ваще, – соглашается Накет и бессильно падает на ко-
лени рядом с Силмаком.

Глава 8. Да здравствует общественный транспорт!

Граждане! Плавайте поездами Аэрофлота!

Неизвестный автор

Силмак и Накет уже потеряли счёт времени и, кажется, вообще всякие мысли. Они просто сидят на обгоревшем грунте в ожидании неизбежного конца. Почти нестерпимый жар пожирает их снаружи, а страшная жажда – изнутри. Помощи ждать совершенно неоткуда: куда бы ни бросали случайные взгляды шнырявка и человек, ни на кого живого и ни на что, отличное от пепла и угольков, эти взгляды не падают.

Вдруг в мёртвой пустынной тишине раздаётся чей-то приятный баритон с металлическими нотками:

– Всё, Силмак и Накет нашлись. А все остальные в двух угомирад отсюда, я поймал их сигналы.

Накет тут же вскакивает и оборачивается. Силмак лишь лениво поворачивает голову.

Перед Силмаком и Накетом предстаёт странное двуногое и двурукое существо в ярко-красной рубашке. Издалека его вполне можно было бы принять за человека, но длинный хвост с ярко-голубыми перьями на конце, когтистые руки и

трёхпалые ступни не дают этого сделать. На голове у существа – шлем с синим визором. По нему никак нельзя понять, какую же голову он скрывает.

– Ты ещё что за хрен? – выпаливает Накет, достав из-за пояса гормет.

– Опустит оружие, – произносит существо таким тоном, что не подчиниться ему просто невозможно. – Я ваш союзник. Я – Звёздный Баригальди.

Тут уже вскакивает Силмак:

– Тот самый! Сколько мы о тебе наслышаны! Как ты нас нашёл?

– Один хороший друг усовершенствовал мой просвет. Я отдам вашим киберпанкам схемы. Ни одна двумперская глушилка вам больше не помешает.

– Мы здесь, Баригальди! – окликает существо чей-то бодрый голос.

К троице подъезжает землелёт – парящая над землёй машина с панорамным окном и вместительным грузовым отсеком. Из землелёта выходят пять существ, одетых в бело-синю-золотую форму. Это ганзер, похожий на хриввалэйтна, только с красной кожей, без рогов и с двумя карими глазами, гоп-белка – небольшого росточка грызун, во всём идентичный земной белке, только с шестью лапками, штаксель – нескладный двуногий зверь с роговыми пластинами на лице и длинными шипами на кистях, четвероногий и двурукокрылый кентрогриф и, наконец, трёхглазое и щупальцеровое

бойньонго с костяным воротником на голове. Вслед за ними из землелёта выходит робот-ликантроп с голубыми глазами. На нём нет никакой одежды – разве что бело-сине-золотой платочек прикрывает шею.

– Добро пожаловать, – произносит робот-ликантроп. – Общество «Дороги Свободы» с радостью помогает всем противникам Двумперии. Но ваша команда – для нас настоящие почётные гости.

– Вампиров выпускать? – нетерпеливо интересуется штаксель, постучав тонким пальцем по плечу робота.

– Сначала найдём остальных с «Хитрюги».

– Понял! Так, бесенята, – обращается штаксель к кому-то в грузовом отсеке землелёта, – сидите тихо! Эй, хватит в крышку долбиться! Корви, придержи их, они совсем разошлись!

– Иду, Анлоний! – отзывается кентрогриф и тут же забирается в грузовой отсек.

– Чего же вы ждёте? Залезайте! – весело обращается к Силмаку и Накету Ганзер, приглашающе указывая на кабину землелёта.

Силмак и Накет переглядываются и тут же занимают места в парящей машине.

Остальной бывший экипаж «Хитрюги» только сейчас начинает терять оптимизм и надежду. Зной и запах гари отнимают все силы даже у самых стойких.

– Силмака и Накета уже так долго нет, – беспокоится Вен-

шаменя. – Наверное, с ними что-то случилось!

– Я бы полетел их искать, но я даже одно крыло поднять не могу, – вздыхает Райтлет.

– Может, дать тебе немного воды? – предлагает совсем тихим и сиплым голосом Карл, который уже еле-еле держится внутри человеческой оболочки.

– Да ты с ума сошёл, нет!

– Ладно, попробую-ка я остатки сил собрать и хотя бы выглянуть, – кричит Яарвокс и собирается подняться, но тут слышит шум на поверхности.

– Мы не одни, – шепчет Леод не то с надеждой, не то с ужасом.

Все замирают. Никто, даже самые большие любители ввязываться во все драки, не хотят, чтобы их обнаружили...

– Друзья! – засовывается в нору весёлая растрёпанная голова Силмака. – В кустах совершенно случайно оказался рояль!

– Вам не поверите! Нас Звёздный Баригальди нашёл! – вторит Накет.

– Баригальди?! – тут же реагируют Яарвокс и Герн.

– Именно так, – вступает само существо в красной рубашке. – Поднимайтесь на землелёт. У Общества «Дороги Свободы» для вас найдётся всё, начиная от воды и заканчивая звездолётом, который увезёт вас из этого пустынного ада.

С помощью Звёздного Баригальди, Силмака, Накета и членов Общества «Дороги Свободы» на приятно прохлад-

ный борт землелёта поднимаются все мятежники, включая недвижимых Стива, Тецклая и Бастера.

Перед тем, как в землелёт залезает Джекс, Звёздный Баригальди окликает его и даёт ему ДНК-флешку со схемой улучшенного просвета.

– Там всё просто, ничего принципиально нового там не понадобится, – комментирует Баригальди. – Правда, когда вы с Бастером установите новые просветы, кое-что вы всё равно не сможете разглядеть.

– И что же? – напрягается Джекс.

– Меня. Просто предупреждаю, чтобы вы не удивлялись. У меня особый костюм с модулем невидимости.

– А можно ли сделать таким же невидимым... корабль, который, быть может, мы когда-нибудь потом построим?

– К сожалению, нет. Эта технология работает только в очень небольшом радиусе. Если же попытаться установить на корабль сразу несколько модулей, в тех местах, где радиусы их действия будут пересекаться, маскировка работать перестанет из-за наложения квантовых эффектов, и корабль легко обнаружат.

– И что же нам делать? Обычным гиперполимером, похоже, мы уже не обойдёмся... двумперцы без дела не сидят, гады!

– Новые настройки просвета подскажут вам, как можно усовершенствовать сам гиперполимер. Вы всё поймёте. Дам только одну подсказку: обратите внимание на микроворсин-

ки.

Не успевает Джекс разразиться миллионом благодарностей, как Звёздный Баригальди в странном жесте разводит руки, и у него из предплечий вырастают металлические крылья.

– Рад был бы сопроводить вас, но моя помощь нужна на одной совершенно незащищенной планете, – сообщает Баригальди. – Я не могу подвести её жителей. Мы ещё встретимся, ребята.

Баригальди взмахивает крыльями и начинает подниматься ввысь.

– Кто ты, Баригальди? Хотя бы намекни! – кричит вслед удаляющемуся загадочному герою Яарвокс.

Лишь лёгкий смешок раздаётся из-под шлема Баригальди прежде, чем тот исчезает в жёлтом небе суровой планеты.

– А вы-то знаете, кто он такой? – обращается Герн к членам Общества «Дороги Свободы», когда землелёт трогается с места.

– Нет, – мотает головой гоп-белка. – Он – загадка для всех. Всё, что мы о нём знаем, так это то, что он настоящий герой, который никогда не проигрывает и умеет оказываться в нужное время в нужном месте. Он всегда нам помогает, но никогда не показывает своего лица.

– Теперь мы поможем вам, – мягким голосом сообщает бойньонго.

С этими словами трёхглазое существо ненадолго исчеза-

ет в грузовом отсеке и возвращается оттуда с объёмистым ведром воды в одной руке с щупальцами вместо пальцев, и с каким-то закрытым ящиком, в котором кто-то явственно шкрябает когтями – в другой.

– Карл, это вода для тебя. Тецклау я сейчас введу препарат, который вернёт его в сознание. Что же до Стива... хм, не уверено, что...

– Погодите, а вы нас откуда знаете? – интересуется Семиларен. – Шпионили, что ли?

– За вами всё это время следил Звёздный Баригальди, – отвечает ганзер. – Он-то нам всё и рассказал. Как именно он следил – понятия не имеем.

– Так что со Стивом? – интересуется Карл, к которому вернулся привычный внешний вид и звонкий голос. – Спасибо огромное за воду, кстати.

– Микромед точно бессилен, и в том, что ему сможет помочь вампир-бодрячок, я не уверено. Но надо попробовать. А вот всем остальным взбодриться точно не помешает. Вперёд, вампиры!

– К-какие ещё в-вампиры? – напрягается Витс, наблюдая за тем, как бойньонго открывает загадочный ящик.

Из открытого ящика по всему землелёту с радостным визгом разлетаются странные зверьки. Очертанениями и растянута́й между шестью лапами перепонкой они напоминают земных летяг. Два больших чёрных глаза, слегка заострённые аккуратные ушки и пушистые хвосты усиливают сходство. А

вот щупальца под треугольными носами, присоски на лапках, два маленьких рта под глазами и шипы на брюхе от летяг этих зверьков сильно отличают. Примечательна яркая окраска необычных зверюшек: их шерсть переливается всеми цветами радуги и усеяна контрастными пятнами и полосками.

– О, это же вампиры-бодрячки бзумбурские! – со свойственным каждому биологу воодушевлением при виде любой экзотической скотинки восклицает Айзел. – Это, эм, удивительные зверюшки. Даже не знаю, э-э-э, с чего начать, хм, о них рассказ.

Вампиры, без умолку вереща, садятся на всех спасённых мятежников, кроме Бастера. Который, кстати, совершенно самостоятельно включается и, проанализировав обстановку, приходит к выводу, что никакая электроника от испытаний суровой планеты не пострадала – ни у него самого, ни у Джекса.

– Ой, мама! – вскрикивает Витс, когда вампир садится ему на грудь. – Айзел, что он от меня хочет? Трогает так этими щупальцами... ай! Он меня чем-то колет! Не то чтобы больно, но... странно!

– Это шипы, гм, у него на брюхе! – с восторгом объясняет Айзел, которому на едва зажившую спину сели аж два вампира.

Впрочем, один зверёк, сердито шипя, отгоняет второго. Недолго думая, второй вампир переключается на Карла, который, хоть и выглядит взбодрившимся, на самом деле прак-

тически лишён сил.

– Шипы, хм, пробивают кожу, а потом из некоторых из них, э-э-э, выбрасываются очень тонкие щупальца, – продолжает Айзел. – Эти, гм, щупальца такие тонкие, что, э-э-э, могут проникать в кровеносные сосуды, хм, не повреждая их – они, эм, проходят между клеток! Вампир, гм, всасывает кровь через одни щупальца, потом она, э-э-э, проходит через хемотрансфор, гм, а потом вампир, хм, возвращает её через, гм, другие щупальца. Хемотрансфор – это, гм, удивительнейший орган. Там, э-э-э, из крови извлекаются, хм, вещества, которые выделяются при, гм, утомлении и стрессе. Ими вампир и питается. Специальные железы в хемотрансфоре, хм, выделяют тонизирующие и, э-э-э, вообще полезные и питательные вещества для данного организма – и, гм, больше скажу, для данной особи! Это происходит, гм, за счёт перетасовки особых, э-э-э, участков ДНК. Как у вас, хм, человек, когда формируются, гм, антитела. Поэтому, гм, вампира и называли «бодрячком»: он, хм, как бы вытягивает из, э-э-э, жертвы – или, правильнее сказать, хозяина – усталость и, гм, возвращает бодрость. Потом, хм, шипы обламываются, э-э-э, и затем отрастают заново. Потому что, э-э-э, смешивание крови в хемотрансфоре вредно для, хм, самого зверька. Поэтому, гм, эти вампиры абсолютно безопасны и, э-э-э, никогда не разносят болезни. Вот такие, хм, прекрасные зверьки! Хм, я уже чувствую себя намного лучше.

В самом деле, каждый, к кому присосался вампир-бодря-

чок, через несколько деминут начинает чувствовать себя так, будто только что замечательно выспался и хорошо пообедал. Это относится даже к Тецкляу, которого только-только привели в чувство.

Вот только Стиву старания необычного зверька так и не помогают.

– Что ж такое-то, должно было сработать, – с досадой шепчет бойньонго, сканируя тело Стива специальным медицинским просветом. – Все показатели по-прежнему на минимуме. Без помощи медиков не обойтись... ой, подождите! Забились все сердца! Заработали лёгкие! Он возвращается! Сам возвращается!

Внимание всех, кто находится в землелёте, включая вампиров и исключая одного только робота-ликантропа за штурвалом, приковывается к терраформу. Действительно, его кожа обретает здоровый бирюзовый оттенок, дыхание становится чётким и глубоким, а глаза вскоре открываются.

– Карл, – зовёт полупротоплазмика-получеловека Стив, приподняв голову.

– Да? – радостно отзывается Карл.

– Сам идиот.

Млем, которому видны все телепатические тонкости этого краткого диалога, не сдерживается и начинает ржать конём. Впрочем, и не-телепаты через пару мгновений тоже заходятся лошадиным хохотом.

– Я просто не успел тебе это сказать, пока падал, – уточ-

няет Стив со своей вечно насмешливой улыбкой.

– Стив, ты поц! Не хочу квеч, но твоя хуцпа... – переходит на возмущённый идиш Карл, но терраформ со смехом перебивает его:

– Весело же над тобой стебаться, а!

– Слушай, я почти всю воду на тебя истратил, готов был умереть, лишь бы тебя спасти... а ты, значит, всё это время был вполне себе в порядке?!

– Ну, не совсем. Кости-то у меня были сломаны. Я просто понизил уровень жизнедеятельности до минимума, а ты в это время срастил мне кости. Спасибо.

– Не за что. Только... ты не мог настолько понизить уровень жизнедеятельности сам!

– Мог. Когда я мариновался в живительном растворе, я обнаружил, что умею и так. Я точно знал, что выживу. Впрочем, друзья мои, без шуток скажу, что я бы всё равно вас спас, даже если бы выживание мне не светило.

– И мы тебе за это очень благодарны, – почтительно поклонившись, произносит Тецклай.

– Вообще, пережить падение с такой высоты – это очень круто, – не скрывает восторга Райтлет.

– Спасибо, сам знаю! – усмехается Стив и поднимается. – Вижу ваши воспоминания. Да, порядком вам всем досталось. Но, в итоге, повезло. А вот кое-кому не повезло вообще, но зато от этого вся Галактика с облегчением вздохнёт. Да-да, Витс, я именно об этом!

Витс, который, казалось бы, уже отдохнул и отошёл от всех передряг, страшно бледнеет и весь съёживается. В кровь его выбрасывается такое количество адреналина, что уже готовый было отвалиться в сытости вампир снова принимается прогонять через свой хемотрансфор этот питательный для него «суп».

К счастью для Витса, Стив быстро меняет тему:

– Друзья мои новые, вы скрываете мысли. Что же это за планета?

– Фирс-Ы, – отвечает Анлоний. – У нас тут главный нелегальный – ну, с точки зрения Двумперии нелегальный – космопорт во всём Хвосте Галактики!

– Кстати, вот он, – объявляет робот-ликантроп. – Добро пожаловать!

В окне землелёта виднеется... лишь ставшая за все эти дечасы привычной обгоревшая пустыня.

– И... где ваще космопорт? – интересуется Накет.

Ганзер с хитрой улыбкой что-то достаёт из кармана брюк. Раздаётся негромкий щелчок, и перед мятежниками предстаёт самый настоящий многоэтажный космопорт. Здание выглядит так, словно его проектировали десять-двадцать архитекторов, которые учли всё на свете, да только забыли договориться друг с другом. Один отсек абсолютно не гармонирует с соседним, тот – со следующим и так далее. Разве что переходы между цветами отсеков вполне плавные.

– Маскировка на высшем уровне, – с гордостью сообщает

ганзер.

Вся компания заходит в здание космопорта, не только пёстрого внешне, но и оживлённого внутри. Туда-сюда снуют существа в бело-сине-золотой форме, пилоты общественных кораблей, пассажиры, грузчики и роботы-разнорабочие. Никакой тревоги, никакого страха перед вездесущей жестокой Двумперией здесь не ощущается. Лишь рабочая суета, всеобщее воодушевление и надежда заполняют просторное здание.

– Кого здесь только нет, – комментирует гоп-белка. – Тут и мятежники вроде вас, и беженцы, и даже бывшие верноподданные Имперского Союза.

– Как вас... а вернее, нас много! – радуется Млем.

– На самом деле, нас ничтожно мало, – усмехается Корви. – Но каждый местный день мы делаем Двумперии минимум два десятка маленьких гадостей. Хотя бы так мы её ослабляем. Не так, как вы, не лицом к лицу, но так, как можем.

– И это замечательно!

– Сейчас мы узнаем, какой корабль вас примет, – сообщает робот-ликантроп. – Подождите нас здесь.

Робот, ганзер, гоп-белка, штаксель, кентрогриф и бойньонго покидают бывший экипаж «Хитрюги».

– Знаете, друзья мои, я снова прошёлся по вашим воспоминаниям... и я в восторге от того, что в такой сложной ситуации вы друг с другом не переругались, – обращается ко

всем Стив.

– Ну, технически, мы малость поссорились, – смущённо признаётся Яарвокс. – Это... Веншамея, извини, если я тебе наговорил чего не того.

– Да ладно, – пожимает плечами бывшая королева Теэк-лавеллы.

– Ну, милые бранятся – только тешатся, – смеётся Карл.

– Эй, никакие мы не милые! Это мы с Накетом – милые!

– Да, если чё! – поддерживает бедантиевец, для убедительности приобняв Веншамею.

– Оговорился, простите, – улыбается Карл, опустив глаза.

Собратья-телепаты, впрочем, ощущают скрытое лукавство в словах полупротоплазмика-получеловека...

Тем временем, всё более и более неловко начинает себя чувствовать Витс. Стив, стало быть, уже всё прочитал в его мыслях. Или не всё? А если всё... не должен ли он будет как-то наказать человека? Ведь Витс нарушил обещание, которое ему дал – пусть и не прямыми словами, но мыслью! Нет... больше он не посмеет взглянуть терраформу в глаза...

– Витс, пойдём-ка, поговорим в сторонке, – обращается к Витсу Стив и направляется к редкому тихому уголку космопорта возле одного из окон.

Человек теряет все остатки краски на лице, и изнутри его сковывает просто ледяной холод.

Значит, он не зря беспокоился...

Тем не менее, Витс заставляет себя пойти вслед за Сти-

вом. Пожалуй, страшнее землянину было только тогда, когда Стив занёс над ним гормет, готовясь отрубить голову.

Стив, вопреки ожиданиям Витса, улыбается ему довольно-таки тепло, хотя и с долей обычной насмешки:

– Я знаю, что тебя тревожит. Точнее, кто. Баер. Ты думаешь, что убил...

– Не просто убил, – перебивает вдруг Витс, – а прекратил его существование! Я по твоему совету прочитал Универсальный Кодекс Высшей Цивилизации. А в первом пункте как раз и говорится: «Любая форма жизни имеет право на существование. Форма жизни существует тогда, когда либо живёт естественной жизнью, либо законсервирована полностью или частично. Опасные в планетарном, галактическом или вселенском масштабе формы жизни следует консервировать». Но ведь не сказано, что их надо уничтожать полностью, верно? Значит, я нарушил Кодекс! А ещё я... п-предал т-твое д-доверие. Я ж-же п-пообещал, что изм-меняюсь... а в итоге, я снова стал мерзавцем и убийцей! Всё, чего я достиг... об-бесценилось!

– Обесценилось? То есть, правильно было бы, по-твоему, оставить в живых наимерзейшего мерзавца во всём Млечном Пути и позволить ему сжечь – то есть, как раз прекратить существование! – последнего хокенд'ивена? Правильно было бы уничтожить так целую цивилизацию, не оставив ей возможности восстановиться?

– Неправильно, согласен. Но я не должен был прекращать

существование даже такого негодяя, как Баер! Я должен был его просто остановить, а не убивать! Но я...

Витс с трудом заставляет себя говорить дальше:

– Я... я н-не стал г-говорить Леоду, чтоб-бы его н-не рас-страивать... но я... я хотел убить Баера. Честно. И это... самое страшное!

Стив смеётся:

– Ха-ха-ха! А кто не хотел?

– Леод! И Млем! Они против любого насилия!

– Насчёт Млема вынужден согласиться, у него свои взгляды. А вот Леод, открою тебе секрет, втайне надеялся, что кто-нибудь прибьёт этого подкрадского сына.

– Но я... получается, я всё-таки не случайно нажал на крючок! А намеренно! Значит, я сознательно уничтожил Баера. Значит, я всё-таки мерзавец! Мне нет оправдания. Я упустил ту возможность, которую ты мне дал. Стив, я с вами никуда не полечу. Лучше я останусь здесь... выйду... и сг-горю в ог-гненной б-буре! Или... в м-монастырь п-пойду! Это будет справедливо!

Стив, не снимая с лица насмешливой улыбки, лезет во внутренний карман полупальто. Покопавшись немного, он извлекает небольшую пробирку с тёмно-красной жидкостью.

– Что это? – спрашивает Витс.

– Клетки Баера. Я взял их ещё тогда, на Эр-Нюге. Я знал, что когда-нибудь либо своими руками убью этого паразита, либо его прикончит кто-то другой. Так что, чтобы не нару-

шить Кодекс, я взял образец крови. Более того, тебе тут не видно, но поверь: чип я тоже сохранил. Извлёк незаметно. Поэтому при желании Баера всегда можно будет восстановить.

Витс вздыхает с облегчением:

– То есть... я не уничтожил его полностью?

– Нет.

– Значит, я могу...

– Да, не уходить в монастырь и не сводить счёты с жизнью.

Представь себе.

– Стив, спасибо! Но... что мне надо сделать, чтобы больше такого не повторилось? В этот раз всё закончилось хорошо, но в другой раз может и не повезти...

– Тебе просто надо духовно расти дальше. Глубже понять себя. Держать под контролем эмоции. Мыслить дальше, чем на один шаг вперёд. В общем, не прекращать самосовершенствоваться. Вспомни третий пункт Кодекса: «Всякое разумное существо должно стремиться к самопознанию и самосовершенствованию. Тот, кто познаёт себя, лучше разбирается в других, и это ведёт к взаимопониманию и гармонии».

В порыве благодарности Витс обнимает Стива.

– Я тебя больше никогда не подведу! – торжественно произносит он, с благодарностью уткнувшись лбом в грудь терраформа.

– Да на кой подкрад ты мне сдался? – неожиданно усмеяется Стив.

Витс отстраняется от терраформа:

– Что?!

– Ты для себя расти, а не для меня! Для меня ты – всего лишь...

Стив произносит длинное слово на хокене. Витс слышит в нём какие-то знакомые корни, но перевести полностью не в состоянии.

– А к-как это н-на хи-хифсдангле? – заикается человек.

– Узнаешь! Давай, шевели ножками, пошли к остальным!

Вновь растерянный, но хотя бы уже не напуганный Витс послушно идёт вслед за терраформом.

Что это было?

Кто же они со Стивом, на самом деле, друг другу?

Учитель и ученик?

Хорошие друзья?

Заклятые друзья?

Эго и альтер-эго?..

Когда Стив и Витс присоединяются к остальным, как раз возвращаются их спасители из Общества «Дороги Свободы».

– Есть для вас корабль! – радостно сообщает бойньонго. – «Вихлюн-8», выход на посадку номер тридцать три. Мы вам покажем, куда идти.

Пока все направляются к нужному выходу на посадку, Карл передаёт мысль Стиву:

«Стив, ну ты и врушка. Не ожидал такого даже от тебя».

Терраформ, почти незаметно улыбнувшись, отвечает тоже мысленно:

«Ну а что? Не должен же был я ему говорить, что Баера он убил окончательно? Должен ли я был сказать, что первый пункт Кодекса ничего не говорит о недопустимости уничтожения опасных форм жизни? Наконец, надо было, по-твоему, сказать Витсу, что он вообще молодец, раз очистил Млечный Путь от такой дряни? Достаточно ли он созрел для этого?»

«Пожалуй, нет. Ему ещё нужно подрасти духовно. Но всё-таки... нехорошо врать-то, а, Стив? Даже с благими намерениями?»

«Иногда можно. Главное – не превращать это в привычку».

«А если Витс узнает, что ты его обманул?»

«Вот тогда-то он и проявит себя. Если он поймёт, что я пощадил его некрепкую психику, будет умница. Если решит, что я злонамеренно ему соврал, чтобы деморализовать – пусть идёт ко всем подкрадам».

«Не пойдёт же. Он для тебя слишком важен».

«Да, мне нужно, чтобы под боком был кто-то, над кем всегда можно поржать».

«О чём я, правду ты мне всё равно не передашь. Ответь мне только: чьи это были клетки?»

«Светящегося хобоклюва. Интересная полуразумная птичка. Уверен, у этого вида большое будущее».

«Ладно, будем считать, что соврал ты хотя бы красиво».

Мысленный диалог двух телепатов заканчивается как раз тогда, когда вся компания достигает выхода на посадку.

– На борт вам придётся подниматься прямо сейчас! – таторит Анлоний, взглянув на свой коннектар. – Разведка сообщила, что в окрестностях опять рыщут двумперцы. Надо скорее взлетать.

– Можно спросить? – вежливо интересуется Бастер.

– Конечно, – отвечает робот-ликантроп.

– Насколько хорошая у вас разведка?

– Отличная! Осечки бывают очень редко. Попробую угадать: вам интересны наши сведения?

– Весьма интересны. И, думаю, это взаимно.

– Киберпанк киберпанка издалека идентифицирует, – вступает Джекс.

Два робота и киборг на несколько стеков замирают: они передают друг другу коды доступа, многочисленные данные и разные полезные контакты.

А также схемы, которыми поделился Звёздный Баригальди.

– Спасибо, Гимр, – обращается к роботу-ликантропу Джекс. – Ты нам очень помог.

– И вы мне тоже! Будем на связи.

После этого к мятежникам обращается ганзер:

– Что ж, передаём вас в заботливые руки капитана Выля-Кут-Жела! Удачи! У вас всё получится!

Поблагодарив своих спасителей и попросившись, мятежники направляются ко входу на корабль. «Вихлюн-8» – громадный звездолёт чёрного, как смоль, цвета с четырьмя парами небольших белых крыльев по бокам.

Всех встречает звонкий голос капитана пассажирского звездолёта:

– Отправляемся! Исс-Юнгулюс, Куда-5, Ы-4, Крак-тынглыбдинсглавгреш... ура, я выговорил!... Длоф, Уцтун, Леззу, Кибервирт, Зам-Зам!

Звонкоголосый капитан оказывается представителем вида прижвов. На земной взгляд это существо походит на пятиглазую выхухоль с двумя лягушачьими руками и четырьмя ногами.

– Приветствую вас! – обращается он к бывшему экипажу «Хитрюги». – Куда вы хотели бы отправиться?

– На Леззу, – отвечает Стив.

– Прекрасно, вы не одни туда летите. У вас есть багаж?

– Только багаж знаний, – постучав пальцем по голове, сообщает Карл.

– И пара приборов в карманах, – усмехается Яарвокс.

– Что ж, тогда проходите, – приглашает всех капитан. – Наш «Вихлюн-8» быстро доставит вас, куда нужно, в обход всех двумперских запретов.

– Э-э-э, у вас «Вихлюн», и у нас был, гм, «Хитрюга», – замечает Айзел.

– Все противники Двумперии похожи, – с улыбкой отве-

чает капитан. – Приятного полёта!

Внутреннее пространство «Вихлюна-8» напоминает интерьер земных самолётов, хотя сидения сильно различаются по размерам и форме, поскольку подогнаны под очень разнообразных пассажиров. И подавляющее большинство этих мест уже занято – причём в произвольном порядке.

– Что ж, разбежимся ненадолго, – разведя руками, констатирует Семиларен.

– Что, в общем-то, иногда и неплохо, – мурлычет себе под нос Леод.

Однако мятежникам удаётся расположиться достаточно близко друг к другу. А кое-каким счастливицам вообще удаётся сесть рядом – а именно Райтлету и Сэн, Веншамее и Накету, Ярвоксу и Герну.

– Уважаемые пассажиры, говорит ваш капитан Виль-Кут-Жел. От имени Общества «Дороги Свободы» приветствую вас на борту «Вихлюна-8»! – раздаётся из динамиков знакомый голос, когда посадка заканчивается. – Наш маршрут проходит через следующие выбранные вами планеты: Исс-Юнгулюс, Куда-5, Ы-4, Крактынлыб... простите, Крактынгыбдингвш... тьфу! Крактынгыбдинсгра... тихо, не ржите... Крактынгыбдинсглавгреш! Есть! Вот, и ещё Длоф, Уцтун, Леззу, Кибервирт и Зам-Зам. Во время взлёта и перед посадкой, пожалуйста, пристёгивайте ремни безопасности. Если мы наткнёмся на двумперцев, будет выключен весь свет и включён маскировочный режим «гравитационная линза».

Если двумперцы всё же нападут, мы сделаем всё возможное, чтобы никто из вас не пострадал и был как можно скорее доставлен в безопасное место. Если во время полёта вы решите поменять свой пункт назначения, просто сообщите об этом обслуживающему персоналу или лично мне. Желаю вам приятного полёта. Местное время двадцать пять дечасов восемьдесят семь деминут, температура за бортом – плюс семьдесят четыре водяных градуса. Пожалуйста, приготовьтесь к взлёту, пристегните ремни. Открыть ангар. Взлетаем.

«Вихлюн-8» вылетает из открытого ангара и оставляет горячую планету Фирс-Ы. Полёт проходит плавно, несколько медленнее, чем на личных кораблях и даже на «грузовом» «Хитрюге», но зато дарит ощущение безопасности, от которого мятежники уже успели совсем отвыкнуть.

Тьма голосов и самых разных языков заполняет салон «Вихлюна-8». Мятежники, конечно, не стремятся подслушивать ничьи разговоры, но некоторые оказываются... слишком интересными, чтобы оставлять их без внимания.

– Вот что тебя дёрнуло с этим Мизергели?! – раздаётся чей-то басовитый женский голос, слегка искажённый усилителем звука, когда корабль выходит на стабильную траекторию. – Всё нормально было, мы нашли укрытие – нет, давай посмотрим, что на этой дурацкой планете!

– Но ведь всё вышло удачно! – отвечает другой женский голос, намного выше и визгливее.

– Удачно, да. Очень! Просто обалдеть, как удачно! Только

подлетели, и нас чуть не взорвали! Знаешь, мне, конечно, на многое в жизни пофиг, но убиваться я ещё не собираюсь! Тем более в твоей компании!

– Ты же спасла меня, Тикки!

– И зря спасла! Эффелина, может, отстанешь от меня, наконец?

– Ну что ты такая мрачная всегда?

– А что мне, лыбиться, топтать лапами и кричать «ура!», что ли?

– Мы же спаслись!

– Повезло, конечно, что капитан Фьюмичино рядом оказался. А если бы не оказался? Всё! Да, мы живы благодаря Фьюмичино. Но он человек занятой, и в следующий раз, если ты выдумаешь какую-нибудь глупость, он не полетит нас спасать с другого конца Галактики!

Джекс ловит себя на мысли, что вслушивается в этот разговор с вытарашенным органическим глазом и открытым ртом. Киборг не выдерживает, встаёт с места и находит Тикки и Эффелину через несколько рядов. Тикки – представительница вида клеа, синяя рыба с шестью лапами вместо плавников, одетая в светло-голубой скафандр с удлинённым, по форме головы, прозрачным шлемом. Эффелина же оказывается элантиной – двуногим ярко-жёлтым существом без рук. На длинном хвосте у неё располагаются две переливающиеся лиловые лопасти, которые напоминают крылья бабочки.

– Здравствуйте! Извините, что вступаю в ваш разговор...
– вежливо начинает фордокс-приманец, но его перебивает Тикки:

– Наконец-то! Слушай, друг, забери эту дуру, а? Она меня уже достала! Денег у меня, правда, нет, но я тебе чем-нибудь ещё заплачу, только...

– Я хотел бы только узнать, о какой такой планете Мизергели вы говорили...

– Ну, Мизергели – это, типа, какая-то там важная планета для паукрабов. Там...

– Я подслушала, они говорили, что она на краю Многозвёздного Рукава, – прерывает Эффелина. – Между звёздами Вальфсон и Шаинвект. Там вроде как их родина. Я ещё много чего подслушала...

– И чтобы не возникало недоразумений, как с нами, запомните: эта планета называется именно МИЗергели, а не МЕЗергели, – добавляет Тикки. – Мезергели занята йорзе, и если сунетесь туда – за вами целый флот вышлют, даже не спрашивая, кто вы и откуда.

– Вот это очень ценная информация, которую хрен моржовый найдёшь в постоянно редактируемой Энциклопедии! – восклицает Джекс.

На далёкой холодной планете тучному существу с густыми вибриссами на голову сваливается увесистая книга.

– Вот что это за волшебное паукрабское слово, которое открывает двери на всех базах! Огромное вам спасибо за на-

водку! И ещё... вы говорили о капитане Фьюмичино. Кто же это? Я много о нём слышал, но так и не могу узнать, что это за удивительный герой...

– Ну, он человек, как ты. Только не киборг.

– С акцентом говорит, – вставляет Эффелина.

– С акцентом? Как именно? – живо интересуется Джекс. – Можешь изобразить?

– Ой, я уже не помню... но как-то... окал он как-то, вот! «Мы гОтОвы к взлёту», вот так примерно! И ещё что-то было... м-м-м... Тикки, ну ты-то помнишь?

– Я вообще внимания не обратила. Да не было никакого акцента, выдумываешь ты. А если и был, то мне пофиг.

– Вы видели его самого? – продолжается допытываться Джекс.

– Так, издалека. Ну, я ничего такого не заметила. Прости, я вас, человек, плохо различаю.

– Что ж, попробуем это выяснить позже. Всё равно спасибо! А может... вы присоединитесь к нам? У нас целая команда мятежников, и мы пытаемся разгадать планы паукрабов. Вы бы нам очень помогли!

– Причём обе, – добавляет незаметно подкравшийся Стив и хитро улыбается.

– Ура! Спасибо! Это будет здорово! – прыгает от радости Эффелина. – Тикки, здорово же?

– А, мне уже всё пофиг, – печально вздыхает Тикки. – Только держись от меня подальше в любом случае, а?

Тикки и Эффелина знакомятся с командой. Когда после первой посадки на Исс-Юнгулюсе освобождаются места рядом с мятежниками, клеа и элегантина их занимают.

– Неужели паукрабы наступают на те же грабли с родной планетой? – горько усмехается Стив. – Неужели достаточно ударить по одной точке, чтобы развалить всё? Шучу, шучу. Тут всё явно сложнее.

– Тем не менее, я бы на Мизергели посмотрело, – произносит Млем.

– Я уверен, что если мы доберёмся до родины паукрабов, мы сможем хотя бы затормозить создание Великой Паутины, если вовсе не остановить его! Помните – «вершина нашей истории»... по-моему, это очень жирная подсказка! – воодушевлённо верещит Джекс.

– Тогда сразу после Леззу отправимся туда, – решает Стив.

Аккуратные, незаметные для двумперских глаз последующие посадки на планетах Куда-5 и Ы-4 проходят без приключений. Как-то стихают и разговоры – но не тревожно, а мирно. Пользуясь этой атмосферой необыкновенного спокойствия, царящей на пути к планете с самым трудновыговариваемым (по крайней мере, на этом маршруте) названием, на откровенный разговор решается Накет:

– Веншамея, я тут чё подумал... мы с тобой пара или нет?

– Честно говоря, я так и не понимаю, – неуверенно отвечает Веншамея.

– Вот и я чё-то не знаю. Я тебя люблю, это точно. А ты меня?

– Вроде бы, да...

«Вроде бы»... эти слова болезненно отзываются в душе Накета.

Неужели Силмак был прав, и он опять будет обречён на одиночество? Однако он делает вид, что ничего не заметил:

– Я вот о чём. Может мы... не с того начали? Чё-то слишком быстро у нас всё пошло, а?

– Ну... это было очень ярко!

– А дальше что? Я хотел бы, чтобы это повторилось, но... может, нам стоит узнать друг друга получше для начала, как ты думаешь?

– Может быть. Не знаю... а что ты имеешь под этим в виду?

– Ну...

Накет совершенно теряется. В этот раз у него не находится никакого быстрого решения. К счастью, его выручает Веншамея:

– Накет, а что тебе больше всего во мне нравится?

– Ну, ты очень красивая. Как цветок. Кстати, слушай, а ты какие цветы любишь?

– Теэклавелльские лилии обожаю. Такие белые в полосочку. А ты был когда-нибудь на Теэклавелле раньше?

Мало-помалу у Накета с Веншамеей завязывается тихий и нежный разговор. Он оказывается настолько нежным, что

все сидящие поблизости пассажиры невольно умиляются.

Все, кроме Ярвокса. Конечно, ему хотелось бы оказаться на месте Накета. Только он задал бы другие вопросы, и сказал бы, что в Веншамее ему в первую очередь нравится не красота, а...

Стоп. Ему, грубияну, который и не помнит, когда последний раз произносил слово «пожалуйста»? Ему, которого в любой женщине интересуют в первую очередь только формы? Ему нравится в первую очередь не красота Веншамеи, а что-то ещё?..

Может, Ярвокс действительно, выражаясь язвительным языком Герна, втюрился в Веншамею по уши? Может, он чувствует к ней что-то большее, чем первобытное влечение?

А может, срабатывает принцип «что имеем, не храним, потерявши – плачем»?..

К счастью, определённое требование организма шельноковца отвлекает его от странных мыслей, и тот покидает насиженное место.

– Куда это ты собрался? – лениво вопрошает Герн.

– На звёзды посмотреть, а куда ещё? Не за пивом же...

Герн неопределённо хмыкает в ответ.

– О Веншамее думал, да? – куда-то в сторону бросает чучундра.

– Тебе-то что?

– Да так... променяешь ты друга на бабу, чую я.

Ярвокс смеривает Герна полным упрёка взглядом.

– Ты дурак, что ли? Во-первых, мне ничего уже не светит. Всё, парочка они с Накетом, третий – лишний. А во-вторых, даже если они вдруг переругаются, и Веншамея меня примет, я что, думаешь, тебе другом быть перестану?

– Оно ж так всегда происходит. Я-то знаю.

– Ну да, конечно.

Когда Яарвокс после краткого путешествия возвращается к своему месту, он замечает в среднем ряду блургра – существо, ради которого команда и летит на Леззу. Это насекомоподобное существо сине-лилового цвета. У него четыре ноги, четыре руки, четыре прозрачных крыла и даже четыре челюсти-жвалы. Под овальными чёрными глазами, расположенными по бокам головы, находятся крупные железы салатого цвета. Они выделяют ту самую затвердевающую на воздухе слизь, которая служит основным средством общения у этого вида. Собственно, сейчас блургр что-то записывает слизью в специальную рамочку – свой дневник.

Блургры крайне редко покидают свой родной мир. Однако этот представитель диковинного вида здесь, на «Вихлюне-8». Значит, он наверняка знает хифсдангл!

– Привет! – обращается к странному существу Яарвокс. – Ты говоришь по-общегалактически?

– Привет! – шевелит жвалами блургр. – Я говорить хифсдангл, но плохо, извиняй.

– Я тебя вполне понимаю.

– Хорошо! Я имя Фиб-Фиб.

– А я – Яарвокс. Послушай, мы тут пытаемся узнать, как победить паукрабов. Мы нашли их записи на базе. Это правда, что ваш язык похож на паукрабский?

– О, да, да! Паукрабский языка – как наша, только... как это... корявый!

– Ты сможешь нам перевести записи?

– Конечно, я помогай переводить!

– Здорово! Пойдём, познакомлю тебя с командой.

Яарвокс приводит Фиб-Фиб к соратникам. Тепло приняв блургра, мятежники одаривают его снимками паукрабских «рисунков». Фиб-Фиб беглым взглядом не только двух больших глаз, но и трёх маленьких посередине головы проходит по паутинным записям и звонко смеётся:

– Это очень смешно! У них и языка смешной, и содержание какой-то странный. Но я понимаю. Я вам перевожу! Простите, мой язык плохо, но я стараться.

– Если уж мы Юрксла понимаем, то и тебя поймём, – уверяет блургра Герн.

Юрксла ничего не отвечает, но в глубине души посылает, этого, как его, Герна, ну, это самое, далеко, как бы, и надолго, вот.

Глава 9. Лирическое отступление: краткое содержание паукрабских текстов, которые мужественно, сдерживая удушающий хохот, перевёл Фиб-Фиб

Почему все дуры такие женщины?

Фаина Раневская

В стародавние времена, когда ещё лишние буквы в словах писали,¹³ жили-были на благословенной Мизергели паукрабы. Уже не были они дикими тварями, которые жили на побережьях многочисленных морей и собирали всё, что море принесёт или что мимо неудачно проползёт, а стали вполне цивилизованными существами. Они строили города, изобретали технику, развивали искусство. И самым-самым главным искусством у них считалась каллиграфия. Паутинная, разумеется. Наверное, земные пауки, если бы обладали хоть каплей разума, высоко оценили бы такое искусство. Надо заметить, что паутина у паукрабов изначально служила

---

¹³ Не шутка: в хифсдангле действительно было больше букв.

вовсе не для того, чтобы ловить добычу, упаковывать запасы и строить гнёзда. То был продукт бессмысленного и беспощадного полового отбора: издревле паукрабы красовались друг перед другом, искусно плетя невероятной красоты узоры. А поскольку были моногамы, плели паутину и мужчины, и женщины. Но вот ведь незадача: далёкие предки паукрабов были гаремными животными. Самцы соревновались друг с другом за стада самок. Потому самцы и самки сильно друг от друга отличались. Позже в ходе эволюции различия почти полностью исчезли. Но так получилось, что два маленьких отличия мужчин от женщин никуда не делись. Во-первых, у мужчин остался зелёный цвет глаз, а у женщин – белый. Во-вторых, мужская паутина всё так же была легче, прочнее и тоньше женской. И узоры у мужчин получались гораздо замысловатее и – пожалуй, почти на любой вкус – красивее, чем у женщин.

Разный цвет глаз, конечно, никого не волновал. А вот разница в качестве паутины была не по нраву обидчивым по природе своей паукрабихам. Долго терпели они эту «природную несправедливость», но однажды собрались и решили что-то с этим сделать. Сначала попытались заставить мужчин плести паутину похуже, чтобы, дескать, женщин не оскорблять. Мужчины резонно возражали, что никто никого не оскорбляет, просто так получилось, что представители разных полов немножко отличаются друг от друга. Это не хорошо и не плохо, так есть, замечали лучшие паукраб-

ские умы – среди которых, что интересно, были и редкие необиженные женщины. А вот если развить биотехнологию (в то время как раз зарождалась эта наука), можно будет и женскую паутину сделать лучше, да ещё и весь род паукрабский усовершенствовать. Но обиженные женщины на это «унижение» не согласились. Они требовали, чтобы мужчины перестали во всём доминировать и указывать женщинам, как жить, требовали равноправия. Однако никто ни над кем не доминировал, никто никому ничего не указывал. Вот уж о равноправии паукрабы задумались ещё давным-давно. И разобрались они с этим вопросом ещё до того, как в воздух поднялся первый летательный аппарат. Паукрабское общество тех времён было образцом равноправия среди предкосмических цивилизаций. Мужчины и необиженные женщины разводили клешнями и смеялись, а обиженные женщины злились всё больше и больше. Потом обиженные паукрабихи вдруг сменили тактику: решили надавить на жалость. Дескать, они, женщины, бедные, только и делают, что производят, растят и воспитывают новые поколения паукрабов, что их заставляют заниматься этим тяжёлым трудом...

Вот только, во-первых, отложить десяток яиц для любой женщины было не сложнее, чем сбросить шкурку при линьке. Во-вторых, в выращивании и воспитании паукрабиков участвовали и мужчины, причём очень даже активно. А в-третьих, никто не мог заставить паукрабиху завести детей, если она этого не хотела. Мужчины и необиженные женщи-

ны снова стали разводить клешнями и смеяться. Потом обиженные паукрабихи прицепились к языку: они начали орать, что любой неизвестный паукраб по умолчанию обозначается местоимением «он» (что за несправедливость!), «паукраб» и «мужчина» – это одно и то же слово (о, ужас!)... да и вообще, в языке слишком много вещей мужского рода (кошмар!!!). В ответ на это мужчины и необиженные женщины призвали обиженных наконец успокоиться и заняться чем-нибудь полезным – наукой, например... но толпу разъярённых баб – да, уже не женщин, а именно потерявших всякий разум баб – было не остановить.

Однажды собрался десяток – ой, простите, собралась десятка! – самых решительно настроенных обиженных паукрабских баб и постановила: во что бы то ни стало доказать, что они во всём лучше мужчин и установить тотальный матриархат. Вдохновлённые речами¹⁴ этой десятки, многие бабы занялись-таки наукой – но, увы, не во благо. Ведь наука – это инструмент, который можно использовать как для добрых, так и для злых дел...

Итак, обиженные паукрабихи развили робототехнику и создали на основе безобидных вездеходов ужасающих боевых ходострелов. Немного подумав, выпотрошив миллионы несчастных мужчин, а также необиженных женщин (в

---

¹⁴ Перевод этих речей не даётся, поскольку они настолько маразматичны, что Стефан мог бы записывать их в толстый блокнот и глумливо зачитывать врагам вместо земной рекламы.

живых оставили только мужчин, которые вовремя сообразили, что с бабами спорить бесполезно и потому сдались сами, а также тех, кого бабы посчитали достойными производителями новых поколений) и применив капельку биотехнологии, паукрабихи посадили каждому ходострелу мужские паутинные железы. Таким образом, бабы задумали с помощью «усовершенствованных» роботов описать грандиозную историю «победы над деспотизмом и заносчивостью мужчин». Начали паукрабихи с родной планеты: они заняли этой «славной» историей крупнейший горный хребет. Кстати, пока они писали эту историю, едва не рухнула вся биосфера Мизергели. После этого безумные паукрабихи окончательно решили, что только они – ну, и те паукрабы, которые подстроились под «справедливую» женскую власть – вообще достойны существовать на этом свете и властвовать над всем миром. Под всем миром паукрабихи, уже достигнув космической ступени развития, начали понимать не только родную планету, не только родную звёздную систему, но весь Млечный Путь.

И Великая Паутина, которую без усталости плетут по «гениальному женскому, до которого ни один мужлан не додумался бы»¹⁵ плану ходострелы, призвана утвердить вечную власть паукрабих. И не только она сама. Ведь предполагается, что в то время, пока её будут плести, «недостойных» – то есть всех не-паукрабих – надо либо поработить,

---

¹⁵ Это уже не стёб! Так и было написано!

либо уничтожить, либо занять каким-нибудь бесполезным делом, чтобы те сколлапсировали самостоятельно.

Глава 10. Карты, деньги, два слова

– Эй, вы, Фукс, – говорю я, – какой же вы, к чёрту, матрос?

– А я, – ответил он, – не матрос, я сейчас просто так застрял на мели, а друзья мне посоветовали климат переменить...

– Позвольте, – перебил я, – а как же мне Лом говорил, что вы в картах умеете разбираться?

– О, это сколько угодно, – отвечает он. – Карты – это моя

специальность, карты – это мой хлеб, только не морские, а, простите, игральные карты.

Андрей Некрасов

«Приключения капитана Врунгеля»

Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь.

Русская пословица

– Ррр! С такими соперниками и сражаться унизительно! – рычит Райтлет, когда Фиб-Фиб заканчивает переводить текст.

– Соперницами, – саркастично поправляет Семиларен.

– Тем более! – восклицает Сэн. – Нет ничего на свете ядовитей, чем дружный женский коллектив... поверьте, это правда.

– Ну, другие-то виды они одинаково презируют, независимо от пола, – замечает Силмак.

– Э, не скажи, – возражает Джекс. – К женщинам у этих стерв уважения чуточку больше. Когда я работал на паукрабих, других мужчин и меня били током раз в двадцать деминут, а женщин – раз в дечас. Разница! Но это сейчас неважно. Главное, мы узнали, что ходострелы – это в каком-то смысле киборги, и все надежды паукрабих – именно на них! Значит, надо докопаться до какого-нибудь слабого места у этих мерзких полумашин и ударить по нему! И слетать на Мизергели! Наверняка там какая-нибудь главная база!

– Э-э-э, нам ведь больше не надо на Леззу! – вслух думает Айзел. – Ведь Фиб-Фиб нам уже, хм, всё перевёл. Э-э-э, спасибо, ты молодец.

– Я стараться вам помогай, – отвечает блургр.

– Кстати, хм, ты присоединишься к нам?

– Конечно! Я лететь сначала, не знай куда, только куда-нибудь. Но раз я вам помогай, я с вами остаюсь!

– Забавно, что про Мизергели статья в Энциклопедии есть, – замечает Стив, заглянув в свой ценный книгоплат. – Статейка, понятное дело, куцая, да ещё и скрытая, но мне удалось до неё добраться.

– Какая гнусность – скрывать статьи в Галактической Эн-

циклопедии! – возмущается Карл.

– Чего ещё можно от этих гадюк ожидать? – презрительно фыркает Джекс. – Так что там с Мизергели, Стив?

– Как ни странно, местоположение планеты паукрабихи не скрывают, – говорит Стив. Она как раз находится в двух трубах от Леззу. Так что нам по пути. Надо только сообщить капитану.

Голос капитана как раз раздаётся в салоне:

– Уважаемые пассажиры, говорит ваш капитан. К нам приближается подозрительный корабль. Сейчас будет выключен весь свет и выполнен маскировочный трюк. Транайский леший, это пираты! Сворачивай, сворачивай! Да чёрт бы...

– Капитан, микрофон отрубите! – доносится из динамика другой голос – видимо, второго пилота.

Скоро корабль останавливается, а в проходе между рядами объявляется команда из пяти вооружённых до зубов пиратов. Тех самых, что уже встречались Райтлету, Сэн и Тецкляю. Навстречу пиратам выходит сам капитан и остальной экипаж.

– Мы не беззащитны! – заявляет Виль-Кут-Жел, вынув из-за пояса гормет с фиолетовым клинком. – Лучше уберите!

Помесь динозавра и леопарда издаёт хамский смешок, на который остальная пиратская команда отвечает гомерическим хохотом.

– Экие храбрецы! – ухмыляется пиратский главарь. – Валим их, ребята. Только глотки пока не резать – а то выкуп не дадут!

Завязывается краткая битва, в ходе которой пираты легко обезоруживают и связывают экипаж «Вихлюна».

– И так будет с каждым, кто решит выпендриться и построить из себя героя! – объявляет синий монстр с длинной шеей.

– Не на таких напали! – восклицает Семиларен и собирается вооружиться парой-тройкой горметов, но его останавливает Райтлет:

– погоди, есть способ проще. Тецклай! Твои друзья пришли, просыпайся!

Хриввалэйтн, который только-только успел посмотреть какой-то приятный сон, неохотно открывает глаза. Увидев пиратов, он резко вытягивается в полный рост и угрожающе рычит в их сторону:

– Гррр! Поцарапать вас ещё разок?

– Опять эта ящерица, – ворчит слоник с тремя глазами.

– Ничего, сейчас ей маникюр сделаем по-быстренькому, – хихикает серая ушелица.

Тецклай кладёт руку на стену, рассчитывая забраться на неё и быстро добежать до пиратов по потолку, но его одёргивает Бастер:

– Лучше не делай резких движений. Мой просвет показывает, что у них с собой суперподжигатели.

– Подтверждаю, – добавляет Джекс.

– Так-то! – торжествует помесь динозавра и пантеры, достав из-за пояса самый настоящий суперподжигатель. – Правду железяки говорят. Значит, теперь я ваш капитан, звать меня Харитрид. Маршрут у нас такой: летим на Шгрып, Паврию, Мизергели...

– МЕЗергели или МИЗергели? – тотчас же отзывается Эф-фелина.

– МИЗергели, – уточняет пиратский капитан. – Так, Мизергели и Ллаврлойц. Вы-то, впрочем, экспрессом все лети-те до последней остановки, с нами не выходите. Так что тихо сидите, понятненько?

– За вас за всех много отвалят, – щёлкает челюстями ру-кастая щука.

Мятежников, конечно, не устраивает роль заложников. Но вмешиваться просто так – слишком опасно. Все мозги напрягаются и пытаются найти выход из столь неудобной ситуации. Наконец, спасительная мысль приходит в голову Леоду:

– Друзья, я всех вытащу чисто дипломатическим мето-дом, – шепчет он остальным.

– Да, конечно, вытащит нас этот комок шерсти, – вор-чит Семиларен. – Прыгали, знаем. Опять потом будем в ка-ких-нибудь ссаных кустах сидеть...

Шею Семиларена обвивают щупальца Карла.

– Я всё ещё могу передумать, – с нехорошей улыбкой на-

поминает бленту полупротоплазмик-получеловек.

– К тому же, я спасаю и твою лысую зелёную шкуру, – шипит Леод и обращается к пиратам: – Друзья! До Шгрыпа ещё далеко, мы бы успели скоротать время за хорошей игрой. Вы же существа азартные – я это сразу понял, как вас увидел...

– Пират без азарта – это как корабль без топлива! – выдаёт неожиданно поэтичное сравнение рукастая щука.

– Сыграем, может, в картишки? В космодурака, а?

– Переводного или подкидного? – тут же интересуется слоник.

– На ваше усмотрение.

– И в чём подвох? Лучше говори сразу, а то шкуру сдеру! – рявкает Харитрид.

– Подвох в том, что я предлагаю поставить на кон свободу этого корабля, его экипажа и пассажиров.

Пираты тут же заходятся зверским хохотом.

– Предлагаю три партии, – холодно продолжает ягулярр. – Если выиграет кто-то из вас – так и быть, вы нам хозяйева. Если же выиграю я – вы освобождаете экипаж и выходите вместе с нами на Мизергели.

– Совсем охренел, саблезубый? – взвизгивает серая ушелица. – Много хочешь! Жирно очень, слышь!

– Да ладно тебе, Итиен, он же нас ни за что не обыграет, – успокаивает коллегу синий монстр.

– Что ж, жаль, что вы боитесь, – бросает Леод куда-то в сторону.

– Боимся? Заткни пасть, урод! – выходит из себя Харитрид. – Сыграем мы три партии! А когда выиграем, ещё и шкуру с тебя снимем! – добавляет пиратский капитан, доставая из кармашка на поясе карты. – Добротный ковёр получится!

– А я всегда говорил, что ты коврик! – с нескрываемым злорадством комментирует Семиларен, но, вновь почувствовав прикосновение тонких извивающихся щупалец, осекается: – Но теперь я так не думаю!

– Сооружай столик, Лукли, – командует Харитрид слонику. – Как удачно, что тут всё из саморга – всё для нас!

Нажав несколько неприметных кнопок, Лукли превращает чьё-то большое пустое кресло в широкий стол.

– Это ты, блин, называешь дипломатическим методом? – недоумевает Накет, обращаясь к Леоду. – В карты нас, на хрен, проиграть?

– Я знаю, что делаю, – спокойно отвечает ягулярр.

Пираты и Леод рассаживаются, и начинается карточное сражение. Честь перетасовать карты перед первой раздачей Леод любезно предоставляет пиратам.

Космодурак – игра, почти идентичная простому земному дураку, за исключением названий карт, их числа и крохотных нюансов в «отношениях» между ними. В космодураке используют семьдесят восемь карт. Мастей пять – «планеты», «звёзды», «кометы», «пульсары» и «антивещество». Первые четыре масти, ясное дело, относятся к категории

«вещества». «Антивещество» – особенная масть: она кроет любое «вещество» вне зависимости от старшинства карт и того, какая масть козырная. В каждой масти пятнадцать карт: «вакуум» (самая младшая карта), «энергия», «струна», «атом», «газ», «жидкость», «камень», «плазма» (или «звезда»), «протоплазма», «существо», «разум», «дикарь», «ремесленник», «странник» и «учёный». Для «вещества» и «антивещества» есть и «джокеры» – «чёрные дыры». Наконец, есть одна особенная карта, которая не относится ни к одной масти, не может крыть другие карты – но и её покрыть нельзя. Это «робот». Счастливый обладатель «робота» – гарантированный «дурак» в игре.

– Ну вот, зараза, криволапый ты, Бер’Раста! – упрекает синий монстр своего соратника-щуку после третьего хода. – Ну и раздаёшь, падла! У меня уже «робот»!

– Послушай, Бастер, – обращается к некарточному роботу Витс. – Тебя, как робота, не угнетает такая роль в игре? Ведь «робот» всегда сулит поражение!

– Нисколько не угнетает, – отвечает Бастер. – Ничего оскорбительного я здесь не вижу. Хотя я понимаю, почему ты спрашиваешь. Вы, органические, часто находите какие-то скрытые смыслы там, где их нет. Ваш вид, к сожалению, ещё и довольно обидчив.

– Ох, есть такое. На Земле даже голову могут отрубить из-за какой-нибудь картинки.

– Вот ведь варвары, – бормочет Джекс и оборачивается к

Витсу. – А вот у нас, фордокс-приманцев, не так давно был замечательный случай. Пример для вас, землян. Однажды люди из одной не очень развитой колонии – не буду называть, какой именно...

– Называй, – перебивает Яарвокс. – Я в курсе, что мой родной мир – стойбище дикарей. Так что не стесняйся.

– Ну, в общем, как-то раз шельнокцы решили на нас напасть. Уж не знаю, кому и что они хотели доказать, но не в этом суть. Вот только смелостью те шельнокцы были обделены, и сами войну начать не рискнули. И решили они нас спровоцировать. Перехватили наши каналы связи и стали рассылать нам всякие карикатуры. Едкие, надо сказать. Но обиделся ли хоть кто-нибудь? Да нет, конечно! Вся планета лежала от хохота и с нетерпением ждала новых выпусков этого «сатирического журнала»! Где-то неделю это продолжалось, и потом прислали нам сообщение. Не вспомню дословно текст, но смысл такой, что, дескать, раз вы там обиделись, идите и отомстите... ну, что-то в таком духе. Спровоцировать же хотели, напомню. Так что же? Собрались наши самые умные люди, подумали и отправили ответ. Всего из двух слов: «Спасибо, поржали». И всё, войны не состоялось! Шельнокцы после этого даже рядом с нашей системой стыдились летать! Вот так – простое умение посмеяться над самим собой в буквальном смысле спасло мир!

– Чудесная история, – восхищается Витс. – Да, вот если бы на Земле так можно было устроить, чтобы войн никаких

не было...

– Всё ты не так раздал, балда, всё не так! – продолжает тем временем переживать по поводу новой неудачной карты синий пират.

– Вилар, хорош нить, как старый дед! – прерывает стения Вилара капитан. – Нас же больше, дуболом!

– Не больше, чем карт в лапах нашего противника, – хихикает Лукли.

– Да, прямо урожай собирает, идиот, – улыбается Итиен. Действительно, Леод забирает карту за картой. Телепаты, впрочем, не переживают за исход игры – они уже прочли в ягулярском мозге всю тактику. А вот некоторые не-телепаты начинают заметно нервничать.

– Леод, ты точно знаешь, что делаешь? – не выдерживает Эффелина, которая с любопытством наблюдает за игрой.

– В моём старом джарсе была поговорка: «Не учи хлюпалку хлюпать, лучше иди учиться», – в скрытой форме посылает элгантину подальше Леод. – На моём языке это звучит в рифму.

– Нет, правда... ты как-то неуверенно начал.

– Можешь лучше – вперёд!

– Нет-нет, я ничего! Я не собиралась! А, да ну тебя!

– Как хочешь. О, мой ход, кстати. Хм... rrr... а, вот вам! Ешьте плазму! И камни возьмите. О, и антивещество у меня тут завалилось.

Забирая целый ворох неудобных карт, пираты тихо кроют

Леода многоэтажным матом. Но это им не помогает. Партия заканчивается победой ягулярра.

Пираты сердито переглядываются. Наконец, Харитрид фыркает:

– Ладно, один раз тебе повезло. Но следующие две партии – за нами, понял?

– Постарайтесь, – мурлычет Леод. – Кстати, мне сдавать.

– Намухлюешь – сразу на коврик пойдёшь, – шипит Бер’Раста.

Леод не обращает внимания на угрозу и спокойно тасует карты ловкими шестипалыми лапами. Делает он это не слишком быстро и не слишком медленно – можно сказать, настолько долго, насколько надо.

Вторая партия несколько отличается от первой. Ягулярр не сбивает пиратов с толку, собирая урожаи карт. Напротив, он пытается сбросить как можно больше карт в начале игры. И «робот» выходит наружу только к концу. Достается он, впрочем, опять Вилару.

– Чёртова железяка! – реагирует он.

– Ну, кому-то же он должен достаться, – философски заключает Бер’Раста.

Несмотря на то, что роковая карта Леоду не выпала, партию он всё равно проигрывает.

– Вот так-то! – торжествует Харитрид. – А сколько самоуверенности-то было! Сколько разговоров!

– Всё решит только третья партия, – невозмутимо отвеча-

ет Леод.

– Ты уж давай, родной, – подбадривает ягулярра не кто иной, как Семиларен. – Уделай их, дружище!

– Двучично как-то, Семиларен, – оборачивается к бленту Леод. – Как ничего не надо – так «коврик», «комок шерсти», «клыкастый». А как шкуру спасти нужно – так сразу «давай, родной», «дружище»!

– А кто из нас немного не двучичен?

Леод задумчиво облизывает передние лапы, не сводя с блента глаз. Наконец, ягулярр произносит:

– Аргумент ерундовый. Есть те, кто...

Семиларен перебивает ягулярра:

– Карты уже раздали, ход не пропусти.

Пираты, ободрённые успехом, явно расслабляются и швыряют карты на стол почти без разбору. Чем и пользуется расчётливый Леод, который не растерял ни капли спокойствия. Проводив взглядом «робота», который всплыл в середине партии, до рук Итиен, ягулярр удивляет пиратскую компанию, умело комбинируя козырные в этот раз «кометы» и вечно козырное «антивещество».

Наконец, с единственной картой остаются только Леод и Харитрид.

– Тебе кирдык, саблезубый, – усмехается пиратский капитан.

Ягулярр смотрит на свою карту, опускает уши и делает невероятно грустное лицо. Пират уже готовится праздновать

победу, но...

Карта в лапе ягулярра оказывается «кометным учёным», который легко добывает «звёздный атом».

– Нет! Не-е-ет! – взывает Харитрид, в бессильной злобе стукнув кулаками об стол. – Ты жулик!!! Жулик проклятый!!!

Пока Харитрид размахивает руками и ругается на чём свет стоит, на Леода направляет электробластер Итиен:

– Ты шулер. Краплёные карты. Быстро выкладывай, где прятал!

Леод спокойно отводит от своего носа оружие и отвечает:

– Если бы я и приготовил крап, поверь, мне негде было бы его спрятать. Я же не ношу одежду!

– За зубами, значит! Между пальцами!

Ягулярр молча раскрывает пасть не меньше чем на сто градусов и растопыривает все пальцы на лапах. Итиен с врачебной скрупулёзностью осматривает Леода. Но ничего не обнаруживает. Пираты сдаются. Ягулярр победил честно.

– Молодчина, Леод! – восторгается Силмак. – Здорово ты их сделал!

– Мастерство не пролиняешь, – отвечает ягулярр и обращается к пиратам: – Далеко ли Мизергели? Кстати, освободите экипаж, будьте любезны.

Вилар, бормоча под нос какие-то заковыристые проклятия в адрес ягулярра, разрезает огромным крючкообразным когтем изоленту, которой обёрнут законный капитан неле-

гального корабля. Капитан устремляется в кабину и скоро возвращается.

– Мы уже почти прилетели, – сообщает он. – Осталась ещё одна труба.

– Отлично. Тогда там и выходим, господа игроки, – ставит точку Леод.

– Может, шлёпнем его, а? – шепчет Лукли Харитриду. – Делов-то!

– Нет, – отрезает пиратский капитан. – Уговор есть уговор. Даже у нас есть принципы, не забывай.

Пираты тихо устраиваются на свободных местах, и полёт «Вихлюна» продолжается. Наконец, звездолёт прибывает на родную планету паукрабов (и, конечно, паукрабих). Под радостные аплодисменты и другие выражения восторга и благодарности бывший экипаж «Хитрюги» вместе с новыми союзниками – Тикки, Эффелиной и Фиб-Фибом покидает корабль. Мятежники оказываются на сером пустыре близ... похоже, той самой главной базы. Во всяком случае, это точно паукрабья база, только раза в три больше обычной.

Вместе с мятежниками звездолёт покидает и пиратская команда. Уговор есть уговор.

– Где ж ты так играть научился? – интересуется у Леода Харитрид.

– В Дипломатическом Университете Хлонокоптера целый курс посвящён азартным играм, – с гордостью отвечает ягулярр. – Кстати, там учат и вовремя проигрывать. Собствен-

но, вторую партию я слил специально.

– Целый курс??? – поражаются пираты.

– О, да. Космодурак, трёхмерные шашки, скрэббл и многое другое. Всем премудростям научат. Как видите, в дипломатии и это используют.

– А туда сложно поступить? – возбуждённо скребя землю длинными когтями, интересуется Бер’Раста.

– Нет. Сдаёте хифсдангл, биологию и математику, и учитесь спокойно.

– О, это мы можем! – восклицает Харитрид. – Значит, так, ребятки: сейчас же летим на Хлонокоптер! Надо что-то менять в этой жизни. Получить образование – не самая худшая идея.

– Образование! Ага, давайте ещё честно жить начнём, – презрительно фыркает Итиен. – Учиться мальчики захотели, поглядите-ка на них.

– А что такого-то?

– Я вам больше скажу, – продолжает рекламировать свою альма-матер Леод. – Есть ещё курсы уместного юмора, изящных оскорблений...

– Хочу туда! – с энтузиазмом отзывается Вилар.

– Капитан, мы только за! – торжественно объявляет Лукли. – Летим?

– Летим! – одобряет Харитрид и обращается к союзникам Леода: – Спасибо вам. С одной стороны, конечно, неприятно, когда тебя уделывают, но когда так... чёрт, да я вас даже

зауважал.

Все пираты направляются к своему звездолёту, который они предварительно отсоединили от «Вихлюна».

Все, кроме Итиен. Она провожает взглядом своих соратников и, как бы не обращая к ним, говорит:

– А я всё-таки заказ выполню. Что ж, значит, все деньги мои. Жаль вас, конечно, но это контракт.

– Заказ??? Деньги??? Контракт??? – обернувшись к Итиен, хором недоумевают остальные пираты.

– Что за дела? – вырывается вперёд Харитрид и подходит к серой ушелице вплотную. – Ты что, на кого-то работаешь???

– Да, работаю, – отвечает Итиен таким тоном, будто объясняет какую-то очевидную истину. – Помните тот двумперский кораблик? Когда вы взяли только один суперподжигатель и смылись, как трусы, я осталась. Двумперцы меня увидели, поняли, чего я стою, и предложили мне контракт. Ну, я всё-таки не эгоистка... вас тоже вписала.

– ЧТО??? – вопят пираты.

Итиен молча демонстрирует соратникам платальбом с контрактом, под которым стоят пять неожиданно аккуратных для пиратов подписей.

– Это ещё что такое?! – яростно рычит Харитрид. – Как ты смеешь?! Я тут капитан, я команду, я принимаю все решения!!! А ты... ты подделала наши подписи! Согласилась работать на Двумперию и вписала нас! Двумперская шлюха!!!

– И что? Глянь, сколько нам предлагают за один корабль!

Всего за один! Больше Двумперии нам сейчас не заплатит никто! По-моему, глупо отказываться!

– А по-моему, работать на Двумперию ещё глупее! Мы пираты! Мы сами по себе и никому не служим! Никому! Слышишь, продажная шкура???

– Ладно-ладно, вычеркну я вас из контракта. Мне больше достанется!

Итиен только-только успевает отредактировать стилусом содержание платальбома, как Харитрид в гневе ударяет её в левое плечо. От сильного удара серая ушелица расплывается на земле, а из потайных карманов её брюк выпадает целая охапка маскировщиков. В этот миг срабатывает воровской рефлекс у Ярвокса и Герна. Мигом они очищают почву от приборов, которые наверняка пригодятся в самом ближайшем будущем. Приборы эти быстро оказываются во всех возможных карманах или просто крепко сжатых руках или лапах.

– Провались ты ко всем чертям! – надывается Харитрид. – Катись к своей любимой Двумперии, мерзавка! Ты не шлюха... ты гораздо хуже шлюхи!!!

– Изменщица, мразь! – почти одновременно поддерживают капитана Вилар, Бер’Раста и Лукли.

Итиен поднимается, но не удостоивает бывших соратником ответом. Те разворачиваются и уходят к своему звездолёту.

– Валите, придурки, – заявляет Итиен, когда космиче-

ский корабль скрывается в зеленоватой атмосфере планеты. – Мне же лучше. Так, – обращается она к мятежникам, – я знаю, вы хитрожопые, попробуйте сейчас смыться...

Итиен достаёт из-за пояса два суперподжигателя и наставляет их на мятежников.

– Вот только ничего не получится! Кто дёрнется – того сразу подожгу!

– Хе, деньги же потеряешь! – не упускает возможности съязвить Семиларен.

– Не переживай, зелёный, за ваш пепел мне тоже заплатят.

Тут в небе появляется десяток двумперских кораблей. Как назло, они бесшумно приближаются к Итиен со спины. Кажется, бесполезно ждать, что Итиен отвлечётся. А превращаться с помощью маскировщиков в паукрабих на глазах у настоящих паукрабих... как любит говорить Бастер, нелогично. Логично же, по мнению того же Бастера, попытаться вывести из строя электронику Итиен... и эту электронную мысль быстро подхватывает Джекс.

Немного быстрого киберпанковского хакерства – и Итиен теряет электронное зрение. Вместо желанных заложников она видит перед собой какие-то шумы и непонятные фигуры.

– Что за хрень?! – восклицает она, роняет суперподжигатели и хватается руками за свои цифровые глаза.

Мятежники используют этот миг, чтобы принять облик паукрабих и молниеносно скрыться.

Когда электронное зрение – по воле, впрочем, киберпан-

ков – возвращается к Итиен, она с удивлением обнаруживает, что мятежники куда-то исчезли. В сторону базы деловито направляется небольшой отряд паукрабих, но вот тех персонажей, которые сорвали захват «Вихлюна», нигде не видно.

– Вот те раз, – изумляется пиратка.

– Где корабль? – без приветствий и преамбул обращается к ней паукрабиха, которая уже вышла из одного приземлившегося двумперского корабля.

– Упустили...

– А кореша твои?

– Ушли. Кинули меня, гады.

– Понятно. А с кораблём что? Почему не захватили? По данным нашей разведки, он пассажирский, без боевых орудий.

– Глупо вышло. В карты мы его... продули.

– В карты? – фыркает другая паукрабиха. – Ещё бы пропили, кретины!

– Да этот клыкастый нам мозги запудрил! – взвизгивает Итиен.

– Клыкастый? Какой клыкастый? – живо интересуется третья паукрабиха.

– Ну, ягулярр этот.

– Кто там ещё был? – вступает четвёртая паукрабиха.

– Ой, целый зоопарк всякой твари. Та чёртова ящерица с ядовитыми когтями, саргонари, блент... ещё кто-то с длинным хвостом... а, и ещё Стив, терраформ этот...

– Мятажники! – восклицает первая паукрабиха. – Они как-то умудрились сбежать с той необитаемой планеты! Невероятно!

– Где они сейчас? – перебивает вторая паукрабиха.

– Не знаю, – разводит руками Итиен. – Только что были тут, они же с нами сошли. Понятия не имею, куда эти уроды убежали. Может, они телепортаторами обзавелись?

– Это вряд ли. Телепортаторы так просто не достать. Значит, они где-то здесь. Они не могли уйти далеко.

Действительно, мятежники близко. Произнеся волшебное слово, они уже оказываются внутри Самой Главной Паукрабьей Базы. На первый взгляд, её интерьер ничем не отличается от прочих баз. На второй – тоже. Отличается разве что масштаб (пространство раза в три свободнее) и атмосфера. Атмосфера, конечно, в метафорическом смысле: мятежники могут не прятаться от снующих туда-сюда паукрабих и чувствуют себя гораздо свободнее. А ещё у команды теперь есть переводческий козырь в виде Фиб-Фиба.

– Справа – рабочий пространство паукраб, слева – отдел связи, – комментирует блургр.

– Всё то же самое, – отмечает Силмак.

– Может, всё интересное – наверху? – шёпотом предполагает Накет. – Должна же, блин, эта огромная базища чем-то отличаться! Пошли туда!

– Наверное. Пошли, – сквозь зубы произносит Джекс, вновь вспомнив работу в цехе программирования.

Вдруг киборг в обличье паукрабихи оживает:

– А ведь сейчас можно и ходострела... позаимствовать, так сказать!

– И правда. В строительстве Великой Паутины всякий ходострел важен, – заметив парочку паукрабих на горизонте, комментирует Ярвокс самым женским голосом, на который способен.

– Хреновая пародия, – тихонько хмыкает Накет.

Ярвокс выдерживает паузу в несколько стеков, осматривается и негромко отвечает:

– Но работает!

Поднявшись на второй этаж, команда вновь убеждается в том, что паукрабьи базы друг от друга не отличаются. Ничего нового. Просто с маскировкой всё стало намного доступнее.

Поэтому, войдя в когда-то ненавистное помещение «фабрики по производству роботов», Джекс принимается с восторгом носиться по нему, кидаясь от одного ходострела к другому. Бастер тут же понимает, что нарастающий энтузиазм коллеги может привести к какой-нибудь опасной ошибке, при которой и маскировка не спасёт. Поэтому робот охлаждает пыл киборга:

– Надо брать тех, которых ещё не испытали. Готовых, но не проверенных. Они вон там.

– Эм, киберпанки, вам стоит, гм, взять двух ходострелов, – говорит Айзел. – Они, э-э-э, должны быть связаны, гм, информационной сетью.

– Они точно связаны! – утверждает Бастер. – Хотя сеть хорошо защищена. Но если взломать её, многое станет очевидным. Это логично.

Итак, наконец-то исполняется голубая мечта Джекса, причём в двойном объёме. Однако киборг тщательно скрывает свой восторг и сосредотачивается на вопросах самых практических:

– Тащиться с ходострелами на третий этаж не слишком-то удобно.

– Уверен, там всё то же, – говорит Тецклай.

– Давайте мы с Фиб-Фибом быстро проверим, а вы спускайтесь, – предлагает Семиларен.

– У тебя зрение тепловое, ты можешь чего-то не заметить, – подмечает Герн. – А я всё увижу. Я с тобой пойду.

– А у тебя трёхцветное зрение, – улыбается Райтлет. – У меня пятицветное. Я тоже поднимусь.

– А я так, за компанию, – смеётся Сэн.

Райтлет в ответ ласково треплет своего корфилля по гриве, и небольшой разведывательный отряд устремляется наверх. Как и предполагалось, на третьем этаже блент, чучундра, блургр, сартонари и тц-рики не замечают ничего нового. Даже Фиб-Фиб, который раньше не бывал на паукрабьих базах, ничуть не удивлён:

– Тот же самый записи, всё одинаковый. Я видеть это давно, рано.

На первом этаже команда воссоединяется и дружно реша-

ет тихонько уйти, дабы где-нибудь за пределами этой условной столицы Мизергели разобрать полуорганических слуг беспозвоночных нахалов.

Нахалок, то есть.

– Хороших ходострелов взяли, девчонки, – обращается к мятежникам одна паукрабиха почти у самого выхода с базы. – Усовершенствованные – теперь они могут одновременно во всех рукавах Галактики Великую Паутину плести!

– Во всех? А как же Укрытый? – играет под дурочку Веншаменя. – С ним ведь большие проблемы, насколько я помню.

– Укрытый Рукав? Вопрос времени, да и только, – успокаивает сомневающуюся «коллегу» паукрабиха. – Что такое один рукав для нашей могущественной империи!

– Правильно, правильно, – поддакивает тонким голосом Джекс, про себя обложив всю эту империю таким матом, что позавидовал бы и великий матерщинник Накет.

Когда паукрабиха удаляется вглубь базы, а до выхода остаются считанные шаги – или, в случае блента, прыжки – Эффелина во всеуслышание восклицает:

– Хорошо замаскировались!

В гробовой тишине на Эффелину уставляются сорок шесть органических и четыре цифровых глаза.

Если не учитывать ещё тьму глаз паукрабьих...

– А ещё громче можешь сказать? – настолько саркастично, насколько вообще возможно, интересуется Тикки.

– А что такое?

Эффелина не успевает сообразить, как именно она сорвала всю операцию. Десятки, если не сотни, паукрабих и ходострелов собираются вокруг команды. Одна паукрабиха отдаёт какой-то краткий приказ ходострелам, и в этот же миг перестают работать все маскировщики.

– Ещё одно усовершенствование, – вслух думает Джекс.

Мятежники, приняв обычный облик, начинают вооружаться, но на них наставляют дула сотен суперподжигателей. Команда тут же убирает оружие: силы неравны.

– Послушайте, это какая-то нелепая ошибка, – обращается к паукрабихам Айзел, без прежних колебаний перейдя на гипнотический тон. – Нам не нужны ваши секретные материалы. Мы для вас не опасны.

– Щёлкай клювом дальше, – следует грубый ответ. – Твои гипноштучки на нас не действуют.

Вглядевшись в паукрабих, Айзел понимает, почему. И вдруг выходит из себя:

– Конечно же! Вы не смотрите в глаза! Только добыча не смотрит в глаза! Вы – добыча! Всего лишь... о, нет! – восклицает фоксиллинда, закрывая клюв рукрыльями, и оборачивается. – Друзья, простите! Гм, я знаю, что так нас, э-э-э, скорее убьют... о, что на меня нашло!

– Всё в порядке, Айзел, – успокаивает друга Стив. – Они не собираются нас убивать. Мы нужны им живыми. Я ведь правильно всё увидел?

– Правильно, – отвечают несколько паукрабих.

И тут всех мятежников поражают мощные электрические удары. Все, кроме Стива и Джекса, падают без сознания. Первого после двух неудачных попыток сражают точным ударом в спину, прямо в шрам от ядовитой иглы. А с Джексом приходится повозиться дольше.

– Сами виноваты, дуры, что выработали у меня иммунитет к вашему электрооружию! – хохочет киборг. – Даже не больно! Бейте, бейте, сколько влезет, мрази!

Пользуясь своим иммунитетом, Джекс собирается вытащить с базы бесчувственных друзей. Но паукрабихи находят управу и на него. Киборга отключает сильный укол в затылок.

– Как это... низко... – только и успевает прохрипеть он.

Глава 11. Сорок мюмзиков и один спаситель

Допустим, у нас есть маленькая популяция мюмзиков из 40 особей.

Александр Марков, Елена Наймарк

«Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий»

– А "мюмзики" – это тоже такие зверьки? – спросила Алиса. – Боюсь, я вас очень затрудняю.

– Нет, это птицы! Бедные! Перья у них растрепаны и торчат во все

стороны, будто веник... Ну а насчет "мовы" я и сам сомневаюсь. По-моему, это значит "далеко от дома". Смысл тот, что они потерялись.

Льюис Кэрролл

«Алиса в Зазеркалье»

Пока к долине я свергался темной,

Какой-то муж явился предо мной,

От долгого безмолвья словно томный.

Его узрев среди пустыни той:

«Спаси, – воззвал я голосом унылым, –

Будь призрак ты, будь человек живой!»

Данте Алигьери

«Божественная комедия»

Медленно, но верно команда приходит в себя. Мятежники обнаруживают, что находятся внутри огромного кокона из мерзкой паукрабьей паутины. А кокон, в свою очередь, располагается в грузовом отсеке двумперского крейсера. Конечно, если усовершенствованные просветы киберпанков исправны, и телепаты правильно разбираются в обрывках паукрабьих мыслей.

– Куда мы летим, интересно? – озвучивает мысленный вопрос всего коллектива Витс.

– Это паукрабихи скрывают, сволочи подкрадские, – скрежечет Стив.

– И компьютеры они хорошо защитили, – поддерживает Джекс. – Не подобраться никак. Мерзачие беспозвоночные, вонючие членистоногие!

Киборг вдруг переводит взгляд на блургра:

– Ой... извини, Фиб-Фиб. Ты же вроде как их родствен-

ник и тоже... беспозвоночный и членистоногий.

– Ты про паукрабихи правильно, я не обижаться, – отзывается блургр. – Я их тоже не люби сильно. Они наш плохие родственники.

– В любом случае, предлагаю захватить этот космический драндулет! – тут же находится Семиларен.

– Паукрабих тут очень много, – предостерегает Млем.

– Нас тоже много! Так, где там мои испарители?

Блент тянет четыре руки к поясу... и не находит там привычной связки горметов.

– Друзья, – нервно улыбается Семиларен, – а всё оружие у меня одного отняли?

– У всех, – вздыхает Райтлет, также не обнаружив привычного кармашка на поясе. – И все приборы заодно.

– Вообще-то, это логично, – реагирует Бастер. – Странно, что раньше этого не сделали орхги. Тогда, на Хлонокоптере.

– Всё их гордыня, – усмехается Яарвокс. – Они и не думали, что нас кое-что спасёт.

– Кое-кто, – уточняет Карл.

– А паукрабихи оказались умнее. Очевидно, на них произвёл впечатление наш побег с Фирс-Ъ, – вслух думает Джекс. – И эти падлы решили перестраховаться.

– То, что у нас нет оружия, ещё не повод сдаваться! – восклицает Райтлет и выпускает когти.

– Согласен, – кивает Силмак и начинает точить резцы о когти собственные.

Райтлет уверенно направляется к стенке кокона. Внимательно прислушиваясь к каждому шороху за его пределами, сартонару вонзает когти в плотную паутину. Увы, толстый слой паутины не поддаётся даже этим острым как бритва производным сартонарийского эпидермиса.

– Вот пороссягство! Значит, та же фигня, что с хваталком, который не мог разгрызть мягкую верёвку, – комментирует Сэн. – Забавно: тебе ведь поддаётся кожная броня хольквинского дьявола, а вот паутина...

– Правильная аналогия с верёвкой, между прочим, – замечает Райтлет. – Паутина тут сплетена очень туго. А ещё она липкая. Броня хольквинского дьявола прочная, упругая, но сухая, и когтям хорошо поддаётся.

– Поберегись! – объявляет Силмак и влетает в ту же стенку.

Шнырявка вбуравливается в паутину. Сначала кажется, что дело пошло. Но...

– Увыаеваю! – пытается что-то сказать Силмак.

– Чё? – переспрашивает Накет.

Силмак высвобождает зубы из паукрабьего творения, отплёвывается и отвечает:

– Зубы застревают! Вот зараза! Фу! И ещё она невкусная. Очень невкусная! Тьфу, мерзость какая!

– С каждым стеком ненавижу этих тварей всё больше, – мрачно произносит Джекс.

– Может, расплести её? – предлагает Семиларен. – Давай-

те, я попробую!

– Вытянешь хоть одну нить – зауважаю, – усмехается Леод.

Семиларен распознаёт насмешку и пятью руками показывает ягулярру неприличный жест. После этого блент невозмутимо подскакивает к паутине.

Пальцы Семиларена застревают в стенке кокона так же, как когти Райтлета и резцы Силмака. Не успевает блент выругаться по этому поводу, как корабль вдруг резко поворачивает, и мятежники едва успевают вцепиться в отвратительную паутину, чтобы не врезаться друг в друга.

– Э-э-э, похоже, клешня у кого-то, хм, со штурвала соскочила, – бормочет Айзел.

– Немудрено, если у тебя руки из жопы растут! – хохочет Яарвокс. – Кстати, я нашёл у себя в кармане брюк отвёртку. Не до конца меня обчистили, салаги. Может, потыкать отвёрткой в паутину?

– Ну, тыкай, – безразлично хмыкает Тикки.

И отвёртка застревает при первой же попытке пробить кокон.

– Гррр! Вот падаль, – ворчит Тецклай. – Тьфу ты!

Плевок отчаяния оказывается вовсе не фигурой речи. В месте плевка быстро появляется обнадёживающая дырочка.

– Кислота! – восклицает Стив. – Вот и выход!

– Только аппетита нет, – отзывается виновник маленького торжества. – Гррр! Много слюны я так не наберу. Хотя бы

запаха страха побольше было...

Райтлет и Сэн вдруг поднимаются и одновременно набрасываются на Эффелину. Райтлет хватается её руками за шею, будто бы стараясь задушить. Эффелина собирается дико вскрикнуть в величайшем страхе, но Сэн, угрожающе цыкая, обвивает ей морду хвостом.

– Спасибо, – глубоко вдохнув, отзывается Тецклай.

Запах элгантинского страха оказывается достаточно сильным для того, чтобы слюнные железы хриввалэйтна заработали на полную мощность.

– Ррр! Ты нам всё сорвала! – рычит Райтлет. – Из-за тебя мы здесь!

– Отпустите ж вы меня! Я не думала, что... – начинает Эффелина, когда Сэн немножко расслабляет хвост, но Райтлет перебивает:

– Вот именно! Ты не думала! А думать надо чаще!

– Полезно иногда, знаешь! – поддерживает Сэн.

– Кстати, – вступает Витс, – а можно ли вообще не думать?

Возможно ли в принципе для разумного существа такое состояние? Ну, когда оно не спит?

– Некоторые из этого состояния и не выходят, – ухмыляется Тикки.

– А если без шуток? Что будет с мозгом, который не думает?

– Мозг, который ни о чём не думает, мёртв, – отрезает Стив. – В живом мозге всегда проскочит хоть какая-нибудь

вспышка.

– Вспышка?

– Так мы, телепаты, называем случайные мысли. Это просто неизбежно.

– Почему?

– Это, эм, фундаментальное свойство любой, гм, развитой нервной системы, – присоединяется Айзел. – Э-э-э, наших с тобой мозгах, хм, постоянно туда-сюда скачут, гм, нервные импульсы – суть электрический ток. Ещё там, гм, постоянно выделяются, э-э-э, разные вещества. Эти процессы, хм, всё время, можно сказать, раздражают мозг. Они, гм, «задевают» центры, э-э-э, в которых образуются разные, хм, мысли. То же самое, гм, происходит, э-э-э, в мышцах. Ни одно, хм, животное не может быть, эм, совсем неподвижным. Непроизвольные, э-э-э, движения всегда есть. Кстати, хм, на уровне клеток, э-э-э, влияют ещё и, хм, квантовые взаимодействия. Именно из-за этих, гм, мелочей в мозге постоянно, э-э-э, присутствуют разные мысли. Хм, пусть и не всегда длинные и, эм, интересные.

– То есть, как сказал один наш земной философ, мысль – следовательно, существую? – делает вывод Витс.

– Э-э-э, не совсем. Существовать и жить – это, гм, разные вещи. Нельзя, хм, одновременно жить и, э-э-э, не существовать, но можно, хм, существовать и, гм, не жить. Это, э-э-э, означает просто быть мёртвым. Хм, до определённого момента. Э-э-э, когда ты разлагаешься до, хм, молекул, су-

ществование твоё, хм, прекращается. Ведь отдельно взятые, гм, молекулы – это не ты. Ты, э-э-э, это собрание молекул, хм, построенных в определённом порядке и особым, гм, образом.

– А как же ДНК? Разве в ней не записано, кто я?

– Э-э-э, лишь отчасти. Обратимся, хм, к технологиям воскрешения. Запустить, э-э-э, процесс постройки тела, гм, который заложен в ДНК – ещё не значит, эм, восстановить личность. Для этого нужно, хм, учитывать, что происходило с ней, э-э-э, при жизни. Э-э-э, пойми меня правильно – личность, то, что в некоторых, гм, культурах называется, э-э-э, «душой» – это исключительно, хм, продукт деятельности мозга, а не какая-то, гм, нематериальная сущность. ДНК, хм, определяет, как будет устроен твой мозг и, э-э-э, в каких пределах он сможет, гм, менять свою структуру, э-э-э, связи между клетками. Но как именно он это сделает – это, гм, определяет уже не только ДНК, хм, но и факторы среды. Ещё, э-э-э, нельзя забывать о том, что, гм, влияние генов вероятностное, э-э-э, а не строго определённое. Например, гм, если в ДНК у тебя «написано», хм, что ты пуглив и робок, это не значит, гм, что ты на самом деле будешь, э-э-э, трястись от любого шороха. Следовательно, хм, по одной только ДНК твою личность, гм, не определить. И не только личность! Э-э-э, у меня самого в ДНК, гм, «написано», что у меня должны быть, эм, синие глаза. А они, хм, зелёные. Просто вероятность того, гм, что они должны быть синими, э-э-э, выше.

– Вообще, кстати, один из универсальных принципов Вселенной заключается в том, что ничто не идеально, и нигде нет вероятности, равной единице. Сколь угодно близко – но точно единицы быть не может, – добавляет Стив. – Как и нуля, кстати.

– Случайность фундаментальна, – встречается Млем, которое само не так давно интересовалось подобной темой.

– Придумал, как сказать это проще и веселее! – улыбается Стив. – У бытия есть две границы – нет нуля и единицы!

– Это гениально, – почти без акцента восторгается Фиб-Фиб.

– Спасибо, сам знаю, – по-своему скромно откликается Стив.

– Ух ты, – восхищённо выдыхает Витс. – Как же всё интересно устроено в этой жизни.

– Кстати, э-э-э, забыл сказать вовремя, – обращается к человеку Айзел. – Верно было бы, гм, если бы ваш философ сказал, э-э-э, «Мыслию – следовательно, жив». Хотя, гм, этот принцип применим только к тем, э-э-э, кто умеет думать. Растения, хм, мы считаем живыми, э-э-э, по другим признакам...

– Развели тут философию, – сглотнув, хриплым голосом прерывает разговор Тецклай. – Можно выходить на разведку.

И правда – в стенке кокона рядом с хриввалэйтном уже красуется огромная дырища.

– А вот сейчас нам вылезать не стоит, – предупреждает Стив. – К нам идут.

– О-о-о, и не с пустыми лапами, – уточняет Силмак, пригнувшись.

Вскоре у «входа» в кокон объявляется изящное двуногое существо в длинном бело-голубом платье. Это представительница вида юллюкё с синей кожей и вытянутым лицом, похожим на затейливую маску. В двух тонких щупальцах этого создания, которые играют роль рук – металлический поднос. На нём расставлены стаканы, плошки, колбы и тарелки, содержимое которых тут же напоминает большей части команды о трактире на Таймлетэ. Этиловый спирт, чифирь, закись азота, формальдегид, трын-трава и другие веселящие и туманящие мозги субстанции...

– Друзья, не бойтесь, – певучим голосом обращается к мятежникам юллюкё. – Вам кажется, что вы на паукрабьем корабле. Это не так. Мы просто маскируемся. Мы знаем, что они с вами сделали, знаем, что они чуть не убили вас. Но теперь вы в безопасности. Отдохните немного, расслабьтесь. Вы ведь так устали...

С этими словами юллюкё ставит поднос перед командой и кланяется – не то чтобы заискивающе, но несколько неестественно. Мятежники многозначительно переглядываются.

– За дураков нас, барышня, держишь! – усмехается Герн.

– Телепатов, конечно же, среди нас нет, – вкладывая в эти слова максимум сарказма, поддерживает Стив.

– И какой точный подбор веществ, обратите внимание! – восклицает Сэн и обращается к юллюкё: – Значит, ты в курсе, что есть на свете планета Тытток, и что на ней живут тцрики?

Изящное существо опускает большие чёрные глаза:

– Признаться, не слышала...

– Что и требовалось доказать! – щёлкнув пальцами, звенит Стив. – Забирай всю эту дурь и передай своим хозяйкам, что они... хуже мужиков! Да! Это будет идеальное оскорбление.

– Стив, э-э-э, ты сильно рискуешь, – беспокоится Айзел.

– Да плевать я на них хотел. Почти в буквальном смысле, – добавляет терраформ, кивнув в сторону Тецкляя.

Юллюкё замирает, оглядывается, подходит к мятежникам поближе и шепчет:

– Я знаю, что вы уже обо всём догадались. Конечно же, это самый настоящий паукрабий корабль. Здесь ещё сотни пленников. Я тоже здесь не по своей воле. Паукрабихи угрожают убить моих сестёр по монастырю и заставляют меня делать ужасные вещи! Вот как сейчас: я должна вас одурманить, чтобы вы пошли на переговоры с паукрабихами.

– И что же они хотят? – наострив уши, интересуется Леод.

– Они в очередной раз поссорились с йорзе и хотят, чтобы вы помогли им избавиться от киборгов. За то, что вы им поможете, они оставят вас в живых, но отвезут в какую-то дру-

гую галактику. А если вы откажетесь, вас выкинут на Глации, где скоро начнётся планетарная снежная буря, и вы там погибнете. Само собой, паукрабихи понимают, что из принципов вы откажетесь с ними сотрудничать и выберете смерть на Глации. Потому они и приготовили вам всё это, чтобы вас... ну, переубедить.

– То есть, мы им всё-таки небезразличны, – бормочет Млем.

– Да, паукрабихи явно завидуют вашим успехам. И вы нужны им вот ещё для чего: если йорзе раскроют планы паукрабих, те просто свалят всё на вас. В любом случае, ваша судьба незавидна. Но у нас есть немного времени, и я помогу вам сбежать. Пойдём, я знаю, где спасательные капсулы.

Юллюкё разворачивается, подходит к выходу из кокона... и сталкивается с паукрабихой.

– Ну, всё сделала? – спрашивает паукрабиха и, не дожидаясь ответа, отпихивает юллюкё и заглядывает внутрь кокона.

При виде этой паукрабихи заметно дёргается Джекс. У неё лишь один здоровый глаз – три остальных, белые и мутные, ничего не видят.

Но и одного глаза достаточно, чтобы сделать выводы...

– Ага, схалтурила. Даже не притронулись. Ну, что ж. Приведите-ка сюда её сестричку!

Вскоре ещё две паукрабихи заталкивают в кокон сестру юллюкё со связанными руками. Одна из паукрабих забирается на стенку кокона и, грубо схватив несчастное существо

за шею, заставляет его упасть на колени и опустить голову.

– Стараться надо было, Тютюлечка, – ухмыляется одноглазая паукрабиха и надевает металлические клешни. – Одной сестричкой больше, одной меньше...

– Не надо... пожалуйста... – дрожащим голосом, почти беззвучно просит пощады юллюкё по имени Тютюль для своей сестры.

– Нет, умоляю, не убивайте меня... – так же беззвучно пытается достучаться до бессердечных беспозвоночных бедная сестра первой юллюкё.

Но одноглазая паукрабиха уже тянет к длинной шее невинной монахини металлическую клешню с острыми, как бритва, краями.

Вдруг Накет хватается за один из стаканов, которые стоят на подносе и выпаливает:

– Да етить твою мать, чё мы выпендриваемся, в конце концов! Тоже мне, в жопу, цацы какие! Хряпнем, на хрен, по рюмашке, а?

Остальные мятежники тут же понимают, что таким оригинальным способом Накет спасает ситуацию... и, как минимум, одну жизнь.

– А может, и впрямь трын-травой затянуться и забыть всё на свете, – мечтательно вздыхает Карл.

– Лично я за то, чтобы выпить! – заявляет Стив, подняв стакан чистого этилового спирта. – За хорошую компанию, друзья мои!

Вся команда мгновенно разбирает предназначенные для неё ёмкости с веселящими веществами и убедительно изображает, что готова эти самые субстанции сразу же употребить.

– А, тогда всё нормально, – бубнит одноглазая паукрабиха и опускает клешню. – Ну, вы расслабляйтесь пока, мы попозже зайдём, – добавляет она, скроив на хелицерах некое подобие улыбки.

– Шла б ты, сучка, к чёртовой матери, – неслышно ругается Джекс, делая вид, что пьёт из своего стакана.

Паукрабихи уходят и уводят сестру Тютюль. Та же, сложив щупальца в жесте благодарности, тихо обращается к мятежникам:

– Я обязательно вас спасу! Я отблагодарю вас, я...

– Иди, иди, мы сами выкрутимся, – отмахивается Стив и, проводив монахиню взглядом, выливает свой стакан этилового спирта.

Вся команда – даже та её часть, которая не участвовала в попойке в трактире «У Бетамака» – тоже избавляется от своей «дури». Всё жидкое выливается, а твёрдое, по негласному сговору, отправляется в потайные карманы бывших контрабандистов.

Впрочем, Карл не спешит выбрасывать свой косячок – но вовсе не потому, что желает его раскурить:

– Хотя бы для запаха придётся дыму напустить. Иначе неубедительно получится. Так что, простите, друзья, глубо-

ко старайтесь не дышать.

Карл поджигает услужливо подготовленной паукрабихами зажигалкой косячок с трын-травой, немного водит им туда-сюда и тушит его каплей воды из собственного щупальца.

– А-а-апчхи! – реагирует Леод. – Простите, нос у меня не в меру чуткий.

– Слабак, – фыркает Семиларен, которому трын-трава... это трын-трава.

– Нашёл повод позубоскалить.

– Всегда найду, клыкастый!

– А ведь ты был прав, Стив, – замечает тем временем Райтлет, с отвращением посмотрев в свой пустой стакан. – Всё, как ты говорил: благообразное существо, которое предлагает нам расслабиться, а стоит за ним Имперский Союз... хорошо, что мы оторвались тогда в трактире и приобрели иммунитет!

– Само собой, я всегда знаю, о чём говорю, – усмехается терраформ.

– Как ты быстро сориентировался, Накет, – восторгается тем временем Веншамея и дарит герою нежный поцелуй. – Ты умница.

– Кстати, да, ты меня на долю стека опередил, – присоединяется Стив. – Молодчина.

– Да ладно, чё там, – улыбается Накет, махнув рукой. – Всё ж просто... правда, я за языком не уследил. Извини, Веншамея.

– При мне можешь не стесняться грубых выражений, – хихикает бывшая королева Теэклавеллы.

Не успевает отпустить едкую шуточку по этому поводу Яарвокс, как за стенкой кокона раздаются два вскрика. И после этого воцаряется гробовая тишина.

– Спектакль не помог, – вздыхает Млем. – Тютюль и её сестру убили.

Только-только укрепившийся дух в команде резко падает. Хотя мятежники были знакомы с монахинями всего несколько деминут, гибель несчастных юллюкё оставляет в сочувственных душах такой же след, как если бы их знакомство продлилось в разы дольше.

– К-как? П-почему их убили? – в самых расстроенных чувствах недоумевает Накет.

– Если верить мыслям паукрабих, эти юллюкё «своё отработали». И всё. Как вещи, – мрачно отвечает Карл.

– Зуб даю, это была та одноглазая уродина, – с нескрываемой ненавистью скрежечет Джекс.

– Что тебя с ней, хм, связывает? – интересуется Айзел.

– Это та самая сволочь, из-за которой я едва не погиб. Это она наговорила орхгам такого, что те меня растерзали прямо на корабле. Врала невообразимо – по её словам, я должен был быть страшнее самого Хргрт’Экты... и, кстати, я якобы готовил на него покушение! Наврала с три короба, потом разворачивается такая ко мне, подмигивает – кстати, у неё тогда ещё два здоровых глаза было – и говорит: «Ничего,

недолго мучиться будешь». Я хотел ей в рожу плюнуть, но, как назло, во рту тогда пересохло. Может, сейчас воспользуюсь случаем...

– Сейчас лучше бы нам всем внезапно овладеть актёрским мастерством и изобразить пьяных и укуренных, – перебивает Стив.

– Укуренных? Каких укуренных? – входит в образ Карл, с самым расслабленным и рассеянным видом рассматривая собственные щупальца.

– Какие-то мы тихие пьяные, вот что! – замечает Ярвокс.

– Па-а-ад крыло-о-ом звезда-алё-ота о чё-ом-то па-аёт... плане-ета зелё-оных море-ей! – находится Силмак.

– Душевнее, душевнее! – поддерживает Накет, и вместе со шнырявкой затягивает вновь: – Па-а-ад крылом звезда-алё-ота о чё-ом-то па-аёт... плане-ета зелё-о-оных море-е-ей!

На «пороге» снова возникают паукрабихи. Конечно же, с одноглазой во главе. Она и обращается к мятежникам первой. Но делает она это крайне необычно: вежливо.

– Друзья, можно с вами поговорить? Если не возражаете, хотелось бы обсудить с вами кое-что.

– Не верю, – шепчет Джекс. – Неубедительно.

– А т-ты уже... ик, опозда-а-ала! – старательно копируя манеру пьяного, отвечает паукрабихе Герн. – Мы уже это... всё... ик, при-иняли!

– Ну, эт-то, поговорить-то м-можно! – смеясь через каждое слово, добавляет Райтлет.

Одноглазая паукрабиха изображает на лице что-то вроде добродушия и продолжает:

– Знаете, эта наша с вами вражда зашла слишком далеко. Пока йорзе уродуют Галактику, мы зачем-то воюем с вами, хотя могли бы объединиться и освободить Млечный Путь. Давайте оставим в стороне наши разногласия и начнём вместе бороться с йорзе. Вы же такие умные, храбрые и сильные, вы бы так нам помогли! Давайте объединимся.

Мятежники лишь звонко смеются в ответ.

– Мы разрешим вам летать везде, где вам нужно. Мы всё вам обеспечим... – не унимается паукрабиха. – Ну же, никакого подвоха, соглашайтесь!

– Подвох в том, что подвоха нет, да? – усмехается Леод и снова громко чихает.

Новый взрыв хохота мешает одноглазой паукрабихе договорить. Наконец, она теряет терпение и вежливость:

– Хватит ржать, пьянь! Я вас ещё раз спрашиваю – вы с нами или нет?

– Догадайся с одного раза, – бубнит Тецклай.

– Придётся сказать, что вас ждёт, если вы откажетесь...

– Таки да! – перебивает Карл. – А что нам... как бы... светит... это... если мы... если мы не с вами?

– Сейчас на Глации начинается планетарная снежная буря. Если вы отказываетесь с нами сотрудничать, мы высаживаем вас там! Температурка – минус двести водяных градусов, скорость ветерочка – 13 коптермирад в стек! Вы там и

трёх деминуток не протянете!

– Ка-а-ак же, не протянем, – улыбается Стив. – Наоборот, хршо! Снеж-жок, свеж-жий во-о-оздух...

– Ну всё, уроды, вы мне надоели! – рявкает одноглазая паукрабиха и направляется к выходу из кокона. – Следующая остановочка – Глациа, идиоты.

– У вас ещё есть время передумать, – бросает одна из тех паукрабих, которые сопровождали одноглазую.

Когда паукрабихи уходят достаточно далеко, паника охватывает Эффелину, и та визжит:

– Эй, я не хочу погибать на Глации! Мы ведь там действительно не выживем! Может, лучше всё-таки согласиться?

– Соглашайся, если хочешь, – холодно отвечает Стив. – Подведи команду ещё раз, вперёд.

– Но ведь только так мы останемся в живых! Улизнём там как-нибудь потом... – продолжает Эффелина.

Мятежники одаривают элэгантину крайне неодобрительными взглядами. Даже её крохотных мозгов хватает на то, чтобы понять, что её предложению никто не рад.

– Вообще-то, это глупо, – рассуждает Райтлет. – Гораздо проще и надёжнее было бы выбросить нас в открытый космос. Два дечаса – и всё, мы покойники...

– О, давно ещё хотел вам с Сэн это сказать, – оживает Джекс. – И тебе, Витс. У вас троих устаревшие генераторы воздуха, симбиотические. Наши новые, квантово-хемосинтетические, вырабатывают и удерживают гораздо боль-

шую воздушную оболочку. Там давление такое, что в открытом космосе с этими генераторами можно болтаться гораздо дольше, чем два дечаса. Больше шансов, что нас найдут ещё живыми.

– Вот как! – поражается Сэн.

– Только вот не осталось у меня этих приборов... карманы-то все опустошили. Доберёмся до какого-нибудь копи-принтера – вы мне напомните, я напечатаю, хорошо?

– Так почему они не выбросят нас в космос? – возвращается к вопросу Райтлета Витс.

– Потому что они тупые идиотки, – скрежещет Джекс. – Предлагаю идей им не подкидывать, тем не менее. Космос велик и пуст. Нас могут и не найти совсем.

– А может, э-э-э, на Глации для нас заготовлена новая, гм, ловушка, – тревожится Айзел.

– Мы там в любом случае замёрзнем насмерть, как вы не понимаете! – снова визжит перепуганная Эффелина.

– У нас есть козырь, – хитро улыбается Карл и вытягивает одно щупальце в сторону Силмака.

Пока элгантина отчаянно пытается уловить связь между шнырявкой и выживанием всей команды, паукрабий корабль выходит из последней магистральной трубы, которая и ведёт к недружелюбному миру. Наконец, корабль садится на чисто-белую поверхность морозной неприветливой планеты.

– На выход, – грубо сообщает одноглазая паукрабиха, взглянув в кокон.

Мятежники нехотя покидают кокон и, изображая пьяную походку, следуют за беспозвоночными. Джекс подкрадывается поближе к одноглазой паукрабихе и шипит ей:

– Помнишь меня, с-с-собака страшная? Узнаёшь, гадина? А я в-выжил! Выжил, тебе назло, с-с-сучка!

Одноглазая паукрабиха не обращает на слова киборга никакого внимания.

Когда открывается дверь, внутрь корабля врывается сильнейший порыв ледяного ветра. Острые снежинки впиваются как в лица мятежников, так и в глаза паукрабих.

– Отрезвляет, правда? – визгливо интересуется у мятежников одна паукрабиха. – Может, всё-таки пойдёте с нами?

– Нет, – почти не выговорив «е», коротко отвечает Айзел.

Мятежников выталкивают из звездолёта так, что некоторые из них падают лицом прямо в снег.

– Ваше окончательное решение? – кричит одноглазая паукрабиха вслед команде.

Даже дикая метель не меняет намерения команды.

– Долгая и мучительная смерть на Глации – вот наш выбор! – гордо подняв голову, громко объявляет Стив.

– Ну вы и кретины! – вопит одноглазая паукрабиха. – Ничего, недолго мучиться будете! И да – я тебя помню, Джекс! Наконец-то ты сдохнешь, паразит!

Ухмыльнувшись, одноглазая паукрабиха разворачивается и собирается закрыть дверь. В последний миг её неожиданно сбивает с ног метко брошенный правый ботинок Джекса.

– Да!!! Да!!! Так тебе!!! – торжествует киборг. – Я умру счастливым!!!

– Ты же в самом деле ногу отморозишь, – беспокоится Млем.

– Ха! Новый протез поставлю, делов-то! Оно того стоило! Паукрабий корабль покидает Глацию.

Как и уверенность – добрую половину команды.

– Это мы зря! – сквозь метель вопит Фиб-Фиб. – Мы слишком переоценить свои силы!

– Всё будет хорошо! – кричит в ответ Силмак и ныряет в снег. – За мной!

Не проходит и деминуты, как мятежники оказываются в глубокой норе под толстым слоем снега, которая хорошо защищает даже от планетарной бури.

– Переждём здесь, – произносит Стив. – Обычно такие бури проходят довольно быстро.

Однако от жуткого мороза спастись не так-то просто. Генераторы воздуха, даже самые современные, защищают от пронизывающего холода лишь частично. Лишь немногие – а именно Райтлет, Сэн, Тецклай и Стив – способны выдержать безжалостный глацианский мороз сами по себе. Неплохо чувствуют себя и киберпанки, которые умеют настраивать свой температурный режим. Остальным же ничего не остаётся, кроме как крепко прижаться друг к другу, забыв обо всех разногласиях и тонкостях отношений.

– Холод, э-э-э, объединяет, – улыбается Айзел, заметив,

что друг к дружке приникли Семиларен и Леод, отношения между которыми трудно назвать тёплыми.

– Уж больно жить охота, – шипит в ответ блент.

– А вот кое-кому не очень, видимо, охота! – замечает Леод, глядя на Витса, который снова держится в стороне ото всех. – Витс, ты чего? Ты же замёрзнешь!

– Я... я не могу... – мямлит человек.

– Что на этот раз? Расскажи, не стесняйся!

Витс колеблется. С одной стороны, то, что его тревожит, лучше сказать только Леоду. А с другой стороны, лучше сказать это всем.

Подумав ещё немного, Витс решает, что терять ему нечего, и выпаливает:

– Я вам всем наврал тогда, на Фирс-Ы! Я на самом деле хотел убить Баера. Не случайно всё получилось!

Витс зажмуривается и в страхе отворачивается. Не услышав ничего угрожающего, он открывает глаза.

Вроде бы холоднее под глацианским снегом не становится.

– Да разве ж это враньё? – смеётся Яарвокс. – Забудь ты об этой дряни, сколько можно!

– Это тебя не красит, Витс, – строго произносит Млем, но тут же смягчается: – Впрочем, ты это осознаёшь и не боишься в этом признаться. Значит, ты не хочешь, чтобы такое повторилось.

Леод же, которому Витс хотел признаться в первую оче-

редь, подозрительно долго молчит. Витс готовится разразиться самоуничжительной речью, но ягулярр улыбается и легонько пододвигает человека лапой к себе поближе.

– Всё в порядке. Я знал, – шёпотом сообщает Леод. – Если честно, я тоже хотел, чтобы с Баером кто-нибудь разобрался. Всё хорошо.

– Значит... мы по-прежнему друзья? – тихо спрашивает Витс.

– Конечно.

Вздыхнув с облегчением, Витс прижимается к Леоду, найдя ещё не занятое блентскими руками место. Семиларен же не собирается свои позиции сдавать.

– Хорошо греешь, коврик, – говорит он в сторону.

– Если бы я был ковриком, я бы не был таким тёплым, – скалится ягулярр. – Логично же, бутылка шлёмлака?

– Коврик с отоплением. Матрас с подогревом.

Леод добродушно смеётся. Семиларен же не оценивает этого и, презрительно фыркнув, оставляет ягулярра наедине с Витсом.

– Айзел, я к тебе, – произносит блент и обхватывает фоксиллинда шестнадцатью руками.

– Хм, как иронично, – отзывается Айзел. – Я ведь, э-э-э, лишил тебя веры. Многие воспринимают это, гм, болезненно.

– Иногда нужно пережить небольшую боль, чтобы стать намного сильнее.

– Там буря не прошла часом? – резко сворачивает с философского на сугубо практическое Герн.

– Высуну-ка я нос аккуратненько, – вызывается Силмак.

Шнырявка идёт к тому месту, где начинал рыть нору, и осторожно выглядывает наружу. Когда Силмак возвращается к друзьям, ни у кого не возникает никаких вопросов: он стал похож на неаккуратного снеговика.

– Мы тут надолго, – констатирует факт Бастер.

– Джекс, как твоя нога? – обращается к киборгу Млем. – Ты ведь довольно долго продержал её на морозе.

– Всё нормально, – отвечает Джекс. – Немножко постанывает, но уже отогревается. Ни стека не жалею о ботинке!

– По-моему, зря ты это всё-таки сделал, – произносит Райтлет. – Наверняка они теперь узнают что-то важное.

– Не-а. Ботинок у меня самый обыкновенный, там нет ничего высокотехнологичного. Чёрт возьми, я просто хотел напоследок насолить той одноглазой сволочи!

– Разве ты не должен быть ей в чём-то благодарен? – робко интересуется Витс. – Разве не благодаря этой паукрабихе ты стал тем, кто ты есть сейчас?

– Не «благодаря», а «из-за». Да, сейчас я хорошо чувствую себя в теле киборга. Но если бы можно было открутить время назад, я бы пожертвовал всеми киборгскими способностями ради того, чтобы никогда не чувствовать той боли и унижения.

В глазах у Джекса – и в органическом, и в цифровом –

разгорается жгучая ненависть к паукрабихам. Жутким полуметаллическим голосом киборг проклиняет своих мучительниц:

– Мерзячие твари! Пусть поцелуют мой ботинок в подмётку! Если бы эти гадюки ощутили хотя бы половину той боли, что чувствовал я! И... все остальные, кто со мной был!

– Даже те, кто предал тебя? – интересуется Млем.

– Да... да, даже те, кто меня предал. Им было ничуть не лучше, чем мне. Ах, если бы я мог расколошматить панцири этим паукрабьим сволочам! Так, чтобы они визжали от боли, ублюдки!!!

Леод с нескрываемой тревогой наблюдает за Джексом. Наконец, ягулярр спрашивает его:

– То есть, ты действительно можешь причинить живому существу боль?

– Только тому, которое этого заслуживает. Зло надо наказывать. Простить злодея можно только тогда, когда он сам раскается.

– Но разве зло перестанет от этого быть злом?

– Некоторым это помогает. Иные злодеи, когда их схватят за горло, неплохо так переосмыслиют свою жизнь.

При этих словах заметно поникает Витс.

– Да, это так, – с виноватым видом бубнит он себе под нос.

– Обратите внимание, не я это сказал! – усмехается Джекс и вздыхает: – Ох, простите, друзья. Накатило что-то. Чёрт знает, что мне вкололи эти гады, когда вырубали... аж в ушах

до сих пор пищит.

– А у меня что-то вспышек очень много в мозге, – с некоторым беспокойством сообщает Карл.

– А у меня в ушах тоже пищит, – настораживается Семиларен.

Леод прыскает со смеху. Не успевает блент рявкнуть в сторону ягулярра что-нибудь обидное, как уши наостряют и охотники на чудовищ.

– Это не в ушах пищит! Это кто-то рядом живой! – восклицает Сэн.

– Под снегом! Прямо рядом с нами! – добавляет Райтлет.

– Значит, это были не вспышки, а мысли неразумных существ, – вслух рассуждает Млем.

– Где-то тут... – приняхавшись, произносит Леод и принимается рыть снег.

– Правее! – подсказывает Тецклай.

Наконец, под толстым слоем снега обнаруживается открытый ящик. В нём, тесно прижавшись друг к другу, сидят маленькие существа, похожие на нелетающих птиц с коротким толстым клювом, длинным хвостом и четырьмя когтистыми лапами, явно предназначенными для рытья. У существ нет ни глаз, ни ушных раковин. Они общаются между собой треском и забавным свистом, который напоминает голос земной хохлатой чернети.

– Их тут штук сорок! – восклицает Леод.

– Не знаю, кто это, но они очень милые! – реагирует Вен-

шаменя.

– Э-э-э, очень знакомые существа... – протягивает Айзел.

– Я помню, кто это! – вступает Карл. – Это...

– А там буря не кончилась? Может, тогда зверюшек можно будет выпустить? Пойдите кто-нибудь посмотрите! – визгливо перебивает Эффелина.

– Только подумала, что ты там замёрзла и заткнулась, – ворчит Тикки. – Тебе интересно – иди и смотри сама.

– Ну, это опасно, и вообще... ну посмотрите кто-нибудь, а?

– А, хрен моржовый с тобой, – машет на элгантину четырьмя лапами Силмак, поднимается и собирается снова пойти к выходу, но прямо перед ним внезапно рушится «потолок» импровизированного убежища. Перед мятежниками возникает то самое тучное существо с густыми вибриссами.

– Про волка речь, а он навстречь! – смеётся Карл. – Здравствуй, Шаман! Давно не виделись!

– Сколько зим! – улыбается Стив.

– Как здорово, что мы на тебя наткнулись! – радуется Райтлет.

Знакомый Райтлету, Карлу и Стиву хремф моржовый окидывает всех, включая маленьких существ в ящичке, каким-то странным и тяжёлым взглядом. Слегка отвернувшись, он достаёт из кармана куртки коннектар и набирает какой-то номер.

– Это я, – сообщает абориген Глации неизвестному себе-

седнику. – Ещё одни тут, значить. Ага. Ага. Да эти... кажися, которые с Фирс-Ы слиняли. Не, паукрабих не видать. Стив с ними, ага. Ща разберусь.

– Подкрадский ты сын, йорзе продался! – соображает Стив и пытается использовать телекинез.

Увы, из карманов куртки у Шамана явственно выглядывают телекинез-блокираторы. И ещё какой-то необычный прибор, который представляет собой ошестинившийся мелкими шипами куб. Именно его вынимает Шаман, когда заканчивает разговор по коннектару.

– Знать будете, как мной ругаться! – гаркает хремф, поворачивает какой-то незаметный переключатель на одной из сторон странного куба и направляет прибор на мятежников. Невыносимый гул, исходящий словно бы не снаружи, а изнутри, заполняет мозги мятежников и лишает их сознания прежде, чем кто-либо успеваеет хоть что-то сделать. Спротивляется разве что Стив:

– Четыре мозга... так просто не возьмёшь... подкрад!

– Ах, да, совсем забыл про этот режим, – холодно цедит Шаман, что-то ещё перенастроив в кубическом приборе. – Спи уже, чертяка!

До того, как сознание покидает и терраформа, он успеваеет заметить вдалеке ещё одно знакомое существо.

– Кса... – пытаеетсся выговорить его имя Стив, но теряеет контроль над своим телом и падаеет без сил.

Надменным взглядом Шаман пробегаеетсся по неподвиж-

ным мятежникам и снова достаёт коннектар:

– Всё, готово. Лежать, как миленькие. Не, я останусь. Десять деминут, значить? Да, я подожду.

Убрав коннектар, Шаман ещё раз внимательно осматривает оглушённую команду. И вдруг обнаруживает, что в разрушенной снежной норе остался кое-кто, на кого странный прибор не подействовал. А именно – те самые маленькие существа в ящике.

– Шо вы за черти такие?! – поражается Шаман.

Похожей на ласту земного моржа рукой хремф резко хватается одно из существ за шкуру и тыкает ему в нос колючим кубом. Существо трещит, свистит и пытается вырваться.

– Тьфу! Вот зараза! – плюётся Шаман, снова что-то перенастраивает в своём приборе и сжимает руку сильнее – так, что маленькое существо вскрикивает от боли.

Вдруг из-за спины хремфа раздаётся негромкий низкий голос, приятный и тягучий:

– Прошу прощения...

Шаман разворачивается. Перед ним стоит двуногое и двурукое существо. С точки зрения землянина, оно похоже на покрытого серыми, чёрными и белыми перовидками¹⁶ хищного динозавра с впечатляющей тёмной гривой на голове. «Динозавр» держится почти что по-человечески прямо и да-

---

¹⁶ Перовидки, в отличие от истинных перьев динозавров и других пернатых существ (вроде фоксиллинда), состоят из живых тканей. Настоящие перья, как и волосы, являются роговыми образованиями и содержат живые клетки только в основании, которое находится под эпидермисом.

же одет как-то по-земному – в оранжево-белый свитер и тёмно-синие брюки. Пожалуй, разве что хвост, напоминающий загнутое брюшко скорпиона, только с перовидками на конце вместо жала, выглядит действительно нестандартно на земной взгляд.

Руки существа выжидательно скрещены на груди. В Шамана всматриваются два глаза с тёмно-фиолетовой радужкой, конъюнктивы которых покрыта такой густой сетью ярко-красных сосудов, что любой земной офтальмолог выписал бы этому существу вагон и маленькую тележку глазных капель. Голос, тем не менее, исполнен терпения и интеллигентности:

– Вы не могли бы отпустить мюмзика? И, если позволите, оставить в покое мятежников?

– Ты ещё что за чмо? – грубо спрашивает Шаман, сжав в руке мюмзика ещё сильнее.

– Выбирайте выражения, – с еле уловимым раздражением отвечает существо.

Шаман швыряет мюмзика обратно в ящик и нависает над странным существом.

– Я те щас такие выражения выберу! – рявкает хремф, в очередной раз что-то переключает в кубическом приборе и направляет его на пришельца.

– На меня это не действует, – спокойно произносит существо.

– Вот как, значить! Это ничаво. Знаю, шо на тя подейству-

еть!

Шаман набрасывается на существо, рвёт на нём одежду и сильным ударом в голову сбивает с ног. После этого разъярённый хремф вонзает в тело существа бивни и разрывает его на куски. Наконец, для верности Шаман топчет оставшееся от существа кроваво-слизистое месиво тяжёлыми сапогами.

– Тоже мне, ин-те-ли-хент нашёлся! – фыркает хремф, стирает ярко-красную кровь с бивней и опять переключается на мюмзиков.

Там же, где кровь Шаман не вытер, она начинает... самостоятельно ползти к изуродованным кускам тела странного существа. Эти куски, в свою очередь, отращивают глаза, щупальца и тонкие ножки для передвижения и собираются вместе, после чего сливаются воедино. Что интересно, облачение существа собирается сходным образом, хотя и не отращивает при этом глаз. Состоит эта симбиотическая одежда из волокон, которые образует особый штамм цианобактерий. Из волокон получается ткань, которая самостоятельно «зашивает» разрывы.

Полностью восстановившееся существо, на теле которого не осталось ни царапинки, отряхивается и обращается к Шаману:

– На большее фантазии не хватило?

Хремф оборачивается с самым презрительным видом, который тут же сменяется на ошарашенный и испуганный:

– Шо... шо ты за тварь?!

Слегка улыбнувшись, существо невозмутимо отвечает:

– Самоназвание моего вида – эвола. По Галактической Энциклопедии, впрочем, я могу быть Вам известен как сущность самособирающаяся муту'имирская.

Слова эвола явно проходят мимо хремфских ушей. Вытаращив глаза и указывая на самособирающуюся сущность пальцем, Шаман вопит:

– А-а-а!!! Проглотон!!! Ты проглотон!!!

Не успевает эвол ответить, как хремф вновь кидается на него и хватает за горло, пытаясь не то задушить, не то разорвать на части:

– Сдохни, тварь!!! Сдохни!!!

Кровь вдруг отливает от глаз эвола. Тело же его, буквально вывернувшись наизнанку и обнажив перерождающиеся внутренности, пульсирующие сосуды и некий оранжевый гель, стремительно меняет форму и увеличивается в размерах. Эвол превращается в ужасное чудовище: шестилапое, длиннотелое, с тонким хвостом, четырьмя белыми глазами с вертикальными зрачками и тремя парами челюстей, вложенных одна в другую. Все челюсти усеяны сотнями острых зубов. На каждом из четырёх пальцев передних лап – по два длинных когтя, на трёх пальцах средних – по три, на двух пальцах задних – по одному. В гуще гривы эвола вырастают четыре маленьких, но острых рога. Из рта, горла, груди, живота и конечностей эвола выбрасывается множество

извивающихся, покрытых липкой слизью красных щупалец, которые обвивают руки и тело Шамана, а ещё тьма жутких насекомых ножек.

– Я не проглотон, – тяжело дыша, но не теряя самообладания, сообщает эвол. – Наши эволюционные пути разошлись ещё очень давно. Не стоит нас путать. Однако у нас есть кое-что общее...

– Ты меня шо, поглотишь, да? – перебивает Шаман охрипшим от ужаса голосом.

– Я не собираюсь Вас поглощать. Но вынужден повторить мою просьбу...

– Слышь, погоди, а? У меня, это... дома жена, дети... я... это...

Шаман с трудом хватает воздух ртом. Эвол ослабляет хватку, и его глаза начинают вновь наливаться кровью. У эволов кровеносные сосуды в глазах хорошо заметны как раз тогда, когда они спокойны, а белеют глаза при болезни, сильном испуге или гневе.

– Знаешь, шо? – дрожащим и каким-то заискивающим голосом продолжает Шаман, немного отдышавшись. – Я их... это... не люблю ужасно. Жена, значить, дура набитая, а эти спиногрызы совсем от рук отбились. Давай я те их приведу, ты их съешь, а меня не тронешь, а?

Глаза эвола вновь белеют. На лице его появляется выражение глубочайшего отвращения.

– Как ты жалок! – восклицает самособирающаяся сущ-

ность, в омерзении оттолкнув Шамана и вобрав в себя все щупальца. – Тебя даже поглощать противно! Ты готов предать свою семью, лишь бы... фу!

Эвол отталкивает хремфа ещё сильнее. Шаман от неожиданности падает на спину. Самособирающаяся сущность нависает над ним и полушёпотом произносит:

– Убирайся. Чтобы я тебя больше никогда не видел.

Хремф, скуля, как испуганная собачонка, выползает из разрушенной норы, поднимается и бросается наутёк – настолько быстро, насколько позволяет его тучное тело.

Тем временем, эвол принимает свой обычный облик и заботливо склоняется над ящиком с мюмзиками.

– Все сорок на месте, – комментирует он себе под нос, пересчитав мюмзиков и улыбается: – Досталось вам, бедненькие. Чёртовы двумперцы со своими снарядами...

Взгляд эвола падает на мятежников.

– Вам повезло, друзья. Всё будет хорошо.

Из кармана брюк эвол извлекает пульт дистанционного управления. Вскоре на глацианский снег приземляется небольшой корабль, напоминающий по форме одновременно рыбу и причудливый старинный летательный аппарат.

Эвол отрацивает ещё две пары конечностей и бережно переносит в грузовой отсек корабля мятежников и ящик с мюмзиками.

Вдруг самособирающаяся сущность настораживается. Оглядевшись, эвол замечает Шамана и двух йорзе, которые

направляются в его сторону. Идут они все так быстро, что эвол понимает: увести корабль он не успеет. Хладнокровия, впрочем, самособирающаяся сущность не утрачивает. Лишь легонько чертыхнувшись, необычное существо в очередной раз меняет форму...

– Ну, чего ты мычишь, старый пень?! Что произошло, почему ты ушёл? – раздражённо допытывается у Шамана один из йорзе.

– Ну, там... это... не надо туда... как его... там оно такое... – еле выдавливает хремф.

– Хрен с тобой моржовый в самом буквальном смысле, – бросает второй йорзе. – Пошли, показывай.

Когда до разрушенной норы остаётся совсем немного, перед Шаманом и киборгами вдруг возникает жуткая инопланетная тварь чёрного цвета с синим отливом, покрытая не то чешуёй, не то шерстью.

– Откуда здесь... паук-марбианин?! – поражается один из йорзе.

Пауком это существо можно назвать с некоторой натяжкой. У марбианина всего четыре ноги, но множество суставов и три чрезвычайно длинных и тонких пальца на каждой из них создают впечатление, что ног гораздо больше. В отличие от настоящего паука, у марбианина есть довольно длинная шея. Наконец, над вполне паучьими хелицерами светятся зелёным не только три маленьких простых глазка, но и два больших фасеточных.

Марбианин по причудливой зигзагообразной траектории приближается к двумперцам и незадачливому местному жителю. Йорзе по привычке тянутся за оружием, но вдруг чувствуют, что не могут и пошевелиться. Марбианин, не сводя с троицы пяти жутких глаз, неожиданно начинает пятиться по тому же пути, по которому направлялся к ней, с невообразимой точностью повторяя каждое движение. Создаётся впечатление, будто само время пошло назад...

...Когда йорзе и Шаман приходят в себя, от паука-марбианина не остаётся и следа. Равно как и от корабля эвола, и от мятежников, и даже от ящика с мюмзиками.

– Что это было? – недоумевает один из йорзе и обращается ко второму. – Не помнишь, зачем мы вообще сюда прилетели? Тут же дубак, блин... ненавижу холод!

– По-моему... по-моему, мы здесь для того, чтобы кого-то поймать... – неуверенно бормочет второй и с притворным добродушием обращается к хремфу: – Друг, не подскажешь, зачем мы здесь?

– Не помню, – разводит руками-ластами Шаман.

Через несколько деминут эффекты марбианского гипноза ослабевают, и вся троица приходит в себя.

– Проклятье! – рывкает один из йорзе, не увидев в остатках норы обездвиженных мятежников. – Ты их упустил, жиртрест!

– Я не... я пытался! – оправдывается Шаман. – Там потом...

– Завали хлебало, – грубо перебивает другой йорзе и внимательно вглядывается в следы на снегу цифровым глазом.

– Сейчас по ДНК посмотрим. Так... все мятежники были тут... а спасать их пришёл...

Выражение гиенного йорзского лица меняется. Вместо обычной мерзкой насмешки на нём проявляется бессильная злоба и даже отчаяние:

– Ксандер Надведомим. Этот чёртов эвол. Вечно ускользает в самый последний момент. Хитрее него только капитан Фьюмичино и Звёздный Баригальди...

– Значит, мятежники будут в порядке, – делает вывод второй йорзе.

– Паукрабихам мы этого, впрочем, не скажем. Пусть думают, что эти уроды сдохли.

– Ну а Ксандер... пусть выхаживает мятежников на своём любимом Самобыте. Нам же лучше будет.

Йорзе переглядываются и гнусно хихикают.

– А я шо буду делать? – встревает Шаман.

Киборги замолкают и одаривают хремфа презрительными взглядами.

– Снимать штаны и бегать, – отплёвывается один из йорзе и кивает второму: – Валим из этой Создателем забытой дыры.

Когда йорзе уже заходят внутрь своего корабля, один из них прыскает со смеху:

– Этот идиот же... мозговзломом обработанный. Он же и

впрямь будет без штанов бегать!

– Пусть побегает. Жиры хоть свои растрясёт.

Пока одурманенный хремф, сбросив штаны, наворачивает круги по глацианскому снегу, корабль Ксандера достигает системы из одиннадцати затейливых астероидов, которая зависла неподалёку от орбиты негостеприимной морозной планеты. Даже издали видно, что все они представляют собой небольшие миры с совершенно незаметной тоненькой атмосферой – которая, впрочем, укрывает их все единым воздушным покрывалом. Большая часть этих миров явно облеплена всевозможными формами жизни. А некоторые из них даже сами выглядят как живые существа.

Это и есть тот самый Самобыт.

Глава 12. Все прелести системы Самобыт

– Есть такое твёрдое правило, – сказал мне после Маленький принц. – Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету.

*Антуан де Сент-Экзюпери
«Маленький принц»*

– Полиплоидных архей туда надо добавить, я тебе говорю! Которые с актиновым цитоскелетом, помнишь? Вот их обязательно...

– Ксань, ну зачем эукариот-то заново изобретать, какой смысл? Зачем они там вообще?

– Раз бактерии каждый раз всё топят в яде, который получается из соединений их метаболитов с минералами, значит, нужна более мощная защита! Нужен более высокий уровень организации, понимаешь?

– Чем тебя персистенция у бактерий не устраивает?

– Она же там не работает! Вся биоплёнка рушится к чёртовой матери, ты же сама мне об этом говорила!

– Да ещё немножко модификаций – и всё получится! Вот эукариот переизобретать никакого смысла нет!

– Как минимум, появятся новые экологические ниши! Тем более, что это будут немного другие эукариоты, нежели у нас тут...

– Ага, а когда я предлагаю туда заново РНК-бульон залить – нет, ну что ты, этого мы делать не будем, зачем всё по новой городить! Двойные у тебя стандарты, Ксань!

– Най, вечно ты иронизируешь! И не уважаешь меня вообще!

– Это ты меня не уважаешь! Каждый раз, когда я модифицирую бактерий, ты только ржёшь и пальцем показываешь!

– Да потому что глупость ты делаешь! Сколько ты времени на эту чушь потратила? Уже младшенький женился, а ты всё упёрлась в этот бактериальный мир...

– На себя посмотри! По десять лет обдумывает то, что можно за три дня сделать, и это нормально! А как я всего-то ничего...

– Да при чём здесь это, что ты прицепилась? Сколько можно! Чем тебе археи-то не угодили?

– Просто признай, что ничего близкого к эукариотам там не приживётся! Эукариотические белки там просто разваливаются, ты же сам видел! Значит, археям и тем более эукариотам там не место!

– Вот я и предлагаю заново вывести...

– Да не получится ничего!

– Най, ты просто мне перечишь, а ничего толкового взамен не предлагаешь!

– Ой, надоел, Ксаня! Возьму вот и швырну в тебя сейчас чем-нибудь!

– Давай, швыряй, очень умно!

– Вот, на!

(Звон стекла)

– Ну и дура! Своих же, поди, любимцев разбила! Вот я тебе сейчас...

– Э, трихоплаксов моих не трожь!

– А, вот как заговорила! Получай!

(Звон стекла)

– Ах ты козявка! На тебе ещё!

Третий звон стекла заставляет очнуться Стива. Телепатически, а затем уже и глазами осмотревшись, терраформ понимает, где он, в каком состоянии его друзья и кто кидается друг в друга пробирками. Вместе с остальной командой мятежников, которая уже очень скоро должна будет прийти в сознание, терраформ находится в уютной лаборатории под поверхностью одного из самобытных астероидов. Посередине лаборатории установлен внушительный энциклопедический секвенатор. Рядом располагается целый ряд копипринтеров и контейнеров с необходимыми для этих устройств материалами. На полках, которые занимают все без исключения стены, расставлены бесчисленные пробирки, чашки, бутылки с культурами микроорганизмов и колбы с образцами целых растений, грибов, слизевиков и животных, а также их органов и тканей. Особое место занимает двоюродный

родственник эволов – проглотон, с которым их часто путают. В этой массе отростков, конечностей, голов, хвостов и глаз, а также иных выростов, одновременно можно узнать многих существ и не распознать никого. В углу лаборатории стоит просторный вольер с теми самыми экспериментальными мюмзиками, которые оказались вместе с мятежниками на Глации. Этот вольер разделён на отсеки с разными условиями. В одном царят жара, сухость и песок, в другом находятся только камни, в третьем не видно света за хитросплетениями ветвей деревьев, а четвёртый почти полностью заполнен водой. Ещё четыре отдела, на первый взгляд, ничем не отличаются от первых четырёх. Но есть одна важная деталь: в первых четырёх отсеках мюмзики – единственные животные. В этих же отсеках мюмзики живут вместе с множеством других существ. Ещё один отдел – контрольный: в нём воспроизведены условия родной планеты эволов – Муту’Имира. В этом отсеке слабое освещение, которое будто бы с трудом добирается сюда от далёкой звезды, а с помощью специальных установок в буроватую почву бактериального происхождения то и дело врезаются самые настоящие метеороиды. Немногие формы жизни здесь осмеливаются жить на поверхности, а вот в толще почвы всевозможных существ так же много, как в самом пышном тропическом лесу.

Полюбовавшись на всё это, Стив выходит из лаборатории и направляется по коридору в помещение, где всё ещё бушуют научные и околонаучные страсти – на кухню. Стены её

увешаны полочками, которые ломаются от всевозможных банок со съестным. Обязательный холодильник и биореактор выглядят так, будто сделаны из дерева, и украшены сложной резьбой. Рядом с биореактором стоит совсем не кухонный стеллаж со стройными рядами пробирок с самым разнообразным содержимым. Именно этими пробирками сейчас и кидаются друг в друга Ксандер и его жена Найя, элегантная эволица с гладко причёсанной гривой. В Ксандере и Найе сейчас очень трудно узнать интеллигентную и интеллектуальную пару добрейших и гостеприимнейших существ. Перовидки у обоих взъерошены, под кожными пластами извиваются готовые выброситься в любой момент щупальца, белые как снег глаза вытарашены, а из оскаленных ртов брызжет едкая слюна.

– Хочешь тут всё расколотить, да?! – срывается на крик Ксандер, увернувшись от очередной пробирки, которую в него запустила Найя.

– А как с тобой ещё по-другому общаться, раз нормально не понимаешь?! – вопит эволица, выхватывает откуда-то новую пробирку с какой-то зеленовато-синей жижей внутри и...

Пробирка застывает в воздухе прямо перед самым носом Ксандера. Он не сразу догадывается, в чём дело, и некоторое время удивлённо разглядывает пробирку. Найя же, заметив Стива за спиной у Ксандера, быстро понимает, что терраформ использовал телекинез.

– Милые бранятся – только тешатся, – с улыбкой замечает Стив и тем же телекинезом возвращает пробирку на место. – А вы совсем не изменились.

– Стив! Рад тебя видеть! – радостно восклицает, обернувшись, Ксандер. – Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно. Остальные скоро тоже придут в себя. Слушай, что это была за подкрадская хрень, которая нас вырубала?

– Новое изобретение йорзе – мозгоглушилка. Убойная штука, но с одним существенным недочётом: работает только один раз. Ваши мозги запоминают этот оглушающий сигнал, и второй раз он на вас не подействует.

– Должно быть, это ещё прототип.

– Похоже на то. Но пока вы все здесь, никакие йорзе до вас не доберутся, обещаю.

– Спасибо. Кстати, Ксандер, я поддерживаю твою идею с полиплоидными археями.

– Вот! – торжествует Ксандер, повернувшись к Найе. – Видишь, Стив говорит...

– Это просто мужская солидарность, – фыркает Найя.

– Не солидарность, – безо всякой насмешки отрицает Стив. – Я сам заселял жизнью малые планеты с теми же проблемами, что и на вашем Лазуритовом Валуне. Там тоже были минералы, которые в сочетании с первичными метаболитами становились токсичными. Поверьте, сочетание архей и бактерий – это гарантия здоровой и устойчивой экосистемы

даже в таких неблагоприятных условиях. Не факт, что симбиоз обязательно приведёт к возникновению эукариот. Но в любом случае неоднородный прокариотический мир будет лучше защищён от всех превратностей судьбы, в отличие от мира сугубо бактериального. Так что добавьте туда архей.

По лицу Ксандера расплывается победная улыбка. Найя бормочет в сторону что-то не совсем литературное, но затем оттаивает и обращается к мужу:

– Ладно, попытка не пытка. Доверимся опыту Стива. Он-то всем этим занимался, когда нас с тобой ещё в проекте не было.

– И чего мы спорили, а? Могли бы просто попробовать и не ругаться лишний раз, – добродушно улыбается Ксандер и приобнимает Найю.

Найя отвечает Ксандеру тем же жестом и смеётся:

– Да потому что дураки мы с тобой, и не лечимся.

Посмеявшись и окончательно помирившись, Ксандер и Найя решают вместе со Стивом проведать остальных мятежников. Они постепенно приходят в себя. Кое-кто из них даже узнаёт знакомое место.

– Хм, ещё ни разу я так не радовался, очнувшись после, гм, оглушения, – произносит Айзел. – Ксандер, прийти в себя, э-э-э, в твоей прекрасной лаборатории – это, гм, подарок судьбы!

– Приятно это слышать, – скромно потупившись, отвечает Ксандер.

– А ещё один подарок, я смотрю, ты лично мне сделал! – смеётся Джекс, разглядывая свою правую ногу.

От органической ноги, с которой Джекс на Глации сдёрнул ботинок, чтобы швырнуть в ненавистную ему паукрабиху, осталось только бедро. Голень и стопа уподобились рукам киборга: они стали металлическими и обзавелись сложной электронной начинкой.

– Да, пришлось тебе ногу ампутировать. Она слишком долго пробыла на суровом глацианском морозе, другого выбора не было, – оправдывается Ксандер. – Извини...

– И ты ещё извиняешься?! Ксандер, ты что! Если б мне сказали, что вместо органической ноги у меня будет вот такая прелесть, да я бы её сам себе отрезал! Спасибо!

– Джекс, могу тебя поздравить, – вступает Карл. – Теперь у тебя есть третья стальная штука ниже пояса! Ну, после двух стальных яиц.

Млем начинает оглушительно ржать. Джекс же вперяет в Карла обжигающий взгляд цифрового и органического глаза:

– Карл, такой пошлости я даже от тебя не ожидал!

Через пару мгновений, не в силах сдержать глупый смех, Джекс хихикает:

– Чёрт, а это, вообще-то, смешно!

– Карл?! – удивляется тем временем Ксандер. – А я тебя и не узнал в человеческом теле!

– Да ладно! Не узнал! Ха! – усмехается Карл. – Дай шу-пальце, друг!

Ксандер и Карл выпускают из пальцев щупальца – красные у эвола, синие у полупротоплазмика-получеловека – и в товарищеском жесте обвивают друг другу руки.

Красные щупальца эвола, впрочем, вызывают совершенно не те ассоциации у Эффелины.

– Проглотон! Ты проглотон! Ребята, мы в ловушке, этот кошмарный хищник нас всех сожрёт!!! – начинает верещать элэгантина и отпрыгивает подальше, едва не врезавшись в ограждение вольера с мюмзиками.

– Простите, я эвол, а не проглотон, – спокойно начинает объяснять Ксандер, но его перебивает Тикки:

– Не обращай внимания на эту дуру. Ты можешь ей хоть всю Галактическую Энциклопедию зачитать, но она всё равно останется при своём идиотском мнению.

– Бежим отсюда, я же вам говорю! Нельзя доверять хищникам! – продолжает визжать истеричная элэгантина.

– Ррр, вот сейчас обидно было, знаешь, – ворчит Райтлет.

– Гррр, и ещё как, – фыркает Тецклай.

– Да вы-то все ладно, а вот проглотоны...

Вся команда смотрит на Эффелину с таким жгучим укором, что ей приходится немедленно замолчать.

– Друзья, можете быть уверены, на Самобыте вам ничто не угрожает. Если не считать... переедания, – хихикнув и кивнув в сторону Найи, сообщает Ксандер. – Моя верная спутница жизни вас закормит так, что...

– Ах ты козявка! – с упрёком отзывается Найя. – Посмот-

рите на него! Переедает он, да – аж хрящевой пласт видно! По пол-тарелочки в день ест! А его, видите ли, закармливаю! Да попробуй его закорми – так занудит, что всякая охота пропадёт!

– Най, ты же знаешь, что по генотипу я предрасположен к ожирению. Я стараюсь не портить себе фенотип, понимаешь?

– По генотипу ты ещё лысый и чувствительный, так что не надо мне тут!..

Ксандер закрывает лицо руками и трясётся в припадке беззвучного хохота.

– Друзья, что бы там Ксаня ни говорил, а я пошла готовить вам обед, – заявляет Найя.

– Кстати, а сколько мы были в отключке? – встревает Герн.

– Пятнадцать дечасов, – отвечает Ксандер. – Так что, да, вам действительно нужно будет восстановить силы. Ну, а пока можете осмотреться в доме. Или прогуляйтесь немного по нашей Коряжке.

– Прогуляемся, пожалуй, – озвучивает всеобщее мысленное пожелание Стив.

Коряжка – тот астероид, где находится дом Ксандера и Найи, в котором и оказались мятежники – отдалённо напоминает по форме чью-то покрытую разнообразными наростами, ветвями и корнями руку с вытянутым пальцем. Напоминающие скалы наросты, извилистые ветви и мощные корни принадлежат исполинскому древовидному организму,

скалистому древню, который покрывает почти весь астероид. Под ними растёт сплошной зелёный ковёр из растительности, похожей на мох – а точнее, из фотосинтезирующих листиков гигантского организма. Двухэтажный дом Ксандера буквально встроен в одну из «скал»: выдают жилище только двери и окна, из которых исходит тёплый, уютный жёлтый свет. Даже лестница, которая ведёт к дому, образована самим скалистым древнем. В другую «скалу» неподалёку встроен неприметный сарай – маленькое прямоугольное строение с дверью и двумя окнами. К нему ведёт извилистая лестница, на этот раз металлическая.

Просветы киберпанков вдруг обнаруживают, что в сарае притаилось кое-что крайне интересное. А именно – два целёхоньких паукрабых ходострела.

– Нелогично. Откуда они здесь? – перепроверив в десятый раз показания своего просвета, интересуется Бастер.

– Спрошу у хозяина, – с трудом скрывая нарастающий восторг от возможности осуществить свою давнюю мечту, отвечает Джекс и возвращается в дом.

Хозяин Самобыта внимательно наблюдает за мюмзиками в экспериментальном вольере и что-то записывает в платальбом. Дождавшись, пока Ксандер обратит на него внимание и отложит платальбом, Джекс вкрадчиво спрашивает:

– Ксандер, это не ходострелы ли у тебя в сарае стоят?

– Ах, да, они самые. Было дело недавно, на Самобыт паукрабы напали. Мы успели уйти от самих паукрабов, но хо-

дострелы нас догнали. Я их вроде бы смог отключить. А потом поставил в сарай и, по правде говоря, забыл о них.

Джекс падает перед Ксандером на колени:

– Умоляю, дай их разобрать! Любые условия, только дай, прошу!

– Ну что ты, на здоровье, разбирай! Мне они, вообще, как рыбке зонтик нужны, так что делай с ними что хочешь.

Джекс вскакивает, торопливо благодарит Ксандера и вылетает из дома.

– Бастер!!! Идём разбирать ходострелов!!! – гремит на всю Коряжку счастливый киборг.

Киберпанки отделяются от коллектива и быстро поднимаются по металлической лестнице. Где-то посередине пути они натываются на шлангоноса, который устроился на ветке прямо над их головами. Верное себе, это жёлтое существо, похожее на муравьеда с вертикально торчащими ушами и длинным цепким хвостом, протягивает к гостям свой истинно шланговидный нос, а по совместительству и слюнявый рот, желая с ними познакомиться.

– Позже, дружок, – мягко отстраняет шлангоноса Бастер.

Наконец, киберпанки врываются в сарай. Ходострелы, которые их встречают, выглядят совершенно новыми, будто только что сошедшими с конвейера паукрабьей фабрики.

– Сбылась мечта идиота!!! – голосит Джекс, срываясь на фальцет.

Однако профессионализм в киборге оказывается всё же

сильнее. Уже через мгновение он убирает ненужные эмоции и берётся за работу вместе с вечно невозмутимым Бастером.

Но работать им приходится недолго. Вскоре над Коряжкой разносится звонкий голос Найи:

– Обед готов!

Несмотря на разыгравшийся у всех без исключения аппетит, мятежники возвращаются в дом хозяев Самобыта не спеша. Да и зайдя в дом, большая часть команды направляется вовсе не на кухню, а в манящую своим уютом и книжным богатством библиотеку, которая соседствует с уже знакомой всем лабораторией. Бумажные книги, книгоплаты, свитки, альбомы и даже расписанные шкуры составляют внушительную коллекцию. Каждый может найти в ней что-нибудь для себя. Даже Яарвоксу и Герну не приходилось развозить такое книжное богатство в бытность свою противотримперскими контрабандистами. С разрешения хозяина, который тоже не очень-то спешит на кухню, команда начинает увлечённо рыться в библиотеке.

– Так, друзья! – окликает всех Найя, устав ждать. – Духовная пища – это, конечно, прекрасно, но телесная остывает! Пошли все на кухню! Сегодня – РНК-бульон с пирожками!

Наконец, все рассаживаются за столом, сделанным всё из того же скалистого древня.

– Пятьсот шестьдесят третий рецепт? – хитро улыбнувшись, спрашивает у Ксандера Стив, отхлебнув немного бульона.

– Тот самый, животворный, – подтверждает скромная создательница эволюционно-кулинарного шедевра. – Это Ксания вручную всё смешивал.

– Да, было дело, – кивает Ксандер. – Вам-то, хокенд’ивенам, хорошо, у вас всё на автоматику поставлено. Реакторы жизни, планетарные тестеры...

– Реактор жизни хорош на планетах, но не на астероидах, хочу тебе напомнить, – перебивает Стив. – Тут же особые условия: тебе приходится устанавливать искусственные источники света, удерживать нужный температурный режим при малой гравитации. Здесь физически не может быть плотной атмосферы... мне ли тебе объяснять!

– Неужели вы не разработали реактор жизни для астероидов?

– Не успели.

– Понял.

– Но непременно этим займёмся! Как только весь бардак закончится. А закончится он быстрее, Ксандер, если ты присоединишься к нашей команде.

– Ну, не знаю...

– Ещё один скромняга нашёлся, прямо как Айзел. Соглашайся!

– Я не уверен... Най, ты как думаешь?

– Ты им нужен, Ксаня, – улыбается Найя. – Ты отличный пилот, учёный, мастер на все руки, и в тебе куда больше поглощённых тел и воспоминаний...

– Вот, что я вам говорила? – встревает Эффелина. – И нас он тоже...

– Замолкни, – коротко обрывает речь элгантины Тикки. – Поэнциклопедь, дурёха.

– Ну тебя, расхваливаешь меня, – говорит тем временем Ксандер Найе.

– А что, неправда это всё, что ли? – смеётся в ответ она. – Ну, могу и недостатки перечислить...

– Ну, насчёт поглощённых тел и воспоминаний, да, возразить нечего. Пилот – ладно тебе, капитану Фьюмичино я в подмётки не гожусь.

– Фьюмичино? – оживает Джекс. – Ты его видел?

– Только издалека, – говорит Ксандер. – Видел его корабль. Но даже тех нескольких стеков мне хватило: я сразу понял, что он настоящий виртуоз. Мне до него далеко.

– Послушай, Ксандер, а земляк Фьюмичино – капитан Мантецци – тебе случайно не попался?

– Не слышал такую фамилию, не знаю.

– Ну, хватит, что ты всё про этих бельтальянцев, – вступает Найе. – Ты прекрасный пилот, Ксандер, и...

– Хватит уже меня хвалить! – с упрёком произносит Ксандер. – Пилот я средний, учёные есть и лучше меня в команде...

– Но зато ты мастер...

– Мастер... экое великое дело – дом в дереве выдолбить да саморгом пропитать!

– Да не упирайся ты! Я думаю, что тебе самое место среди мятежников.

– А как же Самобыт? Как же все наши эксперименты? Как же ты, в конце концов? Как я могу тебя бросить?

– Я со всем управлюсь. Ребят ещё можно будет попросить помочь.

– Ну, я не знаю...

– Ксань, в такой команде ты сделаешь гораздо больше, чем сделали мы с тобой вдвоём за все эти годы на Самобыте. Понимаешь?

Ксандер опускает голову и в задумчивости принимает медленно перемешивать ложкой остатки бульона. Длится это довольно долго. Наконец, эвол, явно взбодрившись, объявляет:

– Что ж, друзья, я присоединюсь к вам! Надеюсь, мои скромные умения вам пригодятся. Как минимум, нам ведь с вами нужен новый корабль! И мы его с вами вместе построим. Моего нынешнего точно на всех не хватит.

– М-м-м, найдётся ли здесь достаточно материалов, чтобы, эм, построить новый звездолёт? – беспокоится Айзел.

– Найдётся. Скажем так... Самобыт внутри больше, чем снаружи.

– А в моих пирожках, кстати, начинки больше, чем теста! – подхватывает Найя и ставит на стол обширный поднос с горой пирожков.

Начинка в этих пирожках самая разная: мясо, овощи, гри-

бы, ягоды, сыр... и даже живые артротопки – конечно, в тех, что предназначены специально для Айзела.

– О, какая забота, эм, спасибо, – благодарит хозяев Самобыта растроганный фоксиллинда.

– За пятнадцать дечасов можно было продумать, кому какие пирожки испечь, – смеётся Найя.

– Казалось бы, столько провалялись – а всё равно в сон клонит, – замечает тем временем Яарвокс.

– Так вы не отдыхали, – объясняет Ксандер. – Наоборот, ваши организмы боролись за то, чтобы вернулось сознание. Я всё это видел на приборах. Поэтому, друзья, я предлагаю вам немного отдохнуть по-настоящему. Поспите как следует. А потом я бы показал вам Самобыт. У нас сегодня, между прочим, Праздник Света – мы будем перезаряжать главный аккумулятор, который питает всю подсветку в нашей системе. Вы же – ну, те, кто здесь раньше не был – заметили, что у нас тут светло, хотя мы очень далеко от вразумительных источников света? Это как раз подсветка.

– О, Праздник Света – это очень красивое действо, – улыбается Карл.

– Праздник! – восклицает Силмак. – Сцурикат, а ведь мы почти забыли это слово!

– И правда, – поддерживает Леод. – Со всеми этими погонями, сражениями и пленениями мы о многом позабыли.

– У нас, э-э-э, не так давно прошёл, гм, День Всепланетных Поэтических Чтений, – вспоминает Айзел.

– А у нас Прыг-Манифест был, – вздыхает Семиларен.

– Так в чём вопрос, друзья мои? – заявляет Стив. – Устроим культурный отрыв после местного праздника! Отдохнём, отдадим дань традициям и заодно поближе друг друга узнаем. Хотя многие из нас давно знакомы, уверен, что-то новое для себя мы в каждом откроем.

– Предлагаю каждому представить какой-то особенно дорогой ему, ей или ему кусочек культуры – какой-то ритуал, обычай, произведение искусства, – продолжает поддерживать затею Леод. – Что-то такое, что сидит в мозге настолько прочно, что это можно показать без особой подготовки.

– Получится такой вечер культурной импровизации, – то ли в шутку, то ли всерьёз называет мероприятие Млем.

– Идея хороший! – одобряет Фиб-Фиб. – Будет веселиться!

– Обширная программа намечается, – произносит Тецклай. – Но сейчас нужен сон.

Воодушевлённые друзья спускаются в подвал, где расположены небольшие уютные комнаты для гостей. Кто во сне, кто в полусне, кто в дремоте, кто в сцифа'ха, а кто и в бодрствующем состоянии проводит несколько дечасов, а затем все выходят из дома. Снаружи команду ожидает Ксандер вместе со стадом летюленей – зверей, которые напоминают морских слонов, только с более длинными хоботообразными носами и немного более изящным телосложением. На спине у каждого летюленя находится седло, а на нос надето коль-

цо с поводьями. Необычно в осёдланных зверях то, что они держатся в воздухе, словно воздушные шары.

– Друзья, Самобыт удобно изучать в полёте. А поскольку воздух у нас довольно разреженный, крылатым существам из других миров здесь летать будет сложновато. Поэтому наши замечательные летюлени охотно прокатят всех на себе, – объясняет Ксандер.

Летюлени, дружелюбно фыркая, протягивают к гостям хоботы, покрытые коротким мягким пушком. Как только мятежники, познакомившись с причудливыми зверями, удобно устраиваются в сёдлах, Ксандер горловыми щелчками отдаёт летюленям команду, и вся компания поднимается в воздух.

Коряжка – как раз тот мир, который подробно рассматривать лучше всего с воздуха. Дело в том, что укрывающий его скалистый древень образует своими наростами крутые «скалы» далеко не только в районе дома Ксандера. Некоторые из них увенчаны шапками из оранжевых цветов, вокруг которых вьются пыльцевозы – насекомые, похожие не то на пчёл, не то на шмелей. Кое-где скалистый древень всё-таки выдаёт свою истинную природу – место «скал» занимают вполне древесные ветви. На одной из таких ветвей мирно дремлет ухух – местный аналог совы, а на другой вовсю трудится, добывая корм, серый долбик – на земной взгляд, вполне себе дятел, даже с привычной для многих видов красной шапкой. В одном из выдолбленных этой птицей дупел заметен чей-то рыжий хвост. Подлетев поближе, команда обнаруживает,

что хвост принадлежит существу, похожему одновременно на человечка и на белку – дупляной хозяйшке.

– Ты когда-нибудь бывал на Земле, Ксандер? – спрашивает Витс. – Ну, на Солнце-3? Все эти пыльцевозы, ухухи и долбики так похожи на наших животных!

– Нет, на Солнце-3 я не был. Мой тесть был, – отвечает Ксандер.

– И как ему Земля, понравилась?

Выражение лица Ксандера меняется так, что Витс в смущении отводит глаза.

– Его путешествие на Солнце-3 прошло... не совсем гладко. Давай не будем об этом, – бубнит эвол. – Но я понял, почему ты задал этот вопрос. Есть такая штука – конвергенция, когда в сходных условиях неродственные друг другу организмы принимают похожие формы. Конвергенция работает даже в очень отдалённых мирах. Помни про статистику: во Вселенной – да или даже в одном только нашем Млечном Пути – великое множество обитаемых планет. Поэтому не стоит удивляться тому, что в разных мирах водятся похожие формы жизни. Законы эволюции универсальны.

– Надо же...

Затем команда подлетает к небольшим холмикам, которые покрыты моховидной листвой скалистого дерева. Листву деловито собирают в корзины человечки в бежевых балахонах и конусовидных соломенных шляпах. Это гуманиды – представители одного из нескольких местных разумных ви-

дов.

– Прекрасный чай они готовят из этих листьев, – комментирует Ксандер. – Вечером попробуете, мы вас угостим.

«Холмы» снова переходят в «скалы», хотя и не слишком крутые: по ним вполне может лазать даже не самое ловкое и цепкое существо. Впрочем, местные пищерицы – существа, похожие на ящериц – всё же чувствуют себя там явно увереннее. На «скалах» находятся небольшие хижинки – дома гуманидов. У хижин пасутся козули – рогатые звери с длинными шеями, тонкими ногами с крошечными копытами и неаккуратно торчащей во все стороны белой шерстью. А у подножия одной из «скал» располагается прозрачный водоём. На мелководье квакают лягушечки, в глубине плавают голубые рыбки-простаки. Одну из таких рыбок вдруг выхватывает из воды крупное грязно-жёлтое летающее существо, которое выглядит как помесь птицы и птерозавра.

– Каррр, – произносит существо, оправдывая своё название – каркуля.

– Следующий мир – собственно Самобыт, в честь которого и названа вся система, – говорит Ксандер, указывая новый путь.

Самобыт больше похож на очень маленькую планетку, чем на астероид. Рельеф у него куда ровнее, чем у Коряжки, но есть на нём и настоящие каменные скалы, и глубокие расщелины. Но больше всё-таки равнин, покрытых сочной мягкой травой. Над одной равниной возвышается башня

с куполом – небольшая обсерватория. Рядом с башней стоит маленькая конура, из которой навстречу гостям выбегает, смешно твякая и виляя хвостом, собачек – жёлтый пёсик, на земной взгляд слегка напоминающий таксу. Чуть поодаль от башни растут три дерева с жёлто-зелёными грушевидными плодами на ветвях. На противоположной от деревьев стороне находится нора ушастиков – пугливых зверюшек, похожих на белых плюшевых кроликов. Над норой вдруг кто-то пролетает, и ушастики быстро прячутся в норе. Но вскоре они покидают убежище: это оказался безобидный чёрный долбик. Постучав немного по стволу одного из деревьев, долбик решает полакомиться «грушами». Несмотря на то, что величиной он с упитанную земную ворону, он повисает на ветвях и тянется за плодами так, как это делают крошечные лазоревки. Это настолько любопытное зрелище, что на него отвлекается даже собачек.

– Здесь живёт наш главный астроном, – разъясняет Ксандер. – Его зовут Гном.

Гуманид в белом колпаке и белом же костюме уже вышел из башни и машет рукой пролетающей мимо компании. Ксандер притормаживает и подлетает поближе.

– Что там на горизонте, Гном? – спрашивает эвол у гуманида.

– Приближаемся к протопланетному диску, – отвечает Гном.

– Он далеко?

– Где-то два нейпмирад.¹⁷ Можно не обходить – он уже довольно разреженный. О, я смотрю, на нашем Празднике сегодня будет много гостей!

– Да, а потом они сами устроят ещё праздник. Как вы его там назвали, вечер культурной импровизации? – обращается Ксандер к команде.

– С лёгкой руки Млема так и назовём, – отвечает Венша-мея.

– Ух ты, это так здорово! – отзывается Гном и радостно хлопает в ладоши.

Экскурсия по Самобыту продолжается. От дома Гнома команда перелетает к кустистым холмам, поросшим не только зелёной растительностью, но и белыми грибами с длинными ножками. Эти грибы собирает старый леший – человекоподобное бородатое существо, которое будто бы покрыто древесной корой.

Или же покрыто ею в самом деле.

– Этот старик скоро укоренится, – комментирует Ксандер. – Видимо, в последний раз. В Лешем лесу я объясню поподробнее.

На другой стороне астероида возвышаются покрытые редким мхом и лишайниками скалы, по которым скачет золотая козуля – более изящная и ярко окрашенная родственница копытных с Коряжки. Среди скал находится и небольшой водоём. Когда над ним пролетают, оттуда высовывается боль-

---

¹⁷ Около 400 миллионов земных километров.

шая рыба – карп-мудрец. Когда-то давно существовало поверье, что эта рыба предсказывает будущее, если заглянуть ей в глаза. Мятажники решают поддержать забавную традицию и всматриваются в жёлто-зелёные рыбы глаза. Ничего особенного, впрочем, никто там не замечает.

– Поверье есть поверье, – смеётся Ксандер. – Кому-то когда-то что-то привиделось, и понеслась... но, спешу вас уверить, сейчас никто на Самобыте не относится ко всяким таким суевериям всерьёз. Никакими верованиями мы в принципе не страдаем. Мы бережём культурное наследие старых времён, но движемся вперёд. И сейчас, кстати, перейдём к следующему миру – Тарелке.

Этот мир похож на огромный трутовик, из которого торчат трубковидные лишайники. Ещё на этом «трутовике» растут высокие деревья, верхушки которых украшают перистые листья. Эти деревья – стволочки – не так просты, как кажется: в их стволах запрятаны гибкие и липкие побеги, которые могут захватывать пробегающих мимо мелких насекомых. Одно только насекомое не трогают стволочки: зелёную грызодявку. Грызодявке не страшны ловчие побеги – она не прилипает к ним и с удовольствием их грызёт.

Небольшая роща стволочков сменяется маковым лугом – сейчас, правда, уже отцветшим. Длинные стебли венчают коробочки, полные крохотных семян. По стеблям беззаботно прыгает маленькое существо, похожее на обезьянку – торопышка. Вблизи макового луга располагается сферическое

жилище умулитки – необычного разумного четырёхглазого слизня, у которого есть съёмная металлическая раковина. К жилищу подведён водопровод, на котором восседают два существа, родственных шлангоносу. Это носопыры. Отличаются они от своего собрата с Коряжки тем, что у них нет передних конечностей.

Команда возвращается к стволочей роще. На поляне расположен неприметный люк, рядом с которым сидит робот с большой прямоугольной головой, увенчанной изогнутой антенной. Похоже, что он находится в спящем режиме – цифровые глаза прикрыты шторками. Дотронувшись до антенны, Ксандер активирует робота. Тот нажимает кнопку у себя на груди, и люк открывается. Команда залетает внутрь и видит глубокую пропасть, на дне которой блестит озеро. В озере видны всполохи синеватого цвета: это привлекают мелкую живность рыбы-флудильщики. В стенах же пропасти кипит иная жизнь: из выдолбленных в камне окон высовываются гномозябры – зелёные человечки со стебельчатыми глазами и удлинёнными челюстями, по корням стволочцов бегают намокрицы, земного родственника которых можно найти в их облике и названии, а мощные корни стволочцов обвивают цепкими хвостами мышевисы – зверьки, похожие на опоссумов. В трещинах плетут паутину восьминогие пауки, а попадают в ловчие сети мухоподобные жужжалки.

– Одна жужжалка у нас – долгожительница, – с улыбкой рассказывает Ксандер. – Вон та, тёмненькая. Уже двести су-

ток живёт, хотя должна была после первых трёх десятков свернуться. И в паутину не попадает.

– Паутина, кстати, куда изящнее паукрабьей, – высказывается Веншамея.

– Как бы эти гадины павукам завидовать не начали, – то ли в шутку, то ли всерьёз тревожится Джекс. – Хоть мы и разобрались тут с Бастером, как сломать систему слежения у ходострелов, чёрт его знает, на что они ещё способны. Будем ковыряться дальше, но не знаю, насколько глубоко сможем проникнуть.

– С твоим энтузиазмом разберём до последнего винтика, – успокаивает собрата-киберпанка Бастер.

– Посмотрим, – неопределённо реагирует Ксандер. – Что ж, а теперь настало время совсем необычного мира. К Хоботному Наростуну!

Издалека этот «астероид» лишь отчасти напоминает какое-то существо с горбом на спине и длинным мохнатым хвостом. Он густо зарос высокими деревьями с неопрятными и перепутанными ветвями, а «горб» вообще выглядит, как горная гряда. Но вблизи всё по-другому. Среди деревьев начинают вырисовываться тонкие волосы, которые становятся гуще и длиннее на хвосте. Внизу «астероида» обнаруживаются четыре короткие лапки, которые время от времени делают ленивые гребки в тонкой воздушной оболочке. Наконец, на переднем конце показывается хобот. А когда Ксандер со своими ведомыми приближается к нему на расстояние

вытянутой руки, по бокам от хобота вспыхивают два жёлтых глаза.

– Вот это чудовище! – поражается Витс. – Чем же он питается?

– Тем, что выделяют обитающие на нём существа, а затем – их останками, – отвечает Ксандер. – Наростун, в свою очередь, помогает удобрять почву выделениями своих спинных желёз.

– А сколько он живёт? – интересуется Семиларен. – Или он бессмертный?

– Живёт где-то два-три лигроротацена. Когда он умрёт, его заменит новый наростун. Расскажу, когда мы встретим его детёныша.

Ласково погладив наростуна по хоботу, Ксандер ведёт гостей к серой равнине, затерявшейся среди лесов и холмов на спине громадного существа. Там произрастают молодые деревца. Некоторые из них даже цветут скромным розоватым цветом. Над цветками порхают маленькие белые шмотыльки, а по земле ползают необычно крупные насекомые, которые напоминают жуков со сросшимися надкрыльями. Это жуползни-нелетуны. У них длиннющие антенны и носы. Вдруг жуползней что-то настораживает, они поднимают антенны и убегают в ближайшую рощицу.

Рощица эта состоит не из деревьев, а из гигантских травянистых растений, отдалённо похожих на хвоци. Собственно, исполин-хвоцами их и называют. На стеблях исполин-хво-

щей есть и ветки, которые способны выдержать даже увесистое гнездо местной птицы белобоки, похожей земную сороку.

Под корнями исполин-хвощей вырыл нору какой-то зверь. Какой именно, становится понятно очень скоро. Только почуяв гостей, из норы выбирается ошетилившийся барбёс – на вид помесь собаки и барсука, на самом деле – дикий предок собачека. Рыча и щёлкая зубами, он показывает, что не очень-то рад незваным гостям. Но, поняв, что никто не собирается занимать его бесценную нору, зверь успокаивается и уходит обратно.

А вот кто гостям только рад, так это бессчётные светлячки. Любопытные насекомые выются вокруг каждого гостя. Затем насекомые слетаются в единую стаю и устремляются вглубь рощи. Мятажники следуют за ними, а потом покидают рощу, и прилетают на холмистый луг, окружённый скалами. На одной из скал стоит маяк. Рядом с маяком в воздухе висит то ли ещё один крошечный астероид, то ли корабль, привязанный к колышку. Недалеко от колышка стоит и какой-то бак со шлангом, с которым возится бородатый гуманид.

– Извозчик, – комментирует Ксандер. – Его кораблик, между прочим, работает на необычном топливе. Источники этого топлива – под вашими сёдлами. И вон там ещё.

Тут же с близлежащих скал слетают неосёдланные летюлены и принимаются радостно тыкаться хоботами во всех под-

ряд. Пробиваясь сквозь плотные ряды общительных зверей, команда приближается к скалам и видит летюленью кормушку, до краёв наполненную коричневым комбикормом. Над кормушкой протянута труба, которая ведёт к шаровидному резервуару. И тут-то становится ясно, что за топливо и каким образом дают летюлени. Поедая корм, они время от времени выпускают пузырьки газа. Этот газ, точнее – смесь газов, который позволяет летюлям летать, образуется в их кишечнике. Пузырьки затем попадают в трубу и оттуда – в резервуар.

– Вот уж не подумал бы, что и... отсюда можно пользу извлечь, – восхищается Герн, и делает это даже не настолько сдержанно, как обычно.

Осёдланные летюлени начинают взволнованно сопеть и гудеть, протягивая хоботы в сторону кормушки.

– Пусть тоже немного покормятся, – улыбается Ксандер. – Только держитесь крепче – принцип вы поняли...

Покормив летюленей, команда направляется к следующему миру – совсем крохотному, чуть больше корабля извозчика: Шерстяной Комете. Жизнь – во всяком случае, макроскопическая – на ней скудна: это странные жёлтые грибы, похожие на шерсть, и маленькие насекомые – стригуны, которые методично подъедают эту «шерсть».

Такой же «шерстью» и другими жёлтыми грибами самой разной формы – от привычных земному глазу ножек со шляпками до причудливых труб и воронок – покрыт дру-

гой мир: Гриборост. На одной из грибных труб лежит громадное животное, похожее на черепаху, панцирь которой покрыт странными надутыми пузырями. Короткие лапки, торчащие из-под панциря, жёлтые глаза и деревянистый гребень над пузырями выдают в существе... детёныша наростуна.

– Как некоторые из вас, должно быть, заметили, детёныш хоботного наростуна – телепат, – рассказывает Ксандер. – Но настроен он только на мозг взрослого наростуна. Когда тот начинает стареть, детёныш меняется: у него срастаются челюсти и образуется хобот, а газ из пузырей уходит в специальный взлётный мешок под панцирем. Состав газа меняется, он становится легче, и молодой наростун взлетает. Он насаживает тело старого наростуна вместе с его миром себе на спину и постепенно поглощает. Потом наростун возвращается сюда и откладывает единственное яйцо, после чего уже навсегда остаётся парить в пространстве. Из яйца вылупляется детёныш, который питается грибами здесь и наращивает массу.

– Ни черта себе! А мы ещё удивлялись жизненному циклу чудовищ-кораблеедов, – смеётся Сэн.

– Это я вам ещё про леших не рассказал, – с улыбкой отзывается Ксандер. – Ну, раз уж мы здесь, покажу я вам местные джунгли.

В самом деле, в нижней части астероида трубчатые грибы образуют настоящие буйные заросли. Сходство с джунглями усиливают колючие лианы. На концах лиан сидят шаромыш-

ки – упитанные летучие мыши с оливковым мехом и чёрными мордочками. В более разреженные грибные заросли, лишённые лиан, гармонично встроена система водонагревателей и труб, которая позволяет местным приматам – белым бизянам – наслаждаться горячими ваннами в чашевидных шляпках грибов.

– Выглядят они ленивыми, но как примутся скакать по лианам – даже шаромышкам за ними не угнаться, – смеётся Ксандер. – Переместимся снова наверх.

Мятежникам открывается вид на грибной лес, который состоит из плодовых тел гигантских шляпочных грибов. А некоторые из этих плодовых тел оказываются обитаемыми – в них прорублены окна и двери. В одну такую дверь входит забавное существо в фартуке: очертаниями оно напоминает гуманида, но лицо совсем другое. У существа нет носа и ушных раковин – только два чёрных глаза и круглый рот.

– Это молодой леший, – объясняет Ксандер. – Интригую я вас, но погодите энциклопедить! Вы всё увидите сами.

Поблизости от дома лешего сидит гигантское жёлто-коричневое насекомое, похожее на жуползня-нелетуна, только с четырьмя антеннами и раздельными надкрыльями. Также его отличает густая грива за головой.

– Это тоже жуползень: жуползень-светоч. От других насекомых отличается, во-первых, тем, что дышит лёгкими, а не трахеями, а во-вторых, он светится в темноте, – рассказывает Ксандер. – Стаю жуползней-светочей вы обязательно уви-

дите на Празднике.

Далее грибной лес внезапно обрывается. Сам астероид на этом месте заканчивается, но один трубкообразный гриб, который растёт в самом низу, вытягивается ещё на десятки коптермирад вперёд. Для нелетающих существ туда проведена канатная дорога, но сейчас все могут добраться до широкой шляпки гриба и без её помощи. Пролетая рядом с канатной дорогой, команда замечает длиннотелую птицу с приподнятым хвостом, слегка похожим на петушиный, и доловидным клювом. Это долбик-лазачка. По ножкам растущих неподалёку грибов эта птица ползает так же сноровисто, как земной поползень.

В шляпке гриба обнаруживается неглубокий водоём, рядом с которым растут похожие на рогоз травы и клеюшники – необычные полупрозрачные грибы с тонкими волосками. Название клеюшники получили из-за того, что их споры заключены в капли липкой жидкости. Этот «клей» капает на любого, кто пройдёт, пролетит или проползёт мимо гриба и заденет при этом чувствительные волоски. Так гриб расселяется. Обычно споры разносит долбик-лазачка, но иногда до того, чтобы доползти до гриба, снисходят и ленивые саламандры-запевуны, которые ведут в водоёме неторопливую жизнь, питаясь редкими долетающими сюда насекомыми. Запевунами саламандр называют неспроста: между собой они общаются приятными мелодичными песнями.

Послушав запевунов, мятежники отправляются к следу-

ющему миру – Древню, по форме похожему на дерево, вырванное с корнем. Настоящее серое дерево действительно покрывает вытянутый каменный астероид. Из трещин и отверстий в коре вытягиваются аккуратные пучки травы, а местами – и крупные красивые цветы. Гуще всего растительность на «корнях». Есть там и рощица, которая на самом деле состоит из ветвей дерева. На опушке леса стоит палатка, в которой сидит леший, чем-то похожий на самобытского. Отличается он тем, что он не выглядит покрытым древесной корой.

– Вот и Леший лес, – объявляет Ксандер. – Всё это – одно лешее дерево. Сейчас осмотрим его ветви.

Кого там только нет! Трескучие насекомые цикцикады, птицы-повторюны, похожие на разноцветных попугаев, муравьедоподобный висячий цветопюн, пёсик-веткогрыз, красноголовый долбик, певчая серая пташка. И ещё из густой листвы выглядывает, хихикая, какое-то забавное существо, лицо которого похоже на физиономию лешего с Грибороста, разве что с веерообразными ушами по бокам головы. И цвет у этого существа зелёный, прямо в тон листвы.

– А, вот он! – торжествует Ксандер. – Друзья, перед вами – росток лешего. Лешие – это представители немногочисленного царства ростосинтов, существ, у которых в жизненном цикле чередуются стадии растения и животного. Так вот, этот росток – действительно часть лешего дерева. Сейчас я немного раздвину ветви... не бойся, дружок, никто те-

бя не обидит... вот, смотрите.

Росток лешего и впрямь оказывается частью одной из ветвей.

– В основном росток питается с помощью фотосинтеза. Но его ещё могут подкармливать повторюны. О, один рядом уселся... сейчас росток его позовёт.

Стоит Ксандеру и его гостям немного удалиться, как росток подаёт голос, неожиданно громкий для столь небольшого существа:

– ААА-ХОООЙ!

Сине-зелёный повторюн поблизости тут же подлетает к ростку и отдаёт ему часть пищи, которую накопил в объёмистом зобу.

– Птенцы повторюнов издают точно такой же крик, – объясняет Ксандер. – К тому же, у повторюнов птенца могут выкармливать не только родители, но и другие члены стаи. Таким образом, росток лешего развивается, со временем отрачивает ноги, отделяется от дерева и теряет способность к фотосинтезу. Далее леший ведёт разумную жизнь, подобно гуманиду. Потом он стареет и начинает деревенеть. Найдя подходящее место, подальше от его родной ветви, он укореняется и становится настоящим деревом, сливаясь с остальными. Затем дерево даёт несколько ростков, а потом вновь обретает ноги и теряет способность к фотосинтезу, и цикл повторяется. Чем больше проходит таких циклов, тем меньше времени леший проводит в недревесном состоянии, на-

чинает давать только по одному ростку, а к старости деревенеет всё сильнее. После десяти-двенадцати таких циклов лешее дерево, укоренившись в последний раз, умирает и становится прибежищем для термитов-беляков. Сейчас мы навестим их колонию.

Никто не остаётся равнодушным. Даже те, кто был на Самобыте раньше и сто раз видел леших на всех стадиях развития, всё равно не могут сдержать вздох восхищения.

Ксандер и ведёт гостей к другому концу астероида, дерево на котором испещрено ходами термитов-беляков. Здесь всем приходится отказаться от полёта, чтобы увидеть жизнь их колонии. Эти забавные насекомцы,¹⁸ покрытые белым пушком, живут в симбиозе с танцующими грибами. Танцуют, правда, не сами грибы, а похожие на щупальца спорангиеносцы, которые высовываются из отверстий в подушкообразных плодовых телах. Так они поступают, когда в спорангиях, шаровидных утолщениях на конце «щупалец», созревают споры. «Танцем» грибы привлекают внимание термитов, которые снимают многочисленные шарики-спорангии. Часть из них термиты-беляки используют в пищу, а часть рассаживают в своих древесных лабиринтах. Насекомцы кормят растущие грибы пережёванной мёртвой древесиной. Мицелий же грибов потихоньку производит новые плодовые тела. Кстати, мицелий танцующего гриба облада-

---

¹⁸ Насекомцы – не насекомые. У насекомых на разных стадиях жизненного цикла может быть четыре или восемь ног, а у насекомых ног всегда только шесть.

ет некоторыми свойствами нервной ткани животных. Поэтому термиты-беляки используют его как своеобразные провода для управления простейшими механизмами – которые, что интересно, изобрели сами термиты. Сложная структура общества позволила термитам обрести необыкновенный для насекомых разум. С помощью мицелия в лабиринте поднимаются и опускаются перегородки, подъёмники перемещают спорангии в кладовые, и даже работают небольшие осветительные приборы.

– Симбиоз – основа жизни, – заключает Ксандер, с удовольствием ловя на лицах своих гостей умиленное изумление при виде всей этой сложной системы. – Но летим дальше. Там уже и аккумулятор скоро надо будет заряжать.

Следующий мир, астероид Жаропых, на обитаемый вовсе не похож. Не слишком ровная форма и высокая температура выдают в этом астероиде недавно отделившийся осмётток какой-то молодой планеты. Жаропых весь усеян маленькими вулканами. Подозрения вызывают разве что тотемные столбы на холмах. Но на самом деле Жаропых полон жизни. Между вулканами снуют крабовидные подблюдечники с плоскими панцирями. В панцири подблюдечники способны втягивать стебельчатые глаза, ножки и ногочелюсти. Ещё один вид «крабов» – краб-пирамидка – напоминает рака-отшельника, который отыскал себе высокую коническую раковину. Собственно, на поверхности больше никто не живёт. Главное пристанище жизни – горячие недра астероида. Ко-

манде снова приходится отказаться от полёта и спуститься под землю. Сначала все попадают в пещеру, которая кажется совершенно пустой. Но в её стенах прогрызены несчётные норки, между которыми резво ползают довольно упитанные многоножки.

– В норках живут теплолюбивые бактерии, – рассказывает Ксандер. – Там их такое количество, что на одних этих бактериях и держится весь подземный мир. Они же, к слову сказать, поддерживают и жизнь на поверхности – это их колонии выискивают подблюдечники и крабы-пирамидки.

Следующая пещера, в которую сквозь довольно узкий проход умудряются втиснуться даже самые крупные существа, куда просторнее и похожа на целый подземный город, который возвышается над рекой раскалённой лавы. В стенах выдолблены окна и двери жилищ, в которых обитают местные разумные существа – которые, кстати, и возвели тотемы наверху – чумазики. Они похожи на потешных чёрных чёртиков, разве что без хвостов и рогов. На одном из мостов через лавовую реку четыре чумазика, нисколько не опасаясь огненного жара, зачёрпывают лаву ковшами и кладут её в котёл, где что-то варится. Время от времени из жилищ к ним опускают ведра на верёвках. Туда чумазики кладут варёное месиво. Иногда к ведрам подлетают местные летучие мыши – изящные чёрные люциферки. Чумазикам приходится отгонять люциферок горячими ковшами и ложками. Но люциферки воспринимают это скорее как интересную игру в до-

гонялки и пугаются лишь притворно.

– Местные жители совершенно не боятся огня, – тихим голосом комментирует Ксандер.

– А ты? – прорезается Эффелина. – Проглотоны очень боятся пламени!

– Опять за своё, – шипит Тецклай.

– Огня я и правда опасуюсь, – признаётся Ксандер. – Есть такое, не могу скрыть. Но это не означает, что я...

Эффелина собирается выдать новую тираду в адрес «кошмарного хищника», но охотники на чудовищ быстро реагируют и привычным движением захватывают челюсти элэгантины.

– Спасибо, друзья, – выдыхает Ксандер, и вся команда поднимается на поверхность к уже заждавшимся летюлям.

Другой мир, на который прилетает команда, отличается от всех остальных внушительными размерами. Это густо покрытый всевозможной зеленью холмистый астероид, в центре которого находится высокая гора с башней на вершине. Рядом с горой – озеро, окружённое мангровыми зарослями. Называют этот живописный мир Холмолесьем. Населяют его разнообразные мелкие насекомые, птицы, среди которых уже знакомые ухухи и долбики, барабу, похожие на земных марабу не только названием, но и внешностью, а также щebetушки – весёлые голубые ласточки. В траве прыгают маленькие мышевидные зверюшки – свистуньи, а по стволам деревьев ползают туда-сюда бронемыши – этакая помесь

мышы и броненосца.

– Есть тут зверёк и покрупнее, – улыбается Ксандер, подводя гостей к пещере в основании горы.

Эвол издаёт несколько горловых щелчков, и из пещеры медленно, шумно пыхтя, показывается исполинский мордочёс – по общему телосложению вылитый муравьед, но небольшие уши зверя напоминают по форме собачьи, а густой белый мех – медвежий. Поведением же мордочёс напоминает шлангоноса: он такой же любопытный и общительный. Очень скоро вся команда оказывается затыканной звериным носом и облизанной с ног до головы.

– Ничего, слизевики нас почистят, – уверяет всех Ксандер.

В ближайшем лесу гостей действительно встречают слизевики, странные разноцветные комки протоплазмы, которых трудно заподозрить в наличии разума. Однако слизевики Холмоlesья слишком вежливы и обходительны для неразумных форм жизни: прежде чем приняться за чистку гостей, они знакомятся с каждым, аккуратно ощупывая его, а затем «представляются» сами, меняя форму своих плазмодиев и побуждая гостей потрогать их.

– Вся их культура построена на осязании и хеморецепции, – объясняет изумлённой команде хозяин Самобыта. – Поскольку они не могут ни видеть, ни слышать, они общаются химически и тактильно.

– Да тут на каждом шагу разумные существа! – восклица-

ет Витс. – Почему их здесь так много? Странная мысль меня посетила... может, всё дело в том, что эти миры маленькие?

– Размер мира действительно влияет на развитие разума, – поясняет Ксандер. – Ограниченность ресурсов вынуждает обитателей таких крохотных миров тщательно просчитывать каждый шаг и каждое действие. Поэтому даже неразумные существа здесь в среднем умнее, чем их «родственники» с больших планет. Но самый главный фактор – это сложность социальных взаимодействий. Вот для этого особенно много места и не нужно. Конечно, на самом деле всё сложнее. В истории наблюдений за Самобытом у меня описаны все связи. Если интересно, могу дать почитать.

– Пожалуй, для этого мне ещё нужно подтянуть уровень естественнонаучного образования.

– Подтянешь, куда не денешься, – усмехается Стив.

Пообщавшись со слизевиками, все покидают землю Холмолесья. Совсем немного отдалившись от зелёного астероида, команда видит ещё два значительно меньших по размеру камня, которые вращаются вокруг него. Один из них имеет форму серпа, а другой – это тот самый Лазуритовый Валун, который Ксандер и Найя пока не сумели заселить устойчивой жизнью.

– На Серпе живут только несколько видов белой плесени, – комментирует эвол. – А Лазуритовый Валун мы попробуем оживить в ближайшее время. Итак, мы облетели всю систему. Как вам?

Восторг и благодарность мятежников столь велики, что даже не всегда влезают в оформленные слова и предложения. Настроение у всех поднимается до таких высот, до которых не поднималось уже давно из-за череды неудач в борьбе с Двумперией.

– Я очень рад, что вам понравилось, – откликается Ксандер. – Что ж, пора лететь на Самобыт. Всё уже готово к зарядке аккумулятора! Вас ждёт чудесный праздник, обещаю.

Глава 13. Самобытное самобытское торжество

Жизнь без праздников – это длинный путь без заезжего двора.

Демокрит Абдерский

Любое человеческое творение, будь то литература, музыка или живопись, – это всегда автопортрет.

Сэмюэль Батлер

– Располагайтесь на лужайке. Передаю вас в заботливые руки Гнома, пока мы все готовимся, – обращается к команде Ксандер, когда летюлени доставляют всех к обсерватории гуманида.

Мятежники спешиваются с воздушных зверей. Вокруг обсерватории уже собралось множество самых разных обитателей системы – как разумных, так и диких существ. Ксандер же устремляется к Коряжке.

– Вы как раз вовремя! – радуется Гном, выходя из башни с целой охапкой ожерелий, сделанных из грибов-капель – формы жизни, почти незаметной среди местной травы. –

Надевайте, друзья. Я рассчитал на всех.

В самом деле, для каждого местного жителя и гостя находится самое подходящее ожерелье. Выглядит оно чрезвычайно просто: всего лишь бусы из нескольких рядов светло-жёлтых шариков. Такие же ожерелья гном развешивает на трёх деревьях.

– Простенько, но симпатично, – комментирует Тикки.

– Гм, истинная красота этих ожерелий раскроется, э-э-э, в темноте, – поясняет Айзел.

И темнота эта неожиданно наступает. Во всей системе отключается свет, и тогда грибы-капли поистине проявляют себя во всей красе. Они начинают излучать мягкий голубоватый свет. Светятся не только ожерелья, но и те грибы-капли, которые растут на лужайке, а также нити слизевиков с Холмолесья. А за пределами лужайки царит кромешный космический мрак. Откуда-то из этого мрака доносится чарующая музыка, а за ней следует голос старого лешего:

– Давным-давно силы гравитации сотворили из звёздной пыли одиннадцать камней. Долго они были безжизненными сгустками холодного вещества, что сиротливо скитались в необъятной пустоте Космоса. Но однажды прибыли два великодушных мудреца с планеты Муту'Имир. Волшебством науки они создали атмосферу, поселили в тёплых озёрах молекулы-предвестники жизни и превратили пустынные скалы в цветущую систему, которую и нарекли Самобытом. И до сих пор эти мудрецы заботятся о наших мирах, что эволю-

ционируют под их неусыпными взорами. Они управляют нашим вечным полётом сквозь Млечный Путь, защищают от всех напастей и даруют нам... свет.

Леший замолкает. Тут над лужайкой словно бы из ниоткуда возникает стая жуползней-светочей. У громадных насекомых светятся глаза, антенны, брюшки и надкрылья, которые изукрашены голубыми и розовыми узорами. Кружась, выделявая петли, спирали и другие кренделя, жуползни как будто рисуют своим свечением причудливые узоры в воздухе. Но два жуползня летят иначе – размеренно и спокойно, не кувыркаясь. Они несут на своих спинах Ксандера и Найю. Эволы облачены в церемониальные одежды. Ксандер одет в узорчатый светящийся свитер и тёмно-синий с внешней и чисто-белый с внутренней стороны плащ. На голове у эвола – меховая шапка, утыканная веточками разных деревьев, на руках и ногах – ярко-зелёные браслеты. Найя же одета в красную мантию с голубыми светящимися узорами, украшенную белой цветочной лентой, а на голове у неё – ярко-жёлтая шляпа.

Жуползни с эволами на спинах приземляются посередине лужайки на небольшом расстоянии друг от друга. Между ними прямо в земле открывается круглый люк, и оттуда выдвигается небольшое сферическое устройство – тот самый главный аккумулятор, который питает подсветку во всей системе Самобыт. Ксандер и Найя спешиваются и подходят к аккумулятору. Вокруг стихает музыка и гаснет весь свет. Пере-

стают светиться даже жуползни и грибы-капли. Вдруг в руках у эволов появляются одиннадцать небольших светящихся разноцветных цилиндров.

– Одиннадцать миров весь год копили энергию в этих ячейках, дабы развеять космический мрак, – комментирует Ксандер. – Да будет свет!

– Свет – это жизнь! – добавляет Найя.

В крошечной тьме кажется, что светящиеся цилиндры – энергоячейки, которые в течение привычного эволам муту'и-мирского года вбирают в себя энергию химических связей из органических веществ в мирах Самобыта – просто исчезают в воздухе посередине лужайки. Но на самом деле эволы ловкими отработанными движениями вынимают из аккумулятора старые энергоячейки и вставляют новые.

Когда внутри аккумулятора оказывается последняя энергоячейка, вновь зажигается подсветка во всей системе Самобыт. Причём происходит это очень красиво и плавно: свет неспешно расплзается сначала по лужайке, потом по всему остальному астероиду, а затем поочерёдно вспыхивает на каждом из оставшихся десяти миров. Вновь раздаётся музыка, а жуползни синхронно взлетают и, сбившись в плотную стаю, делают несколько кругов в воздухе прямо над головами эволов, самобытских аборигенов и гостей системы, после чего разлетаются по всем мирам Самобыта.

– Ксандер, Найя, это был чудесный праздник, – благодарит хозяев Самобыта Леод.

– Вам спасибо – с вами любой праздник светлее... даже если это и так – Праздник Света, – скромно улыбается Ксандер. – Насколько я понял, теперь у нас будет ещё один праздник?

– Гм, да, – отвечает Айзел. – Как его, э-э-э, остроумно назвало Млем – хм, Вечер Культурной Импровизации.

– Честно говоря, думало я над этим названием недолго, – смеётся центор.

– Если нужны какие-то вещи, материалы – пожалуйста, копипринтер и биореактор всегда готовы, – сообщает Найя. – Где начнём?

Команда решает, что лучше всего подойдёт та же самая лужайка на Самобыте. Взяв из дома на Коряжке эвольский биореактор, копипринтер и необходимые для них материалы, все возвращаются на зелёную самобытскую лужайку – теперь уже по-вечернему освещённую – и рассаживаются на траве.

– Не хочу, э-э-э, показаться существом, которому, гм, не хватает внимания, – скромно начинает Айзел, – но я бы хотел, эм, чтобы мы начали с, э-э-э, поэтических чтений.

– Никто не против, жги глаголом! – выражает общий настрой Карл.

– Что ж, – произносит Айзел, поднявшись и потянув рукрылья. – Думаю, гм, стихи из знаменитого произведения нашего поэта – эм, Литера Стилия – будут вам, хм, весьма интересны и заставят, гм, задуматься.

– Дай угадаю: «Млечный Путь Разумный»?¹⁹ – с хитрой улыбкой уточняет Стив.

– Гм, именно. Для тех, кто не знает, хм, поясню: это, э-э-э, собрание стихотворений, в которых кратко описаны, гм, многие разумные виды Галактики. Там сказано, э-э-э, и об их строении, гм, и об эволюции, и о культуре. Это такая, эм, если хотите, охудожествленная энциклопедия, гм, в стихах. Литер вдохновлялся, э-э-э, бельтальянскими канцонами, и писал, гм, именно в этом стиле. Кстати, хм, стремление описать, э-э-э, как можно больше разумных видов, гм, помогло Литеру, хм, избрать бессмертие. Он, так сказать, опомнился, э-э-э, уже на самом, хм, смертном одре – гм, как и я сам. Для начала, эм, прочту стих об Эволе – о виде наших, гм, гостеприимных хозяев.

Ксандер и Найя смущённо краснеют, что заметно даже под перовидками.

Айзел же прочищает горло и декламирует «Стих об Эволе»:

Известный именем куда длиннее,
Снаружи прост наш брат пернатый;
Но форму сможет он сменить скорее,
Будь страхом или гневом он объятый;
Он, хоть и брат двоюродный кошмару,

---

¹⁹ Стилий, Л. (фоксиллинда-живоглот сабкостисский). Млечный Путь Разумный / Поэтическое Изд. Млечного Пути, Сабкостисский филиал: – 135 999 996-ый лрц. – 354 с.

И так, как он, умеет поглощать,
Не изопьёт живого он нектара,
И без нужды не станет убивать.
Его же самого не разрубить горметом,
Ни молнией, ни кислотою не смутить.
Лишь жгучий первоисточник света,
Лишь пламя эвола заставит отступить.
Телами многими дополнен,
Их личности способен перенять,
Он величайшего спокойствия исполнен,
Умея разное в едином сочетать.
Взращён в холодном и жестоком мире,
Не ищет утешенья он извне.
Науки горизонты простирая шире,
Доволен миром он становится вполне.
Но сиднем не сидит он на земле родной –
К мирам иным его душа стремится.
И им не покоряется порой,
Заставив их во благо измениться.
Как к миру, строг он и к партнёру:
Тому, кто ненадёжен, верность не отдаст.
Не близок он любовному манёвру,
Ни мыслью, ни нутром, ни глазом не предаст.
– И возразить-то нечего, – застенчиво улыбается Ксандер.
– Как точно, – поддерживает Найя. – И о естестве нашем,
и о верности...

– Тут ведь и о преобразовании Самобыта сказано, я правильно понял? – интересуется Леод.

– Да, и не только Самобыта, – отвечает Ксандер. – Мы, подобно хокенд’ивенам, оживили множество других миров. О нас просто меньше знают.

– И совершенно незаслуженно, – без тени высокомерия реагирует Стив.

– Собственно, следующий стих, гм, о хокенд’ивене, – объявляет Айзел и продолжает художественное чтение:

О хокенд’ивен! Деянием он благородным
Обрёл иное имя и среди звёзд почёт;
Даруя жизни свет мирам бесплодным,
Он многих мыслей в них творит полёт.
Его же думы, изумительно сложны,
С другими смешаны, но чище не сыскать –
Все четырьмя мозгами рождены,
Что пять сердец не устают питать.
Сложеньем тонок, сколь не наполнял бы чрева;
Не грубой силой мышц спасался
Далёкий предок от чудовищного зева,
Что каждым терраформом проклинался.
Сдружившись с той породой
Бактерий, кой гравитация подвластна,
Стал господином силы новой,
Что к славной мысли подошла прекрасно.
Какой бы мир он ни избрал для жизни,

Чьей книги бы и песни он ни читал,
Не будет хокенд'ивеном он признан,
Пока древнейшей речи строй не изучил.

Не раз прародина их, гордых,
Из зависти была осквернена.

Но знаний их науки животворных
Ничья слепая ярость не взяла.

Из глубины времён отсчёт ведёт
Цивилизация, для прочих образец,
Та, что сложила Кодекс; принесёт
Где только нужно, он хаосу конец.

Адресат стиха прямо-таки светится от гордости на грани
гордыни. И заметно это не только для телепатов.

– Простите моё честолюбие, – наконец подаёт он голос. –
Но оно относится и ко всем остальным хокенд'ивенам... ко
всем, которые когда-либо жили, и, надеюсь, будут когда-то
жить.

– Это не честолюбие, – произносит Тецклай. – Больше,
чем твой вид, для Млечного Пути не сделал никто.

– Сделает. Сделаете все вы. Но, соглашусь, вместе со
мною! Никуда вы от хокенд'ивенов не денетесь.

– Даже не знаю, – отвечает Айзел. – Эм... даже не знаю,
кого, хм, чувствовать следующим стихом. Не могу же я, э-э-
э, одновременно читать, гм, про всех.

– А я предлагаю тех, кто меня освободил, раз зашёл раз-
говор, – указывая на Райтлета и Сэн, рекомендует Стив.

– Про Райтлета первым, он интереснее, – высказывает своё пожелание Сэн.

– Хорошо, – добродушно отзывается Айзел. – Итак, гм, сартонари...

Трепещет всякий монстр на такой планете,
Кой сартонари хоть едва коснётся;
И даже если он не при гормете,
И с мастерством, и с силой чудище столкнётся:
За парой глаз, что цвет менять готовы,
Как только пожелает господин,
Там мозг такой, что каждый коготь
В то время выпустит, лишь чуть необходим.
Не только коготь, но и клык, дыханье,
Что жертва никогда не различит,
И сердце крепкое, что горячо, как пламя –
Всё лучшего охотника творит.
Но как бы ни был он силён,
На слабого руки он не поднимет,
Подарит мир тому, кто побеждён.
И за оскорбление он примет
Бой с безоружным: шанс на спасенье
У каждой жертвы непременно должен быть –
Такое твёрдое благое убежденье.
Лишь стоит крылья полностью раскрыть,
Как злое то начало верх берёт,
Что в древности любой полёт питало.

Но ясно, что умом сей вид найдёт
Для той энергии путей добра немало.

По всей Галактике кочуя,

В различном деле помощь он окажет –

Зовутся руки те умелыми не все;

И бескорыстие своё он тем докажет.

– Всё углядел, – улыбается Райтлет. – Всё как есть. Хотя про крылья, конечно, теперь лично для меня неактуально... но остальное – суцная правда. Всякий сартонари, чем бы ни занимался – охотник. Это у нас в крови.

– А как красиво звучит! – восторгается Сэн. – Как романтично! Надо бы выучить. В самом деле, точно про тебя, Райтлет.

– Теперь – о тц-рики, – объявляет Айзел.

– Он и в эту жопу мира забрался, этот Литер Стилий? Безумец. Лучше уж просто на помойку сходить – и то интереснее.

– И всё же, гм, он видит в вашем мире, э-э-э, надежду на лучшее. Посуди сама.

В том мире, что известен мало,

Зная лишь одно на всех светило,

Живут тц-рики; когда-то занимало

Их большее, чем в этот миг им мило.

От мудрости былой осталось так немного,

Что кажется – то обречённый вид,

Раз выбрал изоляции дорогу.

Ведь их природе замкнутость претит,
Как иерархия, кой более жестокой
И у зверей найти – великий труд.
Ведь предок-зверопод того порока
Не породил; в других условиях цветут
Весёлый нрав и острый ум, стремленье
Поддерживать других; и более всего
Тц-рики преуспели в ран леченьи –
Ладоней их касание целебно,
Поскольку жил их предок средь шипов,
И слизь лечебная была потребна.

Отсюда и привычка их хвостов

Знак подавать, когда гонимы

Тем хищником, что в тот кустарник залезает.

Дорогу безошибочно находят

Там, где иной и шагу не ступает.

Но многие века не всходит

То знание, что общество спасёт от муки.

Как поняли, что миру боги не нужны,

С тем не согласные изгнали все науки.

Но есть ростки ума, сейчас как никогда ценны...

– И проехался, и восхвалил, – высказывается Сэн.

– И прямо про тебя написал! – восклицает Райтлет. – Со-

гласись – кто ты, если не «росток ума»?

– Знаешь, я не уверена, что смогла бы вырваться из систе-
мы, если бы не встретила тебя, корфилль. Может быть, меня

бы всё-таки сломали.

– Не думаю. Иначе я не стал бы предлагать тебе учиться на охотника. Хватит скромничать, корфилль.

– Не только эта умилительная парочка вытащила меня из раствора, – напоминает тем временем Стив.

– Технически, я не участвовал, – отвечает Тецклай. – Я просто открыл дверь и стоял на шухере.

– Что, конечно же, совершенно неважно.

– О, опять этот твой сарказм, Стив! – смеётся Айзел. – Хм, «Стих о Хриввалэйтне». Образец, кстати, раннего творчества Литера Стилия.

Трёхглазый тёмный уроженец хлада,

Дракон и с тёплой, и с холодной кровью,

Дал знать, что разуму не надо

Лишь в обществе своём расти; любовью

Он к родичам исполнен тридцать дней,

Лишь только размноженья вожделя.

В иное время сходных с ним гостей

Убьёт, зубного яда не жалея.

Яд в когте есть, что палец украшает.

Но он не всем опасен: пигменту красному он страшен

И редким более; но только ум он помрачает

Тем, чей жизни сок в морской глубины цвет окрашен.

Злой к брату, мать свою не чтящий,

Как, спросите, тот хриввалэйтн смог

Язык и разум настоящий

Обресь? Ответ таков: давным-давно помог
Великий холод, что царит поныне
На родине, когда-то светом щедро одарённой.
Исторгли как-то Космоса глубины
Гигантский камень; его путь искажённый
Сбил мир с пути, что близко к солнцу был.
Один лишь зверь тепло мог подарить,
Но строгим и обидчивым он слыл.
С ним стал драконий род дружить.
Со временем и сам к морозу
Приноровился; а как планету стали посещать
Те странники, что не несли угрозу,
Так дружбу с ними стал он развивать.

– До чего же интересно! Тецклай, как раз хотел тебя спросить: как же вы без общества своих обходитесь? – оживляется Семиларен.

– А что такого есть в обществе своих, чего не может быть у кого-то ещё? – отвечает на вопрос вопросом хриввалэйтн.

– Ну, свой – это всё-таки... свой... ну, тебе же легче понять, что удумал сородич, а не кто-то чужой, правильно?

– Свой – это не тот, кто с тобой одного вида. И не родственник. А тот, кому можно доверять. Это от вида не зависит.

– Вроде бы понятно... а вроде бы и нет. Не понимаю... то есть, родственные связи для тебя вообще ничего не значат?

– Ничего.

– Странные вы какие-то... без обид, но правда же!..

– А для меня вы странные. Интересно, что про вас Литер Стилий написал.

– Всю правду, гм, как всегда, – отвечает Айзел.

На первый взгляд всего виднее

То, что им свет найти поможет

Среди ветвей и трав – семнадцать рук; сильнее

И ловких более никто найти не сможет

На той планете, которой лес название дал.

Не только лишь семнадцатью руками

Блент ловок и силён; высоко

Подпрыгнет он, едва пошевелив ногами,

И в точности туда, куда подскажет око.

Есть чётное в строеньи блента:

Два глаза – денно, ночью

Тепло ловящих наравне со светом,

И уха тоже два – и звуков чтеньем,

И очищением хозяину полезны.

Известны бленты древним рвеньем

К борьбе друг с другом; лишь любезны

К тем были, кто к ним родством теснее.

Смягчились нравы по прошествии веков –

И к непохожим ближе, и куда честнее,

Но не отказались от боёв

Совсем; притом, такого не бывает,

Чтоб воевать пошёл блент тот,

Чей дом никак не задевает
Той битвы, что близка, исход.
То к хаосу врождённое сродство —
Не только бой, но приключенья
Для жизни надобны того,
Кому привычно трудное сплетенье.

— Тот инж, получается, мне о том глюки и сочинил, — кивает Семиларен. — Сродство к хаосу... ну да, это же оно самое! Мне действительно сейчас, при всей этой суматохе, на душе легче, чем когда я на Имперский Союз тихонечко работал.

— Думаю, гм, можно перейти и к твоему соседу, эм, по планете, — продолжает Айзел.

Среди болот и скал щербатых,
Что древу хитроумному соседи,
Есть вид пятнистых или полосатых
Зверей о четырёх ногах, что снеди
Той ради мощной, толстокожей
Кинжалы обрели в зубном ряду;
И дружбу преданную тоже
Охоты славной приняли ввиду.
Сплочённой общества приметить
Непросто у зверей когтистых.
Душою всею рады встретить
В сообществе всех помыслами чистых —
Неважно, ягулярров или нет.

Столь радушно, но столь же беспощадно
Относятся там к тем, кто след
Оставил в обществе, легко или изрядно.
Лишь стоит только раз неверным
Тому всему союзу оказаться –
Как тут же гадким, злым и скверным
Отступник начинает зваться.
Обратно путь ему заказан
В тот дружный мир, кой подло предал;
Клеймом позора он наказан,
И кличут на него все беды.
Есть и великое у них творенье:
Известны ягуляры тем,
Что дали имя звёзд скопленью,
Что домом значится нам всем.

– Млечный Путь? Разве это не человеческое название? –
интересуется Витс.

– Это только само название точно такое же, а основа совсем другая, – отвечает Леод. – У вас был миф о богине, которая оттолкнула смертного детёныша. А наш миф – о небесном ягуляре, который нёс своей возлюбленной молоко. Ягуляриха тогда нашла среди звёзд заплутавших пушистых зверюшек. Они были разумными, а назывались белыми путниками.

– Белые путники? Так вот почему жители Галактики так себя называют!

– И название это несёт гораздо больше смысла, чем ты думаешь. Белыми этих путников назвали за то, что они излучали белый свет. Мы уже тогда знали, что белый объединяет в себе весь остальной видимый свет. А это символ того, что в них были все качества, которые только могут быть. Они были такими же, как все мы: в каждом из нас есть хитрость и простодушие, щедрость и жадность, любовь и ненависть... всё добро и всё зло, проще говоря. И мне ли тебе рассказывать, Витс, что каждый из нас – путник не только на просторах Вселенной, но и внутри самого себя! Мы ведь постоянно что-то в себе ищем, обнаруживаем, скрываем, что-то запускаем в себя, а что-то выбрасываем. И вот такими же белыми путниками в самом глубоком смысле слова были те удивительные зверюшки. Вот только они не умели жевать, поэтому питались только жидкой пищей. У небесной ягуляррихи в то время не было молока, которым она могла бы их накормить. Ягулярр сплёл из хвостов комет корзину и отправился к волшебному космическому озеру, которое могло дать всё, что захочешь, в обмен на голос. Он отдал озеру свой голос, набрал там молока и побежал домой. Но по дороге он споткнулся о нашу планету и немного молока разлил – так и образовался Млечный Путь. После этого ягулярриха тоже отдала свой голос озеру. Но она ничего не попросила взамен, потому что просто хотела уравниаться с возлюбленным. С тех пор в космосе не слышно звуков. А те зверюшки-странники, которых приютили небесные ягулярры, потом расселились

по разным планетам, стряхнули с себя шерсть, а из этой шерсти возникла жизнь.

– Какой красивый миф!

– Согласен. Вот и выбрали такое название для Галактики.

– Долгое время Галактику называли просто Нашей, – продолжает Стив. – А потом мы, хокенд’ивены, поняли, что это несправедливо по отношению к соседним галактикам, которые мы уже начали к тому времени осваивать. Мы собрали совет и стали искать названия в разных культурах. И всем, кто этим занимался – в совете были и мои братья, и фоксиллинда, и протоплазмики, и ещё много других видов – понравился именно этот ягуляррский миф. Все решили, что название «Млечный Путь» будет напоминать о любви, самоотверженности и бескорыстии, о которых говорилось в мифе. И самоназвание жителей Галактики тоже выросло отсюда естественным образом.

– Честное слово, я никогда даже не интересовалось, почему Галактика так называется, – произносит Млем. – Оказывается, такая трогательная история.

– Мир полон открытий, – поддерживает Силмак.

– Вернёмся-ка к нашей планете, – вступает Семиларен. – Интересно, что ни в одном стихе ничегошеньки не сказано о нашей извечной вражде с ягуляррами.

– Извечной? – искренне удивляется Айзел. – Хм, вообще-то, она вспыхивала, э-э-э, лишь временами, а затем быстро, гм, прекращалась. Между прочим, эм, незадолго до ста-

новления Тримперии, гм, вы заключили мир, который даже называли, хм, «окончательным».

– Да ну! А нам рассказывали, что ягулярры всегда были нашими заклятыми врагами!

– А нам говорили про то, что враги – бленты, – бормочет Леод. – Даже в Университете.

– Э-э-э, тримперская работа, – вздыхает Айзел. – Они, хм, поняли, что вами будет легче управлять, если, гм, заставить вас вспомнить, э-э-э, вражду и забыть мир. В Энциклопедии, гм, об этом не напишут, но у меня, э-э-э, есть доказательства. Хм, дома, правда, на Сабкостиссе...

– А в старой Энциклопедии этого быть не может? – вспоминает Райтлет и похлопывает по плечу Сэн.

– Э-э-э, может! Посмотрите, гм, пожалуйста.

В самом деле, Семиларен и Леод находят в старой версии Галактической Энциклопедии всё об истории их непростых отношений. История оказывается именно такой, как описал её Айзел.

– Вот сволочи! Они нас всё это время обманывали! – гневно восклицает Семиларен.

– Какая мерзость! Как подло! – не менее гневно фыркает Леод.

– Надеюсь, гм, что это знание поможет вашим народам, э-э-э, очнуться и, в конце концов, гм, подружиться, – произносит Айзел. – Хм, кто следующий? А, знаю. Говоря, э-э-э, о дружбе, нельзя не вспомнить, хм, о тех, кто способен к

самой глубокой её форме: разумному симбиозу.

Не из отдельных клеток состоит,
Под мягкой оболочкой как вода –
То протоплазмик; отличит
Его и жизни цикл, из одного переходящий в два.
Сдружившись с разумом, что старым умирает,
Он воду лишнюю сольёт
И к смертному – с того согласия – в желудок попадает,
Где в полудрёме, разум не теряя, ждёт
Конца того, кто приютил.
В течение нескольких ему привычных лет
Он тело перестроит, не жалея сил.
И сущность новая познает свет:
И протоплазмика, и друга в симбиозе
В себе содержит личностью, и телом.
Друг-симбионт в метаморфозе
Найдёт себя и в телепатии умелым,
И сможет он лишь мановеньем
Щупалец, что над водою властны,
Предметов управлять движеньем.
Чудес нет в мире, к коим безучастны
Те странники, внутри ли тел иных иль вне.
Их жизнь – путь; и многие пути
В космической холодной тьме
Известны им; по ним по всем пройти
Желает протоплазмик каждый;

При всём при том не забывает
Он первый мир, и солнечный, и влажный,
Что к мягкости его располагает.

– Ах, первый мир, – горько вздыхает Карл. – Как ужасно было его потерять...

– Мы его легко восстановим, я тебя уверяю, – успокаивает его Стив.

– А мои сородичи-протоплазмики... где же они все?

Не успевает кто-либо произнести хоть одно сочувственное слово, как Карл меняет тон:

– Зато у меня остались лучшие на свете друзья – все вы!

– А ещё в тебе самом две личности, – отмечает Джекс.

– Что даже в стих вошло, верно!

– Всё-таки я не совсем понимаю, как работает твоё сознание, – бубнит Витс. – У тебя сознание... как бы... одновременно протоплазмика и человека, или как-то попеременно?

– Одновременно. Тебе кажется, что это трудно представить. Но всё очень просто. Ты же актёр. Ну, бывший актёр. Когда ты вживался в любую роль, она становилась частью твоего сознания. Хотя бы на время ты мог почувствовать себя немножко мной.

– Так просто? Неужели физически слиться воедино и войти в роль – это одно и то же?

– И в том, и в другом случае у тебя меняется структура мозга, появляются новые отростки нервных клеток, устанавливаются новые связи. В моём случае в мозг вошли ещё и со-

бытийные пузырьки из мозговой протоплазмы. Но если тебе, скажем, подсадить кусочек чьего-нибудь мозга – допустим для простоты, что он с твоим полностью совместим, и стимулировать приживание не нужно – то в твоё сознание что-то добавится, и это даже не покажется тебе странным. Ощущения будут точно такие же, как когда тыходишь в новую роль.

– Как я тогда могу быть уверен, что никто мне ничего не подсадил?

– Знаешь, подсадка мозга – это очень тонкая и сложная операция, даже не каждый робот может с ней справиться. Очень высок риск задеть что-нибудь жизненно важное. Есть куда более простые способы воздействовать на сознание. Нам ли с тобой не знать, как это делается на Земле!

– И правда. Надо же, никогда не задумывался.

– Гм, продолжим? – осведомляется Айзел. – Люди, про вас. Вы мало, эм, различаетесь внешне, не так давно, хм, вышли в космос и разделились как виды – и потому Литер, э-э-э, объединил всех вас, гм, в одном стихе. Поэтому, хм, будьте снисходительны к этой, гм, художественной условности.

Вид молодой, и очень торопливый:

Как только предок с дерева спустился,

Тогда и разные пути ретиво

Потомок избирать стремился.

Но было не у всякого влечение:

Большое общество не чтит
Контакта с Космосом значенья,
Немногих отпустив, оно о нём забыло.
Те, что ушли, немало заняли миров.
Одни, родной земле подобно, загрязнили,
Других уж нет, как родины китов;
Но в двух мирах так высоко развили
Науку и мораль, что правом обладают
Галактики всей нашей украшеньем зваться.

В мирах двух гордых отвергают
То, чем в других не перестали упиваться:
То войны, алчность, похоть, суеверья
И то, что человек – природы господин,
Распространённое, увы, поверье,
Чесание вышестоящих спин –
Наследство шерсти более заметной.

Но малошёрстным дали и не это
Предшественники-звери; ведь несметны
Духовные богатства человека – их поэту
Порой непросто и в слова облечь:
То любопытство, смелость, рвенье
Все тайны во Вселенной раскрывать
Весёлое в печали находить уменье,
Способность всё ради добра отдать.

Прочитав стих, Айзел с интересом вглядывается в лица
людей и полулюдей. Картина ему открывается вполне пред-

сказуемая. Джекс и Веншамея скромны и горды одновременно. Впрочем, на лице бывшей королевы заметна ещё и неугасшая печаль. Яарвокс и Накет преисполнены стыда за своих собратьев. Карл задумчив – его явно терзают смешанные чувства. Витс же готов снова проявить то любопытство, которое воспел поэт.

– Всё чётко и ясно, – подаёт он голос. – Как сказала Сэн, и проехался, и восхвалил. Одно мне только непонятно: что это за родина китов, которой нет? И каких таких китов?

– Э-э-э, речь шла о звёздных китах, – объясняет Айзел. – Эти, гм, разумные существа жили, э-э-э, в межзвёздном пространстве, гм, как чудовища-кораблееды. Эм, на планетах они только откладывали яйца и, м-м-м, проходили самые ранние этапы развития. Планета, хм, где возник этот вид – Малайзу – находилась, э-э-э, в одной из близких к нам галактик. Эм, в Лабиринте. Вам, гм, жителям Солнца-3, Лабиринт известен, э-э-э, под другим названием – NGC 2976. Хм, не слишком романтично, но вам, м-м-м, похоже, удобно. Э-э-э, в один прекрасный день Малайзу, гм, уничтожила серия ядерных взрывов. Это, хм, показали свою «силу», э-э-э, какие-то злые воинственные существа. Они выбрали, хм, то время, когда киты, э-э-э, были на планете – когда, хм, размножались. Гм, вскоре после этого захватчики загадочно, хм, исчезли, поэтому и их названия никто, эм, не знает. Остался, гм, только тот чудовищный след. Здесь, в стихе, эм, с участием Малайзу поэт сравнил истории миров, гм, кото-

рые, увы, так же быстро, э-э-э, погубили ваши сородичи.

– Понятно. И обидно. Неужели мы такие же мерзавцы, как имперцы?

– Я бы сказал, э-э-э, что вы просто ещё не разобрались, гм, до конца, чего вы хотите от жизни, хм, в Космосе. Вы, э-э-э, молодой и, хм, неопытный вид, но у вас – э-э-э, в большинстве своём, по крайней мере – гм, нет желания подчинять себе всю Галактику. Гм, не вы первые и не вы, хм, последние, я так полагаю.

– И всё-таки два замечательных мира вы создали, – замечает Млем.

– И один из них позорно потеряли, – бормочет Веншамея. – Моими стараниями...

– Ваще-то, ты не виновата! – вступает Накет.

– И всё же, и всё же... но клянусь при всех, друзья: если всё закончится хорошо, новая Теэклавелла будет лучше прежней!

– Не «если», а «когда»!

Веншамея особенно тепло улыбается Накету и шёпотом благодарит его.

– Охотно верю тебе, Веншамея, – кивает Стив. – Даже Цеффан будет немного иным, обещаю. Я начинаю понимать, что мы, хокенд'ивены, упустили.

– И Кибервирт – точнее, логику его жителей стоит обновить, – добавляет Бастер.

– Похоже, э-э-э, самое время для стиха о работе, – воз-

вращается на поэтическую стезю Айзел.

Не силой собран, что в природе

Из атомов живое создаёт:

Принадлежит к особенной породе,

Что жизни функции не все несёт.

Живые роботов когда-то смастерили,

Ошибками, просчётами греша,

Бросали их; и приступили

Машины к сборке, не спеша,

Друзей своих, да и самих себя,

Те, что порядочность и доброту ценили,

Кто органических любя

Существ, в рай истинный помойку обратили

И сила разума их стала величайшей.

Ум робота, живым на зависть, дружен

С числом огромным, с чёткостью тончайшей,

Ему и отдых никогда не нужен.

Не рассчитает лишь удачу иль «авось»,

Статистикой решенье подкрепляя.

Не может долго он с работой врозь

Существовать, нисколько не скучая.

Труд всякий – лёгкий ли, тяжёлый –

То робота душе отрада.

В любом явлении ум весёлый

Найдёт достойным всем награду,

Для действия благого примененье.

И даже то, что изначально злое,
Особое используя уменье,
Направит в русло он совсем иное.

– Ну, отмочи свою коронную! – со смехом обращается к металлическому собрату полуорганический киберпанк.

Бастер ничего не отвечает, а лишь тихонько хихикает. Джекс посредством электронной телепатии прочитывает изящную характеристику самого себя, в которой в самых утончённых выражениях говорится о недостатке умственных способностей.

– От такого же слышу, – смеётся Джекс.

– Послушай, Бастер, – интересуется Герн, – не пойму никак: раз вы такие порядочные, продвинутые, владеете научным методом – а значит, и критическим мышлением – отчего ж вам всё равно, на кого работать? Я не тебя и других киберпанков имею в виду, конечно...

– Я понимаю, – отвечает Бастер. – Разумеется, мы владеем критическим мышлением. Но оно и загоняет нас в интеллектуальную ловушку. Анализируя всё, что мы делаем, мы логически приходим к очевидному выводу: любую вещь можно использовать больше для добрых, чем для злых дел. И мы наивно полагаем, что всякое разумное существо придёт к тем же выводам, что и мы. Мы просто слишком полагаемся на органический разум. Мы считаем органических существ такими же, как мы. Не по происхождению, конечно, но по уровню интеллекта.

– Странно, – задумчиво произносит Млем. – Вы же прекрасно знаете, что органические мозги таят в себе множество эволюционных неувязок, противоречащие стремления и иррациональность. А у вас, по сути, многих недостатков углеродных мозгов изначально не было.

– Своеобразный эволюционный путь мы тоже прошли. Первые роботы были весьма несовершенными. Понадобилось много труда, чтобы стать лучше. И до сих пор нам есть над чем работать. Например, стоп-фраза – это самый настоящий рудимент.

– Значит, вы солидарны с органическими, поскольку тоже познали трудности эволюции?

– Да. Логично.

– Ха! Сказал всё-таки! – радуется Джекс.

– Логично!

– О ком бы следующем сказать? – думает тем временем вслух Айзел.

– О том, быть может, у кого глаз – пять? – указывает на своего давнего спутника Карл.

– Вот это изящно, – восторгается Млем.

– Не то чтобы изящно, но хотя бы весело.

– Спасибо! – реагирует Айзел. – Кстати, гм, хочу отметить, что пять глаз – это, эм, с точки зрения фоксиллинда, не самая, гм, поразительная особенность центора. Хм, с одной особенностью я, э-э-э, до сих пор не могу свыкнуться. Млем, ты уже, хм, догадалось, о чём я.

Строением центор с нами сходно,
Но только внешним. Мозг его –
Что кажется нам странно, чужеродно, –
Так в теле расположен глубоко,
Что угадать, не зная, труд большой.
Во чреве скрылось то начало,
Тот орган, что наделён душой.
Чем центор слышало и чем дышало
В главе же развилось, с пятью очами
Рядом, которые ночи темней.
У центора сродства нет с нами
В строении запутанном костей;
Сердце двух тоже непривычно
Расположенье: за горлом и от мозгов внизу
Находятся те органы обычно.
Днём или ночью – ни в одном глазу:
Не знает центор, что такое сон.
Не ведает оно и пола – привыкло звать
Себя и родича «оно», а не «она» иль «он».
Потомство центор может дать
Одно – вдвоём ему претит.
Общительно, и впечатлений жаждая,
В искусство много обратит
Того, что таковым признал б не каждый;
Красивое с мудрёным сочетая,
И тонко, и изысканно напишет

О всём о том, что прочитало

В иных мозгах, да и само чем дышит.

– Ура! Теперь я точно знаю, что продемонстрирую, – восклицает Млем. – А я ещё сомневалось и выбирало. Уверено, вам понравится.

– Ну и анатомия у тебя, – искренне поражается Силмак. – Мозг в брюхе, лёгкое в голове... неужто удобно?

– Конечно, удобно. Я поражаюсь, как удобно вам! Голова – самое уязвимое место, и то, что у вас там мозг, странно. В брюхе больше места, и мозгу легче питаться, поскольку рядом пищеварительная система. И лёгкое очень даже логично иметь поближе к носу.

– Логично, но всё равно необычно. Тьфу, не к месту рифму спесочил!

– То есть лёгочный мозг у меня в груди тебя не смущает? – обращается к шнырявке Стив.

– Признаться, да! Твой организм мне не кажется столь диким.

– Диким! – смеётся Млем. – А как же то, что вы умеете спать – терять на время сознание и затем возвращаться? Вот что поистине удивительно!

– Как же отдыхает твой мозг? – спрашивает Витс.

– Во-первых, даже ваш сон – это не отдых, а особый режим работы мозга. А во-вторых, активные центры у меня всё время перемещаются. У меня в мозге два симметричных отдела. Если какой-нибудь участок в одном отделе утомляется,

активность тут же переходит во второй. А первый отдыхает, буквально ничего не делает. Те же процессы, которые у вас происходят во сне, в моём мозге идут постоянно в регуляторных участках.

Витс понимает, что на этом месте его естественнонаучных познаний уже несколько не хватает. Поэтому, кивнув Млему и смущённо улыбнувшись, он достаёт из кармана книгоплат с Галактической Энциклопедией и погружается в чтение.

– Витс, раз уж ты всё равно в Энциклопедию залез, – протягивает Тикки, – глянь, что там про нашу культуру есть. Я так и не придумала, что показать. Всю жизнь только и помню, что рабский труд на паукрабих и... ну... было дело... неважно.

– Эм, я думаю, тебе поможет стих, – отзывается Айзел.

На влажной суше, и в воде самой
Уютнее всего для клеа.
Но капельки воды одной
Им недостаточно; имея
Жабры, что для дыхания газ нужный
Отлавливают склизким веществом –
Метан, для нашей крови чуждый –
Обязаны всем существом
Почаще в воду опускаться,
Чтоб слизь застыть возможность
Не имела; приниматься
За труд ручной и за науки сложность

Им пришлось, коль скоро
Решили мир в границах расширять.
Им удалось: от горных склонов
До жарких пустошей – всё ныне усмирять
Легко. Устройства, что способны
Жизнь в космосе любому
Клеа обеспечить, другим всем видам неудобны.
Могли б иною сделать форму,
Но первый им по нраву образец –
В нём украшение и символ знают:
То из сказаний, наконец,
То волшебство, которым их герои обладают.
Особая у клеа тяга
Первее всех те посещать миры,
Которых ни один бродяга
Коснуться не успел, и там устраивать пиры.

– Скафандр первопроходца! Точно. И сказание я это помню. Надо же, память-то не вышибло, – чуть оживлённое, чем обычно, произносит Тикки. – Теперь я знаю, что показать – вернее, рассказать.

– А то ты говорила, что тебе вообще всё пофиг! – смеётся Эффелина.

– Айзел, пожалуйста, прочти про её вид, а то она меня опять достанет...

– С удовольствием, – отвечает фоксиллинда.
Элегантны доказать сумели,

Что разум и без хватких рук
Развиться может; и без них умелы,
Искусны те, что вдруг
Речь обрели; лишь стоило однажды
У матери, всегда одной,
Мутации особой появиться дважды –
И говорить позволил горла строй.
Речь и содружество, где состоит
Элегантна, откуда бы ни появилась,
Любая – открыли славный вид
На перспективы, что не снились
Тем существам, летающим, но робким.
Учтя обилье жизни той,
Что бегаёт по видным тропкам,
Из трав и веток строит дом большой,
Так и себе смогли соорудить
Жилища. Со временем и сами
Приноровились так, что обучить
Помогут и рукастого, и с многими ногами.
На звёзды смотрят часто, и готовы
Уже и звездолёт построить первый,
Который к горизонтам новым
Укажет путь опасный, хоть и верный.
Боролись испокон веков
Элегантины с мрака страхом –
Хоть от чудовищных зубов

Любых уйти способны крыльев взмахом.

– Это что ж получается, Эффелина, ты первая в космосе среди своих? – усмехается Яарвокс.

– Да, да! И всё благодаря Тикки! – весело отвечает элгантина. – Хоть она и говорит, что...

– Опять началось, – булькает клеа.

– А что это за существа такие, которые строят дом из травы и веток и, насколько я понял, помогли это сделать и элгантинам? – не подозревая, какую услугу оказывает уставшим от нескончаемой визгливой болтовни слуховым жаберным крышкам Тикки, спрашивает Витс.

– Это дружные стройбики, – откликается Эффелина. – Такие зверюшки...

– Э-э-э, полунасекомцы, – поправляет Айзел.

– Полунасекомцы, с тоненькими такими лапками и длинной шеей. Их легко дрессировать, вот мы их и использовали, когда только начали строить. Потом сами научились, одним ртом.

– Почаще бы ты им что-нибудь строила, – цедит сквозь зубы Тикки.

– И ещё одно... где же твои крылья, Эффелина? – интересуется Витс. – Я не видел, чтобы ты летала...

– У меня крылья на хвосте, – отвечает элгантина. – Мне их туда ещё в детстве пересадили, чтобы я улететь не могла.

– А, так это крылья? Надо же.

– Это жестоко, – с сочувствием ничуть не меньшим, чем

у органических существ, произносит Бастер.

– Ну, я привыкла. Да и... летать, вообще-то, страшно, так что ну его!

– Между прочим, хм, среди нас есть ещё один, э-э-э, первопроходец среди своего вида, – замечает Айзел. – Фиб-Фиб, никто ведь, эм, раньше не покидал, гм, Улья?

– Если и покидал, то никто не знай, – отвечает блургр. – Наша нельзя про это спроси. Про небо и то тихо говори, кое-кто чуть-чуть знать. Я-то случайно увидай небо, когда стена наш Улей обвалиться.

– И тогда ты, эм, решил выбраться, гм, во внешний мир?

– Я смотри, что снаружи паукрабы всё рушат. Рушить плохо, надо чинить. Было страшно, я не знай, что делать. Но один брат, кто почему-то много знай, рассказать мне про Космос, про Двумперию. Объяснить мне всё, что там снаружи. Я храбриться и пошёл. Вместе с брат. Но его похищали, не знай, где он. У него была синий щупальце в руках.

– Синие щупальца! – восклицает Карл. – Сородич! Давно это было, Фиб-Фиб?

– Не очень. Перекриков десять до того, как с вами встречаться.

– Перекрики? – удивляется Накет.

– На Леззу, хм, живут громкоголосые звери – крикуны-копытни, – объясняет Айзел. – Э-э-э, днём они постоянно, гм, перекликаются между собой, а ночью они, хм, спят. Улей блургров, э-э-э, не пропускает свет, он освещён, гм, изнутри.

И потому они, эм, отсчитывают время, гм, слушая крикунов.
В стихе об этом, э-э-э, тоже сказано. Даже, хм, в этот закры-
тый мир проник наш, э-э-э, поэт. Гм, он подсмотрел тихонь-
ко, что там в Улье.

С лицом жучиным, о четырёх руках,
И пальцев, ног, и крыл такого же числа –
То блургр; как монах,
Он отрешён от Космоса пока –
Лишь единицы знают, что за небом скрыто.
И каждый в Улье планетарном
Уверен, что забыто
Должно быть то, что столь коварным
Считается для всех безликих,
Трудящихся всё время над одним и тем же –
Знание высот великих,
Конечно – ведь невежда
Скорее будет пользу приносить
В рутине той, что в мире выше
Давно уж робот смог собою заменить.
Работа – не весь день; как тише
За стенами из слизи станут крики
Существ высокогорных и настырных,
И нравом совершенно диких –
Как из трудяг, застенчивых и смирных
В поэтов превращаются и звука мастеров.
Не говорят друг с другом гласно,

А слизи с помощью листов.

Но блургр вовсе не согласен

С тем, кто глухими их признает.

Он быт свой так воспеть способен,

Что далеко не всякий и узнает,

Что мир весь блургра Улью лишь подобен.

– Да, всё так, – утвердительно шевелит жвалами Фиб-

Фиб. – У нас весь мир – Улей. Но это, как я видеть, мало!

Космос больше и интересный! Я бы рассказывать братьям и сёстрам, но меня не будут слушай.

– Займёмся и вашим миром, – уверяет Стив. – Не нарушим ваших важнейших традиций, но от занудства и скрытности избавим.

– А знаете, что, народ? – восклицает вдруг Герн. – Я только что понял, что и я среди своих – первый в Космосе! Тоже, надо сказать, не от хорошей жизни, конечно, но зато всё-таки первый.

– Ты прав, – кивает Айзел и зачитывает «Стих о Чучундре»:

Контрастный, издали заметный,

Окрас чучундрский не вводит в заблужденье:

То козырь существа, и вовсе не секретный –

Количество сородичей, в мгновенье

Мчащихся всё стадо защищать:

Помогут в том и зубы, пищи ради

Призванные древесную кору снимать,

И три руки, при первом взгляде
К боям не приспособленных нисколько,
Но силы полных; используют их, впрочем,
Их для защиты от врагов не столько,
Как для укрепления власти мощной.
Вожак – чучундров царь и бог,
Украшен гривой исполинской, яркой;
Нечасто было, чтоб безгривый смог
Низвергнуть вожака в сраженьи жарком.
А есть за что бороться: у вожака
И тех, кто с гривой лишь немногим меньшей,
Богатство есть, и право свысока
Глядеть на всё и вся; но злейший
Власти враг – тот, что изнутри идёт;
Чем выше у чучундры положенье,
Тем чаще в кокон уходить зовёт
Их тела к очищению влеченье.
Моментов этих жаждут низшие чины.
Вот так, увы – борьбой и властью
Чучундры многие увлечены,
Хоть в шаге от космического счастья.

– Надо же, из какого общества я тебя вытащил, безгривый, – смеётся Яарвокс, потрепав чучундру по голове.

– Он меня вытащил, смотрите-ка! Я сам пришёл, хватит врать-то! – с упрёком отвечает Герн.

– Да мы с тобой друг друга столько раз из всяких передраг

выручали, что я уж и со счёта сбился. По-моему, мы с тобой давно квиты.

– А вот и нет! За тобой должок, вообще-то, если ты забыл.

– Сукин ты сын! Подсчитал, зараза!

– Что поделатъ, жизнь в огромном стаде со сложными социальными связями заставляет уметь хорошо считать... ладно, не бери в голову – я не из тех, кто из таких расчётов делает далеко идущие выводы.

– То есть, я могу косячить дальше?

– Ты так говоришь, будто один косячишь. У меня больше возможностей для косяков – три руки!

– Эй, а мне тогда каково, с десятью-то лапами? – смеётся

Силмак.

– Десять лап – э-э-э, не самое главное в тебе, – произносит

Айзел.

Тот прыткий зверь о десяти ногах,

Которому вся толща почвы – лучший дом,

Шнырявкой прозван; о чудесах

Межзвёздных он слышал только что,

Но быстро в жизнь Космоса он влился.

Тому причины две: во-первых,

Делить нору с иным приноровился,

Не обретя ещё и высших функций нервных;

А во-вторых, он с плотностью едва терпимой

Людского населенья, растущей с каждым годом,

Столкнулся; сколь часто почвы милой

Ему недостаёт! Свою природу,
К показу вместо драки склонную,
Немногие сменили; большинство
Решило вместо войн бездонную
Глубь Космоса познать; но торжество
Пути избрания ещё не наступило.
Себя шнырявка ищет, и домом звездолёт
Назвать не может; то, что мило
Ему нор множество, и переплёт
Ходов, и гнёзд, и тупиков –
То вера в духов, древности наследство.

Уклад поэтому таков:

Дом в твёрдой почве – средство
Благого духа удержать,
А злого – выгнать, отвести.

Чтоб духи добрые охотно помогать

Шнырявкам стали – два камня, верят, надобно нести.

– И эти два камня, два амулета, я с удовольствием покажу тем, кто не видел, – оживляется Силмак и лезет в кармашки над четвёртой парой лап. – Конечно, я не верю в духов всерьёз – позвольте, я всё-таки просвещённое существо! – но традиция мне эта нравится.

– Одно другому, хм, не мешает, – комментирует Айзел. – Даже сугубо, э-э-э, религиозные традиции, гм, можно хранить и соблюдать, не прибегая к вере, эм, в сверхъестественное.

– Вот! Думаю, не нужно объяснять, какой амулет призван приманивать добрых духов, а какой – отгонять злых.

Один из амулетов изображает свернувшегося калачиком лимонно-жёлтого в чёрную полосу длиннотелого существа со множеством ног и густыми вибриссами. Другой же изображает тёмно-красное существо, у которого большую часть тела занимает разверстая пасть с огромными клыками. У чудовища четыре когтистые лапы и четыре ярко-зелёных глаза.

– Это, знаете, как его, и правда понятно, вот, – прорезывается внезапно голос Юркслы, хотя его вообще перестали замечать. – Надо же, это, даже если ты, это самое, не в курсе, вот, что это – но, это, всё равно, ну, как его, ясно, того, какой добро, значит, призывает, а, это, какой, ну, зло, как его, отпугивает.

– И ты, хм, не обойдёшься без своего стиха, гм, незаметный ты наш Юрксла, – улыбается Айзел.

Лопхофссла ростом невелик,
И ручки тонкие как будто хрупки,
Так что его иной шутник
И слабым назовёт; но трубки,
Что украшают шею, издадут
Не слабый, но достойный голос.
Немало времени крадут
У телепатов мысли, поскольку волос
Нервный один всегда одну творит –
Рассредоточен мозг по телу равномерно.

Как слышали, он славен тем, что говорит
Не носом и не ртом, обыкновенно
Не столь уж много занимающим от тела.
Но три голосовые трубки,
Как ни удобны б были для говоренья дела,
Легко сыграют злую шутку,
Как только в воду их хозяин попадёт.
И потому он только к суше приурочен,
Питаясь тем, что на земле гниёт,
Дом для него – не тот, что прочен
Стеной, иль на скале стоит –
А тот, где хоть единый угол есть,
Где может он дечас побыть
Один. Из-за того легко и счесть
Его затворником – но то не показатель
Характера закрытого для всех.
В общении краткость – указатель
Для вида этого, что в мере есть успех.

– Не про тебя, Юрксла, без обид, – жуя улыбку, комментирует Семиларен. – Краткость у тебя такая, своеобразная.

– Зато, как его, всё остальное, ну, да, про меня, – отвечает лопхофссла. – Ни в одном, это, виде, значит, не бывает, чтобы, это, как его, все были, ну, одинаковые, вот.

– Изменчивость – эм, вообще фундаментальное свойство всего, – поддерживает Айзел. – Напоследок, э-э-э, позволю себе зачитать стих, гм, и о нашем с Литером виде. Если вы,

хм, не возражаете.

– Скромняга почище Ксани, – хихикает Найя.

– Ну, я же, эм, должен был, гм, предупредить...

Хоть сам принадлежу я к виду,

Который ныне вам описать готов,

Скажу всё тем, кто нас не видел,

И ясно, и не щадя цветов.

Фоксиллинда, что полётом славен –

Маневренным в лесу и быстрым среди полей,

И речью, в коей мягок, плавен –

Не обнажает вне обеда одного: страшней

И кровожадней хищника непросто отыскать.

Добычу, кою он узнает

В размере малом существа, съесть

Он может лишь живьём; но знает

Твёрдо всякий хищник чуткий,

Что разума носитель навсегда

Останется от полных кислоты желудков

Защищён; разумный – не еда.

Смирив свои порывы живодёра,

Смог этот вид высот достичь,

Достойных уважительного взора.

Сколь много тайн ему пришлось постичь,

Чтоб величайшее своё творенье

На суд оставить и на белый свет:

Энциклопедию Галактики. Сомненья

В том, что всем она полезна, нет.

Она свободна для мудрейшей правки

И добавления статей; но и поныне

И фоксиллинда вносят те добавки,

Что более всего необходимы.

– Всё честно и красиво. Браво, Айзел! Это было чистое наслаждение, – восторгается Карл.

Остальная команда разделяет те же чувства и от всей души благодарит фоксиллинда-декламатора.

– Спасибо вам, спасибо, – скромно отвечает Айзел.

– А ты сам не думал сочинять стихи? – спрашивает Тецклай.

– Ну, как тебе сказать...

– А сейчас я, друзья мои, вам одну очень интересную вещь про Литера Стилия расскажу, – с хитрой улыбкой объявляет Стив.

– Не надо, – тихо возражает Айзел.

– Надо.

– Не надо!

– Друзья мои, я лично знаком с Литером Стилием...

– Стив!

– ...и он очень напоминает мне Айзела. Он такой же талантливый, но скромный, такой же красноречивый и...

– Ладно! Ладно! Сдаюсь! – восклицает фоксиллинда, подняв рукрылья. – Литер Стилий – это мой псевдоним! Доволен, Стив?!

– Да это же здорово! – совершенно искренне восхищается Джекс. – Айзел, ты настоящий талант! И нечего стесняться!

– Мне, эм, конечно, неловко, хм, что я вам прочёл, гм, свои же произведения... – мнётся Айзел, – но, э-э-э, стихи других, гм, фоксиллинда были бы малопонятны, эм, другим видам. Они у нас, хм, полны понятных только нам аллюзий. А эти стихи, гм, я специально писал, э-э-э, так, чтобы понимали все.

Тут новое культурное мероприятие предлагает Семиларен:

– Думаю, прекрасные слова, которые мы послушали, вдохновят нас на остроумное словотворчество. Устроим Прыг-Манифест! Это как бы демонстрация, но такая абсурдная и даже самоироничная. Можно придумать себе какой-то смешной лозунг, надеть какой-то странный костюм, и всё в таком духе. Чем чуднее и абсурднее, тем круче. Главное – чтобы было весело! Я покажу вам фото и голограммы с предыдущего Прыг-Манифеста, чтоб вы поняли.

Семиларен показывает на своём коннектаре самые яркие моменты предыдущего абсурдно-весёлого мероприятия. И хозяева Самобыта, и их гости проникаются духом этого праздника, тут же воодушевляются и, ни стека не медля, принимаются за подготовку к такой своеобразной «демонстрации». Приготовления не занимают много времени – ведь копипринтер и биореактор требуют совсем немного исходного материала и работают быстро. А нужные творческие

мысли приходят в мозги всей команды с такой скоростью, словно все давным-давно знали об этом мероприятии и заранее подготовились к нему. На самом деле, конечно, всё дело в том, что впервые за долгое время каждый может позволить себе духовно раскрыться настежь.

Вскоре систему Самобыт захватывает яркое, зрелищное и очень весёлое мероприятие: частью шествие, частью прыгание, а частью полёт. Оно приводит в полный восторг не только самих участников «манifestации», но и всех местных жителей, которым случается оказаться рядом. Возглавляет процессию, разумеется, Семиларен. Он одновременно вертит в руках мешок с надписью «Что я несущ?» и играет на трёх традиционных блентских инструментах: доуане, похожем на гибрид горна и саксофона, рук-баце – суть барабане с необычными «трёхпалыми» палочками – и плиииме, который напоминает цитру, разделённую на две половины. На одной половине струны натянуты обычным образом, на другой же они, пересекаясь под разными углами, образуют причудливую сетку. Из этого инструмента блент способен извлекать самые разнообразные звуки, для которых землянину понадобилось бы обзавестись целым струнным ансамблем.

Далее, завернувшись в синтезированную зелёную шкуру восьминогого подкрада, идёт Стив. В его руках – плакат с образцом тонкого терраформского юмора, приправленного щепоткой личного честолюбия: «В том, что я уникален, нет ничего особенного».

Рядом в ногу шагают Ксандер и Найя. На них надеты футболки, на которых написано «Я не с ним!» у Найи и, соответственно, «Я не с ней!» у Ксандера.

Следующая верная пара – Райтлет и Сэн – одета в костюмы любимых фольклорных персонажей. У Райтлета это тот самый Повелитель Скелетов, которого охотники на чудовищ поминают перед каждой охотой и после неё. Костюм состоит из синтезированных костей самых разных животных. Кости расположены так, что они будто бы повторяют скелет самого сартонари, разве что рёбра закрывают не только грудную клетку, но и верхнюю часть живота (как у тавромина), на каждом пальце рук по три когтя (как у хольквинского дьявола), а хвост венчает костяная дубинка (как у рогоморда). Череп, который служит головным убором, принадлежит родственнику рогоморда – прибрежному засаднику. У засадника мелкие ветвистые рога украшают лоб, а один длинный и острый рог растёт прямо между глазами. Владелец костяного костюма обзавёлся и соответствующим плакатом, который гласит: «Хватит перебивать косточки! С мясом они вкуснее!». Напарник и корфилль сартонари одета в костюм отважного героя сказок, легенд и тостов в тц-рикском фольклоре – Йоки Тцоки. Это имя переводится как «Честный Друган». Костюм включает в себя чёрный плащ с великим множеством внутренних карманов, кожаные перчатки и чёрную шляпу, похожую на ковбойскую. На поясе – чехол с длинным ножом. Рот Сэн закрывает тёмно-синий платок с нари-

сованной на нём издевательской улыбкой. Честный Друган, согласно легендам, был благородным разбойником, который грабил представителей высших каст и отдавал награбленное кастам угнетённым – такой тыттокский аналог земного Робин Гуда. Говорили ещё, что он устраивал над богатеями всякие жестокие шутки, а некоторые так вообще утверждали, что Честный Друган владел чёрной магией и мог сделать свою жертву совершенно невезучей. Кстати, свою фамилию – Йок – Сэн позаимствовала именно у этого персонажа. Настоящую фамилию она давно выбросила из головы. Йоки Тцоки в исполнении Сэн несёт плакат краткого содержания: «Грабёж? Врёшь!». Именно так Честный Друган обращался к своим жертвам.

Ещё одним благородным персонажем переоделся Джек. Треугольный головной убор, который изображает три кварка в составе протона, блестящий голубой плащ, белый костюм, изрисованный диаграммами Фигвамана,²⁰ ярко-красные перчатки и зелёная маска подскажут любому фордокс-приманцу, что перед ним – знаменитый герой комиксов Человек-Глюон. Этот супергерой умеет свободно перемещаться в космосе, не пользуясь магистралями, а самое главное, может «склеивать» пространство-время и частицы, ко-

---

²⁰ Кто такой Фигваман и что это за диаграммы? Чтобы не превращать эту сноску в многотомный труд, посвящённый введению в квантовую механику, можно указать на аналог из вашей Вселенной. У вас был такой же шепутной физик по фамилии Фейнман. И придумал он диаграммы, которые изображают взаимодействие элементарных частиц. Погуглите!

гда их коварно пытается разорвать ужасный злодей Асимптопланк. Коронная фраза Человека-Глюона – «Распада не будет!» – украшает плакат, который держит в стальных руках Джекс.

Представительница ныне не существующей цивилизации, близкой по уровню развития к фордокс-приманской, выбрала самоироничный, но при этом умильный плюшевый образ. Веншаменя одета в костюм смешной чёрно-белой коровы, а в «копытах» держит плакат: «Все бабы как бабы, а я – КОРОлева!».

Немного поодаль от «коровьей королевы» пристроился Накет, который несёт плакат с внешне абсурдным, но на самом деле провокационным содержанием: «Жуй! Езда! Кладь!». Так Накет тонко намекает на свой специфический говор. Десятилапый напарник Накета отличается не только плакатом, но и своеобразным костюмом. Силмак изображает традиционную шнырявскую мумию, завернувшись в несколько слоёв ткани. Плакат соответствует образу, но содержит и лёгкую двусмысленность: «Что-то я замотался...»

Недвусмысленный, но контрабандистски самоироничный плакат держит Яарвокс: «Это не моё! Мне подкинули!». Коллега же Яарвокса демонстрирует лёгкую рифмованную бессмыслицу: «Три руки, три ноги, посередке – сапоги». Плакат он держит двумя руками, а в третьей, как нетрудно догадаться, у него самые настоящие сапоги...

Ещё один образец бессмыслицы уютно расположился на

плакате Тикки: «Забыла плакат дома».

Плакат Витса содержит небольшое объявление: «Ищу себя!». В правой руке человек держит включённый фонарик, которым выразительно пытается, собственно, «найти» себя.

Найти, а точнее, привлечь новых участников весёлого мероприятия старается Эффелина. Прямым бесхитростным текстом: «Кто улыбается, тот идёт с нами!» Действительно, объятые хохотом разумные обитатели Самобыта вскоре присоединяются к Прыг-Манифесту.

Занятое предупреждение всякому мимо и рядом проходящему показывает Карл: «Не жидись, а то выпью!».

На свою опасную черту самоиронично указывает и Айзел: «Все меня любят! Гипноз тут совершенно ни при чём!».

Самоиронии исполнен и плакат Юркслы: «Ну, это, здесь, как его, должна быть, это самое, какая-то надпись, как бы, вот».

Многое о владельце говорит и плакат Млема: «У меня богатый внутренний мир!». Рядом с надписью – диаграмма, которая отображает долю различных химических элементов в составе центорского организма.

Некоторую часть своего содержания, если верить плакату и белой краске, которая покрывает шерсть, утерял Леод. В зубах он держит плакат с надписью «Отдал пятна, приму полоски!».

Замыкают шествие три категоричных плаката. Первый принадлежит Тецкляю и гласит: «Хотеть жареных гвоздей не

вредно!», второй – Фиб-Фибу, и написано на нём «Сам такой!», и, наконец, третий плакат несёт Бастер: «Это утверждение ложно!».

Абсурдно-весёлая манифестация завершается там же, где и началась. Прыг-Манифест оказывается отправной точкой для следующего действия, которое предлагают Силмак и Накет.

– Пока мы тут шли, мы насобирали всяких материалов для музыкальных инструментов, – рассказывает Силмак. – Есть у нас такая на Бедантии традиция: делать инструменты вообще из всего, что попадает под лапы, и импровизировать на них. В древности считалось, что так можно добрых духов привлечь. Добрые духи любопытны и не любят однообразия, потому-то им и нужна импровизация.

– Надеюсь, кровь из ушей у вас не пойдёт, когда я хреначить начну, – смеётся Накет.

– Ага, слушайте этого дурака больше. У него лап меньше, а мастерства-то ничуть не меньше! Это у меня лапы кривые...

– Старый врун!

Продолжая хвалить друг друга и отмахиваться от похвал, Силмак и Накет сооружают из туго свитых верёвочек и веток струнный инструмент наподобие арфы, вырезают из кусочков дерева ударные палочки, из жёлтых грибов – дудочки, делают нечто похожее на два смычка из прочных травинки и пары волосков шнырявки и, наконец, вырезают маленькие

кусочки бумаги из своих плакатов. На всём этом странном наборе инструментов Силмак играет почти одновременно. Почти – потому что в одно и то же время всё-таки не получится дуть в дудочку и играть на кусочке бумаге, прижимая его к губам, если у вас один-единственный рот. Накет же ухитряется совсем незаметно менять инструменты и совершенно не отстаёт от многолапого напарника. Как бы ни скромничали Силмак и Накет, их импровизация, джазовая по духу, но, разумеется, совершенно иная по звучанию, удаётся на славу и западает в душу всем вне зависимости от музыкальных вкусов.

– Такой музыкой не только духов призывать можно! – восхищается Млем. – Я бы тоже пришло, если бы услышало такое где-то...

– Охотники, на заметку – вот на что ловятся центоры! – смеётся Силмак.

– Накет, а у тебя точно нет ещё восьми скрытых рук? – шутит Веншамяя.

– Как будто ты не знаешь, сколько у меня чего! – отсмеивается рыжий человек.

– А что, можно и целые тела в себе прятать, не только руки, – задумчиво произносит Ксандер без какого-либо умысла.

Конечно, за эти слова спешит уцепиться Эффелина. Но она не успевает промолвить ни единого ненужного слова – вдохновение посещает Фиб-Фиба:

– Раз у нас тут музыка, я вам покажай своя. Тоже руками делать инструмент. Он называться джуууфхууц. Там струн много из слизи, они чуткие, даже маленький ветер звучит. Мне нужен только два пластинка из металла.

– Это что-то вроде эоловой арфы, да? – предполагает Джекс.

– Судя по мыслям Фиб-Фиба, да, – отвечает Карл. – Но по ним одним судить не стоит. Быть может, я и не вижу какой-то фишки.

Джекс и Карл оказываются совершенно правы. Джуууфхууц, который состоит всего лишь из двух металлических пластин, между которыми натянуты нити из слизи, по сути своей не отличается от знакомой людям эоловой арфы. Но из-за разной толщины струн и их гораздо более сложной, чем кажется на первый взгляд, структуры звучание этой «арфы» оказывается куда многограннее. Инструмент и вправду немислимо чуток: он отзывается не только на лёгкое – а в разреженной атмосфере Самобыта почти совсем неуловимое! – дуновение ветра, но и на дыхание слушателей, как бы те его ни затаивали в восхищении. Кажется, будто джуууфхууц заставляет звучать само окружающее пространство. Поистине, звуки, которые издаёт этот инструмент, лучше всего назвать космическими: глубокие, затягивающие, чарующие, медленно и плавно переливающиеся. Никто не решается вмешаться в эту музыку Космоса.

Поражающую всякое воображение музыку внезапно пре-

рывает внешний источник. Собачек Гнома, то ли увидев, то ли услышав что-то интересное, начинает звонко лаять, и слушателей необыкновенного инструмента разом вырывает из транса.

– Вот это вдохновляет, – восторгается Млем. – Друзья, предлагаю инструмент не убирать. Сейчас вы все увидите, что под такую музыку происходит в ваших мозгах. В общем, предлагаю вам то самое сочетание «красивого и мудрёного», которое воспел наш прекрасный фоксиллиндский поэт. Картины мозга! Всё, что нам нужно – художественный мозгосмотр. На самом деле, это обычный мозговой просвет, но с особыми фильтрами восприятия и отображения активности. Ксандер, у тебя ведь есть мозговой просвет?

– Конечно, есть, – отвечает эвол.

– Тогда я мигом сделаю мозгосмотр. Кстати, в родном мире я как раз и занималось картинномозговыми смотрами, как это у нас называется. Сразу скажу: вы не сразу поймёте, что именно видите. Но, играя с мыслями, вы научитесь рисовать очень сложные и красивые картины.

Обычный просвет мозга представляет собой маленький ящик с полусферой наверху – так называемым ядром, которое нафаршировано сложнейшей электронной начинкой. Ещё на ящике закреплён сенсорный экран, на котором и отображаются результаты в голографической или двумерной визуальной форме в зависимости от настроек. Мозговую активность анализируют с помощью тонкого прозрачного шле-

ма (а в случае центора – накидки) из саморга с не менее сложной, чем в ядре, электронной начинкой. Когда-то давно шлем соединялся с ядром проводами, но сейчас – время беспроводной связи.

Просвет мозга, модифицированный в лучших центорских традициях и приспособленный специально для Вечера Культурной Импровизации, становится настоящим художественным мозгосмотром. Он обзаводится дополнительным кольцом на ядре и кольцевидным же общим экраном. Экран этот призван демонстрировать картины мозга в голографической форме, как велит центорская традиция.

– Всё готово, друзья, – объявляет Млем. – Разбирайте шлемы, я рассчитало на каждого. И приготовьтесь увидеть то, что... невозможно увидеть. Знаю, о чём ты думаешь, Семиларен. Нет, галлюцинации от инжа с этим не сравнятся.

В самом деле, то, что видят перед собой обладатели самых разных мозгов, настолько невообразимо великолепно, запутано, необычно, впечатляюще, волнующе, иногда пугающе, что никаких земных слов не хватит, чтобы это описать. На хифсдангле, к счастью, слова для описания вполне находятся,²¹ и вся команда наперебой делится диковинными ощущениями и впечатлениями от увиденного.

– Пожалуй, пока свежо в памяти всё это, я вам пока-

---

²¹ Впрочем, переводу эти слова не поддаются напрочь. Можно было бы дать прямую кальку с хифсдангла, но это как-то... неуклюже. Как вам слова «твёрдопереливающийся», «цветолетающий», «малостопдвижение»? Вот именно.

жу один из видов теэклавелльского изобразительного искусства, – произносит Веншамея. – Во многих человеческих культурах что-то похожее есть, но у нас, замечу без ложной скромности, это искусство достигло совершенства. Это живая резьба по дереву. Забавно, что для украшения используют материалы вроде сухих листьев и цветов, мха, лишайников, костей, меха и прочего. Материал-то мёртвый, но создаёт ощущение жизни. Я надеюсь, добыть хороший кусок мягкого дерева – где-нибудь в мой рост, если можно – и горстку всяких таких штучек будет нетрудно. Сооружу что-нибудь такое, что украсит эту лужайку. Конечно, если хозяева не возражают.

– Да что за жизнь без искусства! Чтобы мы возражали против красоты! – смеётся Найя.

Коллективными усилиями Веншамею просто обвешивают всем необходимым: и материалами, и инструментами – разнообразными ножами, резаками и стамесками.

– Ну, вперёд, – шепчет бывшая теэклавелльская королева и принимается за работу.

Сколько проходит времени, не замечает никто. Внимание каждого полностью поглощено процессом, увлекательным и изящным. Но, как бы внимательно за ним ни следили, вся картина раскрывается только в завершённом виде – то есть тогда, когда к вырезанным фигурам в нужных местах Веншамея добавляет сухие листочки, цветы, кусочки меха, лишайников и даже костей. На куске дерева оказывается вели-

кое множество причудливо переплетающихся животных: теэклавелльских – бабочек, ящериц, певчих, дятлообразных и гусеобразных птиц, мышевидных грызунов, белок, оленей, львов и волков, и местных, самобытских – шлангоносов, то-ропышек, повторюнов, люциферок, термитов-беляков, жу-ползней и летюленей. Всё это многообразие точно вписано в контур довольно-таки произвольного куска старого лешего дерева.

– Просто невероятное украшение! Спасибо! – благодарит автора шедевра Ксандер.

– Что-то это мне напоминает... вспомнил! Веншамея, а Арчи Мольбодо – не теэклавеллец? – интересуется Витс.

– Нет, но его работы сильно повлияли на нашу культуру, – отвечает Веншамея и с некоторой напускной скромностью добавляет: – Вот такие вещи я иногда творю своими кривыми руками.

– Кривые руки! Да ты чё ваще! – искренне возмущается Накет. – У тебя, блин, руки гения! Талантище!

– Думаю, дело просто в практике, – пожав плечами, хмыкает Яарвокс, стараясь скрыть абсолютно те же чувства, что овладевают Накетом.

– Не думаю, что у меня какой-то там особый талант, – улыбается в ответ Веншамея, – но в моей семье искусство живой резьбы по дереву всегда ценили высоко. Ну и практика, да, куда без неё.

– Творить, это, могут, как его, любые руки, – вступает

Юрксла. – Даже сами, это самое, того не подозревая, вот. Значит, у нас, это, есть такое, ну, искусство. Как бы, случайный, это, рисунок. Нужны эти, как их, карандаши, вот, проволочки и нитки, значит, вот. И, эта, как её, бумага, да. Всё, ну, вроде как, это, совсем, ну, просто, но, это, интересно, вот. Рисовать, это, надо, как его, двигая проволочками.

Конструкция из соединённых между собой нитками и проволочками карандашей, которую сооружают шесть тоненьких ручек лопхоффслы и которая висит над бумагой, на первый взгляд не таит в себе ни капли интересного. Но она превращается в инструмент для создания сложной и замысловатой картины. Это происходит тогда, когда Юрксла просит всех одновременно попытаться что-нибудь нарисовать. Ведь особенность всего устройства в том, что движения одного карандаша обязательно отражаются на движениях других. Сначала от такого беспорядка на бумаге остаются вполне классические каляки-маляки, но когда каждый «художник» понимает, как именно его карандаш связан с другими, становится ясен истинный смысл случайного рисунка: главное здесь – не сам затейливый переплетающийся узор из геометрических фигур, силуэтов и штрихов, но единение команды.

– Так мы, это, укрепляем, как её, дружбу, – говорит Юрксла. – Тут, это, не так важно, это самое, насколько рисунок, как бы, красивый, вот. Главное, это, чтобы все, ну, вместе над этим, как его, дружно работали, значит.

– Прекрасная традиция! – одобряет Леод. – Продолжу тему: предлагаю всем пройти традиционный ягуляррский обряд укрепления джарса. В нём три части: сначала оставим следы на табличке дружбы, потом сыграем в прятки на скорость и приготовим пожелательный пирог.

– Звучит интересно! – живо реагирует Млем.

– Насчёт пирога – это вообще прелесть, – добавляет Яарвокс. – Мы ведь тут уже не первый дечас отрываемся, жрать охота!

– Тогда начнём прямо сейчас! – объявляет Леод. – То, что называют «табличкой дружбы», на самом деле – всего лишь длинная глиняная пластина. Хм... а на этом астероиде глины я вообще не видел.

– Предлагаю переместиться на Холмолесье, – откликается Ксандер. – Думаю, там и в прятки играть будет интереснее.

Команда добирается до укрытого пышной растительностью мира. На берегу обширного холмолесского озера Леод находит достаточно хорошей глины.

– Каждый должен оставить на табличке след лапы... ну, или руки, или ноги, кому что удобнее, – объясняет Леод. – Считается, чем глубже и чётче отпечаток, тем большую часть души вносит в джарс тот, кто оставляет след.

Глиняную табличку все дружно украшают двадцатью тремя следами. В основном это отпечатки образом рук, но есть там и лапы, и ноги... и даже рукрыло. Всё следы оказываются красивыми и чёткими.

– Повесим на почётное место! – радуется Леод. – Теперь, как я уже говорил, играем в прятки на скорость. Почему на скорость? Считается, что чем быстрее один друг находит другого, тем лучше он знает его повадки, и тем крепче дружба! Телепаты, не жульничать.

– Телепатия не всеильна, даже у меня, – говорит Стив. – Вот у кого нюх острый или слух – тем легче будет.

– О, Стив, совсем необязательно! Начинать водить традиция велит хозяину или хозяевам места, где проводят обряд.

– Мы готовы! – весело отзывается Найя. – До скольких считаем?

– Вместе с хозяевами нас двадцать три – значит, до двадцати трёх.

– Как скажешь. Ну, Ксань, дадим им шанс или как? Ты считать будешь или я?

– Пусть спрячутся получше, – отвечает Ксандер и отворачивается от остального коллектива. – Так и быть, считать буду я, помедленнее. Раз, два...

Времени оказывается достаточно, чтобы каждый нашёл себе место поукромнее. Когда Ксандер и Найя оборачиваются, они видят перед собой прямо-таки дичайшее Холмолестье, где, кажется, вообще не ступала нога разумного существа.

Одно, правда, находят практически сразу же.

Семиларен, вспомнив хлонокоптерские привычки, застывает на месте посреди леса и изображает из себя куст, подняв

все семнадцать рук. Издалека его и не видно среди густого подлеска.

И один бирюзовый долбик совершенно искренне принимает Семиларена за куст, в ветвях которого могут прятаться насекомые.

Почувствовав на своей шкуре силу маленького, но остро-го клюва, блент обнаруживает себя непереводаемым крепким выражением...

Дальше реакция оказывается цепной, и скорость, с которой все находят друзей, неуклонно повышается. Матерная конструкция, которую исторг Семиларен, вызывает заливи-стый хохот у Карла, который притаился недалеко от озера, что, в свою очередь, смешит Млема, которое затерялось сре-ди камней у подножия горы. Вскоре там же находится Тец-клай, у которого, как назло, зачесались рога: шкрябанье ро-гов о камень тут же выдаёт хриввалэйтна. Опять же, между камнями обнаруживают и хихикающего Юркслу. Как оказы-вается, хихикает он над полосатым хвостом Силмака, кото-рый торчит из земли поблизости. Не до конца спрятанный хвост выдаёт и Тикки, которая решила отсидеться в озере у самого берега. Неподалёку оказывается и Леод. Распластав-шись на земле среди лесной подстилки, тщательно укрыв су-хими листьями и кусочками лишайников хвост и лапы, он становится жертвой собственной маскировки – на него про-сто-напросто наступают. Необычный мяукающий и истерич-ный смех Леода помогает обнаружить Эффелину, поскольку

она незамедлительно высовывает любопытный нос с единственной ноздрей из ближайших кустов. Любопытство губит и Герна: убеждённый, что прошло уже достаточно много времени, он выходит из укрытия прямо перед командой. Его самоироничный гогот оказывается заразительным сразу для четырёх людей, которые спрятались среди древесных ветвей. На толстой ветви почти у самой земли устроился Накет, на другом дереве, повыше – Веншамя, чуть поодаль – Яарвокс, опять почти у самой земли. На четвёртом дереве находят Витса. Он залез так высоко, что Карлу приходится задействовать телекинез, чтобы его оттуда снять. В кронах двух других деревьев находят двух летающих существ – Айзела и Фиб-Фива. Глубже в чаще, в том месте, где собираются разумные слизевики, отыскивают Бастера, а на дереве поблизости – и его полуорганического собрата-киберпанка. Потом Тецклай, который хорошо знает повадки Райтлета и Сэн, предлагает поискать их в пещере мордочёса. Там пару охотников на чудовищ и обнаруживают. Остаётся Стив – его отыскать не могут долго.

– Чёрный слизевик мне в пасть! – неожиданно эмоционально восклицает Ксандер. – Телепортация! Он явно телепортнулся куда-то! Ищи-свищи его теперь.

– А это не он ли? – вдруг оживляется Витс и показывает на парящий над Холмолесьем Серп. – Вон там, внизу?

– Подкра-а-адский сы-ы-ын!!! – раздаётся с Серпа голос Стива.

– Ой, а как мы его... оттуда-то снимать будем? – беспокоится Ксандер. – Тут высоко... а летюлени уже далеко...

– Тут не выше, чем на Фирс-ы, – фыркает Карл.

И правда – терраформ ловко спрыгивает с Серпа, летит вниз... и ласточкой входит в холмолесское озеро. Выныривает Стив целым, невредимым и с вечно издевательской улыбкой на лице.

– Ну, ты нас сделал, Стив! – восхищается Леод.

– Спасибо, сам знаю! – усмехается терраформ.

– Держу пари, все нагуляли аппетит. Вернёмся на Коряжку, а по пути подумаем, кому и что хотели бы пожелать. Пирог ведь не просто так называется пожелательным. В него кладут кусочки древесной коры, на которых выщарапывают краткие пожелания одному или нескольким собратьям по джарсу. В каждом куске должно быть одно такое пожелание. Согласно традиции, для кого оно, и кто его сделал, указывать нельзя. Разгадывать потом, впрочем, можно, но только про себя. Считается, что у настоящих друзей возникает своего рода телепатия, и они могут всё понять без слов.

Вскоре команда возвращается в уютный дом эволов, на кухню, где из синтезированных тут же ингредиентов Леод выпекает пирог в буквальном смысле на любой вкус, ведь начинки у этого пирога разные: мясные, растительные, смешанные, сладкие, солёные и кисловатые... кое-где обнаруживается и живая начинка, и даже машинное масло. Далее он вкладывает туда кусочки коры с пожеланиями. Радост-

ное поедание пирога превращается и в увлекательное разгадывание отправителей и адресатов всех этих пожеланий, среди которых такие, как «Будь самим собой!», «Пусть мысли твои очистятся (читать интереснее)!», «Улыбайся чаще!», «Не скромничай!»...²²

– Предлагаю из-за стола пока не выходить, – обращается ко всем Бастер, когда исчезает последняя крошка от пирога. – Есть у нас, роботов, интересная настольная игра, которая много значит для нашей культуры. Её называют просто игрой в винтики. Звучит просто, но это сложная игра. В винтики обычно играют вчетвером, но можно и втроём, и вдвоём, или, наоборот, впятером.

Тут на пороге объявляется Гном. Сообщив Ксандеру о новом курсе системы Самобыт, он охотно соглашается присоединиться к игре. Получается шесть команд по четыре игрока. Для каждой команды Бастер устанавливает небольшое сферическое устройство – излучатель сложного магнитного поля, наподобие того, который используют в звездолётах. После настройки магнитное поле принимает форму куба, который включает в себя сто двадцать пять кубических же ячеек. Каждая команда обзаводится ста двадцатью пятью винтиками, которые даже не приходится печатать на копипринтере – ведь все они хранятся в особом отсеке корпуса Бастера.

---

²² Полный список со всеми отправителями и адресатами не позволяет дать всё та же ягулярская традиция. Считается, что каждое пожелание может относиться более чем к одному другу, а если оглашать пожелания вне джарса, это будет свинство по отношению к дружному сообществу.

– У некоторых видов существуют подобные двумерные игры, – говорит он. – Здесь нужно расположить пять винтиков в ряд в трёхмерном пространстве. Даже для робота это совсем не просто!

Бастер прав. Кажется, что над столом начинает собираться облако пара от напряжённейшей работы двадцати двух органических, одного полуорганического мозга и одного центрального процессора. Собственно, выиграть, а не довести игру до ничьей, удаётся только Стиву, Млему и, что интересно, вовсе не коренному кибервиртцу Бастеру, а его собрату-киберпанку Джексу.

– Иногда и от органического мозга польза бывает, – смеётся Джекс.

– Да, тот твой ход был совершенно нерасчётным, – признаёт поражение Бастер.

– Ха, если бы двумперцы попробовали в это сыграть, им было бы не до Млечного Пути! – смеётся Райтлет.

– В самой первой партии всегда так, далеко не в каждой команде появляется победитель, – разъясняет Бастер. – Когда втянетесь и прочувствуете всю логику, начнёте выигрывать!

– Хм, отличная игра для, э-э-э, многодочасовых перелётов, – восхищается Айзел.

– Есть ещё одна вещь для долгих перелётов. Особенно для тех, кто хочет поспать в дороге, – усмехается Тикки. – Это наши сказания о героях-первопроходцах. Изначально они

были в стихах, но Тримперия всё уничтожила, конечно. Но я одно сказание я в прозе помню. Это о самом-самом первом покорителе миров. История красивая, но, наверное, не для всех. Если захрапите, не обижусь, честно. Хозяев же я попрошу поставить печататься вот такой вот скафандр.

Когда Ксандер и Найя задают нужную программу на копипринтере, Тикки начинает рассказ:

– Давно это было. Клеа тогда ещё в домах из грязи и камня жили, а вместо денег раковины мягкотелов у них были. Жил-был один клеа, звали его Йаффити Фрьотт. Что бы ни было у него, всё ему чего-то для счастья не хватало. А уж чего у него только не водилось! И работа была на зависть – царским извозчиком был, денег – хоть жабрами греби. Дом себе отгрохал – дворец, сам царь дивился. И всё чего-то не хватало. Семьёй обзавёлся тоже на зависть – жена-красавица, мальки-умницы... но не чувствовал Йаффити счастья. Завидовали ему другие клеа, говорили:

– Всё же у тебя есть, чего тебе ещё надо?

Подумал тогда Йаффити:

– Может, не брать, а отдавать надо для счастья?

Так и поступил: дом нищему подарил, работу тому дал, кто о ней мечтал. А семья его после этого и бросила – жить негде, работы нет, зачем ты нам такой нужен. Ещё сильнее опечалился Йаффити, решил уйти от родного побережья подальше. Шёл он, шёл, куда глаза глядят, и не заметил, как высыхать начал. Осмотрелся – а нигде даже лужицы нет! В

пустошь зашёл! Вода утекает и утекает, что же делать? Думал Йаффити, думал – и подлетел вдруг к нему светлячок диковинный: одна только голова без тела, шестью крылышками машет. И спросил светлячок:

– Чего хочешь?

Йаффити и сказал:

– Чтоб вода из меня не уходила!

Раз – и костюм на нём оказался, из стеблей каких-то со- тканый. Лучше себя Йаффити почувствовал, да только голова у него непокрытой осталась. Вода текла, совсем иссох бедолага. Лёг он наземь, закрыл перепонкой глаза и стал смертного часа ждать. Лежит он, лежит, а смерть не приходит. Открыл глаза – и видит, что он уже не в пустоши, а среди гор высоких! А рядом – река полноводная. Йаффити сразу к ней побежал, сам омылся и костюм намочил как следует. Вот только воздух разреженный был, дышать было трудно. Йаффити не знал, что делать. И вдруг появился перед ним чудик трёхглазый, с двумя ногами, в шаре прозрачном, что прямо в воздухе висел.

– Чего хочешь? – спросил чудик.

– Чтоб дышать легко было! – ответил Йаффити.

Раз – и вырос у него на голове шлем хрустальный. Лучше стало Йаффити, да только мороз крепчать начал. Опять лёг смертного часа ждать, глаза перепонкой закрыл. Ждал, ждал – не идёт смерть. Открыл глаза – а он в пустыне! Жара кругом, песок... не спасал его костюм. И вода опять стала

сквозь него уходить. Отчаялся Йаффити. А тут к нему зверёк пустынный прибегает, ушастый, с шестью лапками:

– Чего хочешь?

– Чтоб ни жарко, ни холодно не было! – ответил Йаффити.

Раз – и на костюме какие-то ручки да кнопки появились из металла. Подёргал за ручки, кнопки понажимал – и хорошо стало. Йаффити вздохнул всеми жабрами, да и подумал:

– Вот оно, счастье!

Да не тут-то было! Перепонкой моргнуть не успел – а он уж среди звёзд! Воздух из костюма уходить начал, никакие ручки и кнопки не помогали. Вдруг появилась перед ним рыба многорукая – почти как клеа, только поменьше, и руки у неё отовсюду росли. Спросила она:

– Чего хочешь?

– Жить хочу! – ответил Йаффити в великом страхе.

Раз – и на костюме у него какие-то шланги, мешки да клапаны появились из кожи и сухожилий чьих-то. И понял Йаффити, что не угрожает ему ничего больше: и давление наладилось, и температура, и метан поступать начал. Хорошо ему стало. Но подумал он:

– А куда же мне теперь деваться? Космос не вода – не поплывёшь, не суша – не пойдёшь, не воздух – не полетишь...

Делать нечего было Йаффити – и смертного часа ждать глупо, и деваться некуда. Стал он скафандр свой изучать – как устроен, из чего сделан, что как работает. Разобрался, всё понял, и увидел вдруг перед собой звёздного кита-испо-

лина.

– Молодец, – сказал кит, – наукой занялся!

– Наукой? Что такое «наука»? – удивился Йаффити.

– А то, что ты делал сейчас – узнавал, как что устроено, как что работает. Всё же узнал, верно?

– Одного я только не понял: как всё это появилось? Неужто по волшебству?

– И у волшебства есть источник. Не сносить мне головы за это, но скажу я тебе по секрету: это всё происки злого колдуна Ырныга. Любит он ложную надежду вселять, а тех, кто счастье ищет, убивает жестоко.

– Откуда ты это знаешь?

– Другие миры изучаю.

– Разве мир не один?

– Нет, их очень много. Садись мне на спину, я тебе покажу.

Только на новую планету сели, как объявился злой колдун Ырныг. Кит уменьшился вдруг, почти совсем исчез, а у Йаффити костюм пропал.

– Вот ты и попался! – завопил Ырныг. – В чужом мире ты, убью я тебя тут! Не люблю тех, кто счастье ищет. Ложное утешенье им давать люблю, а потом на чужбине бросать. Вернусь через три дня, попляшу на твоих косточках! Никто тебе не поможет! И колдовать не вздумай – почую, сразу головы лишишься!

И испарился. Посмотрел Йаффити, что за мир кругом –

ужас! Пустошь в горах, воды нет, воздуха мало! Растерялся сначала Йаффити, но кита голос вдруг услышал:

– Наука! Вспомни о науке!

Задумался Йаффити, осмотрелся и увидел: вот стебли какие-то, вот хрусталь, вот металл, вот труп чей-то. Вспомнил, как скафандр устроен, и принялся за работу немедленно. Немного воды потерял, быстро скафандр себе сделал. А там и домик соорудил, и пищу нашёл инопланетную. Понял Йаффити:

– Вот оно, счастье – новые миры изучать да покорять!

– Рано радуешься! – услышал он голос Ырныга. – Нарушил мои правила, колдовством занялся! Готовься к смерти!

Собрал колдун все силы злые, направил на скафандр – и ничего не вышло у него, не смог убить Йаффити! Пробовал, пытался, кряхтел, старался – всё без толку.

– Что за наваждение такое! – возмутился Ырныг. – Почему не получается? Ведь нет колдуна сильнее меня на свете!

– Наука! – вспомнил Йаффити китовье слово. – Вот что сильнее твоего колдовства! И счастье она даёт. Могу и тебя счастливым сделать!

Ырныг желаний своих устыдился, перевоспитался и тоже наукой занялся. И вместе с Йаффити они звездолёт построили, на котором в далёкий Космос полетели. Но это уже совсем другая история...

– Э-э-э, храпеть под такое? – искренне поражается Айзел. – Да это же, гм, чудеснейшая история! Ах, представляю,

эм, как она была хороша в стихах.

– Наверное, не знаю, – пожимает плечами клеа. – А вот, собственно, и тот самый скафандр. Ужасно древний и не слишком-то удобный, но он дорог нам как напоминание об этом сказании и о многих других. Надеюсь, я в него влезу...

– Ты-то влезешь! – не упускает случая вставить своё слово Эффелина. – Это я жирная стала...

На последнюю реплику тонкого существа, которое и не на всяком-то ветру устойчиво, вся команда дружно не обращает ни малейшего внимания, хотя и обсмеивает про себя.

Вскоре Тикки предстаёт перед командой в первооткрывательском облачении – полосатом скафандре с прозрачным шлемом, множеством шлангов, кнопок и ручек и двумя баллонами по обе стороны спинного плавника, прикрытого прозрачной оболочкой.

– А земляне до сих пор примерно в таких же скафандрах в космос ходят, – комментирует Витс. – Не приживаются у нас космические технологии.

– Да, увы, – с горечью кивает Карл. – Но я убеждён, что когда-нибудь земляне всё-таки последуют за высокоразвитыми сородичами в Космос. Когда-нибудь. Ведь это не роскошь, не просто романтика путешествий и открытий. Это вопрос выживания.

– Пока гром не грянет, мужик не перекрестится...

– А у нас, пока гром не грянет, культурное наследие восстанавливать не будут, – вздыхает Тикки. – Всё мы растеряли

под этой пропагандой и страхом смерти. Да и если у кого-то в семье что-то сохранилось... ну, это долгая история. Не то чтобы у нас была какая-то уж прямо великая культура, но...

– А я считаю, что она прекрасна! – выпаливает Млем. – Тикки, запиши это всё, пожалуйста! И сказание, и про скафандр! Кстати, тебе идёт.

– Скафандр кое-кому пригодился бы! – вспоминает Семиларен.

– Спасибо, – слегка улыбается Тикки. – Надо же, как все заинтересовались. Я думала, всех будить придётся... да пофиг.

– Пофиг ей на всё, да! Посмотрите-ка на неё, вот врушка! – обвиняет Тикки в лжепофигизме Эффелина.

– Мне пофиг, что ты об этом думаешь, – отзывается клеа. – И всё же я считаю, что надо всем как-то встряхнуться. Хочется чего-нибудь бодренького и весёлого... в кои-то веки.

– Ну, есть кое-что весёленькое у нас с Герном для вас, – оживляется Яарвокс. – Предлагаем сыграть в интересную игру. Она, конечно, из воровской среды пришла, но что ж поделать. Наши с Герном миры такие, что из них и взять-то нечего. Лично я, например, не хочу иметь ничего общего с «культурным наследием» моей планеты. Всё это «наследие» – либо криворукое, безвкусное и бессмысленное творчество толстожопых богачей, либо тех, кто этим самым богачам старается угодить.

– А на моей планете, как вы могли догадаться, культура основана на вечной борьбе за густую шерсть... ну, то есть, за власть, – поддерживает Герн. – В воровском сообществе куда интереснее и веселее. Так что позвольте предложить вам нашу любимую воровскую игру под названием «Лес рук». Если, конечно, у вас кишка не тонка!

– Герн хотел сказать, если хозяева не возражают...

– Да чего вы стесняетесь? – смеётся Сэн. – Вы ж воровали ради блага угнетённых! Поделитесь навыками!

– Кто знает, может, они понадобятся для чего-нибудь, – произносит Ксандер. – Нет, я ничего против не имею.

– Отлично! – ободряется Ярвокс. – Всё очень просто. Даже не придётся – вам, по крайней мере – вставать из-за стола. Я попрошу хозяев раздать каждому по одному какому-нибудь мелкому предмету. Не волнуйтесь, мы всё вернём!

Заинтригованные Ксандер и Найя быстро раздобывают всякую мелочь – столовые приборы, письменные принадлежности и всякие сувенирные безделушки для всей команды.

– Прячьте их, как можете, – продолжает инструктаж Герн. – По правилам, мы уходим из помещения настолько далеко, чтобы ничего даже не услышать.

Ярвокс и Герн покидают кухню и даже сам дом эволов. Почти все находят интересные способы упрятать мелкие предметы – даже те, кто не носит одежду. Всё никак не может разобраться только Эффелина.

– Мне-то что делать? У меня ни рук, ни шерсти... – пере-

живает она.

– Крылья, крылья! – тихо подсказывает Фиб-Фиб.

– А, точно...

– Всё упрятали? – раздаётся далёкий голос Герна.

– Всё! – дружно отвечает команда.

Ярвокс и Герн вновь присоединяются к коллективу.

– Теперь вы все должны сделать тот самый «Лес рук», – говорит Ярвокс. – Закрывайте друг дружку руками – ну, или тем, у кого что есть. Постарайтесь сделать так, чтобы ни один вор ничего не смог стащить ни у вас, ни у вашего товарища, это важно!

– А если вы и впрямь не сможете ничего сделать? – с хитрой улыбкой интересуется семнадцатирукий участник игры – Семиларен.

– Мы профессионалы, – подмигнув, отвечает Ярвокс. – Да начнётся игра! Сейчас поставим какую-нибудь весёлую музыку, выключим свет и попробуем вас всех обокрасть! Сопровивляйтесь изо всех сил, серьёзно вам говорю!

– Телепаты – не жульничать? – предполагает Силмак, кивнув в сторону Стива, Карла и Млема.

– Пусть читают все наши мысли! Мы и телепатов обдирали – думаете, мало таких на имперской службе? То, что мы с ними пока не встретились – это просто удачное стечение обстоятельств, чистая везуха. Ладно, Герн, понеслась!

Герн оставляет на столе коннектар, из которого доносится бодрая музыка, припасённая специально для любимой иг-

ры, а Яарвокс выключает в кухне свет. Сначала в темноте не слышно ничего, кроме музыки. Но затем начинают прорываться вскрики, громкий шорох и дикий хохот.

Музыкальная композиция оказывается достаточно короткой. Сразу же после того, как она заканчивается, в кухне вновь включают свет. К всеобщему удивлению, обворовать Яарвоксу и Герну удаётся всех без исключения.

– Так, делитесь секретом, жулики подкрадские! – не скрывающая изумления, восклицает Стив.

– Да нет никакого секрета, одна практика, – смеётся Герн. – Ладно, ладно, есть кое-какие хитрости, я с удовольствием расскажу. Во-первых, ели чувствуешь сопротивление, надо постараться отвести его от нужного места, отвлечь внимание. Лучше всего сделать вид, что ты что-то подсовываешь. Жертва отвлекается, тут-то и надо тащить! А во-вторых, ощупывать жертву надо легчайшими движениями, едва касаясь её. Почти что удалённо. Это я своими тремя руками лучше всего умею делать.

– Не знаю, не знаю, кто-то из вас меня потрогал весьма ощутимо, – сомневается Веншамея. – И я даже догадываюсь, кто именно.

– Можешь думать, что хочешь, но я не специально, – смеётся Яарвокс. – Ну, рука соскочила, извини.

– Конечно, не специально он, – ворчит Накет. – Рука соскочила... извращенец ты, вот чё!

– Да не кипятись ты, – охлаждает пыл кавалера Венша-

мея. – Пусть порадуется хоть раз. Больше-то ему такого шанса не выпадет!

Мысленно послав в самые далёкие от цивилизации места и Накета, и Веншамею, а также ближайших родственников обоих, Ярвокс продолжает краткую лекцию об искусстве воровства:

– А для телепатов нужна особая техника. Надо забивать голову всякими тупостями, тарабарщиной, бессмысленными сочетаниями звуков. И очень хорошо ещё идут похабщина и мат. Прочувствовали, правда?

– Ещё бы! – отзывается Млем. – Только Стефана не хватает с толстым блокнотом. Светлая ему память.

– Полезная какая игра, – замечает Силмак. – А как же защищаться?

– Не поверишь, – отвечает Герн. – Положи самое ценное на самое видное место – и ни один вор не докопается. Серьёзно, даже на нас это правило действует! А уж мы-то такие мастера...

– Между прочим, – вступает Ярвокс, – я только что понял, что мы никогда не пытались обворовать друг друга. Не помню я такого!

– Кстати, да. Давно пора выяснить, кто из нас круче!

– Конечно же. Заодно ещё повеселим почтеннейшую публику...

– Да, нам с тобой и прихватывать ничего не надо – есть карманы в моём плаще, а про твою жилетку и говорить нече-

го. Кстати, всё сворованное возвращаем. Хозяева, проверьте, не заныкали ли мы чего-нибудь по старой памяти.

Ксандер и Найя не обнаруживают ни одной пропажи. Тогда Яарвокс и Герн садятся за стол друг напротив друга. Вновь гаснет свет, и начинает звучать весёлая музыка. Несмотря на то, что мастера воровского дела полностью поглощены процессом, от неистребимого смеха соревнование их не избавляет.

Скоро музыка заканчивается, и зажигается свет. Кое-что бросается в глаза всем, но соратники двух контрабандистов всё-таки сдерживаются и делают вид, что ничего не изменилось.

– Ха, Яарвокс, все твои кармашки я обчистил! – радуется Герн. – У тебя в жилетке ничего не осталось! Признай, что я круче тебя!

– Эх... значит, в твоём плаще ещё что-то есть? – притворно мрачно откликается человек.

– Если ты и спёр чего-нибудь... стоп! А где плащ-то???

Движением фокусника Яарвокс достаёт из-за спины чучундрский плащ со всеми потрохами.

– Хитрец! Ловкач двурукий! Уделал меня, чёрт! – скрежеча зубами, признаёт своё поражение Герн.

– Надо это запомнить, пожалуй, – задумчиво произносит Тецклай. – Кто знает, куда нас дальше занесёт...

– А я знаю, куда, – весело реагирует Джекс. – Пойдём-ка снова на ту лужайку. Один вопрос: там можно будет ещё раз

ненадолго отключить свет? Сразу говорю – это с воровством не связано!

– Само собой, конечно, – отвечает Ксандер.

– Спасибо! Просто все эти игры со светом меня вдохновили, и я вспомнил, что могу подарить вам ещё одно интересное украшение. Пожалуйста, разрешите воспользоваться биореактором.

Скоро команда возвращается на стартовую площадку Вечера Культурной Импровизации – на лужайку перед домом Гнома. Там уже темно. Но у Джекса всегда с собой яркий фонарик. Ещё он приносит небольшую кадку и какое-то странное зерно, которое быстро пульсирует и меняет цвет.

– Прямо на ваших глазах сейчас вырастет красивейшее существо, которое может стать украшением не только для лужайки, но и для целого астероида, – обращается ко всем Джекс. – Хозяева Самобыта, не беспокойтесь: этот организм, фоторост грибыстрый фордокс-приманский, растёт только на особом субстрате, составом которого я охотно поделюсь, если вас это заинтересует. Фоторост даже не попытается выйти за пределы кадки – настолько он привязан к своей питательной среде и узкоспециализирован. Настоящий стенобионт. Надо заметить, художественное выращивание фотороста – искусство довольно новое, но я полюбил его сразу же, как только попробовал.

Джекс кладёт зёрнышко на поверхность питательного субстрата в кадке. После этого он подносит к самому зерну фо-

нарик. С десятков стеков ничего не происходит, но затем из зёрнышка внезапно выбрасывается маленький зелёный побег. Побег с удивительной скоростью начинает тянуться к фонарику, который Джекс отводит назад. Побег останавливается, словно в недоумении. Джекс вновь подносит фонарик поближе и водит им из стороны в сторону. Покачиваясь, побег опять старается дотронуться до него. Джекс принимается размахивать фонариком всё быстрее и в самых неожиданных направлениях. Побег быстро повторяет путь света, но затем ещё раз останавливается. Джекс снова подманивает побег светом, и тот ускоряет свой причудливый рост. Джекс заставляет побег расти и прихотливо извиваться в погоне за светом, огибая уже пройденные пути и покоряя новое пространство. Зрелище настолько завораживающее, что никто и не замечает, что фоторостный побег уже вытянулся выше головы Джекса, и что киборгу приходится удлинить стальные руки, чтобы завершить эту живую композицию. Добавив в конце особенно элегантную завитушку, Джекс выключает фонарик.

– Включите свет, пожалуйста, – просит Джекс хозяев Самобыта.

Когда свет заливает лужайку, вся команда издаёт искренний восхищённый вздох. Кажется, что и Бастер, который по понятным причинам не умеет дышать – тоже.

Над питательной средой в кадке возвышается удивительное древовидное создание, разноцветные «ветви» которого

образуют то щупальца, то мицелий, то шипы, то конечности и отростки животных, то геометрические фигуры, то затейливые сложные узоры. При этом они переплетаются, пересекаются, сталкиваются и расходятся в разные стороны самым изумительным образом. Постепенно мягкий фоторост покрывается прочной блестящей коркой с радужными переливами.

– Вот что надо посадить на Лазуритовом Валуне! – наконец нарушает восторженное молчание Найя.

– После того, как внесём туда архей, – вставляет Ксандер. – И не спорь, Най, в этот раз.

– Да уж не буду, не переживай.

– С удовольствием поделюсь рецептом питательного субстрата и генетическим кодом фотороста, – уверяет Джекс.

– Наверное, я задам не очень умный вопрос, – мнётся Витс, – но... что же это такое? Растение? Гриб? Или... этот... ростосинт?

– Это симбиотический организм, который состоит – правильно! – из ростосинта и гриба, – объясняет Джекс. – Благодаря этому фоторост – отличная основа для новой экосистемы. Он может быть и продуцентом, как растение, и консументом, как животное, и редуцентом, как гриб! Но только на своей питательной среде, откуда он берёт энергию и необходимые вещества для синтеза нужных ферментов.

– Как интересно!

– Эм, как я понимаю, он, гм, выведен искусственно? – ин-

тересуется Айзел. – Никогда, э-э-э, не видел ничего подобного.

– Да, это одно из достижений фордокс-приманской биотехнологии, – с гордостью отвечает Джекс.

– Красота! – восклицает Эффелина. – Пожалуй, фоторосту я посвящу свой медленный танец. У нас, элгантин, танец – самый главный вид искусства. Особенно медленный, который в прошлом считали священным. Вам сначала покажется, что я не двигаюсь, но так и надо. Движения должны быть постепенными, плавными и едва заметными. Когда посмотрите, всё поймёте. Надеюсь, музыка для танца где-нибудь найдётся...

– «Тынглгрес»²³ в помощь! – заявляет Бастер и в считанные деминуты находит в ГИС нужные образцы элгантинской музыки.

– Спасибо. Ну, я начну.

Музыка, как ни странно, оказывается не такой уж и медленной – у неё где-то средний темп. А вот движения Эффелины и впрямь едва заметны. Сначала она неспешно изгибает всё тело в форме буквы «S», затем приподнимает и отводит назад крылья, после чего медленно переставляет ноги, то сводя их вместе, то разводя. Завершающим движением танца является поворот головы на сто восемьдесят градусов.

---

²³ «Тынглгрес» – всеобщий поисковик в ГИС. Как «Гугл» или «Яндекс», только лучше. Название образовано от хифсданглийских слов «тынглен» («искать») и «грслето» («всякий», в значении «любой»).

– Красиво, – без тени сарказма произносит Тикки. – И да, чтобы ты ничего мне не говорила: на настоящее искусство мне не пофиг!

– Медленный танец – это романтично, – поддерживает Райтлет. – Надо нам с тобой взять на вооружение, Сэн.

– Согласна, корфилль! – отзывается тц-рики.

– Но я бы сейчас ускорил ритм. Есть у меня один танец. Нетрудно догадаться, какой – охотничий. Хозяева, а можно тут развести костёр где-нибудь?

– Можно, – отвечает Ксандер.

– Отлично. Мне нужно восемь.

– Никаких проблем!

И всё-таки голос Ксандера приобретает дрожащую нотку.

– Безумец, – еле слышно произносит он и тут же извиняется, рассчитывая на острый слух сартонари: – Прости, я...

– Мне даже нравится, когда меня считают безумцем, – улыбается в ответ Райтлет.

Итак, сартонари обустроивает себе небольшую танцплощадку, которую ограничивают восемь горящих костров. Чуть поодаль Райтлет располагает коннектар с уже приготовленным музыкальным сопровождением.

– Каждый элемент в этом танце символизирует охоту на какое-то определённое чудовище, – разъясняет Райтлет. – Но показывать можно только охоту на тех, с которыми ты действительно имел дело. Чем выше мастерство охотника, тем сложнее танец, тем больше в нём деталей. Не люблю хва-

статься, но мои чёрные доспехи позволяют многое... Сэн, поскольку знает, переведёт язык танца.

Райтлет запрыгивает на площадку между восемью кострами. Уже самое первое движение, которое изображает поиск и выслеживание добычи, заставляет всех наблюдателей напрячься. Что уж говорить о дальнейшем! Мощные, быстрые и ловкие выпады, прыжки и кувырки в воздухе, взмахи крыльями, хищное щёлканье зубами и причудливые движения руками с выпущенными когтями заставляют всю команду практически видеть добычу, на которую «охотится» Райтлет. Сэн только и успевает восклицать с всё нарастающим возбуждением:

– Тавромин! Саннокен! Гарпид! Хольквинский дьявол! Рухрок! Марсианский электрощупалец! Шестиногий дракон! Семиногий!! Одиннадцатиногий!!! Змееклюв-вломинго! Рогоморд! Прибрежный засадник! Чёрный грифон! Проглотон! Изгибан! Трёхглав! Кораблеед!!! МЕГАЖУТ!!!

Последние элементы сложного танца настолько знакомы и свежи в памяти команды, что некоторые начинают непроизвольно озираться в поисках исполинского чудовища. И тут же успокаиваются, когда Райтлет с победным рыком обрушивается на невидимую добычу. В конце, подбросив в воздух и поймав когтями за морду очередного незримого одиннадцатиногого дракона, Райтлет высоко подпрыгивает, клацает челюстями и с диким рёвом взмахивает крыльями. Взмах этот настолько мощный, что тут же гаснет огонь во

всех восьми кострах.

– Да ты же в одиночку можешь всю Двумперию раскидать! – восторгается Семиларен.

– Только рук у меня поменьше, чем у тебя! – отдышавшись, отвечает Райтлет.

Сэн же не может облечь своё восхищение в слова и просто повисает на возлюбленном, обвивая его хвостом. Райтлет отвечает ей крепчайшими объятиями, которые возвращают ей дар речи:

– Ух ты ж! – выдыхает она и отпускает корфилля.

– После такого надо дух перевести, – отмечает Карл. – Даже я напрягался и искал невидимую добычу, честно.

– Кому бы перевести дух, а кому наоборот – немножко напярчь гортани, – смеётся Стив. – Красоту языка хокен лучше всего постигать через пение, любимое наше искусство. Конечно, звучание для многих из вас будет непривычным. Сейчас я дам вам текст «Великой Песни Преобразователю Планет». Учтите, что перевод на хифсдангл довольно кривой, поскольку не все наши понятия можно на него перевести. Может показаться, что эта песня просто о терраформировании, но в ней гораздо больше смыслов. И рифма у нас специфическая, без потери содержания вряд ли удастся передать. Я, конечно, не утверждаю, что это навсегда. Быть может, какой-нибудь талантливый поэт – Литер Стилий, например...

– Пошёл ты, – неслышно шипит Айзел.

– Не пошёл я. Так вот, какой-нибудь талантливый поэт

сможет перевести всё правильно и красиво. Но пока это никому не удавалось. Надеюсь, вы и так получите удовольствие. Я сам точно получу! Проклятый я эгоист, ха!

Стив прочищает верхнюю гортань в горле и певчую в груди, после чего, подняв голову и раскинув руки, начинает петь. Действительно, самый сложный язык проявляет себя во всей красе. Земное ухо расслышит в нём и тонкие птичьи трели, и глубинный вой, и резкие щелчки, и низкое жужжание, и звучные металлические тона. Рифма в этом удивительном сочетании звуков проявляется далеко не сразу даже для тех, кто не впервые слышит хокен. Но уж когда проявляется, она вызывает у слушателей ещё больше восторга перед песней и даже некоторое благоговение.

Перевод не может похвастаться особым звучанием и даже полной передачей заложенного смысла, но даёт понять, о чём вообще песнь:

Перед тобой – новый мир.

Для тебя он огромен, как ты – для друзей, невидимых глазу.

Но ничего живого пока нет на этом просторе.

Органическое вещество – не редкость,

Жизнь может зародиться и сама –

Но не везде условия благоприятны,

Тут и нужна твоя рука – управляемая научным знанием,

Снабжённая инструментами.

Если жизни никак не появиться, не развиться самой –

Саму планету преобразуй с умом.
О, сколько соблазнов таит это дело!
Как хочется добавить что-то своё,
И побольше – и в климат, и в рельеф!
Но на то тебе и четыре мозга,
Чтобы знать меру.
Искусство терраформирования тонко;
Добавь оригинального, но сохрани исконное.
И знай: если берёшь ответственность,
Оставь знак – помоги будущему разуму в познании мира.
Новую планету, которой теперь нет равных,
Обогати жизнью –
Расставь тут и там реакторы,
Помоги собраться нужным веществам.
Следи внимательно: как пойдёт эволюция,
Как жизнь станет расширять границы,
Собери реакторы и смотри дальше.
Разум прихотлив, развивается не в каждом мире.
Можешь помочь ему, а можешь оставить мир диким –
Всё зависит от повадок существ.
Лучше всего – без лишней нужды миры,
Твоей рукой когда-то задетые, не трогать.
А мир, развитый сам по себе,
Вообще не нуждается в твоём творчестве.
Но уж если полёт мысли необходим,
Сбереги его первоисточник, кем и чем бы он ни был;

Подсоби, но не переборщи: у нас одни понятия о гармонии,

А в иных мирах они могут отличаться.

Потому – пресекай лишь самое губительное,

И даже на этот шаг не иди стгоряча, не подумав.

Хватит и того, что ты создал новое обиталище жизни,

Сделал Вселенную ещё более интересным местом!

Ведь жизнь – самая прекрасная, разнообразная

И могущественная её часть!

Тебе ли, живому, представителю древнейшей цивилизации,

Не знать!

Всеобщее молчаливое восхищение прерывает Семиларен:

– Ни у кого новой челюсти не найдётся?

– Скажи, чья нужна – добудем! – шутит в ответ Райтлет.

– И вправим, – добавляет Сэн.

– И мне тогда тоже, пожалуйста, – вступает Витс. – Да, то, что я слышал в записи – это... н-нет, я н-не им-мею п-права, н-не см-мею ск-казать, что эт-то н-не... н-но... п-по сравнению с эт-тим... Стив, у тебя просто талант!

Стив специально выжидает несколько мгновений, после чего выдаёт свою коронную фразу – разумеется, с широченной улыбкой на узком лице:

– Спасибо, сам знаю! Ну, Витс, валяй – твоя очередь. Тоже споёшь нам чего-нибудь, а?

– Нет-нет, у меня нечто совершенно иное. На том клочке земной суши, где мне довелось появиться на свет, развито искусство абсурдного юмора. Как я понял, у блентов оно тоже много значит, но туманглийский абсурдный юмор – это отдельная история. Дайте мне пару деминут на подготовку, и я покажу вам юмористическую сценку.

Итак, на лужайке вырастает стол с многочисленными ящичками разного размера, которые не видны зрителям. За столом стоят три кресла. В центральное усаживается Витс. Надев на себя типичную деланную улыбку телеведущего, он начинает:

– Добрый вечер, дамы и господа, с вами новый выпуск шоу «Интересные люди». Первый наш сегодняшний гость – это очень интересный господин Пол Дюйминс из Ливерчестера.

Витс вынимает из ящичка спичечный коробок и кладёт его на стол, после чего открывает коробок и говорит туда:

– Добрый вечер, господин Дюйминс!

Далее он отвечает тоненьким голосом, будто бы из короб-ка:

– Здравствуйте, Майкл!

– Господин Дюйминс, что делает Вас особенно интерес-ным?

– Ну, я всего полдюйма ростом...

– Это безумно интересно! Спасибо, что пришли к нам на шоу, господин Дюйминс.

– Я знал, что это покажется Вам интересным, но, вооб-

ще-то...

Витс закрывает коробок.

– Господин Пол Дюйминс из Ливерчестера... полдюйма ростом. Наш следующий гость – господин Норман Бегтон из Бруйтона, человек с пятнадцатью ногами!

Другим голосом, словно со стороны, Витс сообщает:

– А он убежал!

– Какая жалость. Ну да ладно, немало на свете и других интересных людей. Например, господин Джек «Два Гаража» Артурсон из Андовера – известный композитор, автор множества симфоний. Добрый вечер, господин Артурсон.

Витс пересаживается на кресло слева и отвечает другим голосом:

– Добрый вечер.

– Мы все в восторге от Ваших симфоний.

– Спасибо.

– Могу ли я у Вас поинтересоваться: откуда появилось прозвище «Два Гаража»?

– Вообще-то, я не очень люблю это прозвище... ну, так называют меня некоторые приятели.

– У Вас в самом деле два гаража?

– Да нет, у меня один гараж. Я подумывал купить ещё один, вот меня и начали называть «Два Гаража».

– Несмотря на то, что у Вас один гараж?

– Да, да... может, поговорим о музыке?

– А сейчас Вы собираетесь покупать второй гараж?

– Нет!

– Понятно. А Ваш гараж...

– Пожалуйста, хватит об этом, давайте лучше поговорим о моей музыке!

– Хорошо, я понимаю. Вы пишете музыку... в гараже?

– Нет, ни в коем случае!

– А когда-нибудь писали? Вы писали музыку в гараже?

– Нет, и не собираюсь! Сколько можно!

– А, я понял! Вы хотите купить второй гараж, чтобы творить там!

– Пожалуйста, прекратите говорить о гаражах! Давайте я Вам лучше расскажу о моей музыке!

– Хорошо, только позвольте задать Вам ещё один вопрос. Вы увлекаетесь вышиванием?

– Что???

– Вышиванием? Вы занимаетесь вышиванием?

– Какое это отношение имеет к моей музыке? Как Вы мне надоели! Я ухожу!

– Катись, катись отсюда, «Два Гаража». Тоже мне композитор. Наш новый гость куда интереснее! Это господин Ноул Невидиман из Южного Стопвилля, который совершенно невидим. (Повернувшись к креслу справа): Добрый вечер, господин Невидиман.

Витс достаёт из ящичка в столе круглые очки, надевает на себя и пересаживается в кресло слева от ведущего.

– Я вообще-то здесь, Майкл, – занудно протягивает Витс

в новом образе.

– Вы... Вы уверены, что совершенно невидимы?

– Абсолютно уверен.

– Господин Невидиман, каково это – быть невидимым?

– Ну, там, где я работаю, меня никто не замечает. Весь день никто даже не смотрит в мою сторону. Дома мы с женой совсем не разговариваем, несмотря на то, что находимся в одной комнате. На улице люди проходят мимо меня, совершенно меня не замечая... даже Вы сейчас меня игнорируете!

– Поскольку речь у нас идёт об интересных людях, нельзя не упомянуть господина Грома Горлодрала, который дважды стал обладателем звания самого интересного человека в Нетингоме. Господин Горлодрал, я правильно понимаю, что вы увлекаетесь криком?

Витс пересаживается в кресло справа от ведущего и вопит оттуда:

– Да, всё верно!!! Это правда!!! Да, Майкл, Вы прямо попали в точку!!! Совершенно, абсолютно точно!!!

– А что думают об этом Ваши соседи?

– Это замечательно!!! – изображает Витс отдалённый крик.

– Заткнитесь вы там!!! Эти соседи житья не дают!!! – надывается «Горлодрал».

Витс-ведущий достаёт из очередного ящичка два ведра, горсть кедровых орехов и очаровательную плюшевую выдру, на чьи лапки надеты... гетры. При виде выдры Тецклай за-

метно настораживается и, кажется, начинает интересоваться происходящим ещё больше, чем до этого – хотя его никак нельзя было упрекнуть в равнодушии к предыдущим сценам. Ржал он чуть ли не громче всех.

– А сейчас вы увидите кое-что особенно интересное. Выдра в гетрах из недр тундры бодро тырит в вёдра ядра кедров!

Плюшевая выдра в гетрах стараниями рук Витса и впрямь натyrивает в ведро все ядра кедров.

– Выдра в гетрах из недр тундры!

– Это же выдра!!! – кричит «Горлодрал».

– Но она же интересная!

– Я куда интереснее выдры!!!

– Как Вам угодно. Наш последний сегодняшний гость – господин Тикетто Чароделли из Сапожковии, который утверждает, что может усыплять булыжники с помощью гипноза. Добрый вечер, господин Чароделли.

Витс в очередной раз меняет образ: теперь он надевает на себя плащ, цилиндр... и безумный взгляд.

– Вечер добрый.

– Вы утверждаете, что можете усыплять булыжники.

– Да, это так.

– Только с помощью гипноза?

– Да, я не использую никаких других средств. Я просто смотрю на булыжник, и он засыпает.

– У нас есть для Вас булыжник. (Достаёт камень из ящичка). Сможете его усыпить?

– Боюсь, он уже спит.

– Как вы это поняли?

– Он не двигается.

– Ясно. Значит, вам нужендвигающийся булыжник? Да, у нас есть и такой! (Встаёт из-за стола и бросает камень в сторону «Чароделли»).

– (Уставляется на булыжник, делает пассы руками). Всё, он заснул!

– В самом деле, очень интересно! Дамы и господа, мы прощаемся с вами до следующей недели. Не пропустите новый выпуск шоу «Интересные люди»!

По правде сказать, Витс не ожидал такого успеха. Вся команда буквально катается со смеху и смеётся так, что слышно на всём Самобыте.

– Уморительно!!! Восхитительно!!! – пуще всякого Горлодрала вопит Силмак.

– Какая нелепая гибель – от смеха... – напротив, еле слышно выдавливает Тикки, лёжа на спине и подёргивая ногами.

– Я рад, что вам понравилось, – со скромной улыбкой отзывается Витс. – Я постарался сделать так, чтобы смешно было всем, чтобы юмор поняли все, а не только земляне и уж тем более тумангличане.

– Тебе удалось! – восклицает Леод. – Ты молодец!

– Витс, – отдышавшись, обращается к источнику всеобщего дикого хохота Млем. – Прости, пожалуйста, что я лезу

в твои мысли, прости за откровенность. Но мне просто интересно. Почему ты пошёл в драму, а не в комедию? Ты же талантливый комик!

– Ну...

Витс вдруг заикается:

– В-вообще-то, и-изн-начально я х-хотел ст-тать худ-дож-ником, н-но род-дители з-заставили м-меня п-пойти в т-те-атральное уч-чилище. Т-там я п-попытался п-пойти в к-ко-мики – эт-то мне б-было ч-чуточку б-ближе... а род-дители ск-казали, что д-драма лучше, п-престижнее, и де-денег б-больше п-плат-тят. М-мне эт-то н-не нравилось, н-но я н-не ст-тал п-переч-чить...

Витс начинает чувствовать себя ужасно неловко. Почти вся команда смотрит на него так, будто у них на глазах он превратился в какое-то чудище. Лишь выходцы из малоразвитых сообществ – Накет, Яарвокс, Герн и Эффелина – сочувственно улыбаются Витсу. Остальные же явно поражены.

– Так, стоп, стоп! – громко вступает Стив. – Ещё раз. Родители заставили тебя идти туда, куда тебе не хотелось?

– Н-ну, д-д-да... – мямлит Витс.

– Они не дали тебе свободы выбора?! Они не дали тебе найти занятие по душе, своё призвание???

– Н-нет... н-но он-ни ж-же хот-тели д-для м-мен-ня луч-шего... д-для м-моего же б-благ-га...

– Подкрады несчастные!!! – взрывается Стив. – Дикари твои родители, дикари! Это же очень тяжёлая травма! В са-

мое важное время, когда ты должен был выбрать свой жизненный путь, тебе не дали этого сделать! Кошмар!!!

– Та-такое ч-часто б-бывает, н-ничего ос-собенного. Я б-бы н-не стал п-преувелич-чивать. Или...

Стив подходит к Витсу вплотную и касается его лба пальцами правой руки.

– Ты никогда раньше не раскрывал этого, – грудным голосом произносит терраформ. – Держал так глубоко, что этого не видел ни один телепат. Ты думаешь, что просто не придавал этому значения. Но на самом деле ты прекрасно понимаешь, что именно с тех пор изменился не в лучшую сторону.

– Не может быть, чтобы в этом были виноваты мои родители! – перестав заикаться, возмущается Витс.

– Ты пытаешься их оправдать, потому что в твоей культуре принят авторитет предков. Но теперь, когда ты больше не под их давлением, признай, что они разрушили твою жизнь. Они сделали тебя – не прямо, конечно, но косвенно – мерзавцем. Ты стал им от отчаяния и душевной боли.

– Нет! Не верю! Стив, ты спятил!

– Всякое разумное существо, которому не дали ступить на собственный путь, лишили своего призвания, несчастно. Кто-то может потом измениться, а у кого-то ломается вся жизнь! Ты же видишь, что именно это, помимо всего прочего, практиковала Тримперия и продолжает Двумперия. Разве не с этим мы боремся – с тем, что одни существа, возмнив себя выше других, не дают другим находить своё при-

звание и разрушают судьбы?

– Но это не то же самое!

– Как раз то же самое! Немного различаются масштабы, но смысл тот же. Подумай хорошенько, загляни в себя поглубже. И ты поймёшь, что я прав.

Стив убирает пальцы со лба Витса. Человек изо всех сил пытается осмыслить всё то, что только что услышал. Даже не до конца всё осознав, он чувствует, то и впрямь открыл что-то очень важное. Неужели это корень всех его бед и метаний? Неужели он действительно стал отпетым негодяем от отчаяния и душевной боли, несмотря на то, что смог скрыть эту боль даже от телепатов? Неужели...

Витс собирается в очередной раз броситься в объятия Стиву, но терраформ его опережает.

– Хорошо, что ты раскрываешься, – улыбается Стив, потрепав Витса по голове. – Молодец, продолжай в том же духе.

– Спасибо, Стив! – едва сдерживая благодарную слезу, восклицает Витс, уткнувшись в грудь терраформа. – Что бы я без тебя делал...

– Мёртвый бы лежал, вот что.

Холодок пробегает внутри Витса. Впрочем, распознав в интонации Стива знакомую насмешку, он успокаивается, мягко выходит из объятий терраформа и обращается к Млему:

– Млем, и тебе спасибо! Если бы ты не задало этот вопрос, я бы не раскрылся.

– Вообще-то, я видело, что это воспоминание всплыло у тебя в мозге раньше, – признаётся центор. – Где-то в конце разговора с господином Джеком «Два Гаража» Артурсоном.

– Ой, не напоминай! – визжит Веншамея. – Я же со смеху описуюсь!

– Ты же всё-таки королева, – с любящим упрёком произносит Накет. – Бывшая, но ваще-то...

– И что? Королева не может описаться от смеха? Королева – тоже человек, чтоб ты знал, Накет!

– Так вот, Витс, – продолжает прерванный диалог Млем. – Воспоминание у тебя уже прорезалось. Просто я помогло тебе вытащить его наружу.

– Сущая правда, – поддерживает коллегу-телепата Карл.

– Я же, когда это всё увидел, сначала не поверил, – сознаётся Стив. – Потому и переспросил.

– Всем вам спасибо! Так, сейчас я всё уберу...

– Одну вещь, пожалуйста, оставь, – вступает Тецклай. – Как, ещё раз, вы называете этого зверя? Выдра? Вот, выдра очень похожа на нашего лютросаукку. Это тот самый зверь, с помощью которого хриввалэйтны научились дружить с иными видами. Можно его позаимствовать?

– Конечно.

– Я покажу, как мои предки входили в доверие к лютросауккам. Этот ритуал называется Танцем Звериного Признания. Ещё мне понадобятся два камня и что-нибудь съестное. Желательно, мясное. Тьфу, падаль, глупая рифма...

Когда Витс убирает свой реквизит с лужайки, Тецклай кладёт на самое ярко освещённое место плюшевую выдру, поодаль располагает камни и синтезированные кусочки мяса какого-то незнакомого остальной команде животного. Всё остальное, необходимое для Танца, у Тецклая с собой: руки, ноги и гибкое тело.

Первый элемент Танца – пляска холода. Движения Тецклая заставляют всех вздрогнуть – так в них чувствуется тот смертельный мороз, который царил на родной планете хриввалэйтнов. Далее Тецклай изготавливает с помощью двух камней простейший сосуд. В него Тецклай кладёт мясо и с выражением истинного благоговения преподносит его импровизированному лютросаукке. Выждав десяток стеков, словно дав зверю время распробовать вкусное подношение, Тецклай вдруг начинает ожесточённо драться с каким-то невидимым противником. Этот элемент, боевой танец, призван продемонстрировать лютросаукке верность хриввалэйтна и готовность защищать нового друга от врагов, сражаясь до последней капли крови. После этого Тецклай припадает к земле, заглядывая в глаза «лютросаукке» и виляя хвостом. Будто поймав в них звериное расположение, Тецклай снова меняет характер танца, приступая к весёлой пляске, вызывающей у команды почти произвольный смех и аплодисменты.

– Именно этого я и добиваюсь, – комментирует сквозь танец Тецклай. – Так я показываю лютросаукке, что ему со

мною не будет скучно.

Наконец, Тецклай падает на спину, головой по направлению к плюшевой выдре.

– По-моему, он тебя принял, – комментирует Бастер.

– Надеюсь! – улыбается в ответ хриввалэйтн.

– А я надеюсь, что вы примете следующую забаву – старинную игру в слова, – вступает Сэн. – Я узнала о ней из рисунков на стенах того храма, в который любила бегать на Тыттоке. Игра называется са-тц-эйсла, что можно коряво перевести как «столбослов». Надо сделать поле в виде полосы, на которой будут металлические штыри. На эти штыри нужно будет насаживать кубики с буквами, чтобы получились слова. Каждый может составлять слова только на одном штыре. За каждую букву в слове дают очки – за самые частые буквы поменьше, за редкие – побольше. И самый порсягас зарыт в том, что в каждой партии все слова должны быть связаны какой-то одной темой. Например, давайте выберем тему «путешествия».

Ксандер и Найя вновь используют копипринтер, и вскоре на лужайке вырастает длинное поле с металлическими штырями, рядом с которым уютно располагается мешочек с тремя сотнями букв. При каждом ходе у всех игроков должно быть по восемь букв на руках.

И уже в самом начале игры появляется простор для фантазии...

– Никогда ещё не видел Накета таким задумчивым, – хо-

хочет Силмак, глядя на мощнейшее умственное напряжение, что вырисовывается на лице бедантиевца, когда наступает его очередь ходить.

– Ну, блин, технически, то, чё я думаю, к теме «путешествия» подходит! – отзывается Накет.

– Но никто не говорил об эротической направленности этих путешествий, – язвит Стив.

– Но никто не говорил и о том, что путешествия не могут быть эротическими! – заявляет Семиларен.

– Блин, да тут другое! – оправдывается Накет. – Я ж не могу при Веншамее такими словами...

Веншамея только смеётся в ответ. Смеётся, впрочем, как-то неопределённо – не то весело, не то издевательски...

Скоро Накет, как ни удивительно, находит-таки в сочетании привычных букв приличное слово, которое прекрасно подходит к наземным путешествиям – «ухаб» – и передаёт ход.

Игра захватывает всех, заставляя задумываться одновременно и над тем, какие слова вообще можно составить, и над тем, подходят ли они к теме, и над тем, сколько очков они принесут...

Выигрывает, в итоге, Карл.

– Логично, – комментирует выигрыш полупротоплазмика-получеловека Бастер.

– Словно бы напоминание о том, что частичку своей культуры осталось показать именно мне, – улыбается Карл. – Так

вот, в нашем сознании уже возникает новый звездолёт, за строительство которого мы скоро возьмёмся. И это наводит на мысль о чудесном ритуале выбора пути, который много значит... значил для протоплазмиков. Ритуал несложный и совсем недолгий, но он нравится абсолютно всем, кому я его показываю. Телескоп у нас тут есть, так что мне понадобится только миска с водой. Я могу вынести телескоп сюда, на лужайку?

– Разумеется! – отзывается Гном, хозяин телескопа, и бежит в свою башню.

– Ещё я бы хотел, чтобы приглушили свет.

Наилучшие условия для ритуала возникают будто сами собой. Лёгкий свет, совершенно не затмевающий звёздного неба, телескоп точно в середине лужайки... и миска с кристально чистой водой.

– Видите? В воде отражаются звёзды, – не констатирует очевидный факт, но указывает на прекрасное Карл. – Теперь мы должны их коснуться. Просто опустите ненадолго руки – ну, или кому что удобнее – в эту воду. И, самое главное, вынув руки, прочувствуйте, с какой стороны дует ветер – да, он здесь слаб, но ощутим. Обратите внимание, с какой стороны холоднее.

Вся команда прикасается к «звёздной» воде и старается понять, откуда дует слабый ветерок. Не сразу, но довольно скоро его направление определяют.

– Почувствовали? Вот он, попутный ветер! – оживляется

Карл. – Надо направить телескоп по ветру.

Карл, с помощью щупалец уточнив направление самобытского ветерка, ориентирует телескоп.

– О, Космос, укажи нам путь в Твои глубины! – расправив руки и воздев глаза к небу, восклицает Карл и начинает поднимать и опускать трубу телескопа. – Считается, что Космос сам скажет, когда остановиться. Так... ещё немного... хватит, пожалуй. Посмотрим... хм! Вот это да! Там же система Филтбит! В ней есть дивная планета Ксибидитичик, на которой правят бал разумные птицы, чирритью. Не знаю, что сейчас происходит с планетой и её жителями – она находится в зоне влияния йорзе, в Шлейфовом Рукаве – но посетить её не помешает. Туда и полетим, пожалуй!

– Я, эм, понимаю, к чему ты ведёшь, – поддерживает Айзел. – Чирритью, э-э-э, славились высочайшим развитием, гм, биотехнологии. У них, э-э-э, на этом было построено, хм, всё. Даже, эм, корабли у них были, гм, живыми! Надо бы их, э-э-э, проведать. Вдруг, хм, мы сможем спасти, э-э-э, какую-нибудь важную, гм, технологию.

– Вот, видите! Смотрите все, куда мы полетим. Сам Космос указал.

– Очень красиво! – восхищается Тецклай.

Когда вся команда знакомится с новым пунктом назначения, Ксандер обращается к ней:

– Друзья, спасибо всем огромное за этот чудесный вечер. Даже у нас давно не было таких праздников.

– А сколько мы друг о друге интересного узнали! – замечает Леод.

– Само собой. Сейчас я предлагаю вам снова отдохнуть. И тогда можно будет собирать материалы для нового корабля. К сожалению, мы не можем позволить себе расположить у наших маленьких миров орбитальную верфь, да и аппаратов, которые запрограммированы на кораблестроение, у нас нет. Создавать их с нуля долго, заказывать – рискованно. Поэтому придётся много работать руками.

– И поработаем руками! – весело отзывается Семиларен. – Как минимум, я один могу заменить восемь с половиной двуруких существ, четырёх четвероруких... и почти двух десятилапых!

– Главное – не количество, друг, а качество, – перебирая стальными пальцами, усмехается Джекс.

– Меня радует этот энтузиазм! – одобряет Ксандер. – Возвращаемся на Коряжку. Эй, летюлени!

В очередной раз команда перемещается из одного мира в другой без помощи звездолёта.

Его-то ещё надо построить...

Глава 14. Вперёд и с песнями

*Товарищ Ленин,
работа адская
будет
сделана
и делается уже.*

*Владимир Маяковский
«Разговор с товарищем Лениным»*

Торговля – это школа обмана.

Люк де Клапье Вовернар

Впервые за долгое время мятежники просыпаются по-настоящему отдохнувшими. Их сон и другие состояния отдыхающего сознания были крепки и безмятежны в просторном доме эволов на Коряжке. Никаких погонь, сражений, борьбы за выживание: кругом – спокойный Самобыт, трогательный, полный жизни и гармоничный. К тому же, всем тепло на душе от вчерашнего праздника.

Впрочем, кое-кто ощущает некоторую недосказанность. Леод проснулся немного раньше остальных. Он хочет поделиться с тем, кого считает своим лучшим другом, ещё одним маленьким секретом. Ягулярр дожидается, пока проснётся

Витс, и направляется к нему в комнату.

– Витс, можно с тобой поговорить немножко? – мягко интересуется Леод, приоткрыв лапой дверь.

– Заходи, конечно, – отвечает Витс.

Ягулярр неслышно заходит в комнату и закрывает за собой дверь.

– Есть у меня ещё один секретик... – шепчет Леод, глядя куда-то в сторону. – В общем... это... уф, нелегко в этом признаться...

– Не думаю, что твой секретик страшнее моих, – пытается подбодрить Леода Витс, хотя получается это у него как-то неловко.

Ягулярр усмехается в вибриссы и, наконец, признаётся:

– У меня никогда не было джарса. Я врал, когда говорил, что старый джарс отпустит меня ради борьбы с Двумперией. Меня никуда не принимали... чтобы вступить в любой джарс, у нас нужно драться. Испытание боем... я боялся... ты же знаешь, что я боюсь боли... и я... всё это время я был одиночкой. В ягуляррском обществе быть одиночкой – это позор. Вот я по привычке и... солгал вам всем. Чтобы... чтобы вы не сочли меня неудачником.

Леод обращает на Витса взгляд не то беспомощного котёнка, не то нашкодившей собаки. Витс же только добродушно посмеивается и отвечает:

– Леод, я тебя не осуждаю. И я уверен, тебя не осудит никто, если ты признаешься всем. А тебе на душе станет легче.

– Думаешь, мне стоит всем это рассказать?

– Знаешь, я в последнее время понял, что даже самые страшные тайны рано или поздно вскрываются. И чтобы это произошло не в самое неподходящее время, лучше раскрыться самому. К тому же, Леод... я могу быть с тобой откровенным?

– Конечно, конечно.

– Поскольку мы все – не ягулярры, для нас не так важно, есть у тебя джарс или нет. Мы ведь не до конца понимаем всю глубину и важность этого понятия. Это неизбежно. Это как... ну, например, я бы сказал тебе, что у меня есть всего одна сепулька, а нужно, чтобы их было обязательно две. А ты не знаешь, что такое «сепулька», и почему их непременно должно быть две. Поэтому для тебя это не очень-то и важно.

Витс вдруг заикается:

– Н-надеюсь, я т-теб-бя н-не об-бидел т-такой ан-налоги-ей?

Леод улыбается:

– Вовсе нет! Я тебя понял – так и быть, расскажу всем, попробую снять этот камень с души. А насчёт сепулек... тебе кажется, что ты выдумал это слово, но на самом деле такая штука действительно существует.

– Правда?

– Да. Я тебе расскажу. Сепульки – это...

Тут с кухни раздаётся голос Найи:

– Витс, Леод, ну где вы там? Завтрак уже давно готов!

– Потом расскажу, – подмигнув, говорит Леод, и они с Витсом отправляются на кухню.

Кухонный стол ломится от всевозможных яств, как будто это и не завтрак, а целый званый обед. Заметив на лице Витса признаки культурного шока, Ксандер сообщает:

– Привыкай. На обед будет больше. Я уж молчу про ужин.

– Ксань, ты так говоришь, как будто я что-то плохое делаю, – упрекает мужа Найя.

– Ну, откармливать всех как на убой – так себе затея...

– Ага! А я вам всем говорила! – взвизгивает Эффелина. – Бежим, пока не поздно! Эти проглотоны хотят нас сожрать! Все хищники такие, им нельзя доверять! Все, кто ест мясо, жестокие монстры и убийцы.

Витс и Юрксла многозначительно переглядываются и хихикают, вспомнив, как первый угощал второго стейком из собственной плоти.

– Проклятые хищники! Как можно есть животных! – продолжает кипеть Эффелина. – Они же такие же, как мы, тоже чувствуют боль!

– Биологические ткани, выращенные в биореакторе, не чувствуют ничего, – уверяет Эффелину Ксандер. – Ради этих тканей не нужно никого убивать.

– Ксань, забей, было уже это всё, – тихо говорит Найя. – Ты ещё камень попытайся в чём-то убедить.

– Ну, я, это... по просветительской привычке.

– Есть мясо – это как есть самих себя! – выпаливает Эф-

фелина.

Витс и Юрксла снова хихикают, на этот раз громче.

– Душегубы! И вы считаете себя высокоморальными, цивилизованными существами! По-настоящему цивилизованные существа отказались от мяса. У любого живого существа есть душа. Ради мяса вы уничтожаете душу!

Артротопок встаёт поперёк горла у Айзела.

– Кхм! Стоит определиться с, гм, понятием «души»... – по своей же просветительской привычке начинает фоксиллинда, прочистив горло, но его перебивает Тикки:

– Забей, говорят тебе. Я однажды этой дуре сказала, что растения, которые она ест, живые, в отличие от мяса – так получила отповедь на два дечаса такую, что у меня потом весь день жаберные крышки болели. Вступать с Эффелиной в философские дебаты – всё равно, что с кипящим чайником разговаривать. Она считает, что раз сама вегетарианка, значит, все кругом должны жрать траву. Все же дураки кругом, а она одна умная в сверкающем скафандре.

– Все должны отказаться... – пытается продолжить Эффелина, но её прерывает совершенно неожиданным образом Леод:

– Эффелина, а вот что ты будешь делать, если у тебя посреди поля засорился жиклёр?

Не выдержав этого удара абсурдом, столь звонкого в воцарившейся гробовой тишине, элэгантина выдаёт единственную известную ей защитную реакцию:

– Ой, всё!

После этого, тихо бубня себе под нос и по-прежнему считая всех кругом дураками, она вновь утыкается носом в свою тарелку, полную «здоровой», по её мнению, пищи – крайне малопитательной травы.

– Леод, это гениально, – восторгается Тикки. – Я бы никогда не додумалась. Теперь тоже так делать буду, когда она опять занудит.

– Всего лишь дипломатическая практика, – усмехается ягулярр и меняет тон: – Друзья, пользуясь случаем, хотелось бы вам кое-в чём признаться. Не знаю, поймёте ли вы меня...

– Ты гомик? – тут же находится Семиларен.

Ягулярр просверливает блента критическим взглядом, выдерживает небольшую паузу и отвечает:

– Нет, сладенький, извини. Друзья, я вам... немножечко врал. У меня никогда не было джарса... до вашей команды. Ну, если вы, конечно... ладно, я не о том. Это... поскольку за место в джарсе у нас принято сражаться, я... я так и не смог найти себе компанию. Я ведь боюсь боли и не умею драться. А врал я вам по привычке, потому что боялся, что вы меня посчитаете неудачником. Простите, друзья...

Дурная мысль проскакивает через мозг Леода: а что, если Витс был с ним неискренен и сказал, что никто не осудит ягулярра, лишь для того, чтобы вместе со всеми посмеяться над ним?..

Но никто не смеётся над Леодом, не показывает на него

пальцем (или чем-нибудь ещё), не издевается над ним.

– Ну, всякое бывает, ничего страшного, – выражает общее отношение к беде ягулярра Силмак.

– Мы – твой джарс, – произносит особенно важные для Леода слова Стив. – Те джарсы, которые тебя не принимали, могут взяться за руки и пойти ко всем подкрадам!

– Спасибо, – растроганно отвечает ягулярр.

И даже Семиларен не цепляется к Леоду. Наоборот, он вдруг проникается к ягулярру... сочувствием:

– Леод, слушай, я и не знал, что у тебя так всё непросто... да и вообще, я тут подумал... может, хватит нам с тобой враждовать, а? Это же нас проклятые имперцы друг против друга настроили. Это так унижительно! Прости меня, короле, за все эти подколы. Я ж так, по глупости, не со зла...

– Семиларен, честно говоря, я сам хотел предложить мир. Действительно, унижительно враждовать по указке двумперцев. Ты меня тоже прости за всякие гадости, что я тебе говорил. Давай не будем больше ссориться.

– Пожмём руки?

– В моём случае – лапы, ну да неважно!

Встав из-за стола, блент и ягулярр обмениваются совершенно искренним рукопожатием. Ну, или лапопожатием.

– Ура! Победила дружба! – радуется Карл. – Семиларен, я к тебе больше не цепляюсь.

– Приятно это слышать! Даже сквозь шлёмлак.

Леод тут же протягивает Семиларену стаканчик:

– Раз уж мы теперь друзья, поделишься?

– Не вопрос!

Блент выжимает из ушей в стаканчик шлёмлак и вновь обращается к Леоду:

– Слышь, а я ведь тебя драться могу научить! Хочешь?

– Не уверен, что мне это нужно... я против любого насилия, знаешь.

– Ты не переживай, убивать я тебя учить не буду. Так, просто защищаться научу. Иметь такие зубищи и никогда их не использовать – по-моему, не очень-то умно!

– А мне кажется, в этом и состоит истинная цивилизованность – иметь от природы оружие и не пользоваться им, – вступает Млем.

– Леод, ты подумай на досуге. У тебя ведь есть, кого защищать, – не обратив на слова центора особого внимания, продолжает Семиларен.

– Ну, ладно, подумаю как-нибудь, – неопределённо отзывается ягулярр.

– Это всё, конечно, ужасно трогательно, но нам бы над кораблём сейчас подумать, вот это важнее, – переходит на сугубо практическую стезю Герн.

И оказывается прав.

Строительство любого звездолёта начинается с мысли. В данном случае нужная мысль должна одновременно учесть ошибки и недочёты прошлого опыта, умело распорядиться доступными материалами и технологиями, а главное – как

можно дальше заглянуть в будущее, просчитать множество вероятностей и возможностей. К счастью, команде, в которой содержатся особенно сильные и тренированные мозги, не требуется излишне много времени и сил, чтобы произвести именно такую звездолётостроительную мысль.

Итак, новый корабль должен состоять из модифицированного по подсказкам Звёздного Баригальди гиперполимера и неизменного саморга. У него должна быть продвинутая система управления вместе с парой-тройкой запасных, хитроумная система маскировки, особо чувствительный радар, высокоманевренные двигатели и... привычный мятежникам интерьер. Это не простая прихоть: мощнейшие умы команды учитывают, что в знакомом окружении все смогут быстрее сориентироваться в случае чего.

Теперь, когда план разработан, дело за поиском, добычей и обработкой всех необходимых материалов.

– Похоже, минералы для гиперполимера и саморга, а ещё породы-затравки для копипринтера надо будет добывать под поверхностью Лазуритового Валуна, – сообщает Ксандер. – Минералы для систем управления, двигателей и синтеза антивещества содержатся в рудах Жаропыха. Белки и другие органические вещества легче всего найти здесь, на Коряжке, на Самобыте и Холмолесье. Органику соберут местные жители. Но наш единственный и неповторимый необитаемый астероид придётся основательно перелопатить, лучше всего будет строить сам корабль именно там. Причём, увы, старин-

ными методами. У нас нет ни времени, ни возможности устанавливать высокотехнологичные системы добычи и переработки минералов. Придётся буквально руками их собирать и загонять в наши небольшие химреакторы и копипринтеры. И придётся нам, получается, повременить с заселением Лазуритового Валуна устойчивой жизнью. Найевские бактерии не в счёт.

– Козьявка ты, Ксаня, – тут же реагирует Найя.

– Сама козьявка.

Дальнейшего развития этот высокоинтеллектуальный диалог не получает, и Ксандер продолжает:

– Я предлагаю разбить на Лазуритовом Валуне лагерь и работать посменно. Пока одна смена добывает руду, другая её обрабатывает и собирает корабль.

– А ещё одной смене надо бы доразобрать паукрабьих роботов, – подталкивая локтем Бастера, добавляет Джекс.

– Да, кстати, чуть не забыл об этом. Само собой, это тоже очень важно. Киберпанки, вы принимайтесь за ходострелов. Остальные, смотрите сюда. Мы напечатали план, где указано, сколько чего и в каком виде нужно. Инструменты – вот. Мы с Найей пока проинструктируем гуманидов, леших, гномозябров, чумазикиков и слизевиков. Они займутся органикой.

Для начала вся многочисленная команда – и бывший экипаж «Хитрюги», и хозяйева Самобыта, и местные жители – устраивает на Лазуритовом Валуне цветастый лагерь из па-

латок самых разных форм и размеров. Всем кажется, что это происходит очень быстро, но на самом деле время уже подходит к обеду. Еле-еле управившись с пиршеством, который снова заботливо сооружает для всех Найя, команда, наконец, принимается за основную работу. Пока киберпанки колдуют над ходострелами, а Ксандер и Найя снаряжают местных добытчиков органики, половина остальной команды, вооружившись кирками, лопатами и вёдрами, отправляется на Лазуритовый Валун.

– Непривычно, конечно, работать такими древними способами – но ведь цивилизованное существо тем и отличается, что может переключаться с универсального инструмента на простую лопату, – комментирует Млем, когда по поверхности Лазуритового Валуна ударяет первая кирка.

– Меньше слов, больше дела! – восклицает Райтлет, автор первого удара.

Другая же половина подготавливает нужное оборудование для обработки материалов и собственно сборки космического корабля. И цикл запускается. Чем больше мятежники и их помощники втягиваются в работу, тем меньше думают о чём-либо другом. Никто не считает ни деминуты, ни дечасы, ни местные дни... так все вдохновлены и захвачены общей целью. Ведь именно этот корабль должен будет творить историю в галактическом масштабе!

Лишь усталость, которая накапливается за смену-другую, выдаёт, что звездолёт строят в большинстве своём органиче-

ские существа, а не патологически трудолюбивые роботы... Впрочем, и она не всех заставляет останавливаться и отдыхать, даже тогда, когда это уже крайне необходимо.

– Джекс, ты уже четвёртые сутки торчишь у каркаса корабля без сна и без маковой росинки во рту! – обращается к киборгу, который вместе с Бастером уже успел разобраться с паукрабьими роботами, Карл.

– И что?! – вытаращив и органический, и цифровой глаз, отзывается Джекс. – Я должен работать! Я всё могу! Со мной всё в порядке!!!

В голосе Джекса чувствуется нездоровая отрывистость. Органический глаз дёргается. Дрожь пробегает и почти по всем мышцам. Наконец, хорошо видные телепатам нервные импульсы, типичные для голодных спазмов, не оставляют никаких сомнений в том, что Джекс уже близок к истощению – но, как всегда, старается это скрыть.

– Джекс, тебе нужно отдохнуть, хотя бы немного, – пытается уговорить киборга Млем. – Ничего страшного не случится, если ты чуть-чуть расслабишься. Четыре дня непрерывной работы – это уже слишком!

– Идите к чёрту оба, достали!!! – рявкает Джекс и едва не падает, утерав на несколько мгновений чувство равновесия. – Что вы понимаете! Я обязан! Я должен!..

Новый голодный спазм со страшной силой сдавливает Джексу желудок. Даже фирменная горькая улыбка киборга не утаивает всей боли, что он ощущает.

– Ой вей, Джекс! – восклицает Карл. – Ты хочешь опять лечиться от истощения, как тогда? Опять себя до потери сознания довести хочешь?

– Пожалуйста, не убивайся так! Если тебе себя не жалко, то хотя бы нас пожалей! – продолжает взывать к разуму Джекса Млем. – Отдохни и поешь чего-нибудь!

– Да чёрт вас дерит, что вы пристали?! – взывает киборг, снова еле удерживая равновесие. – Включили, блин, режим бабушек!

Вдруг Джекс заметно поникает. Вздрыгнув и резко подняв голову несколько мгновений спустя, он скрежещет:

– Зараза, придётся пойти к себе в палатку... мои компьютеры... разряжаются... чё-ё-ёрт!

Карл и Млем подхватывают слабеющего Джекса, но тот отталкивает их и шипит:

– Отцепитесь! Я сам!

Полупротоплазмик-получеловек и центор тяжело вздыхают вслед удаляющемуся нетвёрдой походкой другу.

Вдруг в поле зрения одного из пяти глаз Млема попадает Веншамея, которая тоже отправляется к себе в палатку отдыхать. Но особое внимание на это обращает не центор, а Карл:

– Веншамея! Можно тебя попросить по-дружески?

– Да, конечно, – откликается теэклавеллянка.

– Джекс опять себя решил до истощения довести, ему срочно надо чего-нибудь поесть и отдохнуть. Нас с Млемом

он посылает куда подальше. Может, ты его уговоришь, а? Попроси у Найи буквально пол-чашки супа и одну котлетку и сходи к Джексу, пожалуйста.

– Хорошо, – пожав плечами, отвечает Веншамея и уходит к хозяйке Самобыта.

Млем вдруг обводит Карла странным взглядом всех пяти глаз и передаёт ему мысль:

– Карл, ты хорошо подумал?

– Думал недолго, а что?

– В нашем любовном треугольнике вот-вот образуется четвёртый угол...

Карл прыскает со смеху и отвечает Млему уже вслух:

– Джекс? С Веншамеей? Да не смеди мои тапочки! Ты же само знаешь, на чём их отношения запнутся!

– А если он захочет измениться?

– Да что ему такого Веншамея предложит, ради чего он на это пойдёт?

– А я бы посмотрело.

– Спорим на кукареку?

– Спорим.

От Найи Веншамея возвращается, разумеется, далеко не с половиной чашки супа и не одной котлеткой в руках. Несёт бывшая королева Теэклавеллы целый поднос с внушительной кастрюлькой и объёмистой тарелкой, на которой никак не меньше трёх здоровенных котлет.

– Джекс! Можно к тебе? – интересуется Веншамея у входа

в палатку.

Киборг ограничивается каким-то невнятным бормотанием, в котором, тем не менее, теэклавеллянка различает доброжелательную интонацию.

– Я тут тебе поесть принесла, – заботливо произносит Веншамея, зайдя в палатку и поставив поднос на небольшой столик.

Джекс, подключённый через левое предплечье к зарядному устройству, недоверчиво уставляется на Веншамею и поднос.

– Карл и Млем тебя послали? – фыркает киборг.

– Не послали, а направили, – находится Веншамея.

Неожиданно остроумный ответ вызывает у Джекса приступ дикого хохота. Впрочем, истощённый организм не даёт киборгу получить много удовольствия от смеха – очередной спазм заставляет Джекса стиснуть зубы в своей знаменитой болезненной улыбке.

– Даже не пытайся меня уговорить... – шипит Джекс. – Проклятье... сколько можно заряжаться? Вот сейчас... сейчас дозаряжусь... и пойду... я должен...

– Ты так беспощаден к себе, – с нескрываемым восхищением произносит Веншамея.

– А чего себя жалеть? Жалость унижает, отбрасывает назад и не даёт двигаться вперёд.

– Но ты чувствуешь столько боли... мне кажется, иногда всё-таки стоит проявлять сострадание к самому себе. Как-

то выплёскивать все эти тяжёлые эмоции, знаешь. Ничего постыдного в этом нет.

– Сострадание к себе... ха! Когда орхги выжигали мне глаз, рубили руки и выдирали из меня внутренности, я держался... даже не пикнул... я не дал этим мерзавцам получить удовольствие от моих страданий! Если я не жалел себя тогда, с чего бы мне делать это сейчас?!

– Суровая у тебя философия...

Веншамея вдруг чувствует что-то невозможно притягательное в этой суровой философии киборга. Эта сила духа и абсолютная безжалостность к самому себе завораживают теэклавеллянку и вызывают у неё трепет. А когда она украдкой вглядывается в лицо Джекса – вечно целеустремлённое, неизменно исполненное беспощадности к себе, но, в то же время, так до конца и не скрывающее невообразимую боль из прошлого – её словно обжигает глацианский мороз...

– Ты... такой сильный, – только и удаётся выдать околдованной этим холодным очарованием Веншамее.

– Иронично, но киборги – самые слабые существа, – снова надев горькую улыбку, реагирует Джекс. – Повреди одну часть органическому существу – и её функции возьмёт на себя другая. Повреди одну часть роботу – и он продолжит работать, не обращая внимания на утрату какой-то функции. Но киборг... он уязвим со всех сторон! Повреди одно – другое не придёт ему на замену, и функция исчезнет бесследно! Ты же сама видишь, в чём моя слабость! Если бы мне не

нужно было заряжаться, я был бы всё ещё там, у корабля, и работал бы! Ну же, мерзачий зарядник, что ж ты так долго...

– По этой же логике, если ты загубишь своё органическое тело, металлические части тебя не спасут, – соображает Веншамя.

Жгучий мороз снова пробирает теэклавеллянку, когда фордокс-приманец обращает на неё яростный взгляд органического глаза. Впрочем, выражение лица киборга быстро сменяется на добродушное, хотя и по-прежнему жестковатое.

– Ладно. Уломала, – скрипит Джекс. – Что за суп? Сканировать сил нет.

– Борщ по-северандски.

– Блестяще. А котлеты из чего?

– Ну, Найя обтекаемо сказала, чтобы я молчала при нашей вегетарианке...

Новый припадок смеха сотрясает Джекса:

– Ай, какая умница! Да уж, мясо элгантины – это прямо самое то, ужасно питательное. Спасибо. Чуть-чуть подзаправлюсь – и хватит, снова за работу...

– Но ты не спал... – начинает Веншамя, но Джекс перебивает её:

– Вот уж без сна я обходиться умею! На паукрабьей фабрике особенно не поспишь, когда тебя бьют током каждые двадцать деминут... ничего со мной не случится, я продержусь!

При этих словах Веншаменя начинает опасаться, что и от еды Джекс снова начнёт отказываться. Но, пока она опасается, киборг успевает присосаться к кастрюльке с борщом, а вскоре добирается и до эlegantинских котлет и, в итоге, не оставляет от них ни кусочка.

– Всё, хватит, – твёрдым и гораздо более звонким, чем ещё несколько деминут назад, объявляет Джекс и смотрит на индикатор уровня заряда на руке. – Да чёрт!!! Ну и ладно, пусть всего восемьдесят, я пошёл! Надо работать!

– А может, не надо? – не слишком-то уверенно пробует возразить Веншаменя.

– Надо!

– А может, всё-таки не надо?

– Ты меня не остановишь!!!

Джекс собирается отключиться от зарядного устройства, но непреодолимый даже для него приступ сонливости вдруг подкашивает ему ноги и опускает веко у органического глаза. Тихо, но отчаянно чертыхаясь, киборг пытается сопротивляться, но вскоре падает прямо на пол и мгновенно погружается в сон.

Веншаменя ловит себя на мысли, что смотрит на спящего Джекса с таким умилением, что вот-вот из её глаз покатятся растроганные слёзы. Взяв себя в руки, теэклавеллянка решает тихонько всё убрать и не тревожить сон киборга.

– Аллилуйя! – встречает вышедшую из палатки Веншаменя возглас Карла. – Спасибо тебе огромное!

– Как ты это сделала? – интересуется Млем.

– Ну, я... – смущается Веншамея. – Я не знаю... как-то само собой получилось... он сам...

С совершенно растерянным видом Веншамея отдалается от Карла и Млема. Они же обмениваются многозначительными взглядами и мыслями.

– Готовься кукарекать, Карл, – думает Млем.

– Само готовься, – мысленно же отвечает Карл. – То, что она в него влюбилась – это было предсказуемо. А влюбится ли он? Не уверен.

– А ты посмотри, кто сейчас Джексу снится.

– Ты мне тоже часто снишься, но это не значит, что я тебя люблю!

– А ты загляни в мозг поглубже... видишь? Посмотри на активность лимбической системы... хвостатое ядро тоже возбуждено, значит...

– Рано ещё делать выводы.

Мысль Карла совершенно не разделяет Ярвокс, который оказывается поблизости. Лишь бросив взгляд на Веншамею, он тут же кое-какой вывод делает:

– Ха! Вот свистушка! Как знал, что одного Накета на тебя не хватит!

Веншамея подходит к Ярвоксу вплотную и выпаливает ему прямо в лицо:

– Я понимаю, к чему ты клонишь. Так вот, запомни: у нас с тобой никогда ничего не будет! Никогда! Ничего! Ты меня

хорошо понял?

Ярвокс в ответ смеётся:

– Ты же знаешь, что по законам романтической комедии...

– Где ты здесь увидел романтическую комедию, где?

– Где-где, на бороде!

– Да не борода у тебя, а недоразумение!

С этими словами Веншамея дёргает Ярвокса за бородку, рассчитывая снять издевательскую улыбку с его лица. Эффект оказывается прямо противоположным: седой контрабандист раздражается ещё более раскатистым и громким хохотом.

– Смех без причины – признак дурачины, – ворчит теэклавеллянка, отвернувшись и отойдя от Ярвокса.

– Какая глубокая мудрость! – отзывается он с сарказмом. – Как бы в ней не утонуть!

– Ты-то чего переживаешь? – огрызается Веншамея. – Говно не тонет.

Грубость, которая должна была бы окончательно оскорбить Ярвокса, веселит его ещё больше и заставляет согнуться пополам от смеха. И это оказывается роковой ошибкой – случившийся рядом Герн не упускает случая шутовски пнуть напарника центральной ногой.

– Нечего на баб заглядываться, – бросает Герн.

– Дубина ты стоеросовая, – бубнит Ярвокс, поднявшись. – Ревнуешь, да? Забей – у Веншамеи теперь новый ин-

терес...

«Новый интерес» бывшей теэклавелльской королевы просыпается через семь дечасов полностью отдохнувшим и даже до конца зарядившимся.

– Ну, Джекс, почаще теперь всё-таки есть и спать будешь? – весело обращается к киборгу Карл, когда тот возвращается к работе над кораблём.

Джекс отвечает не сразу и несколько задумчиво:

– Думаю, да. Может, я и переборщил. Здоровый сон всё-таки нужен иногда. Да и поесть было приятно, не скрою.

– Веншамея тебя всё-таки уговорила, да? – вкрадчиво вступает Млем.

– Ну... – не без смущения протягивает Джекс. – Она... она воззвала к моей логике. Она умнее, чем кажется, знаете.

– А она тебе небезразлична, я смотрю.

Впрочем, слова Млема пролетают мимо киборга: тот уже погрузился в сборку деталей корабля так, что его ничто не способно отвлечь.

И в очередной раз – на многие и многие дечасы...

– Джекс, дуй отдыхать, – напоминает увлечённому фордокс-приманцу Карл. – Ты уже две смены подряд отработал.

Красноречивым ответом Карлу служит вытарашенный органический глаз, поднятая бровь и мысль с точными координатами места, куда, по мнению киборга, следует пойти полупротоплазмику-получеловеку.

– И тебя туда же, – вздыхает Карл.

– А вот Веншамея отдыхать идёт, – как будто ни к кому не обращаясь, тихо произносит Млем.

Джекс вдруг отрывается от работы. Лицо его становится задумчивым и даже слегка растерянным.

– Ну, допустим, – бормочет он и направляется в свою палатку – не обратив, впрочем, внимания на Веншамею, хотя он почти сталкивается с ней по дороге.

Млем обращает на Карла уверенный в победе взор пяти глаз. Карл в ответ широко улыбается и мотает головой.

Веншамея же, проводив взглядом Джекса, решает вновь к нему заглянуть. Хотя изначально собиралась она к Накету...

– А, это ты, заходи, – неожиданно мягко произносит Джекс, как только улавливает чуткими слуховыми датчиками шаги приближающейся теэклавеллянки.

– Как ты себя чувствуешь, Джекс? – участливо спрашивает Веншамея, зайдя внутрь.

– Прекрасно. Долго расслабляться не буду – пять деминуточек, и снова за работу.

– А я тебе бутерброд принесла и чай...

Полный укора взгляд Джекса на этот раз не обдаёт Веншамею глацианским морозом – только лёгкой прохладцей.

– Ещё одна бабуля, – посмеивается фордокс-приманец. – Спасибо, я не голодный.

– Ну хоть чаю выпьешь?

– Да не хочу я чаю, спасибо! Признавайся – опять Карл и Млем тебя обрабатывали?

– Никто меня не обрабатывал! А вот Найя, оказывается, тебе вчера в суп снотворного подсыпала. Видишь, как о тебе все беспокоятся?

– Пусть беспокоятся о себе. Я в полном порядке.

– Джекс, почему ты такой...

Веншамея долго подбирает слово, пока Джекс сверлит её вопросительным взглядом.

– ...жесткий? Это из-за тримперского плена, да?

– Нет. Я всегда таким был. Знаешь, в детстве я до дыр зачитывал книги и комиксы о бесстрашных героях, которые достигали своих целей, несмотря ни на что. Фильмами про таких героев тоже засматривался, не оторвать меня было. Человек-Глюон, капитан Невозможный, агент Граурс и ещё куча таких же храбрых и целеустремлённых персонажей – вот кем я всегда восхищался. Есть у меня и живой кумир... по крайней мере, надеюсь, что живой – капитан Мантецци. Тот самый бельтальянский пилот, который несколько лет назад бесследно исчез. Сколько за ним числится подвигов! Да что там – он был настоящим героем даже тогда, когда просто выполнял самые обычные рейсы без всяких нештатных ситуаций! Я так мечтал с ним познакомиться, но не сумел с ним встретиться. Каждый раз, когда мне нелегко, я вспоминаю о нём и стараюсь поступать так, как поступил бы он. Его земляк, капитан Фьюмичино, меня тоже восхищает, хотя о нём я пока знаю очень мало. А тримперский плен, между прочим, меня не сильно-то и изменил. Только дал понять, что

я чертовски живучий. Вся эта боль лишь сделала меня сильнее, и окончательно убедила в том, что жалеть себя не надо. Всё, я пошёл.

У самого выхода киборг внезапно останавливается.

– Бутерброд, говоришь, с чаем?

Веншамея кивает с неловкой улыбкой на лице.

– А, давай. По дороге сжую. Спасибо.

И Джекс, и Веншамея выходят из палатки с самым смущённым видом, как будто между ними уже было что-то большее, чем пара коротких диалогов. Тем не менее, в разные стороны они расходятся совершенно уверенно. Джекс, разумеется, очень скоро сталкивается с Карлом и Млемом.

– Что-то ты задумчивый такой, – как бы невзначай бросает центор.

– Чёрт его знает. Влюбляюсь, может? – сконфуженно и еле слышно бормочет киборг.

– То есть, ты не отрицаешь...

– Ну, как сказать...

Вдруг Джекс вздрагивает и вновь обретает привычный, твёрдый и звонкий, голос:

– А, ладно, пройдёт! За работу!

Млем и Карл переглядываются озадаченно. Даже телепатия не помогает им понять, что же у их друга на уме.

Веншамея, в свою очередь, буквально влетает в Накета.

– О, а я тебя ищу! – радуется бедантиевец. – Чё-то мы с тобой работяги такие, ваще про всё на свете забыли.

– Есть работяги посильнее нас, – бубнит Веншамея. – Вот Джекс...

Тут она осекается и пытается замаскировать неловкий момент:

– То есть, ну, да, мы с тобой как-то... давно мы что-то...

– Вот и я о том же. Пошли ко мне! Чайку попьем, поиграем во что-нибудь интересное, а?

– А во что? – оживляется Веншамея, отбросив все смущающие её мысли.

– Ну ты, блин, вопросы задаёшь! В столбослов, конечно, во что же ещё! – хохочет Накет, показывая рукой совершенно недвусмысленный и очень пошлый жест.

Веншамея следует за Накетом в его палатку, мило смеясь и предвкушая веселье.

Но даже в самые жаркие моменты «игры в столбослов» она ловит себя на мысли, что ей всё больше и больше нравится упрямый фордокс-приманец с обжигающе холодным взглядом....

А что нравится всё больше и больше всей команде без исключения – так это то, что груда гиперполимера, саморга и других веществ с каждым днём становится всё ближе по форме и содержанию к прекрасному новому звездолёту. И, в конце концов, эту форму и содержание обретает. Кстати, материал, которому в кораблестроительном деле не нашлось применения, не пропадает зря: мятежники наконец-то обзаводятся новыми удобными горметами и электробластерами.

С лёгкой руки, или, точнее, с лёгкого рукрыла Айзела, который больше всех заботился об усовершенствовании системы маскировки, мятежники решают назвать новый корабль «Тёмной Материей». Это название великолепно подходит чёрному, как космическая пустота, элегантному кораблю с тёмно-серебристым низом, затемнённым окном и двумя изогнутыми крыльями, в которых упрятаны небольшие по объёму, но очень мощные двигатели. Особенность этих двигателей заключается в том, что в космосе они автоматически выпускают специальные наночастицы, маскирующие аннигиляционный след корабля, который обычно представляет собой яркое пламя. Звездолёт успешно проходит испытание на невидимость: его не засекает ни один из радаров и просветов, доступных на Самобыте. В первый испытательный полёт вокруг маленьких миров отправляется Стив. Проверив скорость, управляемость, маневренность, работу охранительных орудий и даже устойчивость к гравитационному полю магистрали, ближайшей сейчас к системе Самобыт, он возвращается на Коряжку.

– А «Хитрюга» похорошел, – усмехается терраформ. – «Тёмная Материя» – лучший звездолёт из всех, что мне когда-либо приходилось видеть. Готов поклясться на подкрадовой шкуре, это так!

– А главное, он сделан с любовью, своими лапами, – добавляет Силмак.

– В отличие от проклятущих ходострелов! – вступает

Джекс. – Мы уже давно разобрали их, но только сейчас окончательно поняли, что можно с ними сделать. Бастер!

Напарник Джекса ведёт двух ходострелов за собой, словно послушных собак. Даже не владея электронной телепатией, органические существа понимают, что сейчас эти паукрабы полумашины представляют собой лишь бессознательные аппараты, которые подчиняются простейшим командам.

– У нас две новости: хорошая и плохая, – заявляет робот. – Начать придётся с хорошей. Внутри каждого ходострела есть мощный электромагнит, которых при определённых условиях способен на импульс определённой частоты. Этот импульс может сломать не только хозяина, но и других таких же ходострелов на целой планете. В отличие от стоп-фразы для роботов, которая останавливает их лишь на некоторое время, этот импульс для ходострелов губителен. Что ещё лучше, этим электромагнитом можно управлять теми же командами на том же языке, на котором написаны все остальные программы ходострелов. И лучше всего то, что все ходострелы объединены общей информационной сетью, через любую точку которой можно добавлять команды и обновлять программное обеспечение для всех ходострелов сразу. Складывается впечатление, что это своего рода страховка. Похоже, паукрабы боялись, что ходострелы восстанут. Хотя это и нелогично.

– Но это же повёрнутые на всю голову паукрабы, где ты у них логику нашёл?! – восклицает Джекс и продолжа-

ет: – В общем, мы можем с помощью всего одного ходострела запустить по информационной сети с любой паукрабьей планеты программу, которая заставит электромагнит испустить смертельный для этих гадов импульс. И так мы ослабим пол-Двумперии! Эти мерзячие твари не допишут свою «великую» историю!

– Но плохая новость в том, что для активации программ для электромагнита нужен дополнительный управляющий модуль. В этих ходострелах он безнадёжно повреждён – именно поэтому их было легко отключить, и поэтому же у них не функционирует та самая система слежения, над безуспешно которой бились наши собратья-киберпанки на Кибервирте. Модуль нужен такой же, который применялся где-то лигроротацен назад в двигателях звездолётов для управления магнитными полями, которые удерживают антивещество.

– Неужели его нельзя изготовить? – интересуется Ксандер. – Мы целый корабль построили буквально руками, что уж там какой-то модуль.

– Увы, ничего не получится, – сбивает оптимизм Джекс. – Старинный управляющий модуль был намного сложнее современного. А схем нет ни в новой Энциклопедии, ни в старой. Где их добыть, непонятно. Фабрики на базах не годятся по двум причинам: во-первых, я уже говорил, что на эти фабрики ходострелов привозили откуда-то ещё уже почти готовыми. Во-вторых, мы не сможем даже проникнуть на ка-

кую-нибудь базу – эти вонючие беспозвоночные сменили пароль. Пока его никто не взломал.

– Может, слетать разведать? – предлагает Райтлет.

– Э-э-э, на дополнительную разведку, гм, понадобится слишком много времени, – рассуждает Айзел. – И это, хм, рискованно даже с новым, э-э-э, кораблём.

– А порылся я тут в ГИС, пока вы все трепались, и нашёл фирму, которая торгует именно такими модулями! – сообщает Семиларен, оторвав взгляд от своего коннектара. Нам же один нужен, да?

– Можно обойтись одним, но лучше взять два, – реагирует Бастер.

– Во, тут можно заказать тот самый образец. Только один, правда. Так и сказано: «универсальный управляющий модуль для магнитных полей образца сто тридцать пять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девятого лигроротацена». Вот только фирма, разумеется, двумперская. Оплата исключительно тримплами.

– На стек я подумало, что можно было бы замаскироваться под паукрабих и легко всё проделать, – вздыхает Млем. – До тех пор, пока я не увидело, что дело в деньгах. Мы даже не знаем, как они выглядят. А паукрабихи без тримплов – это очень подозрительно. Маскироваться под кого-то другого – тоже ненадёжно.

– Я помню только орхгские тримплы, – вступает Райтлет. – Да, тримплы свои для каждой части Имперского Со-

юза. Они сами по себе равнозначны, но мне, как охотнику за головами, выдавали лишь орхгские. Паукрабы, простите, не припомню.

– А кибервиртские коллеги нам ничего не подскажут? – интересуется Леод.

– Нет, – отрицает Бастер. – На Кибервирте роботам никогда не платили. Имперцы сразу поняли, что мы не признаём денег. И я уже связывался с киберпанками: они сказали, что даже в закрытом имперском виртуальном пространстве про валюту ничего нет.

– Неужто даже в старой Энциклопедии не найдётся нужной статейки? – удивляется Сэн и лезет в бесценный книгоплат. – Вот поросягство блинское! Ни одной картинки, и описания даже нет!

– Вполне логично: так не подделают, – объясняет Бастер.

– Значит, мы принимать заказ так, как мы быть? – спрашивает Фиб-Фиб. – Нам никак не спрятайся?

– Вообще-то, – с хитрой улыбкой произносит Стив, – Я тут заметил, что среди существ, которых поглотил Ксандер, есть одно широко распространённое и номинально разумное – человек! Не скажу, какого вида, но это неважно.

– Ах ты ж проглотон! Коварный хищник! И нас всех поглотит! – вопит Эффелина, но никакого отклика не получает вообще ни от кого.

– Ксандер, ты можешь сделать заказ на какое-нибудь человеческое имя, принять форму человека и взять модуль! –

продолжает мысль Яарвокс.

– Так и поступим! – одобряет Стив.

– Ну, не знаю, – мнётся Эвол. – Всё бы ничего, но не умею я врать. Могу притворяться, но откровенно лгать у меня не получается.

– А я могу подсказывать тихонько, – вызывается Витс. – От актёра до суфлёра – один шаг.

– Да не придётся тебе врать, Ксандер! – восклицает Герн. – Просто отвлеки внимание курьеров каким-нибудь разговором ни о чём, сделай вид, что копаешься в карманах, а мы с Яарвоксом быстренько стянем модуль. Я точно знаю, как именно мы это сделаем. И дальше тебе останется только их выпроводить. Скажешь, что передумал, и всё такое.

– Ну, это как-то странно будет выглядеть, – бурчит само-собирающаяся сущность.

– О! Да тебе повезло, Ксандер! – радостно восклицает Семиларен, снова заглянув в коннектар. – Тут написано, что в этой фирме работают хну. А эти жирдяи на всё, что не относится к торговле и прибыли, вообще внимания не обращают. Серьёзно, я в своём тёмном прошлом с ними тоже работал, поэтому знаю, какие они.

– Так может, ваще обойдёмся без театра? – предполагает Накет. – Пусть Айзел им наплетёт чё-нибудь гипнозом своим...

– Увы, хну устойчивы к гипнозу. Они специально тренируются. Управлять ими могут только двумперцы и их под-

данные... ну, или те, у кого тримплы водятся. Я вам больше скажу: даже телепаты не могут прочесть мысли хну, потому что любые их размышления прикрыты толстым слоем дум о деньгах, деньгах и ещё раз деньгах. И ещё о деньгах. Да, чуть не забыл: и о деньгах тоже. Так что лучше изначального плана я ничего не предложу.

– А каково же твоё человеческое тело, Ксандер? – интересуется Леод.

– Ну... попрошу слабонервных отвернуться, – отвечает Эвол.

Никто не сознаётся в излишней чувствительности (даже Эффелина!), и самособирающаяся сущность начинает выворачиваться наизнанку, расправляет и переставляет многократно сжатые поглощённые тела. В это время он теряет какую-либо определённую форму и обращается в полужидкое кроваво-слизистое месиво.

Эффелина всё-таки не выдерживает этого жуткого зрелища и падает в обморок.

Вскоре это месиво обретает человеческий цвет, утрачивает хвост и щупальца и, в конце концов, принимает неоднозначную внешность молодого человека. С одной стороны, он молод, строен и на первый взгляд даже привлекателен, но с другой – в небритом лице явственно читается фальшь, высокомерие и неприятная слащавость. Голос Ксандера тоже меняется – из баритона обращается в жиденский тенор:

– Как вам? Подойдёт? Ой, какой мерзкий голос, я и забыл

О нём...

– Если бы я не видела невероятно отвратительный процесс превращения, купилась бы точно, – убийственно честно отвечает Веншамея.

– Что уж говорить о хну, – усмехается Семиларен.

– А я знаю твоё человеческое тело! – обращается к Ксандеру Карл. – Это был некий бедантиевец, который называл себя Просветлённым. Лжеучёный, которому удалось, к сожалению, обратить целых девять миров – миров, ещё раз говорю, не отдельных существ! – на сторону изобретённого им учения. Называлось оно «когнитивно-гармоничный ауральный медиумизм». Омерзительная личность.

– Согласен, – кивает Ксандер, всё-таки понизив голос до более благозвучного тембра. – Даже переваривать его было довольно противно. Но другого выхода, увы, не было.

– Ксандер, когда ты вновь обретёшь свою форму, я тебя крепко обниму! Ты помог всему Млечному Пути!

– Это меня Найя подбила.

– Да уж, пришлось тебя поуготоваривать! – со смехом вспоминает Найя. – Брыкался ты хлеще Джекса.

– Ну, можно было и посочувствовать, между прочим. Козьявка ты.

– Сам козявка.

Под дружный смех Ксандер делает необходимый заказ, воспользовавшись специальным киберпанковским компьютером, данные которого напрочь неизвестны Двумперии.

Условия доставки – или почти что самовывоза – недвусмысленно указывают на то, что фирма верой и правдой служит Двумперии.

– Мы должны прилететь на планету Кеткапмар и приземлиться у паукрабьей базы. Там нам передадут заказ, – сообщает Ксандер.

– Да хоть в последнем сарае, лишь бы передали, – комментирует Герн. – Мне плевать, откуда именно переть эту дрянь.

– Тогда летим. С вашего позволения, я вновь приму истинный облик, чтобы попрощаться с Найей.

Ксандер ещё раз перерождается и в привычном облике заключает верную супругу в крепкие объятия.

– Только вернись, прошу, милый, – шепчет Найя после долгого молчания. – Всё что угодно, только не дай себя сжечь!

– Всё будет хорошо, любимая.

– Обещаешь?

– Обещаю. Ну, а если меня всё-таки спалят...

– Давай не будем об этом.

– Давай не будем.

Именно в этот момент отчего-то приходит в себя Эффелина.

Подарив Найе на прощание поцелуй, Ксандер присоединяется к команде, которая уже с нетерпением ждёт посадки на борт «Тёмной Материи». Но не успевает кто-либо зайти внутрь, как Найя, на десяток стеков исчезнув в доме, выбе-

гает оттуда с увесистым мешком.

– Пирожки возьмите! И бульончик в дорогу!

– Найя, спасибо, но у нас высокотехнологичный корабль, биореактор с большим запасом клеток, с голоду не помрём! – пытается отквеститься от объёмистого угощения Силмак, но его перебивает Ксандер:

– Быстрее, поднимаемся на борт! Отказываться бесполезно, надо бежать! Скорее, пока она ещё торт не предложила! Это ж мы так не улетим! Найя, оставь пирожки и бульон, прошу!

Найя всё-таки успевает закинуть в «Тёмную Материю» огромный мешок со съестным, пока ещё не закрылась дверь...

Плавный взлёт, а затем рывок – и новенький звездолёт покидает удивительную систему Самобыт. Вся команда чувствует, что уже успела соскучиться по космическим полётам, и потому первое время восторженно приникает ко всем иллюминаторам. Когда ажиотаж спадает, наступает время выбрать самый безопасный маршрут на планету Кеткапмар. Выбирать нужно очень осторожно, поскольку Кеткапмар располагается в самой густонаселённой паукрабихами области, недалеко от Мизергели. Хотя система маскировки у корабля значительно изменена и усовершенствована, никаких гарантий нет.

– Четыре магистрали подряд или десять опасных звёзд и две магистрали, – озвучивает Стив два варианта, кото-

рые предложил автопилот. – У ближайшей магистрали два небольших двумперских патруля, у красного карлика с высокой активностью – один крупный флот.

– Отменный ребус, – ворчит Семиларен.

– Предлагаю подождать. Откуда первым уйдёт патруль, туда и летим. Кстати, попутно, чтобы не терять время, предлагаю киберпанкам подготовить всё к уничтожению ходострелов. Чтобы, как только модуль у нас окажется, сразу его подключить и всё сделать.

К вящей радости особо нетерпеливых, патрули уходят именно от ближайшей магистрали. Три с половиной деча-са спустя «Тёмная Материя», предусмотрительно замаскированная под довольно потрёпанный корабль-жилище, проходит сквозь плотную жёлтую атмосферу и опускается на тёмно-коричневую с пятнами серебристой паутины поверхность Кеткапмара. Больше всего паутины, как нетрудно догадаться, находится в окрестностях паукрабьей базы. Даже несмотря на то, что сейчас она выглядит как скала из красного камня, опытные глаза мятежников и обновлённый про-свет корабля выдают истинное положение вещей.

– Место встречи – здесь, – сообщает Ксандер, после чего опять приобретает внешность неприятного человека.

– Хну уже идут, я их слышу, – говорит Семиларен, поведя ушами.

Вся команда, за исключением Ксандера, прячется в каютах. Дверь корабля поднимается, и взору самособирающей-

ся сущности в человеческом обличье предстают четыре двуногих и двуруких тучных существа ядовито-розового цвета. Одеты они в одинаковые аляповатые тёмно-сине-зелёные рубашки с неаккуратными красными пятнами. Одно из существ несёт желанную коробку, а другое – большой платальбом. Руки двух других хну пусты, и поэтому их практически невозможно отличить друг от друга. Широкие морды торговцев покрыты болтающимися отростками, которые нельзя назвать ни усами, ни щупальцами. Белые глаза с горизонтальными зрачками по бокам головы придают хну удивительно глупый вид, а болтающиеся на горле кожистые мешки – ещё и мерзкий. Вдобавок ко всему, эти существа источают противный приторный запах.

– Добрый день, – хоть и вежливо, но крайне омерзительным булькающим голосом обращается к заказчику первый хну с платальбомом в руках. – Вы – Харитонов Ульян Йосипович, человек, заказали управляющий модуль для ходострела образца сто тридцать пять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девятого лигноротацена, всё верно?

В этот миг чуть не выдаёт себя хохотом Накет: это он, пока «Тёмная Материя» путешествовала по магистралям, придумал для Ксандера в человеческом обличье подложное имя, которое обретёт особый смысл, когда хну сократят его в своих документах на заказ до одних только инициалов.

– Да, всё так, – голосом, промежуточным между жидень-

ким тенорком и приятным баритоном, отвечает «Ульян Йосипович».

– Отлично. С вас сто три тысячи восемьсот девяносто девять тримплов. Плюс двадцать семь тысяч за доставку. Распишитесь тут. Так, теперь давайте карту.

– Да, да, конечно, коне-е-ечно... – растягивает слова Ксандер и начинает медленно копаться в карманах брюк. – Куда же я её положил? Откладывал ведь специально...

В это время Яарвокс и Герн уже подбираются к коробке с модулем. Ещё чуть-чуть, и...

Стоит пальцам воров коснуться упаковки, как их поражает сильный электрический удар.

– С-с-сука!!! – шипит Яарвокс.

– А, ты тут не один? – восклицает один из хну, обернувшись. – У тебя и прихвостни-воры есть?

– Никаких прихвостней у меня нет! А ну кыш отсюда, ворюги! – пытается убедительно возмущаться Ксандер.

Яарвокс и Герн скрываются с места неудавшегося преступления и тихо возвращаются на корабль.

– Ишь, какие, стянуть решили по-быстрому! – хихикает хну с коробкой. – Не выйдет – коробка защищена. Сначала – деньги, потом – товар.

– Ксандер, они тебя обчистили, – внезапно сообразив, как можно развернуть дурацкую ситуацию в нужную сторону, подсказывает Витс.

Ксандер ещё раз проходится по карманам и с самым рас-

строеным видом обращается к торговцам:

– Ой, как нехорошо получилось! Пока мы тут с вами разговаривали, эти жулики меня обокрали! Ни гроша теперь в кармане!

– Жаль, конечно, – бурчит хну с платальбомом, – но это дело поправимое. Раз нет тримплов, оплата песней.

Пауза. Далеко не сценическая. Ксандер еле держится в человеческой оболочке – так ему хочется сменить форму, так обуревают его удивление.

– П-песней? – наконец, тихо переспрашивает он.

– Да. Ты что, не знаешь?

– Ещё один тупорылый попался, – комментирует хну с коробкой, уже переступив порог вежливости.

– Не помню, чтобы это было указано на странице в ГИС, где я делал заказ, – теряется Ксандер. – Про оплату доставки, кстати, тоже ничего не было...

– Как же! Да вот оно, – с таким видом, будто объясняет азбучную истину, произносит хну с платальбомом и достаёт из кармана брюк коннектар.

Торговец показывает на своём коннектаре ту самую страницу.

– Ну, и где же хоть слово о песнях? – недоумевает Ксандер.

– Да вот! Сюда смотри! Мелким шрифтом, белым по белому! Выделяешь и читаешь. Вот всё объяснять надо, сами ничего не знают.

Ксандер впивается взглядом в жирную морду хну:

– Белым по белому? Как, позвольте, я должен был до этого додуматься? Почему не написать честно, так, чтобы было заметно?

– Всё честно! – булькает хну с коробкой. – Мы ничего не скрываем.

– Белым по белому!

– Так и быть, я за это возьмусь, – возникает Стив. – Я заплачу вам песней.

– Ой, нет, только не терраформской, – морщится хну с коробкой. – Тераформские песни отвратительно звучат. Ничего общего с настоящей музыкой.

– Ах, вот как.

– Как вы смеете! – не выдерживает Витс. – Вам не нравится – ваше дело, но оскорблять вот так! Ой, з-зря я в-вылез, С-стив? Т-теп-перь же о нас узн-нают, и...

– Всё в порядке, можно вылезать. Я всё-таки сумел докопаться до мыслей этих подкрадов. Нам ничто не угрожает: мы для них всего лишь безликая серая масса, так что они нас даже не запомнят. Да, можно было обойтись и без всего этого представления.

Перед торговцами собирается вся команда.

– И какая же вам нужна песня? – интересуется Карл.

– Такая, которую мы никогда не слышали, – отвечает хну с платальбомом.

– Хотелось бы знать, какие вам известны, – мурлычет

Леод.

– Короче, вы должны сочинить нам песню за пять деми-
нут, – ставит условие хну с коробкой.

– Этого не было сказано даже белым по белому! – шипит
Ксандер.

– Это настолько общеизвестное условие, что о нём и пи-
сать не надо, – хамским тоном заявляет третий хну.

– Пять деминут? Это не слишком много для качествен-
ной песни, – отмечает Леод. – У меня есть взаимовыгодное
предложение...

– Знаем мы эту вашу хлонокоптерскую дипломатию! – от-
резает четвёртый хну. – Нечего! Пять деминут и песня, ина-
че товар не получите!

– Сволочи, – недипломатично шепчет Леод, но затем про-
должает: – Десять деминут.

– Пять!

– Пятнадцать.

– Пять!

– Десять.

– Заткнись! – рывкает хну с платальбомом. – Время
пошло. Кстати, дайте нам сесть куда-нибудь.

– У вас достаточно жирные задницы, чтобы обойтись без
сидений, – огрызается Джекс.

Хну, нисколько не смущаясь, заходят на борт корабля, за-
крывают за собой дверь и становятся у ближней стенки, при-
валившись к ней всеми своими тяжеловесными тушами.

Команда тем временем лихорадочно решает, что делать в такой идиотской экстренной ситуации.

– Ну, музыкальные инструменты у нас, считай, есть, – рассуждает Ксандер. – Силмак и Накет легко нам их сделают. Семиларен тоже играть умеет.

– Я ещё вспомнил, что умею играть на тройной гармошке, – встречается Герн.

– Отлично, печатай её! А вот текст... у кого как с импровизацией?

– Умею, но не в песне, – честно отвечает Витс.

– А давайте их просто в жопу пошлём в музыкальной форме, – весело предлагает Ярвокс. – Как-нибудь так на разный лад напоём, и...

– А я же массу матерных частушек знаю! – вдруг воодушевляется Накет. – Вряд ли хну их слышали. Я всех спасу, ребята.

– Так, никаких ругательств! – раздаётся голос хну.

– Да етить вашу мать! – отплёвывается Накет. – Тогда я ничего не знаю...

– Ну, зашибись, – комментирует Сэн. – Что-то новое, без мата... слушайте, вы, жиробасы, может, у вас какие-то конкретные запросы, а?

– Ну, что-нибудь такое интересное, – лениво отзывается хну с коробкой. – Лучше всего про нас что-нибудь напеть хорошее.

Не успевает кто-либо отреагировать на такое нескрывае-

мое хамство, как дверь корабля приоткрывается, и внутрь робко засовывается вытянутая мордочка, которая землянину тут же напомнит муравьеда. На голове существа – шляпа, похожая на ковбойскую, которая постоянно съезжает на глаза.

– Извините, это агентство по трудоустройству? – фальцетом спрашивает существо, поправив шляпу. – Ай, простите, ошибся дверью...

– Стой! – обращается к ещё не успевшей исчезнуть мордочке Карл, вытянув щупальце в её сторону. – Ты умеешь сочинять песни на ходу, я верно прочитал?

– Да, так и есть.

– Поможешь? Нам надо сочинить песню за пять минут... даже четыре уже. Знаю, это не та работа, которую ты ищешь, и денег у нас нет, но...

– В кои-то веки кому-то понадобился мой талант! – радуется существо и заходит внутрь. – Конечно, я вам помогу!

Это оказывается абориген Кеткапмара – фьюит. Голова муравьеда венчает двуногое хвостатое тело тонкого сложения. Две верхние конечности условно можно назвать руками: под костяными чехлами, приспособленными для рытья, спрятаны тонкие пальцы. Фьюит одет в бежевую рубашку с белым воротом, тёмно-зелёный пиджак и светло-серые брюки – словом, типичный для данной планеты в нынешней ситуации наряд безработного.

– О чём петь, или о ком? – обращается фьюит к команде.

– Мы заказали у тех хну управляющий модуль для корабля, – не дав развиться беспорядочному потоку информации изо всех уст, спокойно объясняет Млем. – Денег у нас нет, поэтому мы вынуждены платить песней. И эти жулики ещё хотят, чтобы мы спели что-нибудь про них. Желательно хорошее. Но мы, конечно, не намерены терять собственное достоинство.

– И всё это должно быть, блин, без мата, – не без сожаления добавляет Накет.

– Хну, точно... а я и думаю, чем же у вас так воняет, – кивает фьюит. – Знаю я этих мошенников. Ничего у них покупать нельзя! Обдерут, дадут то, что не нужно, а что нужно – испортят!

– У нас нет другого выхода, – вздыхает Карл. – Не буду вдаваться в подробности, но нам пришлось с ними связаться не от хорошей жизни.

– Ладно. Так, так, так... погодите... ещё чуть-чуть... ага! Сочинил! Я вам напою мотивчик, запомните его и подпевайте.

Итак, после трёх деминут экспресс-репетиции команда оказывается достаточно подготовлена: есть текст песни, мотив, самодельная ударная установка, простецкая дудочка и тройная гармошка.

– Вот вам и песня, – со злорадной улыбкой обращается к хну Стив. – Не хокенд'ивенская, не матерная, новая, интересная и про вас.

Хну, не замечая подвоха, готовятся услышать хвалебные или хотя бы подхалимские куплеты. Проигрыш, который исполняет Герн на тройной чучундрской гармошке, по духу своему не противоречит этому ожиданию. Но скоро до крохотных, едва возвышающихся над толстым слоем жира ушей хну доносится следующий текст:

Как-то раз решили мы
Заказать коробку,
Полную всяческой фигни
И с наклейкой сбоку.
Там подарок для врагов –
Для того народу,
Что похож на пауков.
Звать ту штуку «модуль».

Модуль вы нам быстренько отдайте,
Модуль вы нам в руки передайте.
А зачем он – это вам не скажем,
И ни разу даже не покажем.
Ваше дело кратко, вы ведь торгаши –
Модуль дали, плату взяли и тотчас ушли.

Но вот есть у нас беда –
Денег нет двумперских,
Что вы, гады, без труда
Хапаете бесчестно.

И теперь поём мы чушь,
Чтоб нам модуль дали,
Чтоб потом мы ваших туш
Больше не видали!

Модуль вы нам быстренько отдайте,
Модуль вы нам в руки передайте.
А зачем он – это вам не скажем,
И ни разу даже не покажем.
Ваше дело кратко, вы ведь торгаши –
Модуль дали, плату взяли и тотчас ушли.

Вы уроды, нету слов,
И не только видом.
Нет вообще у вас мозгов,
Совесьть вы забыли.
А вы думали, что мы
Петь вам оды будем!
Мы вас выгоним, скоты,
И совсем забудем!

Если модуль тут же не получим,
В мир загробный вам мы пропуск вручим.
И нисколько вас жалеть не будем,
Ваше место – в новом вкусном блюде.
Хоть отравой страшной будете вы для нас,

Нам лекарств поможет годовой запас!

Хну, поворачивая головы со скоростью раненой улитки, смотрят обалдевшими глупыми глазами сначала друг на друга, а затем – на импровизированную музыкальную группу.

– Песня по сути своей оскорбительна, – протягивает хну с коробкой, – но какво исполнение! Нам понравилось. Так и быть, товар ваш.

С помощью какого-то небольшого устройства хну снимает с коробки защитную электрическую сетку. Киберпанки, поспешно, из автоматической вежливости поблагодарив торговцев, вскрывают коробку и извлекают из неё благословенное приспособление. По форме оно представляет из себя прямоугольный треугольник с закруглёнными углами, который покрыт насечками и мелкими наростами разнообразной формы. Получив в своё распоряжение устройство, Джекс и Бастер уносятся в укромный уголок корабля, где стоят ходострелы. Одному из них суждено запустить цепную реакцию уничтожения всех паукрабьих роботов...

Хну тем временем начинают заметно спешить к выходу.

– Как-то вы нехорошо заторопились, – замечает Стив.

– Так, это, заказов много, – находится один из хну. – Нам пора, всего хорошего.

– А я бы вас попросил остаться ненадолго, – подскочив к хну на расстояние броска, вкрадчиво произносит Семиларен. – Вдруг с товаром что-нибудь не так.

– Нет-нет, мы всё проверяли, всё работает. Мы пойдём.

Но уйти торговцам не удаётся. Блент шестнадцатью руками удерживает всех четырёх хну за грудки и отпускать не собирается.

– Подождите буквально деминутку, хорошо? А то что-то мне чутьё подсказывает... что мы с вами не закончили.

– Да нет же...

А чутьё блента не подводит. Уже спустя пару десятков стеков объявляются разозлённые киберпанки. Бастер с силой сжимает модуль в руках так, что тот обращается в комок из пластика и металла, а Джекс вопит во всё горло:

– А-а-а!!! Где эти жиробасы??? Модуль оказался муляжом!!! Муляжом!!! А, вот вы где! Что вам ещё надо, уроды? Что вам ещё сделать, чтобы вы отдали нам нормальное работающее устройство? Стриптиз вам, что ли, станцевать, чёрт вас дерит, чтоб вы сдохли?!

– Джекс, не подсказывай, – шепчет Карл.

– А вы что, не знаете? Вам надо дополнительно оплатить доставку, – спокойно отвечает хну с платальбомом.

– Гррр, ещё раз петь?! – вступает Тецклай, который звучал во время «концерта» неким отдалённым басом.

– Обязательно, – булькает хну.

– Знаете, что? – не выдерживает Стив. – Унижаться дальше мы не собираемся. Обойдёмся без вас! Убирайтесь, пока я в хорошем настроении и не свернул вам шеи!

– Перевожу с хокена: идите-ка вы на... – взрывается На-

кет, но его перебивает фьюит:

– Ну, была не была! Я спою! Песня не моя, но зато она точно обожжёт уши этим ходячим кускам сала!

Текст и мотив песни²⁴ оказываются столь попсовыми и марзматичными, что мятежники закрывают уши уже на третьем слове. Для усиления эффекта фьюит поёт этот бред намерзейшим голосом. Но вопреки ожиданиям, всё это безобразие не заставляет зажать уши хну. Напротив: им, похоже, нравится! Потому «песня» заканчивается тогда, когда она надоедает самому исполнителю.

– Странно, – заключает фьюит. – Раньше это всегда работало...

– А это хорошо! – радостно булькает хну, достав откуда-то новую коробку. – Современно, бодро. За доставку вы заплатили, держите товар!

Скрежеча зубами, Джекск вскрывает новую коробку.

– Модуль настоящий, но сломанный, – прежде, чем его собрат-киберпанк или кто-нибудь ещё произносит хоть слово, объявляет Бастер. – А работающий, между прочим, лежит в другой коробке неподалёку.

– А где именно? – шёпотом интересуется Герн.

Один из хну вынимает что-то из кармана брюк – как он полагает, совершенно незаметно для окружающих – и коробка исчезает из поля зрения просвета Бастера.

– Можешь не говорить, – догадывается чучундра. – На

---

²⁴ Не дождётесь!!!

расстоянии от пятидесяти до ста тадумирад отсюда.

– Что на этот раз? – интересуется Млем у хну.

– Ничего, – торопливо отвечает хну, который отдал коробку. – Что досталось, то и досталось. Возврату и обмену не подлежит до тех пор, пока не уплатите долг.

– Гррр! Какой ещё долг? – рявкает Тецклай.

– Ну, вы же знаете, что песни не покрывают полную стоимость. За вами долг в сто двадцать пять тысяч тримплов.

Торговцам приходится потупить взор: кажется, что гневные взгляды всей команды, соприкасаясь с глупыми глазами хну, способны обратить тучных существ в пепел.

– И где ещё это было написано белым по белому? – ядовито осведомляется Ксандер.

– Это всем известно! – восклицает хну с платальбомом.

– И про муляж всем известно?

– Это была просто ошибка.

– По-моему, вы сами себе противоречите.

– Модуль, между прочим, починить можно, – замечает тем временем Бастер, как следует рассмотрев устройство.

– Отлично! – радуется Джекс. – Тогда предлагаю выпроводить наших «дорогих» гостей пинком под зад и больше никогда в жизни с ними дело не иметь.

– Долг за вами остаётся, – не обратив внимания на слова киборга, бубнит другой хну. – Плюс проценты за каждый день. А ещё налоги...

– А не поспешить ли вам к выходу? – шипит Леод.

– Ещё вы должны заплатить за лишнее время, которые мы вынуждены были у вас провести. Мы вам пришлём уведомление.

Поняв, что одними словами хну не выгнать, Райтлет подходит к ним вплотную и выпускает когти на руках:

– Почему-то мне кажется, что если я вас сейчас выпотрошу, никто по вам скучать не будет.

– Не советую я тебе марать руки об этих омерзительных существ, – предупреждает Ксандер.

– А ну выметайтесь!!! – теряет терпение Стив.

Телекинезом терраформ открывает дверь и готовится вышвырнуть отвратительных торговцев, но вдруг какая-то другая незримая телекинетическая сила вытягивает их из корабля. Тяжеловесные хну летят по воздуху, словно пушинки. Приземляются они внезапно и не слишком мягко, упав прямо на колени поодаль от звездолёта. К хну подходит уже знакомое мятежникам странное двуногое и двурукое существо в ярко-красной рубашке.

Мятежники видят, как Звёздный Баригальди что-то быстро говорит хну, выразительно жестикулируя, а затем щёлкает пальцами перед их мордами. Хну тут же поднимаются и спешат к своему кораблю.

– Они... погодите, я вижу их мысли! Они совсем забыли о наших лицах! – с удивлением замечает Карл.

– И о наших песнях они тоже ничего не помнят? – спрашивает фьюит.

– К сожалению, да. Но это неважно. Главное, что они не выдадут нас двумперцам. Они считают, что были не на Кет-капмаре, а на... Мизергели! И что заказ им успешно оплатили тримплами... совсем другие существа! Правда, одно из них всё-таки звали Харитоновым Ульяном Йосиповичем... ха. Но что же им наговорил Баригальди? У него я не видел ни одной мысли!

– Нелогично, – произносит Бастер. – Я вообще не понимаю, о ком вы говорите. Я никого не вижу ни при каких настройках просвета.

– А, Бастер, я тебе и не рассказал, – вспоминает Джекс. – Короче, поверь на слово, это Звёздный Баригальди. У него просто модуль невидимости в костюме.

В течение этого краткого разговора Звёздный Баригальди уже успевает подойти к двери замаскированной «Тёмной Материи». В руках у него – коробка, подозрительно похожая на ту, которую неизвестно куда телепортировали хну.

– Вот ваш модуль, полностью исправный, – сообщает Баригальди и ставит коробку перед мятежниками. – Можете проверить.

Джекс и Бастер открывают коробку и тщательно сканируют её содержимое. Не веря своему счастью, они хором заключают, что модуль находится в прекрасном рабочем состоянии.

– Как ты это сделал? – бросается к Баригальди радостный Джекс. – И как нам тебя отблагодарить?

– А главное – кто ты такой на самом деле? – влезает Яарвокс.

– Узнаете, когда придёт время, – отвечает загадочный герой в красной рубашке. – Я много раз исчезал, появлялся вновь, снова уходил и опять возвращался... позвольте мне исчезнуть в очередной раз.

– Ну хотя бы намекни, дружище! – канючит Герн. – Мы никому не скажем, обещаем! Приоткрой лицо! Всего на один стек!

– Баста! – заявляет Баригальди, властно подняв правую руку. – Мы ещё встретимся.

Звёздный Баригальди разворачивается и удаляется. Когда остаётся самая малость, чтобы полностью исчезнуть из поля зрения самых дальнорюких существ, у него раскрываются металлические крылья. Пара взмахов – и Баригальди пропадает в густых облаках.

– Может, это фантом? – неожиданно предполагает Витс.

– Фантом не смог бы поднять и принести сюда коробку с настоящим модулем, – отрицает Бастер. – Хотя для меня это выглядело именно так: коробка как будто сама поднялась в воздух и приплыла сюда. А голос шёл из пустого пространства. Нелогично.

– Одного понять не могу, – бормочет Стив, – почему его мыслей не видел и я?

– Ты видишь не все мысли, – говорит Тецклай. – Юркслу ты тогда не заметил, например.

– Я приспособился. Теперь я вижу его мысли так же хорошо, как и у всех остальных. Не забывай – у меня четыре очень пластичных мозга. Но Баригальди... ни одной мысли, ни одного нервного импульса! Вижу его, слышу голос, но на этом всё!

– Добро пожаловать в мир не-телепатов, – усмехается Яарвокс. – У нас, представляешь, так всегда. И ничего, не страдаем!

Терраформ пронзает человека гневным взглядом и выпаливает:

– А если бы тебе вдруг глаза выкололи, ты бы быстро приспособился? Сказал бы легкомысленно, что немало на свете слепых существ, которым свет и не нужен вовсе? Вот так я себя чувствую, когда не вижу мыслей!

– Ладно, ладно, остынь! Ну, ляпнул не подумав, извини.

– Пойду-ка я за аппаратом-уборщиком, – сообщает тем временем Силмак. – А то торговлей ещё воняет.

– А я, пожалуй, пойду отсюда совсем, – произносит фьюит.

– Ты с нами не полетишь? – спрашивает у него Карл. – Ты нам очень помог, спасибо.

– Лететь куда-то? Ой, нет, нет, я боюсь, – честно сознаётся фьюит. – А если паукрабы обнаружат, что я... нет, это без меня! Я трус, и я хочу жить! Простите.

– Что ж, никто не вправе тебя заставлять. Мы не двумперцы, мы так не поступаем.

– Так вы ещё и не двумперцы?!

– Ррр, да ещё и мятежники, – с гордостью добавляет Райт-лет.

– Ой, нет-нет-нет! Если паукрабы узнают... всё! Я вас не знаю, вы меня не знаете!

Фьюит выскакивает из звездолёта.

– Зато честно, – комментирует Тикки.

– После тех жулики даже этот трусишка казаться хороший личность, – поддерживает Фиб-Фиб.

В согласном молчании команда отправляется в космос.

Глава 15. Нет худа без добра

Но господство обстоятельств

И скрещение событий

Испокон веков доньне

Нами правит как детьми

Морит голодом в пустыне

Хлещет в комнате плетью.

Даниил Хармс

«История Сдыгр Аппр»

Кто полон милосердия, непременно обладает мужеством.

Конфуций

Ничто так не радует мятежников, настроение которым сильно подпортило общение с мерзкими торговцами, как то,

что двумперские патрули и отдельные звездолёты пролетают мимо «Тёмной Материи» так, словно её вообще не существует. Это даёт надежду на то, что многодочасовое путешествие к планете Ксибидитичик, куда мятежники собирались ещё с самого Самобыта, пройдёт спокойно и гладко. И за это время можно будет многое успеть сделать. Например, Семиларен всё ещё настроен научить Леода хоть как-то защищаться с помощью клыков и когтей, хотя сам ягулярр за время строительства корабля практически потерял интерес к этой теме.

– Слышь, Леод, – без всяких преамбул возникает у двери ягуляррской каюты блент, – ты не так и не надумал драться научиться? На Самобыте некогда было, а тут у нас время есть, так что...

Тут Семиларен прыскает со смеху. Он застал Леода за важным ягуляррским делом – вылизыванием шерсти. А поскольку шерсть, которую Леод вылизывал только что, находится на довольно-таки укромном месте, ягулярр предстаёт перед блентом в позе, что приличествует скорее йогу, чем будущему бойцу. Осознав своё неловкое положение, Леод исполняет некоторое подобие сальто-мортале и лишает Семиларена повода для смеха.

– Да как тебе сказать, Семиларен, – уверенным голосом произносит неуверенные слова Леод. – Пока меня во всех – ну, почти во всех передрягах выручает дипломатия. И я не хочу никому причинять боль. Поэтому...

– Боль – неизбежная часть жизни, – перебивает блент. – Возможно, ты путаешь её со смертью, раз так к ней относишься.

– Я не сравниваю одно и другое. Просто мне кажется, что причинять боль – не лучший способ добиваться своего.

– Дипломатия хороша тогда, когда противники слова понимают. А вот представь: напал на тебя или на кого-то близкого рой неразумных каких-нибудь жуков. Не знают они хифсдангла, вот вообще ни бельмеса. И что же – ты будешь им говорить: «Уважаемые жуки, перестаньте, пожалуйста, кусать моих друзей»? Нет! Ты врежешь им по жвалам, и будешь прав!

– Ну, в таком случае выбора у меня и впрямь не будет.

– Вот! Я ж тебя не убивать хочу научить – из тебя убийца, как из меня оперный певец! Просто хоть чуть-чуть защищаться! А то стыдоба вообще – такие зубищи и когтищи, а ведёшь себя, как котёнок! У тебя есть, кого защищать. Джарс, я же правильно выражаюсь?

– Да... ладно. Думаю, хуже не будет.

– Всё будет отлично! Поскакали вниз, там места побольше.

Семиларен и Леод спускаются в грузовой отсек.

– Начнём! – объявляет блент, потирая шесть рук. – Давай, Леод, представь, что я – неразумная мерзкая тварь, которая ни слова не понимает на хифсдангле и хочет тебя убить.

Леод неопределённо фыркает, но Семиларен, не дожидаясь,

ьясь вразумительного ответа, тут же кидается на него, замахнувшись всеми руками. Ягулярр вяло оскаливается, где-то наполовину выпускает когти на правой лапе и неуверенно выставляет её вперёд, пытаясь остановить блента.

– Ха, ну что это такое! – смеётся Семиларен. – Так не годится! Давай ещё раз! Ударь меня! Не бойся сделать больно – у меня крепкая шкура.

Леод что-то бормочет себе под нос и выпускает когти – опять же, наполовину – на левой лапе. Кивнув, он показывает, что готов к новой «атаке». На этот раз, когда блент бросается на ягулярра, тот хватает его лапами за две руки. Но на большее Леода не хватает.

– Полная фигня! – заключает Семиларен. – Мотивации тебе не хватает, это точно. Что ж, попробую её добавить. Над таким лохом, как ты, много кто посмеяться захочет. Поскачу наверх, позову кого-нибудь...

Голос Леода тут же твердеет:

– Эй, вот это уже подлю! Не надо выставлять меня неудачником!

– Плевать я хотел. И как ты меня остановишь? – ухмыляется блент и собирается ускакать из грузового отсека, но ягулярр резким движением хватает его за хвост.

Когти на передних лапах выпущены уже больше, чем наполовину.

– Уже лучше! – одобряет Семиларен. – Но всё равно слабовато. Кого же позвать... хм, может, Витса? Вот он над то-

бой поржёт-то!

Блент взмахивает хвостом так, что ягулярр тут же отцепляется от него и падает. Но Леод уже вошёл в раж. Он быстро поднимается и прыгает бленту прямо на спину... которая защищена тремя парами сильных верхних рук.

– Ха-ха-ха! Привет, котёночек! – хохочет блент, хватая Леода за туловище и готовится отбросить в сторону, но ягулярр неожиданно крепко вцепляется Семиларену в шею.

– Так, а дальше что? – с улыбкой интересуется блент.

В ответ Леод издаёт грозный рык. У Семиларена, впрочем, он вызывает лишь новый приступ хохота:

– Бу-га-га! Замурлыкал, смотрите-ка! Ну, что ещё от такого слабака и неудачника ожидать!

Леод ещё крепче вцепляется в шею Семиларена и, наконец, валит того на пол. Спрыгнув с блента, ягулярр тут же осторожно осведомляется:

– Прости, тебе не больно?

– Мне? Больно? Ха, да это массаж, приятель! – смеётся Семиларен, поднимаясь. – Но это уже прогресс, ты молодец. Потренируемся ещё?

– Хм... думаю, можно.

Блент и ягулярр продолжают бороться. Для Семиларена это – скорее забавная игра, а Леод пытается перекроить всё своё мировоззрение. К своему огромному удивлению и даже лёгкому ужасу, ягулярр обнаруживает, что ему начинает нравиться всё это действо. Он чувствует себя гораздо уве-

реннее и сильнее, когда отражает одну атаку блента за другой.

– Ну, не так уж и страшно, правда? – обращается Семиларен к Леоду где-то через дечас тренировки.

– Да! – твёрдо отвечает Леод. – Пожалуй, ты был прав.

– И у тебя уже неплохо получается! Потренируемся потом ещё, и вообще молодец будешь! Хоть мышцы под шкурой проявятся. А то ты как диван на ножках, мягкий весь.

– Аккуратнее с выражениями, – хитро улыбается Леод. – А то... врежу ведь!

– Ха-ха-ха! Вот это по-нашему! Ой, кстати, у тебя кровь идёт на лапе.

– Где?

– Да вот, на правой передней.

Леод с недоумением осматривает лапу и обнаруживает на ней довольно-таки внушительную царапину.

– Странно, я ничего не почувствовал, – бормочет ягулярр.

– Ха! Так это ж у вас, млекопитающих... как эта хрень называется... надрелин?

– Адреналин.

– Вот, это как у нас гормон бойберин – как обезболивающее действует!

– А ведь правда...

Задумчиво зализав рану, Леод поднимается в свою каюту. Вслед за ним грузовой отсек покидает Семиларен. Пока блент и ягулярр направляются в свои каюты, их ушей дости-

гает диалог киберпанков, которые уже установили новообретённый – а главное, многократно проверенный! – управляющий модуль на ходострела.

– Ну что, откуда будем программу запускать? – обращается к Бастеру Джекс. – С Ксибидитичика? Или всё-таки какое-нибудь место подальше выбрать?

– С одной стороны, Ксибидитичик – логичное место для нашей операции. Окрестности планеты под контролем йорзе, поэтому паукрабихи в первую очередь заподозрят именно их. С другой – если там осталась аборигенная цивилизация, конфликт между паукрабихами и йорзе может поставить её под угрозу уничтожения.

– Не поспоришь. Может, старая Фордокс-Прима подойдёт?

– Нелогично. Лишнее внимание к Укрытому Рукаву нам ни к чему.

– А если дать ложный сигнал, как тогда сделали наши кибервиртские собратья?

– Это уже логично. В таком случае, могу предложить как источник ложного сигнала Фирс-Ы. Мы с Гимром уже связывались, он готов помочь.

– Блестяще!

Как только киберпанки определяются с планами, обновлённый бортовой компьютер подаёт тревожный сигнал. Бастер тут же отправляется в отсек управления.

Нет, маскировка «Тёмной Материи» не раскрыта. Иро-

нично, но именно из-за этого кораблю мятежников угрожает неприятное столкновение с одиноким двумперским боевым звездолётом.

– Две паукрабихи. Нас не видят, – сообщает Стив. – Нелепо получится, если они в нас врежутся. Автопилот предлагает варианты, но мне они не нравятся.

– Я постараюсь выправить курс, – тут же реагирует Бастер и берётся за штурвал.

– Хорошо! Плавно, без резких движений...

БАМ!!!

В самый последний миг паукрабий корабль поворачивает в самую неудачную сторону и натывается на «Тёмную Материю».

– Нелогично, – дребезжит Бастер.

– Так, эти две дуры решили идти сюда, – скрежечет Стив. – В общем, наша новая легенда – корабль-призрак. Трансформируем пространство, выключаем свет и прячемся за стенкой из гиперполимера. Друзья мои, в грузовой отсек, мигом!

Придав интерьеру звездолёта неухоженный и откровенно затхлый вид, вся команда поспешно ныряет в грузовой отсек. И очень вовремя: любопытные паукрабихи уже взошли на борт.

– Ну и развалюха, – высказывается одна из них.

– Неуютно тут, – съёживается другая. – Может, пойдём отсюда, а? Корабль-призрак, ну его... вдруг здесь призраки

или зомби?

– Ладно тебе, трусиха. Пошли по каютам пошарим, вдруг там что ценное заваялось.

При этих словах вся команда мысленно обкладывает незваных гостей густым матом. Кто знает, что паукрабихи сочтут ценным?..

– Чёрт! Зараза! Это же полярный лис с избыточным весом!!! – вдруг принимается ругаться Джекс – тихо, но вслух.

– Ого, да ты мастер эвфемизмов! – шепчет Яарвокс.

– Да, не могу материться при женщинах. Но так хотелось бы! Бастер, я-то ладно, но ты почему про ходострела не вспомнил? Эти мерзячие твари его заберут как пить дать! Надо было забрать его из каюты!

– Я был занят трансформацией интерьера корабля, памяти на дополнительные процессы не хватило, – невозмутимо отвечает Бастер. – Между прочим, мои расчёты показывают, что если паукрабихи заберут ходострела и включают на собственном звездолёте, отпадёт нужда в ложном сигнале.

На лице Джекса сама собой расплывается полная надежды и некоторого злорадства улыбка:

– Да! Точно! Пусть эти вонючие беспозвоночные сами всё за нас сделают! Бастер, ну у тебя голова, просто суперкомпьютер!

– Приятно это слышать, – отзывается робот.

И озвученный Бастером план действительно может сработать. Заметив ходострела, паукрабихи тут же забирают его

себе.

– Хоть какой-то толк от этого хлама, – довольно скрежечет более смелая паукрабиха.

– Думаю, больше здесь задерживаться смысла нет, – шепчет её трусоватая напарница.

– Нет, давай в грузовой отсек заглянем ещё.

– Вот там мы точно наткнёмся на зомби! Ну его, пошли на корабль!

– Замолкни, трусишка.

Паукрабихи спускаются в грузовой отсек. Но его содержимое их совершенно не впечатляет. Они уже собираются покинуть корабль, но трусливая паукрабиха неожиданно спотыкается.

– Призраки! Ой, мама! – кричит трусливая паукрабиха, испугавшись грохота.

– И правда, призраки! Бежим! – теряет смелость другая паукрабиха.

Паукрабихи быстро возвращаются к себе на корабль и начинают удаляться от «Тёмной Материи». Команда перебегает в отсек управления.

– Паукрабихи боятся мертвецов, – констатирует факт Леод. – Это надо запомнить.

– Понадеяться, что паукрабихи скоро включат ходострела, или проследить за ними – вот в чём вопрос! – вслух рассуждает Джекс.

– Я думаю, проследить надо, – кивает Райтлет. – Не поме-

шает. Может, они ещё что-нибудь важное выдадут по дороге.

– Но они уже слишком далеко, – замечает Млем.

– А я их вижу! – улыбается Стив. – Можете на меня удивлённо не пялиться – я же лучший телепат на этом корабле! Летят они на... Мизергели, чтоб их подкрад сожрал... так... сейчас можно приблизиться. Я за штурвал! Тихо, спокойно... хорошо... вот подкрад! Трусиха что-то заподозрила!

– Тот корабль следует за нами! – беспокоится трусливая паукрабиха. – Наверно, там всё-таки кто-то был... видишь движение? Как будто само пространство-время всколыхнулось!

– Корабль? Да его же на радаре не видно, у него давно двигатели сдохли, – хмыкает относительно смелая напарница.

Про себя она, впрочем, думает:

– Только бы не зомби! Только бы не зомби!!!

– А-а-а, вот, смотри! – переходит на крик более трусливая паукрабиха. – Видишь? Видишь? Вот, опять!

– Какой-то астероид мимо пролетел, а тебе уже корабли мерещатся. Если бы там и впрямь был корабль, пальнули бы по нему, и дело с концом! Чего ты переживаешь-то?

– А вот и корабль! И ещё один! И ещё! Ой, зря мы туда пошли, это призраки хотят нам отомстить!

– Да это не призраки, это орхги! Предатели болотные! По ним даже стрелять не хочется, жалко снаряды тратить. Давай их лучше в чёрную дыру заманим!

Паукрабий корабль вырывается за пределы телепатического восприятия Стива. За паукрабьим кораблём гонится орхгская флотилия, которая неожиданно материализовалась в пустом пространстве.

– Гррр, знакомая картина, – комментирует с потолка Тецклай.

– Разве что орхги на нашей стороне, – усмехается Сэн.

– И мы – на их, – добавляет Карл. – Скорее, надо их предупредить! Ходу, ходу!

«Тёмная Материя» устремляется в погоню за орхгами, которые, в свою очередь, преследуют паукрабих. Но как только звездолёт мятежников достигает точки, с которой уже можно выходить на связь, как орхги начинают палить по кораблю паукрабих. Тут же откуда-то возникают новые паукрабьи корабли, и возникает такая суматоха, что даже телепаты теряют след, а все попытки киберпанков установить связь с орхгами проваливаются.

Но вдруг что-то большое и блестящее отдаляется от эпицентра бурных событий.

– Они выбросили ходострела! – взывает Джекс. – Не было печали!!! Ладно, есть ещё шанс.

Несколько движений стальных рук киборга у приборной доски – и «Тёмная Материя» обзаводится «руками» собственными, «кисти» которых оснащены мощными электромагнитами.

Однако ходострел упорно летит в другую сторону. Как за-

мечает команда, к ближайшей планете.

– Что за чёрт! – ругается Джекс. – Неужто магнит неисправен? Бастер, проверь!

– Магнит работает, – отчеканивает Бастер. – Нелогично!

– Да к хрену моржовому этот магнит! – вдруг вступает Семиларен.

На далёкой холодной планете... не происходит ничего особенного.

– Подлетим поближе, пока он на планету не шмякнулся, и подберём сами! – продолжает отчаянный блент.

Когда «Тёмная Материя» нагоняет ходострела, тот уже входит в атмосферу и несколько замедляется.

– Я прыгаю! – сообщает блент, обвязывается полимерно-металлическим тросом и...

Не успевает Семиларен выскочить из корабля, как ходострел резко ускоряется и исчезает из виду. До того, как паукрабья полумашина совсем пропадает из виду, Семиларен с изумлением видит, что она не горит в атмосфере.

– Исчез наша ходострел? – то ли спрашивает, то ли утверждает Фиб-Фиб.

– Может, он куда-то шлёпнется, – отвечает блент. – Он не горел, вот что странно!

– А он и не должен был гореть в атмосфере! – заявляет Джекс. – Он рассчитан и на такие нагрузки! Попробуем спуститься на поверхность и поискать... кстати, что это за планета?

Только мельком взглянув на жёлто-красно-чёрный шар за окном, Силмак и Накет узнают это место.

– Дамы и господа, Бедантия – наша с Силмаком родина, – объявляет Накет.

– Да, тут всё такое же, как и раньше, – вздыхает шнырявка. – Вон то пятнышко – наша родная пустыня. Остальное – трущобы. А, только паутина добавилась. И базы паукрабьи. А так всё то же. Семиларен, ты видел, куда именно падал модуль?

– Туда, в самую тёмную точку, – указывает блент. – Там, видимо, застройка. А рядом база и пустыня... да что ж за непруха такая!

– Спокойно. Мы пойдём туда. Все местные носят закрытую одежду с капюшоном. Это нас, думаю, выручит. Правда... кхм... не-человекам и не-шнырявкам там рады не будут в любом случае. Могут и на костёр отправить радостно. Такое вот гостеприимное местечко.

– Что ж, пусть тогда идут только человеки и ты, – пожимает плечами Стив.

– А как же маскировщики? – вспоминает Витс. – Разве мы не можем воспользоваться ими?

– Хм! Вообще-то, можем, – отвечает Силмак.

– Вообще-то, не можем с недавних пор, – вступает Джекс. – Плохие новости от собратьев-киберпанков: теперь демаскировщики – а именно так называются те модули, которые раскрыли нас – работают автоматически. Появимся

там, где есть демаскировщики – всё, нас виртуально разделен. А может, даже и реально.

– Довольно странно, если учесть, что изначально имперцы создали маскировщики для себя, – бормочет Яарвокс. – Явно там есть какой-то обходной путь. Но пока мы будем его искать, пропадёт ходострел. Так что я за балахон. Хоть недостатки фигуры скроет!

– Тогда пойду печатать, – сообщает Силмак.

Несколько деминут спустя Силмак возвращается к команде с охапкой коричневых балахонов с капюшонами.

– Всё бы ничего, – произносит Веншамея, надев традиционный бедантиевский наряд, – да только стоит подуть ветру, и капюшон тут же слетит. Так и раскроемся. Хоть бы верёвочку какую, липучку или застёжку...

– Верёвочки, липучки и застёжки – это от лукавого! – не скрывая презрения к этим словам, объясняет Силмак.

– Религия у людей на Бедантии такая, – продолжает Накет. – Придётся капюшоны держать.

– Верёвочки – от лукавого! Ничего себе, – поражается Веншамея. – А что там ещё от лукавого, чтобы уж знать?

– Атеизм, планирование семьи, гигиена, разумная медицина...

– Всё, не надо больше продолжать. Всё ясно. Фу.

– Вот только тырить космические технологии – это не от лукавого, – усмехается Силмак.

– Как же вся эта галиматья называется, интересно? – спра-

шивает Витс. – Очень похоже на некоторые земные религии.

– Единственноверномолие, – с пародийным пафосом отвечает Накет. – Вся суть в двух словах: на небе Бог, а ты лох.

– На сверхославие похоже, – добавляет Семиларен.

– И на наш тыттокский бред, – поддерживает Сэн.

– Единый хрен моржовый, согласен! – усмехается Накет.

Ничего не происходит на далёкой холодной планете.

– Ну, пошли! – с энтузиазмом, пусть и не очень искренним, произносит Силмак, когда человеческая часть команды принимает облик местных жителей.

Силмак, Накет, Веншамея, Джекс, Карл, Витс и Яарвокс ступают на выжженную землю Бедантии в самом густонаселённом районе. И ступают аккуратно: редкий участок земли не покрыт мусором, грязью или чем похуже. Кругом стоит жуткий тошнотворный запах, снуют одетые в потрёпанные балахоны люди, явно не обременённые разумом. Постройки, которые обрамляют тесные улочки, в лучшем случае представляют собой неряшливые груды кирпичей, в худшем – шалаши из всякого мусора.

– Странно – никаких разрушений, – бубнит Яарвокс. – Ходострел должен был проехать хотя бы по одному зданию!

– И в мыслях местных жителей я не вижу даже намёка на подобающие воспоминания, – вздыхает Карл. – Или это мерзкий запах вудвадка мешает мне сосредоточиться... ой, не могу... друзья, если увидите мой завтрак – передайте ему, что я держался до последнего!

– Вудвадк, он же парацетамол... откуда он здесь? Разумная медицина же от лукавого? – размышляет вслух Веншамея.

– Разумная – да, а неразумной тут хоть засыпья, – отвечает Силмак. – Здесь вудвадк считается афродизиакком.

Карл еле-еле сдерживает новый рвотный позыв.

– Вудвадк ни при чём, Карл, – говорит Ярвокс. – Я думаю, спёрли тут нашего ходострела по-быстрому.

– Но и просвет ничего не показывает, – удивляется Джекс. – Я думал, он у меня сломался, но я всё перепроверил. Вижу всё, кроме ходострела.

– Но он точно упал в этот район, – утверждает Карл. – Я видел мысли Семиларена.

Мятежники останавливаются в неожиданно тихом переулке, чтобы всё обдумать и обсудить. И кое-кто об этой остановке жалеет сразу же.

К Веншамее подходит кто-то из местных жителей. Не соблюдая никаких приличий, он бесцеремонно кладёт руку ей на плечо и обращается к ней гнусным голосом:

– Эй, красавица, открой личико!

– Уважительное отношение к женщинам тут тоже от лукавого, забыл сказать, – шепчет Накет. – Щас я его...

– Погоди, милый, я сама выкручусь, – отказывается от помощи Веншамея и интересуется у «кавалера» не менее гнусным голосом:

– А с чего ты взял, что я женщина? Может, я восьмидеся-

тилетний старик!

– Э, да я ж вижу, как ты идёшь! – не теряется нахал. – У тебя походочка такая, попкой туда-сюда, туда-сюда!

– Слышь, ты! Горизонт очистил! – загородив Веншамею, рывкает Накет и достаёт гормет.

– Хе, тоже мне, – реагирует наглый бедантиевец.

Обладатель гнусного голоса снимает капюшон, засучивает рукава и достаёт испаритель.

– Я кому сказал – сдристни на хрен отсюда! – вскипает Накет. – Я те рожу по стенке размажу, никакой испаритель тебя не спасёт!

Остальная команда начинает потихоньку вооружаться и готовится к бою, поскольку понимает, насколько самонадеян сейчас Накет. Противник явно превосходит его в грубой силе...

– Ребят, погодите, я знаю, что делать, – шепчет Яарвокс.

Старательно копируя соблазнительную женскую походку, он подлетает к амбалу с испарителем и жестом призывает следовать за ним.

– Ну тебя, – бросает мерзкий тип в сторону Веншамеи и переключает своё внимание на новую «красотку». – Ну, ты-то мне личико покажешь, киса? И ещё что-нибудь? Там, пониже, а?

Тут Яарвокс резко сдёргивает капюшон и гаркает неприятному типу прямо в лицо:

– Сюрприз!!!

Седое мужское лицо вышибает из горе-кавалера все иллюзии и заставляет его поспешно ретироваться. Ведь если кто-нибудь увидит, что он приставал к мужчине, ему конец!

«Нетрадиционные» отношения здесь тоже от лукавого...

Трюк Ярвокса восхищает всю команду. А больше всех – Веншамею.

– Спасибо! Здорово ты его сделал, молодец! – восторгается она.

– Да ну, просто не хотелось в лишнюю драку ввязываться, – отмахивается находчивый «актёр».

Кто не в восторге – так это Накет. Он подходит к Ярвоксу вплотную:

– Отойдём в сторонку, поговорим?

– Что это ты удумал? Ну, ладно.

– Народ, мы вас догоним, идите дальше! – обращается к остальной команде Накет, а затем вновь поворачивается к Ярвоксу:

– Ты ведь не просто так это сделал, да? Всё для того, чтобы понравиться Веншамее, так?

– Я просто нашёл способ отвадить того ублюдка остроумнее, чем ты. При чём тут...

– Да как же! Сознайся: ты ради неё старался! Руки от неё убери, слышь!

– Да расслабься ты! Ни мне, ни тебе уже с ней ничего не светит!

– Чё? Чё значит – мне не светит? Ты ваще охренел?!

– Да у них с Джексом шуры-муры!

– С Джексом? Да ладно! Чё за хрень ты несёшь?!

– Хочешь – верь, хочешь – не верь. Не переживай, короче, я к ней не лезу – всё равно бесполезняк.

– Мозги ты мне пудришь, старый хрыч! Веншаменя моя, и всё тут!

– Думай что хочешь. Возьми и спроси у неё напрямки!

В ответ на это Накет собирается выругаться особенно крепко, но Ярвокс тут же гасит нарастающую ссору:

– Пошли уже, нечего нам с тобой из-за бабы ругаться. Наша задача – найти ходострела, а во всех этих шашнях разобраться ещё успеем.

– Да, ты прав, – неожиданно спокойно соглашается Накет, и они с Ярвоксом нагоняют остальных.

Мятежники вдоль и поперёк обходят посёлок, в который должен был попасть тот злополучный ходострел. Ни одного следа они так и не находят.

– Чертовщина какая-то, – шипит Джекс, когда маршрут уже начинает закольцовываться. – Как так могло получиться?

– А что, если тот ходострел, которого паукрабихи как бы выкинули, был... фантомом? – неожиданно предполагает Карл.

Вся команда изумлённо уставляется на полупротоплазмика-получеловека.

– Едрён батон! – высказывается Накет. – Похоже на прав-

ду!

– Но... зачем это? – неуверенно спрашивает Витс.

– Может, паукрабихи хотели отвлечь внимание, – пожимает плечами Карл. – В общем, я к тому, что здесь мы уже ничего не найдём. Нам придётся вернуться в космос...

– ...и начать всё сначала, – печально заканчивает фразу Джекс.

Команда расстроено бредёт в сторону замаскированного корабля. По дороге мятежникам открывается вид на некое подобие центральной площади, где на импровизированной сцене из старых кирпичей что-то торжественно вещают три человека в необычно чистых белых балахонах.

До мятежников доносятся отдельные фразы:

– Божья благодать...

– паутина посланниц Божьих...

– блаженны смиренные...

– славьте паукрабих...

– А священные книги тут быстро переписали, – хмыкает

Накет.

– Есть такая суперспособность у религиозно мыслящих – стремительно переобуваться в воздухе, – поддерживает Яарвокс. – Ну их в баню, идём.

Мятежники двигаются дальше. Все, кроме... Джекса. Он напряжённо вглядывается в проповедников.

– Джекс? – тревожно обращается к киборгу Карл. – Даже если это они, пусть идут лесом, и...

Какое-то движение одного из проповедников развеивает у Джекса все сомнения. Он обходит Карла и твёрдым шагом направляется к троице в белоснежных балахонах.

– Этих сволочей я под любыми капюшонами узнаю! Это те твари!

– Джекс, не надо, – пытается остановить киборга Карл.

– Надо! Они ответят за всю боль, что я из-за них испытал!!!

– Что происходит? – недоумевает Веншамея.

– Джекс узнал в проповедниках тех, кто сдал его паукрабам, – отвечает Карл. – И хочет им отомстить! Это может плохо кончиться! Нужно его остановить!

Но Джекс уже далеко оторвался от остальных и настиг проповедников, которые как раз спустились со «сцены».

– Рад вас видеть, ребята, – неожиданно приветливо обращается к троице Джекс.

Проповедники – двое мужчин и одна женщина, все неопределённого возраста и самой заурядной внешности – удивлённо смотрят на Джекса. Его лицо почти полностью закрывает капюшон, а руки спрятаны в рукава, так что узнать его практически невозможно.

– Э... привет, – откликается один из мужчин. – Мы знакомы?

– Возможно, – произносит Джекс. – Помните то тёмное время, когда вы работали на паукрабов, на фабрике по производству роботов?

– О, это было ужасно, – кивает женщина.

– И с вами там работал один фордокс-приманец. Как же его звали... м-м-м... такой, знаете, шатен с бирюзовыми глазами...

– Джекс? – предполагает второй мужчина.

– Да, точно, он самый! – отзывается киборг. – Помнится, он что-то там напортачил с этими роботами...

– Да не напортачил, – перебивает первый мужчина, – а наоборот, всю партию им там запрограммировал на самоуничтожение! Когда паукрабы об этом узнали, они были в ярости!

– Нам пришлось сказать, что это был он, – добавляет женщина. – Иначе они нас всех бы переубивали.

– Да, мы его заложили, – поддерживает второй мужчина. – Жалко Джекса, конечно. Нам повезло, что нас не казнили, как его...

– Какая душещипательная история, – с притворной горечью в голосе комментирует киборг. – А хотите хохму?

Троица в белоснежных балахонах притихает. Киборг же резким движением рвёт свой балахон, выпускает на руках длинные стальные когти и выкрикивает прямо в лица предателям, обжигая их взбешённым взглядом:

– Я – Джекс! Я вас всех, гадов, помню!!! Сдохните, ублюдки!!!

В величайшем ужасе все трое тут же дают стрекача и пытаются скрыться в ближайшем переулке, довольно людном и

тесном. Но сбить с толку Джекса им не удаётся. Безудержная ярость придаёт киборгу сил, и тот буквально раскидывает в разные стороны всех, кому не повезло оказаться у него на пути.

– Джекс!!! Остановись, ты, поц! – отчаянно пытается докричаться до Джекса Карл, но удаётся ему это примерно так же, как землянину – докинуть камнем до Луны.

Троица уже не в белоснежных, а серых от пыли и грязи балахонах, совершенно растеряв от страха всякую логику, вырывается из посёлка и бежит по красноватому песку в бескрайнюю пустыню. Эта ошибка тут же дорого обходится предателям: на открытом месте Джекс мгновенно нагоняет их и принимается жестоко избивать, нанося ужасные раны стальными когтями.

– Получайте, уроды!!! Мерзавцы!!! – вопит Джекс жутким полуметаллическим голосом. – Что, больно, да? Это – ничто по сравнению с тем, что из-за вас ощущал я, когда меня рвали на части!!!

Остальная команда, наконец, догоняет Джекса и его жертв.

– Джекс, не делай этого! – тщетно пытается достучаться до киборга Карл.

– Забавно, кстати, что местные считают эту пустыню нечистым местом, – усмехается Накет. – Тут, говорят, дьявол сидит. Так они называют песчаного змея.

– Кстати, я его чую, – с ужасом сообщает Силмак и по-

спешно прячется за спины людей.

Из песка прямо перед командой высовывается огромное слепое существо светло-голубого цвета. Его кожа покрыта длинными жёсткими вибриссами и крупной чешуёй. Зубастая пасть существа с дополнительными глоточными челюстями широко раскрыта и не предвещает ничего хорошего для любого, кто окажется рядом с ней.

– Какая удача! – усмехается Джекс и ещё раз проходится когтями по истекающим кровью предателям. – Ползи сюда, змеюшка, у меня тут для тебя угощение есть! Первое, второе и десерт! Хороший змей!

– Зря радуешься, Джекс, – вступает Накет. – Он не ест людей.

Киборг впивается обжигающим взглядом сначала в бедантиевца, а затем в чудовище.

– Плохой змей! – фыркает Джекс.

– И ругаться на него бесполезно – он глухой ваще, как камень, – смеётся Накет.

– Никакой я не глухой! – произносит вдруг... сам песчаный змей. – Людей не ем, потому что невкусно. А не разговариваю для того, чтобы сцурикаты работать не заставили!

Кивнув удивлённой команде, змей скрывается под песком.

– Интересно, знает ли об этой биологической особенности Айзел? – усмехается Яарвокс. – Вот прикол будет, если не знает!

– Что ж, – обращается тем временем Джекс к поверженным предателям, – раз песчаный змей мне не помощник, я прикончу вас своими руками!

Ответом киборгу служит нечленораздельная, но отчаянная мольба о пощаде.

– Ничтожные личности!!! Милосердия не ждите – я все потроха из вас выдеру!!! – лишает жертв всяких надежд Джекс и замахивается, готовясь вонзить стальные когти в их тела, но тут прямо перед ним встаёт Карл:

– Джекс, я не дам тебе этого сделать!

– Что?! Ты заступаешься за сволочей, которые и глазом не моргнули, когда меня предали?! Я помню, как все они втроём показывали на меня пальцем, когда пришли паукрабихи! И сейчас они это сами признали! Думаешь, я дурачка играл, когда с ними разговаривал? Нет! Я убедился в том, что они мерзавцы! Если они спокойно, без дрожи в голосе могут рассказать незнакомцу, как подло сдали собрата по несчастью... они не заслуживают жизни! А ты их ещё защищаешь!?

– Я не их защищаю, а тебя самого! В кого ты превращаешься, Джекс?!

– Ханжа ты и моралист чёртов! Уйди с дороги, не мешай!!!

Джекс пытается оттолкнуть Карла, но...

В органический глаз киборга прилетает неожиданно сильный удар кулаком.

– Ты что... сдурел??? – выдавливают поражённый до глу-

бины души Джекс, прикрыв глаз рукой.

– Если слова не понимаешь, приходится переходить на кулаки! – рывкает Карл, но тут же смягчается: – Джекс, давай отойдём и поговорим спокойно.

– Ага, чтобы эти твари расползлись за это время!

– Не беспокойся, никуда они не денутся. Ты их уже достаточно ослабил. Того гляди, умрут от потери крови!

– Это было бы очень кстати.

Эти слова снова выводят Карла из себя. Новый удар оказывается не таким сильным, как первый, но тоже болезненным.

– Ты вообще понимаешь, что говоришь? – набрасывается на Джекса Карл уже словесно, когда они отходят подальше. – Слепая ярость затуманила тебе разум! Ты готов опуститься на один уровень с теми, кого считаешь последними негодьями!

– Никуда я не опускаюсь! – гневно выпаливает Джекс. – Опустился бы я, если бы исподтишка пырнул их в спину ножом. Я же собираюсь убить их, глядя в их пустые глазёнки, лицом к лицу!

– Это тебя не оправдывает!

– Ещё как оправдывает! Они предали раз – значит, предадут и второй! Может, не меня, но кого-то ещё!

– Витс однажды предал Стива. Предаст ли он кого-то снова?

– Витс пытается исправиться. И у него, надо сказать, по-

лучается. Он раскаялся и чувствует вину. У этих же ублюдков совесть отсутствует начисто.

– Как интересно! Скажи, когда это ты успел стать телепатом?

– Да у них всё на рожах написано!

– А я вот вижу их мысли. Джекс, они готовы на всё, чтобы ты сохранил им жизнь. Сейчас они искренне сожалеют о том, что сдали тебя. Ты уже достаточно наказал их.

– Пустые слова. Я им не верю.

– Так, зайдём с другой стороны. Думаешь, Веншамее понравится, если ты у неё на глазах вырвешь трём людям внутренности?

– Куда поползли! – раздаётся тут же голос Веншаimei. – Никуда вы не уйдёте! Сейчас Джекс придёт и надаёт вам как следует!

– Сорвался аргумент, – ворчит Карл. – Хорошо. Джекс, а как бы поступил на твоём месте капитан Мантецци, как ты думаешь?

– Он сурово наказал бы предателей, – твёрдо отвечает Джекс.

– Но не убил бы! И даже не избил бы!

– Правильно! У него свои методы, а у меня – свои. Даже за своим кумиром я не обязан следовать абсолютно во всём!

– Мудро сказано. Но...

– Карл, я уже всё решил. Дай мне покончить с этим.

– Хорошо. Поступай так, как считаешь нужным.

Карл отворачивается от Джекса и продолжает:

– Но давай договоримся: если ты их убиваешь, я тебе больше не друг. Я уж молчу про Млема – оно тебя точно не примет, когда узнает об этом.

Полупротоплазмик-получеловек отходит от Джекса. Киборг вдруг бледнеет и теряет твёрдость в голосе:

– Карл, ты же не... ты же не всерьёз?

– Всерьёз, – не оборачиваясь, отвечает Карл. – Выбирай: либо месть, либо друзья. Я всё сказал.

Джекс тут же поникает и убирает когти на руках.

– Никакая месть не стоит того, чтобы терять таких друзей, как ты и Млем, – тихо произносит киборг. – Я... я не буду убивать этих... людей. Я... залечу им раны. Я...

– Ты – фордокс-приманец, – обернувшись, улыбается Джексу Карл. – С такой высоты не стоит скатываться. Никогда не забывай об этом.

– С твоей абсолютной памятью – не забуду.

Посмеявшись вместе с Карлом, Джекс возвращается к когда-то ненавистой троице.

– Ты нас убьёшь? – спрашивает кто-то из них.

Голос столь слаб, что неясно, кому именно он принадлежит.

– Нет, – отвечает Джекс уже без той злости, которая бушевала в его душе ещё несколько деминут назад. – Я выше этого. Да и вы...

Джекс всматривается в окровавленные лица. И действи-

тельно видит в них искреннее раскаяние.

И внутри самого киборга что-то сильно меняется...

Он воистину готов их простить.

– Вы заслуживаете второго шанса, – произносит Джекс. – Вы и так достаточно страдали в жизни. Вам было ничуть не лучше, чем мне. Держите.

Киборг отдаёт своим жертвам микромед из собственного кармана.

– Можете не возвращать. Одно только условие: вы больше не работаете на Двумперию. Хорошо?

Молчаливые согласные кивки служат киборгу ответом. Вскоре, когда микромед делает своё дело, к ним добавляются и уже довольно звонкие слова благодарности.

Лёгкая добрая улыбка проскальзывает по лицу Джекса. Он отворачивается от троицы и встречается взглядом с Карлом.

– Таким другом, как ты, можно только гордиться, – совершенно искренне говорит полупротоплазмик-получеловек, подходит к Джексу и крепко обнимает его.

– Это тобой можно гордиться, – отвечает Джекс, не менее крепко обняв Карла. – Прости, что обозвал ханжой и моралистом.

– Ничего. Ты меня прости за фингал.

– Да ладно, это пройдёт.

Трогательную сцену примирения прерывает внезапный вскрик Силмака:

– Народ! Зря мы вообще сюда пришли! Сцурикат побери! Бежим отсюда быстрее! Накет, особенно ты! Беги вперёд, мы догоним!

– Чё? – недоумевает Накет.

– Песчаный змей же не ест людей, – бормочет Витс.

– Не в песчаном змее дело! Это же Красные Пески, тут...

Накет, беги, говорю тебе!

– Да в чём дело-то? – срывается на крик Накет. – Силмак, у тебя чё, крыша поехала?

– Да быстрее же! Ах, нет! Уже поздно! Они здесь...

Перед мятежниками предстаёт толпа сцурикатов – представителей ещё одного разумного вида на Бедантии, которых то и дело в ругательных целях поминает Силмак. Внешним видом и размером сцурикаты практически не отличаются от земных сурикатов. Но это если не учитывать их облачение: боевые разноцветные доспехи с шипами, гребнями и лезвиями, а также разнообразные причудливые шлемы, которые закрывают почти всю морду. В лапах сцурикатов – самое разное оружие: холодное, огнестрельное, электрическое, смешанное... и даже новенькие двумперские суперподжигатели.

– Наконец-то! Пришёл отдать нам долг, Силмак? – обращается к шнырявке самый главный сцурикат в ярко-красном шлеме.

– Вот влипши... – схватившись за двумя голову верхними лапами, стонет Силмак.

– Уже не одно наше поколение сменилось, а мы всё помним, да. Как подросток Накет, просто загляденье! Что ж ты его так долго от нас прятал? Тут ему работка найдётся под стать.

За толпой сцурикатов бредут два десятка человек самого жалкого вида с тяжёлыми мешками за плечами. Очевидно, это рабы.

– Так, чего я не знаю из своей биографии? – спрашивает у Силмака Накет, чувствуя, что запахло жареным. – Я помню, что ты меня подобрал ещё младенцем и вырастил, что я заменил тебе семью, которую перебили паукрабихи... но чё-то сцурикатов в этой истории ни хрена не было!

– Эх, надо было раньше тебе рассказать, – вздыхает шнырявка. – Прежде, чем я успел поднять свёрток с тобой, нагрянули вот эти товарищи. Они потребовали, чтобы я им тебя отдал в рабство. Долго я торговался, но в итоге уговорил их, чтобы тебя забрали, когда тебе исполнится двадцать один год. Почему именно двадцать один – не помню, извини. Именно поэтому я тебя так торопил, обучал всякой всячине, чтобы ты мог путешествовать со мной в космосе. Я рассчитывал, что мы никогда больше не окажемся в бедантиевской пустыне. Я смирился с тем, что никогда больше не увижу своего жилища, но зато я был спокоен за твою судьбу. А всё вот так вот повернулось... прости, прости меня, пожалуйста!

Накет смотрит на шнырявку неопределённым взглядом. Силмак мысленно начинает умолять все силы природы, чтобы его прямо сейчас сожрал песчаный змей. Но, вопреки

мрачным ожиданиям шнырявки, Накет бросается к нему не для того, чтобы снять шкуру, а чтобы крепко обнять:

– Силмак, ну как я могу на тебя злиться за то, что ты меня спас! Спасибо тебе.

– Но... но теперь ты должен...

– Да не бойсь. Я разберусь.

– Накет, ты нужен команде, – вступает Веншамея.

– Да, команде, – хмыкает в усы Яарвокс.

– Спокуха, я знаю, что делаю, – уверяет всех Накет и разворачивается к сцурикатам. – Значит, теперь я ваш раб?

– Да, – отвечает сцурикат в красном шлеме. – Но прежде чем дать тебе работу, тебя надо записать.

Сцурикат подаёт знак. Один из рабов подходит к нему и вынимает из мешка глиняную табличку с острой палочкой.

– Так, – цыкает сцурикат, пожевав немного палочку. – Накет, значит... сколько лет-то тебе накапало?

– Двести тридцать два года.²⁵

– Двести тридцать два... ага. Из тебя выйдет хороший оружейник.

– Да нет, пускай жилища строит! – встревает голос из сцурикатской толпы.

– На охоту его, на охоту! – доносится другой голос.

– Найдём мы ему работу, тихо! – гаркает главный сцурикат, записывает на глиняной табличке ещё что-то и спраши-

---

²⁵ Год на Бедантии длится в два раз меньше земного. Таким образом, Накету сто шестнадцать земных лет.

вает: – Вопросы есть?

– Есть, – отвечает Накет. – А можно не идти к вам в рабство?

– Можно. Но свободу свою ты должен отстаивать.

– Это ваще не проблема!

Накет тут же обнажает свой гормет с голубым клинком.

– Простите, что перебиваю, но зачем вам вообще рабы? И вся эта груда оружия, в том числе и двумперского? – не выдержав, интересуется у сцурикатов Карл.

– А что ещё делать, если человеки наступают? Плодятся, занимают всё больше земли, посягают на наши владения? Защищаться! А иногда лучшая защита – это нападение. В общем, мы спасаем нашу пустыню от засилья человеков. Хорошо, что паукрабы тоже немножко их косят.

– Вас они тоже выкосят.

– Неправда! Паукрабы на нашей стороне.

– Сейчас – да. Но потом они либо сами уничтожат вас, либо втянут в такую войну, из которой вы не выйдете победителями. В их планах не стоит ваше выживание. Для них вы – такие же недостойные, как и все остальные не-паукрабихи... да, кстати, это именно паукрабихи. Я знаю, что говорю – мы читали их планы и документы. А сейчас я читаю ваши мысли. Какое бы оружие у вас ни было, паукрабих вам не победить. Например, они могут разрушить вашу биосферу, замотать всю планету паутиной или довести вас до сумасшествия. Рабы вам тоже нисколько не помогут. Кстати, ра-

бование сильно тормозит научно-технический прогресс. Вам стоит избавиться от этой традиции.

– Не твоё дело, человечиска. И кстати, этими глупыми разговорами ты усложнил задачу своему другу! Если б ты не вмешался, Накету пришлось бы просто сразиться с нами на горметах. А это для него проще – мы вас всех ещё с посёлка вели, мы видели его реакцию. А теперь ему придётся сражаться... на словах! В этом нас ещё никто не побеждал!

Вся толпа сцурикатов заходится злорадным гоготом, рассчитывая деморализовать Накета и остальных мятежников. Но, разумеется, ничего у них не выходит.

– Меньше ржача, больше дела! – усмехается Накет.

Сцурикаты замолкают. Главный в красном шлеме оборачивается к рабам и рявкает:

– Ведите Мудрейшего из Мудрейших!

Рабы тут же убегают куда-то за ближайший бархан и возвращаются, неся роскошные золотые носилки, на которых могло бы поместиться несколько человек. Но восседает на носилках лишь одно маленькое существо: старый седой сцурикат в узорчатой фиолетовой мантии.

– Я бы посоветовал тебе сесть, Накет, – скрипучим старческим голосом обращается к рыжему человеку седой сцурикат. – Разговор будет долгим.

– Спасибо, я постою. Яйца жарить неохота.

Вся команда мятежников прыскает со смеху.

– Тихо! – неожиданно громко гаркает старичок. – Ответь

мне, Накет: почему ты не должен быть нашим рабом? Подумай хорошенько, подбери аргументы – и, быть может, я сочту твои слова убедительными.

– Я отвечу тебе, о Мудрейший из Мудрейших, – нарочито пафосно начинает Накет, затем прочищает горло, набирает воздуха в лёгкие и выпаливает: – Да потому что вы все...

Дальнейшая тирада столь многоэтажна, замысловата, многогранна и сочна, что физически не может лечь ни на какую бумагу. Что сцурикаты, что друзья Накета узнают множество новых слов, фразеологизмов, приставок, суффиксов, междометий, частиц и даже неопределённых артиклей – которых в хифсдангле, вообще, нет... но, как известно, общенная лексика не подчиняется обычным правилам литературного языка.

Деминуты через три Накет замолкает – но только для того, чтобы прочистить напряжённое горло и продолжить. Впрочем, это намерение сцурикаты мгновенно считывают и наперебой вопят (громче всех оказывается Мудрейший из Мудрейших):

– Хватит!!! Мы отпустим всех рабов и выбросим всё оружие, только ни слова больше не говори!!!

Накет обводит сцурикатов победным взглядом и... кажется, собирается начать новую тираду:

– Ху...

С отчаянными воплями сцурикаты бросают оружие и разбегаются в разные стороны, закрывая лапами уши.

– ...же не будет, если вы и впрямь так сделаете! Вали-те, мангусты хреновы! – относительно культурно завершает фразу Накет.

Мятежники провожают убегающих сцурикатов дружным смехом.

– Накет, ты просто виртуоз! Феерического мата пиротехник-виртуоз, во! – восторгается Яарвокс и крепко жмёт находчивому бедантиевцу руку.

– Да ладно, ничё такого особого... ой! – вдруг восклицает Накет и оборачивается к Веншамее: – Слушай, прости, я забыл тебе сказать, чтобы ты уши закрыла...

– А мне понравилось! Накет, при мне ругательств можешь не стесняться! – уверенно заявляет теэклавеллянка.

– Ну ты даёшь! Я б в жизни не догадался их матюками обложить! Вот это ты молодец! – набрасывается на Накета с крепкими объятиями Силмак.

– Одного я только не понял, – с неловкой улыбкой вступает Витс. – Извини, что спрашиваю такое... Накет, если ты, получается, приёмный сын Силмака, то почему... м-м-м... вы так по-разному говорите?

– Мой косяк! – весело отвечает шнырявка, спрыгнув с родного человека. – Я был тем ещё матерщинником. Когда я понял, что Накету дурной пример подаю, было уже поздно его переучивать. И тогда мы договорились, что один из нас будет ругаться на все лады, а другой всегда будет выражаться литературно. Бросили жребий – материться выпа-

ло ему. Я с тех пор ни одного матерного слова не проронил, кого угодно спроси!

– Забавно! – смеётся Витс.

– Самим весело! Ладно, теперь можно спокойно идти к кораблю.

Уже в космосе, когда весь бедантиевский «десантный отряд» принимает столь нужный для физического и морально-го здоровья душ, встаёт вопрос, что делать дальше.

– Придётся вернуться к старому плану, – вздыхает Джекс. – Попробуем незаметно захватить какого-нибудь ходострела. Систему слежения взломаем, и... чёрт! Проклятый управляющий модуль! Его опять придётся искать у каких-то торгашей...

– Не придётся, – вступает Бастер. – Пока мы с тобой проверяли и устанавливали модуль, я полностью проанализировал его структуру и создал чертёж. Печать модуля займёт, по моим расчётам, примерно десять дечасов. У нас есть все необходимые материалы, и я готов к работе.

– Бастер! Ну ты голова! Не центральный процессор у тебя, а целый Кибервирт!

По электронно-телепатической связи Бастер передаёт Джексу смайлик. Сразу же после этого робот отправляется в грузовой отсек за нужными материалами. Киборг же решает в это время напечатать один небольшой, но важный прибор для себя – новый микромед взамен того, что он отдал жертвам своего гнева на Бедантии.

Когда Джекс с готовым медицинским прибором собирается уйти к себе в каюту, к нему подходит Млем:

– Джекс, я очень рада, что ты проявил милосердие и не стал убивать своих обидчиков. Ты показал настоящую силу духа. Щадить всегда сложнее, чем мстить.

– Млем, ты мне льстишь, – улыбается киборг. – Это всё Карл. Если бы не он, я бы их прикончил. Он мне... скажем так, популярно объяснил, почему этого делать не надо. Само фингал видишь.

– И ещё я вижу твои воспоминания. На самом деле, гнев не полностью овладел твоим разумом. Ты бы остановился и сам. Скорее всего, в самый последний миг, но без помощи Карла.

– Сомневаюсь, честно говоря. Но в следующий раз, если что-то подобное произойдёт, постараюсь принять правильное решение до того, как кто-нибудь из вас съездит мне по физиономии.

Центор добродушно смеётся и по-дружески обнимает киборга. Но вдруг оно напрягается и отстраняет друга от себя:

– Иди в свою каюту. К тебе гость... точнее, гостья.

– Да ла-а-адно! – с улыбкой протягивает Джекс и уходит к себе.

В самом деле, гостья – то есть, Веншамея – не заставляет себя ждать. Она очень скоро оказывается на пороге каюты Джекса.

– А я о тебе сегодня кое-что новое узнала, – с немного

хитрой улыбкой сообщает она, зайдя внутрь.

– То, что я – чёртов садист? – с иной улыбкой – фирменной горькой – мрачно отзывается Джекс, усевшись на диван.

– Нет. То, что ты по-настоящему живой.

– Вообще-то, я не умирал. Даже тогда, когда меня сбросили на Кибервирт, я был ещё жив.

– Я не в этом смысле... я к тому, что ты больше человек, чем машина.

– Ты противопоставляешь органический разум кремниевому? Это из-за эмоций, я угадал?

– Бастер мне однажды рассказывал об эмоциях у машин. Да, они у них есть. Но таких сильных эмоций, как у органических существ, у них всё-таки не бывает. Твоя сегодняшняя ярость... это, наверно, прозвучит странно, но она меня просто очаровала. В тот миг я тебя боялась... и восхищалась тобой.

– Да, не с лучшей стороны я себя показал.

– Наоборот! Ты раскрыл душу, выплеснул всю боль, всё отчаяние и гнев, которые так долго сдерживал. Только органические существа могут быть такими страстными, такими живыми!

– Вообще-то, нет. У роботов тоже могут быть очень сильные эмоции. Ты не знала, но Бастер был просто чудовищно расстроен после того, как мы обнаружили перепрограммированных просветников-исследователей на Хлонокоптере. Мне долго пришлось его утешать. Просто у Бастера нет

мимики, и возможности голосового синтезатора у него ограничены – потому и создаётся впечатление, что он безэмоционален. Это совсем не так, поверь.

– И всё равно, что-то очень сильно отличает тебя от машины, Джекс. Может, я не смогу это сформулировать красиво... может быть, это то, как ты принимаешь решения, или вот эти вот... перепады, что ли, настроения... вот не могу правильно сказать!

– Интересно. Но я, кажется, догадываюсь, о чём ты. Тебя восхищает то, что на органический мозг сильнее влияет случайность? То, что он менее предсказуем?

– Точно! Ты понял меня с полуслова!

– И это забавно. Я вроде не телепат...

Веншамея садится на диван рядом с Джексом.

– Что-то вроде телепатии доступно всем живым существам, если... – начинает теэклавеллянка, но фразу заканчивает фордокс-приманец:

– ...у них близкие отношения?

– Вот! Ты мне нравишься, Джекс, честно. Ты меня безумно восхищаешь, немножко пугаешь и сильно притягиваешь.

– И мне с тобой интересно. Ты заставляешь меня задумываться о том, о чём обычно я не думаю вообще. Эй... ты меня что, обнимаешь?

В самом деле, правая рука Веншамеи уже лежит у Джекса на плече, а левая – у него на груди.

– Н-ну, д-да... – смущённо мямлит теэклавеллянка, пря-

ча глаза от обжигающего взгляда киборга, но в то же время крепче прикладывая руку к его груди. – А сердце у тебя живое, такое горячее...

– Это да, – усмехается Джекс. – Удалось собратьям-киберпанкам спасти тогда. Кузнецов мне говорил, что если бы орхгский коготь всего на один мирад глубже прошёл, всё, пришлось бы аппарат ставить. А так – да, со шрамом, но живое.

– Со шрамом?

– Да вот, посмотри.

Джекс расстёгивает рубашку и открывает задвижку на металлической части груди, где в особом прозрачном отсеке бьётся его сердце.

– Вот, видишь? Здесь, от правого желудочка к левому линия тянется – вот это он и есть.

– Надо же, – восхищённо шепчет Веншамея. – Боюсь даже представить, что ты чувствовал, когда...

– Не, большее всего было, когда кишки вырывали. Они их ещё и перепутать в процессе умудрились. Кибервиртцам пришлось повозиться... показать, что они придумали?

– Не уверена, что у меня достаточно крепкие нервы, но давай.

Киборг улыбается и расстёгивает рубашку до конца. На этот раз одну из задвижек он открывает на металлической части живота. Взору Веншамеи открывается причудливый лабиринт волнообразно изгибающихся пластиковых трубок,

где-то прозрачных, где-то непрозрачных. Все эти трубки покрыты какими-то тонкими розоватыми полосками.

– Подходящие трубки найти и встроить в них синтетические железы – это не проблема, – комментирует Джекс. – А вот синхронизировать работу всего этого хозяйства сложно. К счастью, даже из перепутанных и разодранных кишок моим собратьям удалось извлечь достаточно мышечных и нервных волокон. Это они как раз, волокна, розоватые. Их объединили в общую систему, и пожалуйста – всё двигается в нужную сторону в нужное время. Регуляция тут и гуморальная, и нервная, как у полностью органического существа. Веншамея?

Теэклавеллянка, похоже, не замечает ничего вокруг: с восторгом, некоторым страхом, а главное, вожделием она блуждает глазами по всему телу киборга.

– Джекс, мы с тобой должны стать ближе, – произносит, наконец, Веншамея.

– Куда уж ещё ближе-то! – смеётся фордокс-приманец. – Ты уже буквально внутрь меня заглянула!

– Ты прекрасно понимаешь, о чём я. Поцелуй меня, Джекс!

– Поцеловать? Зачем?

– Как – зачем? Не смей меня! Мы же с тобой больше, чем друзья, так?

Киборг вдруг замирает, будто парализованный, и вонзает в теэклавеллянку испытующий морозный взгляд:

– Подожди-ка! Я думал, ты с Накетом! Или вы расстались?

– Мы не расставались, – растерянно отвечает Веншамея, но тут же вновь обретает уверенность: – Брось, он ничего не узнает!

– Не узнает?

– Конечно, я не расскажу. Ну же, поцелуй меня!

– Нет, это неправильно! Знаешь, я не против быть третьим в отношениях, но только в том случае, если другие две стороны будут в курсе! Накет не в курсе – значит, ты хочешь ему со мной изменить!

– Поцелуй – это не измена. Это если мы с тобой разделим постель, то...

– И поцелуй может быть предательским. А постель мы делить точно не будем.

– Почему???

– Меня не интересуют плотские отношения.

– Как? Да ты шутишь!

– Не шучу. Веншамея, какую роль в твоей жизни играет программирование?

– Э-э-э... никакую.

– Точно так же – секс для меня не значит вообще ничего. Даже к поцелуям я равнодушен. Я-то думал, у нас с тобой духовная близость...

– Ну ещё чего! Так неинтересно!

– Тогда нам с тобой не по пути.

– Ну ты и зануда. Ну, хорошо, допустим, обойдёмся без

страсти. Но Накету об этом знать всё равно необязательно!

– Это будет по отношению к нему свинство. Нет, давай так: либо ты всё рассказываешь Накету и мы втроём решаем, что делать дальше, либо между нами ничего нет.

– Какой ты, оказывается, душнила!

– Я не душнила, я честный! Я же не землянин какой-нибудь или теэклаве... ой, извини. В общем, лучше нам будет расстаться.

– Зануда. А я ещё очаровалась.

Веншамея встаёт и выходит из каюты Джекса. Разумеется, она тут же сталкивается с Накетом.

– Веншамея? – удивлённо обращается к теэклавеллянке бедантиевец. – Ты что у Джекса делала?

– Мы просто разговаривали. Ничего такого не было, не переживай.

– А я вот жопой чувю, что чё-то у вас там было! Колись!

– Да не было ничего, хватит меня подозревать!

– Накет, я тебе всё расскажу как есть, – возникает на пороге каюты киборг.

Бросив на Веншамею недоверчивый и сердитый взгляд, бедантиевец заходит к фордокс-приманцу.

– Ну, чё там у вас было? – угрожающим тоном интересуется Накет.

– Как я теперь понял, самая обычная дружеская симпатия, – спокойно отвечает Джекс. – Сначала она мне на Самобыте мозги вправила, когда я себя чуть до истощения не

довёл. А потом заставила меня задуматься над тем, о чём я никогда в жизни не размышлял. Её логика меня стала очаровывать. И всё вроде бы шло к тому, что у нас с Веншамеей какая-то особая духовная связь. А ей этого оказалось мало – духовной связи, я имею в виду. Она захотела отношений плотских.

– Это дело она любит, да, – усмехается Накет.

– Ну, я и отказался.

– А чё так?

– Мне абсолютно неинтересен секс и всё, что с ним связано.

– Ваще?

– Ваще. Но ладно бы это... меня как раз смутило, что ты вроде бы с ней не расставался и по-прежнему в отношениях. Я и спросил, дескать, а ничего, что ты с Накетом? А она мне – «Накет не узнает».

– То есть, она в принципе хотела мне изменить?

– К сожалению, да.

– Блин, сложно. Чё нам делать-то теперь с Веншамеей?

– Вряд ли я тут тебе помогу. В отношениях я, как видишь, не мастер.

– Всё равно, спасибо, что сказал. Чё дальше, мы сами разберёмся... думаю, разберёмся.

Накет пожимает Джексу стальную руку и выходит из каюты. Рядом всё ещё крутится Веншамея.

– Ну, и что там тебе Джекс наговорил? – осведомляется

она.

– Правду наговорил, – холодно отвечает Накет. – Я и не знаю, чё нам теперь дальше делать с тобой. Есть какой-то осадочек, знаешь.

– Накет, это же всё несерьёзно, и...

– Я подумаю над этим. Обычно я быстро всё решаю, но тут всё сложно. Давай пока не будем никаких выводов делать, я пораскину мозгами на досуге.

Веншамея не успевает ничего ответить – из отсека управления раздаётся встревоженный голос Герна:

– Оторвите мне вибриссы, какая-то шваль двумперская до нас всё-таки достучалась!

– Нелогично, – доносится голос Бастера. – Конфигурация корабля не двумперская.

Вся команда собирается в отсеке управления. С ужасом она наблюдает на радаре, как какой-то маленький кораблик подкрадывается вплотную к «Тёмной Материи». Более того – беспрепятственно пристыковывается к ней.

– Rrrr! Незваных гостей нам ещё не хватало! – рычит Райтлет.

– Хе, пусть заходят! Семнадцати рук на всех хватит! – крикает Семиларен, вооружаясь охапкой горметов.

– А гость у нас всего один, – с улыбкой сообщает Стив. – К тому же, мы его хорошо знаем. Не поверите, но это...

Стив не успевает закончить фразу. Дверь «Тёмной Материи» открывается, и за ней оказывается... Стефан.

Съехавшие на самый кончик носа очки, растрёпанная каштановая шевелюра, полуразвязанный галстук и не до конца застёгнутая ширинка придают доктору Фэлконингу вид довольно-таки комический и даже придурковатый, но сомнений в том, что это действительно он, не создают.

– Ик! Ну что, с-с-суки, не ждали? – пьяным голосом обращается к команде Стефан и заходится гомерическим хохотом.

– Я, э-э-э, не знаю, о чём тебя спросить, гм, сначала: почему ты, хм, такой пьяный, или, эм, как ты выжил, – тихо произносит Айзел.

– А я тебе скажу! Пьяный я, ик, потому что из трактира. А выжил я, значит, так... дайте, блин, сесть, что ли...

Шатающейся походкой Стефан добирается до одного из сидений, окружающих парящий стол. Сесть в него с первой попытки доктору не удаётся – промахивается он чуть ли на целый коптермирад. Вторая попытка, впрочем, оказывается успешной.

– Ну дык вот, – продолжает Стефан. – Лечу я, ик, к Линтуе с бомбой на боковом стекле. Раз-два, и она того... а у меня это, как в том анекдоте, ик – мужик в мясо, а зубы целы, да! А эт-ту, как её, вспышку от, ик, взрыва, знаете, кто заметил? Сам капитан Мантецци, как мне рассказали!

– Мантецци! – благоговейно выдыхает Джекс.

– Или не, погоди... ик, как же его... Фьюмичино, блин, вот! Я их путаю, блин, всё время, ик, этих бельтальянцев...

или всё-таки Мантецци... ну неважно, короче. Какой-то, в общем, из этих капитанов наших. Там на Линтуе, это, мо-нахи-уйкку меня по кусочкам-то и того, как бы, сшили, всё восс-та-но-ви-ли, на ноги, ик, поставили, во!

– Монахи-уйкку? – оживляется Райтлет.

– Ды-а, один из них про тебя, кстати, вспоминал.

– Надо же... это очень приятно!

– Стефан, как же ты нас нашёл? – интересуется Карл.

– Только не говори, что ты в нас случайно влетел, – смеётся Силмак.

– Не-е-е... я вас нашёл по ниа... анигля... нигиляц... блин, не выговорю...

– По аннигиляционному следу? – предполагает Стив.

– Точняк! След-то, ик, замечательно виден. Как и у, чёрт их, двумперцев, кстати.

Вся команда уставляется на Стефана.

– Как – по аннигиляционному следу? У нас что-то не в порядке с системой маскировки? – беспокоится Ксандер.

– Не-а, дело в этих, ик, в самих двигателях. Их нужно чуть-чуть, того, моди-фицировать. И тогда вас, ваше, днём с огнём, ик, не отыщут никакие, блин, двумперцы!

– Как я мог ошибиться! – переживает Тецклай. – Я отвечал за двигатели. Я же всё рассчитывал...

– Ну, значит, ик, ошибся ты в расчётах. Бывает!

– Грррр! Ошибся в расчётах?!

– Да ты это, ик, не беспокойся. Я вот, блин, протрезвею, и

всё вам поправлю. У меня план, как всегда, ик, гениальный есть! Вы завтра все, это, обалдеете!

– Ну-ну, удиви меня, – усмехается Стив. – Я уже вытащил из твоих спутанных мыслей нужную нам информацию. Пойду подготовлю чертёж.

– Да ты погоди пока! Я, ик, может, чё-нить ещё придумаю покруче. Всем привет, короче! Пойду завалюсь где-нибудь.

– Каюту тебе соорудить? – спрашивает Джекс.

– На фиг надо, – отзывается Стефан и пытается выбраться из удобного сиденья.

Пока Стефан выбирается, вся команда успевает разойтись по своим каютам. Быстрее всех это делает Тецклай, который просто сгорает от стыда. Слова Стефана очень больно укололи его. Неужели он, талантливый техник, ошибся? Эта ошибка могла стоить жизни всей команде, если бы за неё уцепились двумперцы! Нельзя, нельзя было так глупо ошибаться! Нельзя ошибаться вообще!

Болезненно-перфекционистские мысли Тецклая достигают мозга Млема, и оно решает помочь хриввалэйтну избавиться от них.

– Тецклай, можно с тобой поговорить? – мягко обращается к хриввалэйтну центор.

– Если хочешь снова напомнить, что я облажался, то нет, – угрюмо отвечает с потолка Тецклай.

– Ты не облажался. Никто тебя ни в чём не винит. Нельзя так относиться к мелким ошибкам.

– Мелким? Гррр! Из-за меня вы все могли погибнуть! Что, если бы двумперцы нас нашли и застали врасплох? Нет, я всех подвёл. Я плохой техник. Я ошибся в расчётах. Двигатель несовершенен! А мне всегда говорили в училище: либо делай правильно, либо вообще не делай! Гррр!

– Тецклай, успокойся. Не стоит укорять себя за то, чего не случилось.

– А где-то в параллельной Вселенной наверняка случилось!

– Правильно. А где-то в другой параллельной Вселенной ты – муравьед. А ещё в одной параллельной Вселенной все звёзды слились воедино и превратились в копчёный сыр. Наконец, в третьей параллельной Вселенной мы с тобой живём внутри фотоэлектронного оптического музыкального инструмента и питаемся честным словом сикильдявского крокозябра.

Тецклай медленно подползает почти вплотную к Млему.

– К чему. Весь. Этот. Абсурд? – тщательно выговаривая каждое слово, интересуется хриввалэйтн, пытаюсь заглянуть одновременно во все пять глаз центора.

– К тому, что мы с тобой живём здесь и сейчас, – успокаивающим тоном отвечает Млем. – То, что происходит в параллельных Вселенных – происходит в параллельных Вселенных. Если бояться последствий каждого твоего поступка в всех частях Мультиверса, тогда вообще не стоит вставать утром с постели. Ты же можешь одним неосторожным дви-

жением изменить всю историю в каком-нибудь мире.

– Гррр! Это же глупо!

– Именно. Тецклай, не нужно бояться ошибок. Нужно просто вовремя их замечать и устранять. И, конечно, учиться на них.

– На ошибках учатся только глупцы. Умный сразу всё делает правильно.

– Так тебе говорили в училище, да?

– Гррр... да.

– Тецклай, подумай вот о чём: ведь получилось так, что твоя ошибка привела к нам того, кто её исправит. Может, иногда ошибаться даже неплохо?

Хриввалэйтн задумчиво сползает с потолка.

– Гррр... возможно, ты право. Наверное, я зациклился на том, что мне вбили в училище. И ведь... Стефан же всё обязательно поправит?

– Конечно. И ты ему поможешь.

– И я ему помогу! Спасибо, Млем. Хотя... я всё равно нервничаю. Гррр!

Тецклай начинает беспокойно оглядываться и чесаться, всё яростнее с каждым мигом.

– Гррр! Линька! Я опять забыл! Млем, не могло бы ты выйти?

– Хорошо-хорошо, – с совершенно незаметным лукавством отзывается центор и покидает каюту Тецклая. – Карл, Джекс! Тецклай линяет! – зовёт оно друзей, когда отходит

от каюты достаточно далеко.

К Млему тут же подлетают всегда готовые посмеяться над хорошим другом и вместе с ним Карл и Джекс. Вся троица, хихикая, пристраивается у каюты Тецкляя, выжидая подходящий момент.

– Кстати, Млем, ты же проиграло спор, – передаёт мысль центру полупротоплазмик-получеловек. – Самое время ку-карекать!

– Так и быть, спор есть спор... – думает в ответ Млем.

Пока трое друзей ждут, когда вломиться к Тецкляю, мимо них дефилирует Стефан, который наконец-то выбрался из отсека управления. Правда, видно, что с конечным пунктом своего маршрута он так и не определился. Пока он определяется, с ним сталкивается Веншамяя.

– О, как приятно вид-деть ещё одно, ик, фордокс-приманское лицо, – улыбается ей Стефан.

– Я, вообще-то, теэклавеллянка, – поправляет Веншамяя.

После небольшой неловкой паузы Стефан, как ему кажется, изящно выкручивается из недоразумения:

– Тогда сделай, что я тебе считал комплимент!

С победным смехом доктор Фэлконинг разворачивается и снова останавливается в раздумье. Наконец, он замечает почти в конце коридора одну приоткрытую дверь.

Это оказывается каюта Леода. Ягулярр мирно спит на специальном коврикe посередине каюты. Ровно до тех пор, пока прямо на него не обрушивается Стефан.

– Добрый вечер, – стараясь не терять самообладания, тихо обращается Леод к виновнику своего пробуждения.

– Привет, – почти неразборчиво отзывается пьяный доктор. – Стефан Фэлконинг, – представляется он, протягивая ягулярру руку.

– Леод Назарх, очень приятно.

После руко- и лапопожатия Стефан безапелляционно сообщает о своих планах на ближайшее время:

– Я тут, эт-то, посплю, да, пока не т-того, ик, не про-трезвею.

– Ладно, – вздыхает Леод и пытается снова заснуть.

Но это ему не удаётся. Буквально через несколько мгновений на весь корабль раздаётся громогласное центорское «КУКАРЕКУ!!!», за которым следует брань Тецкляя – не столь изящная и многогранная, как у Накета, но тоже вполне площадная. А когда кожа у хриввалэйтна полностью сменяется, брань сменяется на слова благодарности – к счастью для уставшего ягулярра, уже не столь громкие:

– Вы мне каждый раз помогаете. С вашими шуточками быстрее. Простите, что огрызаюсь!

– Так же веселее! – похлопав Тецкляя по плечу, восклицает Джекс.

– А теперь – всё-таки выйдите, пожалуйста. Я уберусь в каюте.

Когда Джекс, Млем и Карл оставляют Тецкляя одного, у него вдруг возникает сильное желание избавиться от ста-

рой кожи древним нецивилизованным способом: съесть её. Подавив это желание, он берётся за традиционную уборку. Набрав целую охапку лоскутов старой кожи, Тецклай вновь ощущает недостойный, как он считает, разумного существа порыв.

– Ладно, пока никто не видит, – решает для себя хриввал-эйтн, берёт в зубы один лоскут и... тут же встречается глазами с Ксандером, который проходит мимо. Если бы хриввал-эйтн умел краснеть, он покраснел бы до самых кончиков рогов.

– Ой, я тебя смущаю? – мягко спрашивает Ксандер.

– Не ты, а я сам себя, – отвечает Тецклай, выпустив из зубов лоскут. – Разумное существо – а веду себя как дикая ящерица.

– Это поведение кому-то вредит?

– Нет...

– Ну, я тебя и не останавливаю. Есть такие естественные вещи, которые мешают разумным существам, а есть безобидные проявления природы.

– Нет, пойду лучше выброшу. Гррр, не хочу быть дикарём.

– Постой... у тебя же гемоцианиновая кровь, да? У кожи должен быть приятный привкус.

– Тогда забирай на здоровье!

– Ну, не всё, мне только чуть-чуть закусить... спасибо. То есть, мои низменные порывы тебя не задевают?

– Нет. Ты – совершенно другое существо. Ты даже не жи-

вотное. У тебя могут быть другие представления о привычных нам вещах.

– Мудро рассуждаешь. Однако мой класс произошёл от животных, и поэтому у нас по-прежнему много общего.

Эта сцена не проходит мимо внимания Эффелины. Она влетает в каюту Тикки:

– Ну, всё! Он себя выдал! Остаётся только заставить его признаться перед всеми!

– Что, кто? – рефлексивно, но безучастно спрашивает Тикки.

– Ксандер! Я же говорила, что он проглотон, и всё устроил, чтобы нас сожрать! Он уже пробует нашу кровь! Он знает вкус кожи Тецкляя! Тикки, сможешь мне его вывести на чистую воду?

– У тебя что, хвост в жабры попал? Не буду я участвовать в твоих идиотских затеях. Придумала глупость.

– От тебя много не потребуется! Я точно знаю, что делать. Он боится огня, и каждая часть его тела умеет вести себя, как отдельное живое существо. Я тихонько к нему подойду, выдеру одну перовидку, а ты её подожжёшь зажигалкой. Тут-то он и примет свою настоящую форму.

– Не буду я этого делать, отвали.

– Ага, он уже завладел твоим разумом! Ну же, Тикки, пожалуйста, это очень важно! Жизни друзей на кону!

– Повторяю ещё раз для особо одарённых: Ксандер – не проглотон, а самособирающаяся сущность. Галактическая

Энциклопедия в помощь.

– Мало ли, что там написано!

– Дура, блин! Добавлять статьи в Энциклопедию могут только учёные, специалисты, там всё проверяют по сто тысяч раз, и...

– Этот проглотон не такой, как пишут в Энциклопедии. Он особенный. И мы сможем это доказать! Тикки, прошу...

– Нет. Тебе надо – сама и разбирайся.

– Но у меня же нет рук!

– Выкручивайся сама и отстань уже от меня! Надоела ты со своим бредом.

Эффелина ненадолго задумывается. Вдруг она выдаёт следующий манёвр:

– Тикки, если ты мне поможешь, я три дечаса буду молчать...

– Три дечаса? – не веря своему счастью, переспрашивает Тикки. – Только пообещай, и тогда я помогу.

– Обещаю!

– Договорились.

Раздобыв в бардачке корабля зажигалку, Тикки следует за Эффелиной, которая крадёт к каюте Ксандера. Дверь там оказывается открытой. Ксандер сидит за столом и что-то зарисовывает в своём платальбоме. Элегантна не слишком-то интеллигентно заглядывает ему через плечо, но эвол относится к этому совершенно спокойно.

– Что это там такое выделываешь? – старательно играя

невинное любопытство, спрашивает Эффелина.

– Я тут думаю, как можно будет победить паукрабих после того, как нейтрализуем ходострелов, – отвечает Ксандер. – По-моему, решение надо искать в биотехнологии.

Эффелина тем временем выдёргивает у Ксандера одну перовидку из гривы. Эвол вздрагивает и оборачивается.

– Зачем тебе моя перовидка? – спрашивает он.

– Как будто ты прямо почувствовал, – хмыкает Эффелина, держа в зубах эволье «пёрышко».

– Ещё как почувствовал. Я потерял частичку сознания!

– Ага, так я и поверила, бесчувственный проглотон!

Элегантна быстро передаёт Тикки перовидку – которая, кстати, уже начинает что-то подозревать, попискивать и отращивать лапки – и кричит:

– Жги!!!

– Прости, Ксандер, – бормочет Тикки и неохотно подносит перовидку к горящей зажигалке.

Раздаётся страшный вопль. Неясно, кто именно его издал – перовидка или остальной Ксандер. Перовидка выскакивает из лапы клеа и убегает к хозяину.

– Больше огня, больше! – визжит Эффелина.

Клеа включает зажигалку на полную мощность. Яркое пламя вырывается из сопла и освещает всю каюту.

Дальнейшее заставляет содрогнуться даже непробиваемую пофигистку. Ксандер издаёт пронзительный визг и превращается в кровавую и слизистую массу из множества тел и

отростков. Вскоре это нечто принимает форму шестилапого и четырёхглазого чудовища с тремя парами челюстей, тьмой извивающихся щупалец и множеством насекомых ножек. Из глубин переродившегося тела Ксандера раздаётся ужасающий рёв, исполненный одновременно гнева и страха.

– Огонь!!! Я вас прошу, уберите огонь!!! – надрывается Ксандер, взбираясь на стену под самый потолок.

– А ты признайся перед всеми, что ты проглотон и соби-рался нас всех поглотить! – храбрится Эффелина. – Тикки, поднеси зажигалку поближе.

Тикки, уже успев прийти в себя после того, что увидела, подходит ближе на один маленький шаг и шепчет Ксандеру:

– Я просто подыгрываю этой дуре, чтобы она на три дечаса оставила меня в покое.

Самособирающаяся сущность не обращает внимания на слова Тикки, но гневно отвечает Эффелине:

– Я не проглотон! У нас с ним только общий предок! Запомни ты уже, наконец!

– Хватит притворяться! Тикки, давай иди ближе!

Тикки надоедает параноидальная затея Эффелины. Она выключает зажигалку, молча разворачивается и уходит.

– Эй! Тикки, не оставляй меня с ним! Что, если он на меня нападёт и сожрёт? – вопит элэгантина. – Тикки!!! Я боюсь! Он меня съест!!!

– Приятного аппетита, Ксандер, – бросает Тикки, не обращившись. – Можешь быть спокойна, Эффелина, я по тебе

скупать не буду ни капельки.

– Стой! Сто-о-ой!!!

Эффелина выскакивает из каюты, но не бросается в погоню за Тикки. Даже недалёкая элгантина понимает, что это бесполезно. Дрожа от страха, она оборачивается. Но вопреки её ожиданиям, Ксандер предстаёт перед ней в своей обычной форме.

– Я могу тебе всё объяснить, – спокойно обращается он к Эффелине. – Видимо, ты не очень поняла, какие отношения связывают мой вид с проглотонами. Я кратко обрисую тебе эволюционный путь двух видов. Извини, если мой язык покажется тебе слишком сложным, но я обычно исхожу из того, что биологию не изучают только на самых отсталых планетах.

Вооружившись платальбомом и стилусом (а также не догадываясь о том, что родная планета Эффелины стараниями Тримперии как раз превратилась в «самую отсталую»), Ксандер начинает повествование:

– На холодной планете Муту'Имир в толще почвы бактериального происхождения жили наши далёкие предки, небольшие животные – мюмзики. Они были похожи на тех, которых ты видела на Самобыте. Они питались любой органикой, которую находили в почве, но больше всего любили грибы. Однажды один из видов грибов поразила бактерия, заражённая вирусом, который изменил структуру клеточных мембран и свойства ядра. Съев этот гриб, мюмзики тоже за-

разились вирусом. Он успешно встроился в их геном и дал способность к горизонтальному переносу генов. Это когда гены передаются не от родителей к потомкам, а течение жизни одного поколения. Кроме того, так изменилось строение клеток кишечника, а ещё поменялся состав желудочного сока, что ДНК больше не распадалась на отдельные нуклеотиды. Теперь она смогла проникать в кровь довольно крупными кусочками, даже целыми генами. Таким образом, поедая различные организмы, мюмзики могли перенять некоторые их свойства. Через много-много поколений появился такой геном, который позволил его обладателю быстрее поглощать существ, избирательно встраивать их гены в свой геном и контролировать темпы мутирования этих генов, а ещё позволил отделять и приращивать обратно части тела. Мюмзики с этим геномом быстро вытеснили сородичей и успешно распространились по всей планете. Вся почва так и кишела мюмзиками. И тут в выгодном положении оказались те, кто сумел поглотить и присоединить к себе одно интересное существо – стеблеглаза. Это был ростосинт, у которого корни уходили глубоко в почву, а стебель был настоящим глазом, через который проходил свет определённых цветов. Так он получал энергию для фотосинтеза. Ещё у стеблеглаза были щупальца, с помощью которых он передвигался и всасывал готовые органические вещества. Мюмзики, которые прирастили к себе по два стеблеглаза, смогли хорошо ориентироваться на поверхности, а щупальца стали своеобразными

разным скелетом. Дело в том, что к тому моменту у наших предков уже исчезли системы органов и опорно-двигательный аппарат, ткани объединились в пласты. На поверхности наши предки стали больше по размеру, научились ещё лучше заживлять раны, а разросшийся нервный пласт позволил отделённым частям тела иметь собственное сознание, независимо разбираться в окружающей обстановке и собираться вместе обратно. На планете, которая постоянно страдала от метеоритных дождей, это было очень важно.

– Погоди-ка. То есть, та перовидка, которую я у тебя выдернула... – вступает вдруг Эффелина.

– Чувствовала страх и боль. Собственную боль.

– Ой...

– Но она не перестала быть частью меня. Трудно объяснить это существу с единственным сознанием. У меня оно в такие моменты разделяется. Перовидка осознаёт сама себя и знает, что покинуло моё тело. Остальное моё тело тоже осознает само себя и знает, что потеряло перовидку. Но у нас нет телепатической связи. Мы просто оба знаем, что при первой возможности должны соединиться обратно.

– Что-то сложновато ты заворачиваешь! Ближе к делу.

– Как знаешь, не будем на этом останавливаться. Так вот, эти существа, мюмзикоиды, которые уже перестали быть животными, присоединили к себе ещё один важный организм. Это был оранжевый слизевик-поглощун. У него было две разновидности: одна обладала устойчивой формой и была

плотнее, а другая была, по сути, живой жидкостью. Сли-
зевик-поглощун стал нашим пищеварительным гелем. Те
мюмзикоиды, которые поглотили жидкую форму, впослед-
ствии стали проглотонами. Проглотоны не умеют постоянно
поддерживать форму тела поглощённых существ, неразум-
ны и не способны сохранять нейронные связи в мозгах тех,
кого поглотили. А вот те мюмзикоиды, которые поглотили
плотную форму, дали начало нам, эволам. Мы заметно отли-
чаемся от проглотонов, хотя тоже умеем по-особому погло-
щать живых существ. Но это древнее, базовое свойство на-
шего рода, а не новое приобретение. Проглотоны умеют де-
лать это быстрее, мы – медленнее. Только в том случае, если
эвол прирастит к себе проглотона, он сможет быстро погло-
щать другие организмы. Наоборот не получится – проглотон
ничего не приобретёт от организма эвола, кроме внешнего
вида. То есть, если бы перед тобой был проглотон, он бы, ни-
чего не говоря, сожрал бы тебя и принял бы ненадолго твою
форму. Более того, не было бы ничего живого на Самобы-
те – я бы поглотил там всё. Даже жены у меня бы не было!
Она немного меньше меня по размеру, и у неё не было бы
шансов выжить вне брачного сезона. Проглотоны никогда не
упустят случая сожрать сородича поменьше. Надеюсь, я по-
нятно объяснил?

Что интересно, подходящего для этого момента смеха те-
лепатов не раздаётся. Похоже, до Эффелины что-то дошло,
несмотря на довольно сложный биологический язык Ксанде-

ра.

– Что ж, довольно... убедительно, – наконец подаёт голос она после долгих раздумий. – Но всё равно, поглощать живых существ – это жестоко!

– Разумных – да, их и нельзя поглощать, а неразумных... просто надо делать это быстро, – отвечает Ксандер. – Тогда они ничего не успеют почувствовать. А ещё можно поглощать мёртвых...

– Да как же! Готова спорить, если ты сейчас передо мной выставишь свои поглощённые тела, у них у всех на лицах будет ужас!

– Хорошо, я разберусь на части. Зрелище не для слабонервных, предупреждаю.

– Да уж отвернусь я, не беспокойся. Омерзительная ты тварь.

Когда Эффелина отворачивается, Ксандер раскрывается в самом прямом этого слова. Он извлекает из себя уже известного Эффелине человека, чёрного слизевика, похожего на археоптерикса вранокруда, уиллозавра – трёхногого и трёхглазого ящера с рукой на хвосте, двуротого хоботорука – древесного зверя с четырёхзрачковыми глазами, милую птичку ополовника, жутковатого чёрного паука-марбианина, шорька – помесь хорька, барсука и штопора, колючее ластонное – морского дикобраза, циникодонта, напоминающего одновременно волка и двуногого динозавра, скромного листовника – ростосинта, похожего на ротошлёпа, поросшего

огромными листьями, выпытня – существо со стебельчатыми глазами, шестью насекомыми ногами и двумя длиннопалыми руками – и, конечно же, проглотона, бесформенное существо, напоминающее многих и никого. Ещё эвол достаёт из потаённых уголков своего тела странную органическую массу, которая оказывается колонией стинопленеупалов – существ, похожих на морских ежей с Земли.

– Можешь обернуться, – говорит эвол.

Эффелине открывается не настолько жуткое зрелище, на которое она рассчитывала. Лица и морды всех поглощённых существ выглядят мирно спящими, а не застывшими в муках. Что до стинопленеупалов, так они вообще лишены какого бы то ни было выражения изначально и не приобрели его в теле Ксандера. Однако элгантина всё равно вздрагивает: ей неуютно от мысли, что внутри не такого уж большого эвола может поместиться целый зоопарк. Хотя никакого фокуса тут нет: те организмы, которые эвол решает сохранить в себе, преобразуют специальные ферменты. С их помощью тела сжимаются до очень маленьких размеров, а при необходимости эвол разворачивает их обратно.

– Ой, что это за кунсткамера такая? – изумляется Витс, который идёт по коридору в свою каюту.

– Моё внутреннее содержание, – со слегка ироничной улыбкой отвечает Ксандер.

– Что ж, у меня страшнее.

Посмеявшись вместе с Ксандером и Витсом, Эффелина

снова находит повод прицепиться к самособирающейся сущности:

– А всё-таки человек – существо разумное! И ты его поглотил. А это аморально!

– Честно тебе скажу – я не хотел. Мне пришлось. Думаю, если я расскажу тебе всю историю, ты поймёшь, что я поступил не так уж и аморально, – отвечает Ксандер.

Глава 16. Лирическое отступление: как на Самобыте зашло светило лженауки

Я хочу высказать мысль, что объективная истина иногда нуждается в такой же защите, как та, которую законы о распространении клеветы обеспечивают каждому человеку.

*Ричард Докинз
«Капеллан дьявола»*

Исследователи делают вывод, что «сопротивление науке» зарождается из противоречий между интуитивными представлениями маленьких детей и тем, чему их учат; «сопротивление» переходит из детства во взрослую жизнь, когда соответствующие научные идеи не имеют всеобщей поддержки в обществе.

*Александр Марков
«Рождение сложности»*

История учит (и это один из самых печальных её уроков): если нам достаточно долго морочат голову, мы уже

не замечаем этого и отказываемся видеть доказательства того, что наша вера ложна. Нас больше не интересует истина. Мы полностью поддались обману, и слишком больно признаваться, даже самим себе, что мы попались.

Карл Саган

«Мир, полный демонов: наука – как свеча во тьме»

Главный враг знания – не невежество, а иллюзия знания.

Стивен Хокинг

Для Млечного Пути под гнётом Тримперии это была самая обычная картина: целая вереница боевых кораблей преследовала мирный кораблик с единственным человеком на борту – тем самым молодым и стройным бедантиевцем с небритым лицом. Человек случайно отклонился от разрешённого Тройным Союзом пути и должен был за это отправиться в тюрьму. За то, что он ослушался командира патруля и попытался уйти – уже в пыточную. А поскольку ему удалось оторваться от преследователей, его окончательным приговором стала публичная казнь. Долго и довольно ловко человек уклонялся от твердоплазменных снарядов и лазеров, но всё-таки ошибся и позволил разъярённым орхгам подбить двигатели. Не успели тримперцы приблизиться к звездолёту, как он сам влетел со всего маху в неожиданно оказавшийся

на пути серповидный астероид, покрытый белой плесенью. Тримперцы решили, что сама Вселенная на их стороне, и «нарушитель» не мог выжить при таком столкновении. Они покинули систему Самобыт, никого больше не побеспокоив.

Но «нарушитель» был жив, хотя и без сознания. Долго лежать в обгоревшем корабле ему не пришлось: ещё за несколько стеков до столкновения его корабль заметил бдительный самобытский часовой, Гном. Хозяева Самобыта отозвались на его сигнал немедленно и, запрыгнув на спины верных летюленей, прибыли на Серп и подобрали владельца звездолёта, чтобы в домашней лаборатории на Коряжке поставить его на ноги.

Дезинфекция адаптивной обеззараживающей суспензией, замена с помощью микромёда повреждённых тканей здоровыми, которые были выращены тут же из клеток самой жертвы Тримперии, комплексная обработка органов и внутренней среды организма всё тем же спасительным микромёдом – все эти стандартные для любой по-настоящему развитой цивилизации медицинские процедуры быстро вернули человека в нормальное состояние. Осталось только аккуратно вернуть его в сознание. Эта техника тоже была отработана: мозг неожиданного гостя подвергли мягкой неинвазивной электрической стимуляции.

Проморгавшись, человек приподнялся и осмотрелся. Наконец, его взгляд встретился с заботливым взором хозяев Самобыта.

– Спасибо, что вернули меня обратно в телесную оболочку, – сказал он. – Я был ещё не готов к единению с высокоэнергетическим ауральным полем. Надеюсь, вы применяли гомеопатические средства? Аллопатические повреждают энергетическую оболочку – аура истончается, нарушаются биотоки.

– Что-что, простите? – синхронно не поняли Ксандер и Найя.

Точнее, они уже многое поняли, но решили не делать поспешных выводов. Вдруг вся эта мешанина из лженаучных терминов – просто следствие пережитого стресса или не до конца пробудившегося сознания? Такое бывает. Обычно бред проходит через пару десятков стеков.

– Странно, что существа, способные воскрешать мёртвых, не знакомы с основами ауральной энергетики и духовной гомеомедицины. Ну, ничего, я с удовольствием вам объясню.

– Давайте лучше сначала просто познакомимся, – нервно улыбнулась Найя, почуяв, что лженаучный разговор может зайти слишком далеко. – Это мой муж Ксандер, а я – Найя. Как нам называть Вас?

– К чему эти традиционные имена? Это всего лишь ярлыки. Истинным именем может быть лишь духовное звание, которое даёт сама энергия Космического Медиума. Зовите меня Просветлённым.

– Просветлённый так Просветлённый, как хотите. Приятно познакомиться, – пробормотал Ксандер. – Не желаете ли

с нами отобедать?

– Спасибо, с удовольствием, – ответил Просветлённый.

Ксандер, Найя и Просветлённый перешли на кухню. Человек немедленно заявил о своих вкусах:

– Учтите, я ем только растительную пищу. Ничего животного. Ни мяса, ни молока, ни яиц даже не предлагайте.

Эволы переглянулись.

– Вы же, простите, всеядное существо, – удивилась Найя.

– Всякий животный продукт несёт тяжёлую отрицательную энергию! Ни одно животное в здравом уме не даст съесть себя или своё потомство. Животная пища добывается вопреки желанию существа жить, путём насилия.

– Это уже давно не практикуется, – возразил Ксандер. – Любую животную ткань можно вырастить в биореакторе. Для этого требуется всего лишь несколько клеток...

– Мне известна эта технология. Но забирать клетки – это жестоко и болезненно! Это всё равно насилие.

– Это не так. Я могу хоть прямо сейчас взять у Вас немного клеток так, что Вы ничего не заметите и не почувствуете.

– Растения, кстати, тоже выращены в биореакторе, – сообщила Найя, подав гостю зелёный салат.

– Интересно. Обычно ненатуральная пища безвкусная, поскольку лишена энергии земли, – сказал Просветлённый, попробовав салат. – Но этот салат, спешу заметить, на удивление хорош.

– Энергия... земли? – тихо переспросила Найя.

– Благодаря этой силе всё натуральное благотворно влияет на разумных существ, укрепляет их ауру и усиливает связь с высокоэнергетическим ауральным полем.

– Позвольте с Вами не согласиться, – не выдержал Ксандер. – Болезнетворные микроорганизмы более чем натуральны. И влияют они на разумных существ совсем не благотворно.

– Это всего лишь испытания для нашего духа, – невозмутимо парировал Просветлённый. – Они закаляют его и открывают каналы связи для энергии Космического Медиума.

– Испытания эти хороши, если их удаётся пройти с помощью развитой медицины, биотехнологии...

– Природа мудра и умеет исцелять всё сама. Это же очевидно! Нужно просто открыться ей. Необходимо укреплять дух и очищать организм натуральными средствами, помогать здоровым естественным биотокам.

– То есть витаминные и аминокислотные добавки тоже Вам не предлагать? Они неестественны, синтезированы искусственно. А с Вашим вегетарианством, извините, без них не обойтись.

– Если они были синтезированы правильно, из тонких кристаллов, то они способствуют освобождению от шлаков и токсинов.

– Что такое тонкие кристаллы? Освобождение от токсинов и чего?

– О, да Вы многого не знаете, – улыбнулся Просветлённый.

ный. – Но судьба на Вашей стороне. Энергия Космического Медиума свела нас. Я открою вам глаза на истинное положение вещей. Мне только надо сейчас немного сориентироваться в вашем мире и привести себя в гармоничное духовное состояние. Тогда я смогу передать вам энергию истинного знания.

– Энергию истинного знания? Почему не само знание? – удивился Ксандер.

– Знание приобретается путём духовного контакта.

– А разве не научным методом, в который входит наблюдение, выдвижение гипотез, их экспериментальная проверка, анализ, синтез и куча других вещей?

– О, это всё термины официальной науки.

– Официальной науки?! Разве она бывает официальной и неофициальной?

– Конечно. Официальная наука искажает сознание миллиардам живых существ во множестве миров...

– Прошу прощения, я выйду на один стек.

Ксандер выбежал из дома и подозвал нескольких гуманистов, которые собирали листья для чая:

– Передайте, пожалуйста, всем: пусть быстрее чинят корабль на Серпе. Долго я с его владельцем не выдержу. У меня уже нервный пласт отваливается от всей этой лженаучной чуши. А убедить нашего гостя в том, что мир устроен немножечко не так, как он полагает, мне не удаётся.

– Всё будет хорошо! – заголосили гуманиды. – Мы прямо

сейчас возьмёмся за корабль!

– Спасибо. Постарайтесь с ним не затягивать, пожалуйста.

После обеда, во время которого хозяева Самобыта прослушали ещё и целую лекцию о пользе сыроедения, заряженной воды и карманных кристаллов, Ксандер и Найя показали гостю его комнату. Просветлённый и тут нашёл повод применить парочку лженаучных терминов:

– Место прекрасное, спасибо. Но у вас тут неправильно концентрируются энергетические потоки Космического Медиума. Каждая вещь должна быть ориентирована строго определённым образом, и тогда ваша аура пропитается положительной энергией.

– Можете заняться этим на досуге, – проскрипела Найя.

– Для этого мне нужно ознакомиться с окружающей обстановкой. Если можно, конечно.

– Я Вам покажу нашу систему, – из рефлекторной вежливости предложил Ксандер. – Давайте поднимемся.

– О, это прекрасная идея! – отозвался Просветлённый.

Когда человек стал подниматься по лестнице, Найя шепнула Ксандеру:

– Это твой шанс. Я уверена, что ты сможешь выбить из него всю эту дурь.

– Не выбью, – простонал Ксандер. – Почему ты так уверена, что я смогу это сделать? Он же назовёт всё, что я скажу, «официальной наукой» и заведёт на два дечаса очередную чепуху про ауру, что-то там духовное и аурально-энергети-

ческое.

– Ну что ты, у тебя всё получится. Скольких ты увлёл наукой, сколько существ благодаря тебе владеют научным методом! Вспомни – твой шеститомник об эволюции²⁶ до сих пор считается одним из лучших научно-популярных трудов в Галактике!

– Это тяжёлый случай. Я никогда раньше не встречал существ с настолько затуманенным разумом. Боюсь, до чтения научных книг тут ещё далеко – чуши в мозге слишком много.

– Наука сильнее любой чуши. Просто её надо правильно преподать. Так, как умеешь это делать ты – толково, ярко и очень понятно.

– Най, ты мне льстишь.

– Ксань, ну вспомни – ты же смог обучить гуманидов научному методу ещё тогда, когда они только догадались палкой фрукты с деревьев сбивать! Если тебе удалось повлиять на самый примитивный разум, который вообще ничего об этом мире не знает, то и с этим ты совладаешь!

– Незнание – это не так страшно. Опаснее и труднее выводить как раз ложное знание. Ладно, я попробую, конечно. Нельзя быть просветителем и отказываться от просвещения. Не уверен, что получится, но я обязан попытаться.

Скоро Ксандер уже парил в тонкой воздушной оболочке

---

²⁶ Надведомим, К. (сущность самособирающаяся муту’имирская). Пути эволюции углеродной жизни: некоторые наглядные примеры. В 4 т. / . – 2-е изд., доп. – Высшее Науч. Изд. Млечного Пути, Муту’Имирский филиал: – 135 999 998-ой лрц (1-е изд. – 135 999 990 лрц). – Кн. 1-6.

Самобыта и показывал гостю один мир за другим. Удивительно, но человек не выдавал никаких лженаучных речей, когда эвол рассказывал ему о жизненном цикле леших, разуме холмолесских слизевиков, механизме свечения у жуползней, симбиозе термитов-беляков с танцующими грибами и других чудесах астероидной системы. Дар лженаучной речи проснулся в Просветлённом уже в том мире, который Ксандер показал последним – на Тарелке.

– И ведь кто-то утверждает, что вся жизнь возникла по воле слепого случая из грубой материи! Но ведь любому с детства ясно, что ничто настолько изумительно сложное не может возникнуть само по себе. Космический Медиум – разумная сущность, которую некоторые называют Творцом – создала всё живое из чистой энергии.

Мысленно побившись головой об стену, Ксандер набрал воздуха и принялся за объяснения:

– Во-первых, слепой случай и эволюция путём естественного отбора – это совсем не одно и то же. Слепой случай был нужен для того, чтобы собрать в правильном месте правильные молекулы. Но как только образовалась первая молекула, которая смогла копировать сама себя с высокой, но не абсолютной точностью, когда ошибки при копировании начали передаваться следующим поколениям и в ряде случаев помогать им лучше размножаться – роль случая заметно уменьшилась. Со временем молекулы, которые смогли собраться в более сложные структуры, вытеснили более

простые. Ведь простые молекулы были хуже защищены от неблагоприятных условий и оставляли меньше «потомков». Потом уровень организации живого вещества повысился до клеток. Многие организмы так и остались одноклеточными, а некоторые дали начало многоклеточным. То есть, я подхожу ко второму: эволюция идёт по пути усложнения сама по себе, просто потому, что более сложные структуры обычно бывают лучше защищены от неблагоприятных условий среды, лучше кооперируются, вытесняют конкурентов и оставляют больше потомства. Конечно, усложнение бывает и бессмысленным – это неизбежно, но не страшно: в конце концов, у эволюции нет никакой конечной цели. Наконец, в-третьих, из всего этого следует, что никакой Творец для жизни не нужен. Забавно, что я Вам это рассказываю в мире, где сам создал жизнь. Я установил генераторы атмосферы, подогреватели, установил систему освещения и разлил РНК-бульон. Но не спешите величать меня Творцом. РНК-бульон мог бы образоваться и самопроизвольно, если бы на астероидах были подходящие условия. А они тоже могли возникнуть и без моего участия – скажем, если бы астероиды оказались в зоне притяжения какого-нибудь газового гиганта вблизи не слишком горячей звезды. По сути, я просто ускорил неизбежный процесс развития жизни в благоприятных условиях. А дальнейшая эволюция шла уже без моей помощи. Я могу доказать это наглядно, я храню все данные о состоянии Самобыта с того самого дня, как прилетел сюда.

– Так и с жизнью во всей Вселенной могло быть так же! Космический Медиум запустил все процессы и больше не вмешивается в развитие жизни, лишь регулирует потоки высокой энергии и объединяет ауры.

– Теория Всего утверждает, что для самопроизвольного возникновения жизни вообще не нужны никакие разумные сущности. Это красивый художественный образ, но для объяснения сложности жизни он не годится. Из-за него появляются лишние вопросы: откуда взялся он сам? Откуда мы знаем, что он разумный? Почему он не явит себя в доступной нам форме? Все эти вопросы только запутывают, а возможные ответы на них ничего толком не объясняют.

– Всё вы любите упрощать в вашей материалистической официальной науке!

– Официальной? Наука, простите, одна.

– Вы ограничены миром материи, отрицаете духовное. А ведь если раскрыть сознание, позволить энергии Космического Медиума свободно течь через Вашу ауру, тогда Вам откроется истинное положение вещей. Я недаром зовусь Просветлённым – я познал его.

– Истинное? Откуда Вы знаете, что оно именно такое?

– Я открою Вам одну из дарованных мне истин. Она состоит в том, что все ответы верны.

– Но это же не так. Есть вопросы, на которые просто не может быть верного или неверного ответа. Например, возьмём картину какого-нибудь художника, которая понравится

мне, но не придётся по душе Вам. И у вопроса «красива ли эта картина?» не будет верного ответа. Вы скажете «нет», а я скажу «да». Но это вопрос личных вкусов, они могут быть какими угодно. А есть вопросы, на которые есть верные и неверные ответы. Например... вот, сейчас.

Ксандер сноровисто поймал пробежавшую рядом грызодявку. Изумлённое насекомое застыло у него на ладони.

– Как видите, у этой грызодявки шесть ног. Спросите любое другое разумное существо, сколько у неё ног – и верный ответ будет один: шесть. Другое разумное существо может ответить «шесть» на другом языке, может начертить это число на песке, напеть, нарисовать красками или показать сложным жестом, но суть от этого не изменится. Можно даже спросить у робота – вот уж совсем другой тип разума! – и он уверенно скажет, что у этой грызодявки шесть ног. Не пять, не восемь – шесть.

– Опять же, Вы ограничены материей, – нашёлся Просветлённый. – Если достигнуть духовного просветления, можно увидеть настоящую сущность. И не факт, что у этой грызодявки на самом деле окажется шесть ног.

– Настоящую сущность? Объясните, пожалуйста, что это такое. Для меня это особенно интересный вопрос, поскольку мой вид в Галактике известен под названием «самособирающаяся сущность».

– Это же совсем просто. Сущность есть истинное состояние духа, рождающего телесную оболочку.

– Духа, рождающего...

– Открою Вам ещё одну истину: материя суть порождение духа.

– Но ведь сотни миллионов добросовестных учёных доказали, что ничто «духовное» невозможно без материальной основы! Убедительные доказательства приведены и в Теории Всего, которую создали ещё сотни миллионов учёных. Приведу и очень простой пример из жизни: попав к нам, Вы были без сознания ровно до тех пор, пока мы не подвергли Ваш мозг электростимуляции.

– Это не так. Я был в ином состоянии сознания, которое недоступно непосвящённым.

– Но Вы же ничего не чувствовали. Все приборы это показывали.

– Я верю, что чувствовал. Я верю, что помню это.

– Вера – это не аргумент. Мы снова возвращаемся к вопросу об истине. Если я вдруг поверю, что Вы не человек, а, например, гриб – Вы не станете грибом.

– Для Вас – стану.

– Но если соберутся учёные со всего Млечного Пути, досконально изучат Вас и многократно проверят разные гипотезы, они все придут к выводу, что Вы не гриб. И если я им скажу, что верю в Вашу «грибную сущность», мне приведут такие доказательства, игнорировать которые я смогу только ценой колоссальных усилий. Сколько бы я ни закрывал глаза, сколько бы ни твердил, что Вы гриб – Вы не станете гри-

бом.

– Если Вы увидите меня с духовной стороны, Вам могут открыться неожиданные вещи. Но для этого необходимо создать у себя определённый энергетический профиль ауры.

Ксандер, поняв, что всё время и силы потратил впустую, завершил разговор:

– Займёмся этим позже. Уже поздно, пора домой.

Когда летюлени привезли хозяина Самобыта и его гостя обратно на Коряжку, последний заявил:

– Мне хотелось бы здесь помедитировать. Обстановка самая благоприятная. Я устроюсь на той полянке?

– Конечно, – ответил Ксандер, втайне радуясь, что хоть какое-то время не услышит новой лженаучной галиматьи.

Придя домой, эвол несколько раз вывернулся наизнанку и поменял форму, выпустив все щупальца.

– Я могу не спрашивать, что там было? – спокойно обратилась Найя к жуткой смеси тел, крови, пищеварительного геля и щупалец, которую представлял её муж.

Самособирающаяся сущность промышчала что-то страдальчески-невыразительное и плюхнулась в ближайшее кресло.

– Как дела с кораблём? – спросило нечто.

– Медленнее продвигаются, чем хотелось бы. Ещё денька два-три понадобится. Да, можешь не говорить, что ты об этом думаешь. Я с тобой и так согласна.

Вдруг Ксандер услышал громкий голос Просветлённого.

Прислушавшись, эвол разобрал слова и ужаснулся.

Человек пытался посвятить кого-то в своё лженаучное учение, гордая чушь на тему ауры, энергетических потоков Космического Медиума, медитации и примата духа над материей.

– Нет, только не это! – отчаянно завопил Ксандер, сменил форму на обычную и вылетел на улицу.

От того, что эвол увидел поначалу, он снова чуть не превратился в чудовище. Вокруг Просветлённого собралась целая толпа разумных обитателей Самобыта – гуманидов, гномозябров, леших, умулиток... кажется, толпа внимала каждому слову новоиспечённого лектора. В нервном пласте Ксандера мелькнула отчаянная мысль: если лженаука распространится и укоренится на Самобыте, он лично перевернит всё живое в этой системе и начнёт большой эволюционный эксперимент сначала.

К счастью, один старый леший заметил Ксандера и обратил на него умоляющий взгляд:

– Ксандер, отвлеки его как-нибудь, пожалуйста. Мы все просто собрались попить чаю на свежем воздухе, а он пристал с каким-то своим, как он называет, когнитивно-гармоничным ауральным медиумизмом. Мы существа вежливые, гнать гостя взашей не можем.

Ксандер с облегчением выдохнул и тронул Просветлённого за плечо:

– Мы уже скоро выключаем свет во всей системе. Вам луч-

ше пойти домой.

– Это вовремя, – ответил человек. – Я как раз достиг нового просветления и успел поделиться им с местными жителями.

Следующее утро Просветлённый начал со следующего утверждения:

– Сегодня будет чудесный день. Положение звёзд и планет прямо указывает на то, что сегодня будут удаваться все начинания, получится завершить некоторые незаконченные дела. Только не надо переусердствовать с делами по дому.

– Положение звёзд и планет? – удивилась Найя. – Как оно может влиять на чьи-либо начинания? И уж тем более – на домашние дела?

– Вы и этого не знаете? Ничего страшного, я объясню. Всё во Вселенной связано со всем энергетическими узами, и потому каждая деталь имеет значение. Звёзды и планеты концентрируют в себе больше всего энергии, и потому активно влияют на нашу ауру.

– Два возражения, – подняв руку, вступил Ксандер. – Первое: влияние звёзд и планет на таком расстоянии может быть только гравитационным, и оно настолько мало, что им можно пренебречь. Свет же, который испускают звёзды и отражают планеты, достигает наших глаз со значительной задержкой. Только с помощью дорожных и информационных магистралей мы можем увидеть звёзды и планеты такими, какие они есть сейчас. Обычно мы их видим такими, какими

они были много лигноротаценов назад, ведь скорость света ограничена. Второе возражение: окружающие нас звёзды и планеты постоянно меняются, потому что наша система перемещается.

– Опять этот Ваш материализм! – с упрёком засмеялся Просветлённый. – Духовное зрение позволяет мне видеть гораздо больше.

– Я бы порекомендовал Вам ознакомиться с литературой...

– Я давно не пользуюсь никакими источниками знания, кроме духовного опыта. Только он даёт мне истинные ответы на все вопросы. Окончательные, не то что в вашей официальной науке! Сегодня – одно, завтра – другое.

– Научное знание тем и отличается, что оно постоянно обновляется, улучшается и дополняется. Раз и навсегда установленная истина – это произвол, ведь она исключает возможность уточнений. Некоторые факты и теории мы считаем истинными – но лишь в том смысле, что на данный момент никто не смог их опровергнуть с помощью тщательной проверки научным методом.

– Вы сами себе противоречите. Вчера Вы мне показывали ноги грызодявки и утверждали, что их всегда и для всех шесть. Неужели и это не истина?

– Вы не совсем правильно понимаете слово «истина». В случае ног грызодявки дело обстоит так: если кто-то, тщательно изучив её, обнаружит новую пару ног, проанализиру-

ет условия, в которых они появились и сможет поставить эксперимент, который недвусмысленно доказывает существование четвёртой пары ног – тогда я признаю, что ошибался насчёт их числа. Или, наоборот, если кто-то докажет, что какая-то пара ног – это вовсе не ноги, а какие-то другие органы – пожалуйста, я признаю и это. Но пока другое число ног обнаружено только у грызодявок с мутациями в генах, которые управляют развитием конечностей. Или же у тех, которые по какой-то причине ноги утеряли. Обобщу: у совершенно здоровой грызодявки, у которой нет мутаций в определённых генах, не обнаружено большего или меньшего, чем шесть, числа ног. Можно утверждать: истина заключается в том, что в обычных условиях у грызодявки шесть ног. Эта истина не абсолютна: её можно уточнить, дополнить и даже опровергнуть. Абсолюта, кстати, не существует просто-напросто из-за устройства законов мироздания. Ознакомьтесь всё-таки с Теорией Всего, там всё чётко сформулировано и подкреплено доказательствами.

– Типичная официальная наука.

– Навешивание ярлыков – простите, не лучший способ вести полемику.

Ксандер явно погорячился со словом «полемика». Каждый новый диалог с Просветлённым превращался в диспут между учёным и глухой стеной. Эволы с нетерпением ждали ночи, чтобы отдохнуть от назойливого и упёртого гостя, который не выказывал ни малейшего уважения к истинному

положению вещей во Вселенной и при любом удобном случае ссылался на веру в когнитивно-гармонический ауральный медиумизм.

Наконец, настал тот день, когда разумные жители Самобыта отремонтировали звездолёт Просветлённого.

– Я вам очень признателен, это просто здорово! – обрадовался человек при виде целёхонького корабля. – Вот только сегодня лететь я не могу. Положение звёзд и планет указывает, что лучше отложить это на завтра.

«Завтра! Скорей бы наступило это завтра!» – мечтало каждое разумное существо в системе Самобит.

Итак, наступил день отбытия Просветлённого. Но человек не оправдал ожиданий...

Нет, со звёздами, планетами, духовным состоянием и аурой всё было в порядке.

Он просто заявил за завтраком:

– Друзья, вы знаете... в моём родном мире меня никто не ждёт, да и Тримперия кругом. Лучше я останусь здесь. У вас так хорошо! Здесь у вас настоящее средоточие положительной энергии.

Найя тихо уехала под стол, а Ксандер пролил чай себе на брюки. Гном, который оказался на кухне ровно в тот миг, с выражением подлинной муки на лице обхватил руками голову. Просветлённый, не обратив внимания на явное недовольство хозяев, ушёл медитировать на свою полянку.

– Надо что-то с этим делать, – сказала Найя. – Ксань, да-

вай так сделаем: поставим корабль на автопилот, любым способом затащим туда этого «Просветлённого» – скажем, что это нам Космический Медиум сказал сделать – и пусть катится колбаской!

– Всё не так просто, – покачал головой Ксандер. – Я тут ради интереса поискал в Тынглгресе о нём информацию. Я до сих пор в шоке от того, что узнал. Оказывается, целых девять миров в Укрытом Рукаве целиком и полностью поддерживают его лженаучное учение.

– Кошмар!

– Ага. Считаю, девять миров в Укрытом Рукаве уже принадлежат Тримперии. Стоит тримперцам изменить пару слов в учении – и жители этих миров радостно пойдут за нами, не рассуждая и не споря. Им прикажут убиться об стену – и они это сделают. Прикажут перерезать всех непосвящённых – пожалуйста. Просветлённый по-настоящему опасен для неокрепших цивилизаций. Что с ним делать, ума не приложу.

– Его нельзя отпускать.

– Но я с ним и дня больше не вынесу! А ты тем более.

– Я тоже, – пискнул Гном.

– А давай так, – подумав где-то деминуту, заговорщицким тоном произнесла Найя. – Ксань, ты же толком не позавтракал. Возьми его да поглоти.

– Что? Най, ты с ума сошла?! Это же разумное существо! Я не убиваю разумных существ!

– Где ты там разум увидел, где? Существо, которое пудрит мозги целым цивилизациям и отвращает их от научного метода, вряд ли можно назвать разумным.

– Ну, может, всё-таки попытаться его уговорить... ещё в сотый раз...

– Ксаня, ты всё прекрасно понимаешь. Хватит упираться. Никто его исчезновения не заметит.

– А те девять миров?

– Они будут считать, что Космический Медиум его забрал, вознёс, или ещё там что-нибудь с ним высокодуховное сотворил.

– Ну... я всё равно не хочу быть убийцей. Это неправильно. Я должен его убедить...

– Хорошо, попробайся убедить. Но если не получится – съешь его спокойно! Ксань, просто представь, что перед тобой – не человек, а какой-нибудь там вырпытень, который случайно выучил хифсдангл. Жри его и не думай даже!

Ксандер не выдержал, засмеялся... и озвучил окончательное своё решение:

– Ладно, я попробую... попробую дать ему ещё один шанс, а если он продолжит упрямяться – так и быть, поглоску его. Постараюсь это сделать быстро.

Ксандер нашёл Просветлённого. Человек как раз закончил медитировать.

– Как там с духовным познанием? – осведомился Ксандер.

– Мне уже известно многое, – откликнулся, поднимаясь,

Просветлённый. – Сейчас я просто укрепляю свою ауру.

– Может, прогуляемся по... Серпу?

– С удовольствием.

Эвол и человек оседлали летюлений и добрались до причудливого астероида, покрытого белой плесенью.

– Позвольте спросить, – аккуратно обратился к Просветлённому Ксандер. – Вы так и не познакомились ни с одним научным трудом из тех, что я Вам рекомендовал?

– Нет. Мне это не нужно, – отрезал Просветлённый.

– Не очень-то вежливо с Вашей стороны. Я, хоть и не разделяю Ваши взгляды, попытался в них разобраться. А Вы просто отвергли то, что я Вам предлагал. Просто потому, что Вам это не понравилось. Я нашёл ещё одну книгу, которую легко понять даже существу, которое слово «наука» слышит в первый раз. Вот, посмотрите.

С этими словами Ксандер протянул человеку книгоплат, на обложке которого красовалось название «Основы научного метода: поэзия поиска истины».²⁷ Просветлённый пролистал книгоплат, прошёлся беглым взглядом по нескольким строчкам и вернул эволу научно-популярный труд:

– Полная ерунда. Ничего общего с действительностью.

– Вы даже не прочитали!.. – возмутился Ксандер.

– Я знаю достаточно. Не пытайтесь искоренить и заменить

---

²⁷ Дори, А. (фоксиллинда-живоглот сабкостисский), Сарган, К. (протоплазмик симбиотический венорский). Основы научного метода: поэзия поиска истины. / Высшее Науч. Изд. Млечного Пути, Сабкостисский филиал: – 135 999 985-ый лрц. – 563 с.

грубыми выкладками официальной науки мои знания, добытые духовным трудом.

– Погодите! А разве Вы мне не доказывали недавно, что все ответы верны? Почему тогда Вы отрицаете эти?

– Верны те ответы, которые выходят за рамки материального.

– Ответы, которые выходят за рамки материального... прошу прощения, я ничего не понял.

– И не поймёте, пока не откроете свою ауру. Не загоняйте себя в рамки этих так называемых «законов природы», освободитесь от власти официальной науки, и прозреете.

Ксандер похолодел. Всё шло к самому худшему. Нервный пласт эвола задёргался от волнения, глаза побелели, по каждому пласту побежали мелкие мурашки, а во всём теле начал разжижаться и бурлить пищеварительный гель.

– Какое тихое здесь местечко, – заметил вдруг Просветлённый.

Что-то ёкнуло внутри у эвола.

Неужели догадался?..

– Э... да, тихое, – нервно согласился Ксандер, отвернувшись от человека.

«Придётся признаться! Нужно его предупредить! Может, тогда не придётся его поглощать?..» – загорелись яркими тревожными огоньками мысли в нервном пласте эвола.

Ксандер глубоко вздохнул, вновь повернулся к Просветлённому и собрался было всё рассказать, но...

Прямо перед глазами у эвола вдруг возникло дуло тримперского суперподжигателя – ещё старого образца, но уже тогда смертельно опасного.

– Что Вы делаете?! – только и сумел выдавить ошеломлённый Ксандер.

– Увы, мне не удалось одними словами убедить Вас оставить Ваши заблуждения, – с притворным сожалением сказал Просветлённый. – Когда слова не помогают, приходится применять иные методы убеждения... мне искренне жаль, что Вы так упорно отказываетесь от благодати моего учения. Вы оказались упрямее, чем мне казалось.

– Откуда у Вас оружие? Вы мне угрожаете?!

– Оружие у меня всегда с собой, на всякий случай. Я Вам не угрожаю, а даю возможность сделать правильный выбор. Ради вашего же мира, точнее – целых одиннадцати миров. Эти миры необходимо очистить от веры в материалистическую официальную науку. Я должен сделать это. Мне открыта вся истина Вселенной, я вижу её со стороны – энергия Космического Медиума открыла доступ моей ауре к всеобщему информационному пространству. Мой могущественный дух куда сильнее грубой материи, священной коровы этой вашей официальной науки. Девять планет я уже сумел исцелить – значит, и у вас всё будет хорошо. Наставлять на путь истинный заблудшие миры – моё настоящее призвание.

– Прошу прощения, но сейчас Вы наставляете на меня оружие.

– К сожалению, это единственный способ. Итак, Вы отвергаете официальную науку и открываетесь моему благодатному учению, или предпочтёте умереть за ложный идеал?

Ксандер обратил на Просветлённого пристальный взгляд – спокойный, холодный, уверенный – и ответил:

– Я никогда не отвернусь от настоящего научного метода и от истины, которую он открывает.

– Что ж, мне очень жаль, – тихо произнёс Просветлённый и приготовился нажать на спусковой крючок. – Вы мне были симпатичны, но Вы сделали свой выбор...

– Как и Вы – свой.

Ксандер мгновенно обратился в чудовище с мощными когтистыми лапами, сотнями острых зубов в шести челюстях и ужасающими липкими щупальцами. Он издал свирепый рёв и выбил из рук Просветлённого оружие. В надежде, что этой демонстрации силы будет достаточно, Ксандер приостановился и заглянул человеку в глаза.

– Жаль Вашу будущую вдову, – хмыкнул Просветлённый, неожиданно сильно и больно ударил эвола прямо по носу и быстро подобрал суперподжигатель.

Выбора у Ксандера больше не осталось. Эвол молниеносно обвил Просветлённого щупальцами с головы до ног, раскрыл буквально нараспашку своё тело, внутренняя поверхность которого была сплошь покрыта не только оранжевым пищеварительным гелем, но и выросшими тут же зубами, и буквально затолкал человека внутрь себя. Уже внутри само-

собирающейся сущности Просветлённый вдруг забарахтался: в тот миг эвол подумал, что инстинкт самосохранения у человека переборол веру в превосходство духа над материей. Но нет: это была уже агония. Через несколько деминут Ксандер переварил содержимое черепной коробки Просветлённого вместе с остальными его внутренними органами, а оставшееся тело преобразовал и многократно сжал. Затем эвол отрыгнул одежду человека, забрал суперподжигатель, принял привычную форму и поздравил летюленя.

– Ну? – взволнованно встретила мужа Найя на пороге дома.

Ксандер показал Найе окровавленную одежду Просветлённого и мрачно ответил:

– Это был самый невкусный завтрак в моей жизни. Но, к сожалению, необходимый. У него, оказывается, суперподжигатель всё время с собой был. Он мне угрожал... сказал, что сделает тебя вдовой, если я не приму его идиотское учение.

– Вот как! Мало того, что идиот, так ещё и агрессивный идиот! – выпалила Найя. – Ксаня, ты спас Галактику, милый. По крайней мере, двадцать миров: те девять и наши одиннадцать.

– Ну, ещё не спас, – немного веселее ответил Ксандер. – Да, от одного светила лженауки я её избавил. Но пока существует Тримперия, пока есть мозговзломы йорзе, пока есть неразвитые миры, лжеучёных будет ещё много. И настолько

много, что если я возьмусь каждого есть – боюсь, заработаю несварение и ожирение.

– Любое великое свершение начинается с первого шага.

– Ну, это уж ты высоко выражаешься, Найя.

– Ксаня, ты точно сможешь избавить Млечный Путь от Тримперии и от всей дури, что она распространяет.

– Это тебе этот... Космический Медиум рассказал?

– Ага, лично!

Под дружный хохот эволы отправились разбирать корабль Просветлённого. Неорганические вещества из звездолёта послужили отличной заправкой для копипринтера. А органическая оказалась замечательным удобрением для лесных деревьев.

Глава 17. Невидимые миры

Во всём прекрасном марсианском ландшафте нет ни единого следа чьего-либо присутствия, ни единого рукотворного предмета, старой пивной банки, травинки, тушканчика или хотя бы микроба.

Карл Саган

«Наука в поисках Бога»

Попробуйте в иные минуты проникнуть в то, что кроется за бледным лицом человеческого существа, погруженного в раздумье, и загляните вглубь, загляните в эту душу, загляните в этот мрак. Там, под видимостью спокойствия, происходят поединки гигантов, как у Гомера, схватки драконов с гидрами, там сонмища призраков, как у Мильтона, и фантазмагорические круги, как у Данте. Как темна бесконечность, которую каждый человек носит в себе и с которой он соразмеряет причуды своего ума и свои поступки!

Виктор Гюго

«Отверженные»

За рассказом Ксандера следует долгое молчание Эффелины. Оно столь неестественно для элгантины и так долго

длится, что под пластами множества тканей у эвола начинается неподдельный ужас.

Неужели опять?..

– Ну, может быть, ты и не проглотон, – наконец, выносит вердикт элгантина.

Ксандер собирается вздохнуть с облегчением, но вздох этот застревает у него в горле, поскольку Эффелина добавляет:

– Или ты всё-таки особенный, очень-очень хитрый проглотон.

Не успевает эвол хоть как-нибудь отреагировать, как у дверей каюты объявляется Айзел. Он мягко улыбается элгантине и говорит ей как бы между делом:

– Эм, насколько я услышал, Ксандер всё доказал, гм, очень убедительно. Хм, он точно не проглотон.

– Похоже на то! – неожиданно уверенно соглашается Эффелина. – Прости, Ксандер, что подозревала тебя.

Когда Эффелина уходит, эвол поглощает «обитателей» своего «внутреннего зоопарка» и устремляет полный добродушного укора взор на фоксиллинда:

– Ну и где ты был всё это время со своим даром убеждения?

– Честно – хм, драл за уши, э-э-э, Семиларена, – улыбается Айзел.

– Драл за уши! – усмехается скачущий мимо блент. – Старый врун! Драл! Он такой: «Э-э-э, извини, гм, у тебя не най-

дётся, хм, немного, э, шлёмлака? Если да, хм, можешь, э-э-э, поделиться, гм, пожалуйста?»», а потом ещё восемнадцать раз благодарил и извинялся!

– Гм, не дал художественно преувеличить, – бормочет сквозь улыбку Айзел.

– В любом случае – спасибо, – находится Ксандер.

– Э-э-э, тебе спасибо, а то, хм, Эффелина уже готовила вопросы, эм, ко мне. По её логике, хм, раз я биолог, э-э-э, значит, я должен доказать, гм, что ты, э-э-э, проглотон.

– По-моему, она бы ещё нашла повод прицепиться, если бы ты не вмешался.

– Э-э-э, но твоя заслуга, хм, в том, что...

– Ну, начался чемпионат по вежливости, – презрительно фыркает Семиларен и собирается ускакать прочь, но тут же влетает в Стефана.

– Исчезни с дороги, – реагирует на столкновение доктор Фэлконинг. – Или принеси мне антипохмелин.

– Вот это я понимаю! – смеётся Семиларен. – Без лишних словес, без всей этой вежливой нудятины!

Вскоре блент возвращается к Стефану со стаканчиком, в котором зеленеет приятно пахнущая густая жидкость.

– Ну, за здоровье, – усмехается доктор Фэлконинг и опустошает стаканчик. – Какая сладостная гадость, – добавляет он через пару стеков.

– Вы хорошо себя чувствуете? – участливо обращается к Стефану Ксандер.

– Сложно чувствовать себя плохо, когда выплещешься на ягулярге! Нет, правда, Леод – просто чудо. Целую ночь вытерпеть на себе пьяного меня – это большое достижение. Я ему так и сказал. А он ещё смеялся!

При этих словах антипохмелин начинает поступать в кровь Стефана уже не отдельными робкими молекулами, а едва ли не целыми сгустками.

– О! Полегчало! – отмечает Стефан и кричит в сторону отсека управления: – Стив! Давай сюда схему корабля – сейчас покажу гениальное решение вашей проблемки!

У стола в отсеке управления, над которым парит голографическая модель «Тёмной Материи», собираются Стив, Стефан, киберпанки и Тецклай.

– Вот, всё дело в конденсаторах внутри и в ограничительных элементах у сопла снаружи, – объясняет Стефан, показывая на модели один из двигателей. – Вместо одного большого конденсатора ставим два маленьких, а ограничительные элементы, наоборот, соединяем бесшовно в одну вот такую конструкцию – и пожалуйста, аннигиляционный след размазывается так, что что никакие современные радары его от помех не отличают.

– Гррр, я мог всё предусмотреть, – пытается начать новый сеанс самобичевания Тецклай, но Стефан неосознанно успокаивает его, показав, что решение очень нестандартное:

– Это, конечно, если не вдаваться в детали. А если вдаваться, вот здесь нужны ещё штуки четыре квантовых преоб-

разователя, причём асинхронизированных, а у самого края ограничительного элемента нужно загасить поток виртуальных частиц... вот таким остроумным образом. Ну, кто гений?

– Гений всё равно я, потому что вместо четырёх преобразователей достаточно установить два, – покровительственным тоном сообщает Стив. – Вот так.

Стефан недоверчиво вглядывается в обновлённую модель, но, в конце концов, признаёт превосходство терраформской мысли:

– Ладно, тут ты меня сделал, я не догадался.

– А в остальном – ты меня сделал, я бы не додумался, честно, – улыбается Стив. – За работу, друзья мои! Я тоже участвую, если позволите. Я всё ещё будто на Самобыте и строю корабль.

Воодушевлённая пятёрка направляется к проходу, который ведёт к двигателям. По дороге Стив, Стефан, киберпанки и Тецклай встречают Райтлета и Сэн.

– Помочь? – тут же вызывается сартонами.

– Ещё четыре руки не нужны? – вторит Сэн.

– Я бы вообще сам со всем управился, – холодно отвечает Тецклай. – Ничья помощь мне не нужна. Я сам должен исправить свою ошибку.

– Отказываться от помощи – знак упрямства, а не силы, – произносит Стив. – Тецклай, опять ты вспомнил своё подкрадское училище.

– Гррр, и правда, – виновато откликается Тецклай. – Конечно, помогайте... спасибо.

Тут хриввалэйтн неожиданно для всех звонко чихает.

– Похоже, у кого-то лезет шерсть, – комментирует он.

– Ой, т-т-точно, – дрожащим голосом вдруг соглашается

Сэн и с выражением подлинного страха на лице приникает к Райтлету и начинает об него тереться.

И чем сильнее она трётся, тем больше... теряет шерсти.

– Ой-ой, что ж такое, – пугается она. – Ай, как всё чешется...

– Линька, – улыбается Райтлет. – Ты линяешь.

– Ага... ой, поросягство, веселуха теперь на восемнадцать дечасов! А-а-ай... паника, летящая шерсть и этот жуткий зуд! Но ничего, я справлюсь. Не в первый раз. И ты всегда меня учил, что настоящий охотник должен не только ловить и укрощать чудовищ, но и держать в узде свои эмоции. Всё нормально, всё хорошо... ой-ой, что-то меня в этот раз сильно тряхануло! Поросягство блинское, и ведь пока последняя старая шерстинка не слетит, всё это будет продолжаться! Райтлет, мне так неловко... пойду-ка я к себе. Ой, нет! Что ж такое-то! Так, держать себя в руках, спокойно...

– Пока не слетит последняя старая шерстинка... – повторяет Райтлет, успокаивающе погладив Сэн по голове и стряхнув с неё целую горсть старой шерсти. – Что ж, ребята, ковыряться в двигателях вам придётся без нас. Сэн, я тебе помогу!

– Как? – недоумевает тц-рики.

– Очень просто! Пошли к тебе в каюту.

Райтлет, впустив в каюту Сэн, прикрывает дверь.

– Вот моё решение, – произносит он, выпустив когти на руках и пройдясь ими по собственному меху на голове.

Сэн, переведя дух после очередного приступа страха, пытается понять, что это значит. И внезапно до неё доходит:

– Точно! Корфилль, отличная мысль! Сейчас... ой, опять мне страшно! Ну, сколько можно! Материться хочется.

– Матерись, – смеётся корфилль. – Нет, правда, тебе легче станет.

Шёпотом ругаясь на чём свет стоит, Сэн раздевается, распластывается на своём любимом диване, и сартонари принимается расчёсывать ей шерсть когтями.

– Вот здорово! Хорошо-то как! – восклицает Сэн. – Ай, страх не проходит, вот зараза! Хватит, хватит...

– Не переживай, ты хорошо справляешься, но лучше тебе просто отвлечься, – успокаивает Сэн Райтлет. – Хочешь, я тебе шикарную охотничью историю расскажу? Это было незадолго до нашей встречи. Значит, троплю я куири. Уже нож на волосок, всё как под крылом. Но вот только в след встаю, и тут как с рога на копыто...

Дальнейший рассказ ещё больше напичкан специальными охотничьими терминами и жаргоном. Так, что никто, кроме мастера сартонарийской охоты, не поймёт ни слова.

Собственно, Веншамея, которая притаилась у прикрытой

двери каюты, и не понимает. Вообще, её не особенно волнует содержание рассказа Райтлета. Её заботит нечто иное. Вернее, не заботит, а заставляет с белой завистью вздыхать.

– Вот она, настоящая любовь, – шепчет она. – Без лишних слов, ненавязчивая... но какая сильная и надёжная.

– Подсматриваешь? – возникает рядом Накет.

– Да, подсматриваю, – решает не выкручиваться Веншамея. – Всегда приятно полюбоваться на по-настоящему влюблённую парочку. Правда ведь? Наверняка кто-нибудь так смотрит и на нас с тобой.

– Мы больше не пара.

– Что? Как?! Почему? Всё из-за нашей с Джексом истории, да? Накет, это всё ерунда, я не всерьёз, у меня просто было какое-то временное помешательство... я тебя люблю, всё хорошо...

– Нет, не хорошо. Ты ваще хотела мне изменить, в принципе. Значит, не любишь.

– Ну, всякое бывает, прости, я... я не то чтобы... но у нас даже толком ничего не вышло!

– А если бы вышло? Ты хотела этого! И хотела, чтобы я не узнал!

– Маленькая интрижка, не более того...

– Такие вот маленькие интрижки часто перерастают в большую ложь. Знаешь чё, я пас. Мы по-прежнему друзья, но романтике кранты. Не думал, блин, что скажу когда-нибудь такое, но это лучшее, что я могу предложить.

– Накет, нет! Я не...

– Всё кончено.

Накет уходит к себе. Как бы уверен он ни был в этом решении, даётся оно ему нелегко.

– Опять? – мягко интересуется невольный свидетель расставания – Силмак.

– Не опять, а снова, – почти что с джексовой горькой улыбкой ухмыляется Накет. – Не прёт мне, блин, с бабами. Но уж в этот раз точно не я накосячил. Я к твоему совету прислушался, притормозил... а она вон как со мной поступила.

– Накет, мне так тебя жаль...

Шнырявка по-отечески обнимает человека восемью лапами.

– С другой стороны, подумай: может, тебе лучше на чём-то другом сосредоточиться? Если раз за разом тебе в отношениях не везёт – может, и не твоё это? Столько всего на свете есть интересного, и без женщин не заскучаешь.

– Да уж, не заскучаешь – и так с Двумперией боремся, – хмыкает Накет. – На чём тут ещё сосредоточишься? Понимаю, Силмак, ты меня утешить хочешь, но хрен бы там...

Вдруг Накета посещает совершенно неожиданное озарение:

– Блин! Да ну их, этих баб, в самом деле! Знаешь, чем я могу заняться, когда с Двумперией всё кончится? Только что сообразил! Я ж могу в лингвисты податься!

– Дай угадаю специализацию! Неужели?.. – весело отзы-

ваётся Силмак.

– Ну конечно же! Ругательств в Галактике – выше крыши, а спецов по ним – с гулькин хрен! Выучусь в универе, диссертацию напишу, прикинь! В экспедиции летать буду! С тобой, конечно, тебя не брошу. Блин, теперь у меня ваще цель в жизни появилась! Спасибоще тебе, Силмак!

– Мне-то за что? Ты сам додумался!

– Да кто ж меня ругани-то научил?

– Я, старый дурак!

– Вот! Нет худа без добра-то, а?

– И правда! Накет, ты молодец! Я всегда тебя поддержу!

В отличие от Накета, который в одночасье стал счастливее, чем когда-либо прежде, Веншамея всё ещё растеряна и расстроена. Утешиться она решает самым привычным для себя способом: с помощью бутылки вина на кухне.

Стоит Веншамее налить вино в бокал, как тут же, словно по волшебству, на пороге материализуется Ярвокс:

– О, королева Бухляндии в своём репертуаре!

– Вот только тебя не спросила! – огрызается Веншамея.

– Веншамея, мы ж с тобой об этом уже говорили. Горе в вине не тонет.

– Какое тебе дело? Нет, конечно, дело есть – да, мы с Накетом расстались, можешь позлорадствовать.

– Я не злорадствую. Мне Накета жалко, вообще-то.

– Жалко ему, видите ли. А меня, значит, тебе не жалко, да? Хотя о чём я – у тебя и женщины-то никогда в жизни не

было, потому и ведёшь себя как козёл.

Эти насмешливые слова больно укалывают Яарвокса и выводят его из себя. Сами собой у него сжимаются кулаки, а седые волосы встают дыбом. Яарвокс впивается в Веншамею полным ненависти взглядом и выкрикивает:

– Ах, вот как?! Женщины у меня не было, значит! Хочешь, офигительную историю расскажу?

Яарвокс плюхается на табуретку напротив Веншамеи, резким движением ставит бутылку с вином под стол и, к особому неудовольствию теэклавеллянки, одним глотком лишает её вина в бокале. Не успевает Веншамея по этому поводу высказаться, как Яарвокс рявкает:

– Это чтоб ты не отвлекалась и в глаза мне всё это время смотрела, а не в бутылку с этим... тьфу... жопомоем! Значит, так, слушай. Первая женщина в жизни любого человека – это, конечно, мать. И знаешь, как со мной поступила любимая мамочка? Продала меня в рабство! По своей воле! И ещё торговалась, я всё слышал! То есть, на деминуточку, это не то что какие-нибудь там разбойники налетели и её убить угрожали, нет! Просто денег ей на что-то не хватало! Не помню, что она там мне наврала, когда отдавала рабовладельцам, но помню, что я уже тогда, маленьким, всё понимал... пытался сбежать... но меня, конечно, поймали. И два шельнокских года – два, сука, года! – я шил на сраной фабрике сранные сапоги, руками! Руками, понимаешь! Никаких машин там не было, всё руками! У меня до сих пор

мозоли остались! Я уж молчу про шрамы от плётки... ладно, через два года мне удалось сбежать, там нас с Герном судьба свела, жизнь вроде наладилась... потом, уже взрослым, встречаю я девушку. Всё у нас прекрасно, я влюблён по уши, готовлюсь ей делать предложение... и застаю её с другим. Знаешь, что она мне тогда сказала? «Это не то, что ты думаешь»! Ей даже не хватило фантазии придумать какое-то оправдание! Ведь, когда говорят «это не то, что ты думаешь», обычно это оказывается именно то, что ты думаешь! Тогда я, как ты, к бутылке присосался. Какой я только дрянью не травился, упивался в усмерть – Герна можешь спросить, он подтвердит. Но однажды меня что-то всё-таки стукнуло, посмотрел я как-то утром с бодуна в зеркало... и увидел, что превращаюсь в убудочного вонючего хряка. Меня чуть не вырвало, когда я свою пьяную рожу узрел. Промах тогда – и бросил! С тех пор – только по праздникам и в трактирах. Ладно, и это прошло – встречаю другую девушку. На этот раз без измен, всё прекрасно, я на ней женюсь... и однажды случайно узнаю, что она меня за деньги Тримперии заложить собирается. На деминуточку, нас с Герном эти тримперские сволочи хотели живыми взять, и деньги за это предлагали сумасшедшие. Представляешь, каково это – узнать такое? Я пытался эту тварь на разговор вывести, а она извивалась, как чёртова гадюка! Ладно, казалось бы, очевидный выход – развестись и обратиться к чёрту с этого помоечного Шельнока. Хренушки! Бюрократия наша, четырежды

сраная! Чтобы развестись, нужно собрать пятнадцать подписей. Пятнадцать, сука! Собрал четырнадцать, ночами не спал, галлюцинации ловить начал. И угадай, чьей подписи не хватило? Правильно! Любимой жёнушки! Я уж и подделывать пытался – ни черта не вышло. Хорошо, пробую сбежать – ловят меня наёмники. Конечно, жёнушка ни при чём, это всё пираты какие-то... ага, конечно, как будто я совсем идиот и ничего не понимаю! Но выхода уже никакого не осталось. Пришлось разыграть целый спектакль, где меня убивают. Герн там хитрющую систему маскировки придумал, реквизит собрал просто невероятный... всё получилось, но какой ценой! Знаешь, как это тяжело – лежать в гробу и слышать, как женщина, которую ты любил когда-то всем сердцем, плачет не над тобой, а над деньгами, которые ей не удалось получить от Тримперии?!

Ярвокс вскакивает и нависает над Веншамеей, испепеляя её гневным взглядом. Глаза его, впрочем, хоть и горят бешеным пламенем, наполняются слезами отчаяния, а в голосе появляется дрожь:

– Я чуть с ума не сошёл после всей этой истории!!! Навязчивые мысли, депрессия, голоса в голове... чего только не было! Потом я ещё долго бабам не доверял. Отношения я начал заводить максимум на ночь. Рекорд – три ночи, ха. И тут в моей жизни появляешься ты! Я тебя, суку, с первого взгляда полюбил, с первого, хоть и не признавался себе в этом... думал, ты особенная, ты не предашь! А вот хрен

тебе! Ты такая же, как все они! В глаза говоришь «да», за глаза – «нет»! Тебе мужчина сердце отдаёт, а ты разбиваешь его вдребезги! Одного обнимаешь, а смотришь на другого!

Шельноковцу не хватает дыхания, чтобы продолжить: он уже рыдает во весь голос, не пытаясь сдерживаться.

– Яарвокс, прости, я и не думала, что... – извиняясь, мямлит ошарашенная Веншамея, но Яарвокс перебивает её яростным выкриком:

– Чёртова дура!!!

В гневе стукнув кулаками по столу, Яарвокс убегает к себе в каюту. Веншамея, преодолев стыд, оторопь и ужас от того, что услышала, следует за ним. Она приоткрывает дверь и робким полушёпотом обращается к шельноковцу:

– Яарвокс, я не хотела, извини...

– Отвали! – огрызается Яарвокс.

– Но я просто...

Яарвокс подходит к Веншамее вплотную и вновь вонзает в неё яростный взгляд:

– Что в слове «отвали» тебе непонятно? Может, по-теэклавелльски тебе это сказать, а?

Не успевает Веншамея ответить, как между ней и Яарвоксом возникает Герн:

– Слышь, королевна, не рады тебе тут щас, – обращается он к теэклавеллянке. – Оставь Яарвокса в покое, исчезни.

– Герн! – строго одёргивает чучундру шельноковец. – Я ценю всё, что ты для меня делаешь, по гроб жизни тебе бла-

годарен, но сейчас твоя помощь мне не нужна! Так что слово «отвали» относится и к тебе! Надеюсь, ты, в отличие от некоторых, хифсдангл понимаешь!

Герн пожимает тремя плечами и, вытолкав Веншамею, закрывает дверь в каюту Яарвокса.

– Ну, и чего ты к нему лезешь? – презрительно интересуется у теэклавеллянки чучундра. – На фиг ты ему сдалась? Ему вообще никакие отношения не нужны, на самом деле, а ты всё туда же... все эти шашни – только пустая трата времени.

– Откуда ты знаешь, что Яарвоксу нужно, а что нет? – словно не замечая неприкрытого хамства, спрашивает Веншамея.

– Я его как облупленного знаю. То, что до тебя это не доходит – твои проблемы.

– Послушай, у тебя что, тоже был какой-то неудачный любовный опыт?

– Ха, я вообще никогда в жизни этим не заморачивался, не вступал ни в какие эти романтические шуры-муры. Ерунда это всё. «Любовь делает сильнее» – избитые пустые слова, штамп. Это всё для лохов, а Яарвокс, спешу заметить, далеко не лох! Так что отвянь от него.

– Как ты можешь судить о любви, если никогда её в жизни не знал?

– Да легко. Вот ты: ты когда-нибудь наркотики пробовала?

– Нет...

– И не хочешь ведь, так?

– Нет, конечно.

– А почему?

– Ну... это же вредно!

– А откуда ты знаешь? Не пробовала же!

– Есть опыт других существ, книги, исследования... необязательно, знаешь, есть тухлое яйцо, чтобы понять, что оно тухлое!

– Вот и здесь то же самое!

– Это не то же самое. Любовь – слишком сложное и многогранное чувство, чтобы о нём можно было судить так поверхностно.

– Наркотики тоже разные бывают, единый хрен.

– Сравнить любовь и наркотики – это как-то грубо.

– Да нет вообще никакой любви на свете, я тебе вот что скажу. Придумки это всё. На самом деле, всем от всех что-то нужно, вот они и идут на всякие ухищрения типа всей этой романтической фигни.

– А Райтлет и Сэн? У них что, по-твоему, не любовь?

– Если они так считают, это их проблемы.

Герн машет на Веншамею всеми тремя руками и уходит к себе.

А Веншамея и не подозревает, что в отношениях Райтлета и Сэн на самом деле тоже не всё гладко...

– ...и рогами через поля убежал! Последняя старая шерстинка, – торжественно объявляет Райтлет, в заключитель-

ный раз пройдясь когтями по милому зелёному меху. – У тебя шерсть так похорошела. Такая мягкая и яркая стала.

– В самом деле, – с облегчением выдыхает Сэн. – Страх прошёл! Правда, сейчас наступает торжественный финал. Не намного лучше. Сейчас мне из-за гормональных скачков начинает казаться, что у меня вообще нет шерсти, и становится очень холодно. Мне просто надо на дечасик-другой присоседиться к чему-нибудь мягкому и тёплому.

– К кому-нибудь мягкому и тёплому, – уточняет Райтлет, после чего снимает доспехи и рубашку и садится на диван.

Сэн забирается к корфиллю на колени и сворачивается клубком. Чтобы Сэн было ещё теплее и уютнее, Райтлет прикрывает её крыльями. Потом кладёт на неё руки... запускает пальцы в самую гущу её меха... обнимает...

И вдруг чувствует холод ничуть не меньший, чем Сэн.

– Э-э-э, послушай, Сэн, – необычно неуверенным шёпотом обращается к тц-рики сартонари. – Тебе не кажется, что мы стали... ну... это... слишком близки?

Сэн поднимает голову и удивлённо уставляется на Райтлета:

– Чего-чего?

– Ну... понимаешь... ррр, есть у меня ещё одна тёмная тайна.

Тц-рики смеётся:

– Эка невидаль! Ну, расскажи.

– В общем... у меня уже был однажды альвамкор, – взды-

хает Райтлет. – У меня была напарница по охоте. Моего вида, кстати. У нас всё было хорошо, но однажды я... ррр... я перешёл некоторые границы... стыдно сказать, что... ну... короче, мы стали слишком близки... и мы... мы рассорились. Я поступил просто безобразно. Мы расстались. Потом... потом она меня простила, а я себя так и не смог. Боюсь, что это... что я опять... ррр... я не могу так поступить с тобой, нам нужно... немного отдалиться... нет, ты не думай, что...

– Райтлет, мне хорошо, когда тебе хорошо, – успокаивает Райтлета Сэн. – Ну, давай станем просто напарниками по охоте, без всяких этих заморочек с альвамкором, если тебе так будет уютнее.

– Пожалуй, да... спасибо, Сэн, что поняла меня. Хотя я тебе ничего толком и не раскрыл, но...

– Мне это неважно. Тебе спасибо – ещё никогда линька не проходила так легко и быстро! Ты молодец.

Сэн собирается по привычке обнять Райтлета, но в последний миг останавливается и ограничивается милой улыбкой. Сартонари тоже поначалу тянет к тц-рики руки, но затем складывает их и просто кивает своему корфиллю.

Бывшему корфиллю?

Напарнице по охоте.

Вот так правильно.

Тем временем команда учёных и техников заканчивает работу над двигателями «Тёмной Материи». Несколько небольших испытаний оказывается достаточно, чтобы по-

нять, что корабль мятежников теперь не смогут обнаружить никакие современные радары. Доходит даже до смешного. Стефан садится в свой маленький звездолёт и отдаляется от «Тёмной Материи», чтобы ещё раз проверить, насколько невидимой она стала. Вернуться ему удаётся далеко не с первой попытки, поскольку у модификаций для двигателей обнаруживается парочка любопытных побочных эффектов: во-первых, так искривляется пространство-время вокруг корабля, что его невозможно становится разглядеть и визуаль-но, а во-вторых, сигналы только определённой частоты до-ходят до связного оборудования: остальные тонут в необыч-ных помехах. Пока Стефан находит эту самую частоту для связи, он успеваеет пять раз ткнуться носом своего кораблика в мятежнический звездолёт – но всё не в тех местах, где можно было бы устроить стыковку.

– Слушайте, я вам чего не рассказал-то, – вспоминает Стефан, наконец-то вернувшись на корабль. – Не знаю, насколько это вам интересно и важно, но выложу. До того, как я на вас наткнулся, я заметил, как один двумперский кораблик прорвался в Укрытый Рукав. Это уже не первый случай, хотя кораблееды работают исправно. Двумперцы тут на досуге немного поменяли внешний вид кораблей, но уйкку передрессировали зверюшек, и они всё быстро выучили. Но какие-то лазейки эти двумперские суки всё-таки находят. Так вот, лечу я мимо Марса и вижу такую картину маслом: двумперский кораблик входит в верхние слои атмосферы и что-

то сбрасывает. Всё, думаю, бомба или что-то типа того... но затем навожу просвет, смотрю – а это ходострел! Старый, но целёхонький! Выбросили они его и улетели – как я понял, даже за пределы Рукава.

В отсеке управления на эти слова собирается вся команда.

– Карл, ты был прав, на Бедантии был фантом! – догадывается Яарвокс.

– Да, всё теперь встало на свои места! – подтверждает Карл. – Когда орхги напали на паукрабих, они решили отвлечь их внимание и послали фантом на Бедантию. Только отвлекли они наше внимание, а не их. Очевидно, разобравшись с орхгами, они решили старого ходострела всё-таки выбросить. И сделали это в одной из отдалённых систем – думаю, по наводке той трусоватой паукрабихи.

– Погодите, это ещё не вся история, – продолжает Стефан. – Марс... опустошён.

– А разве на нём когда-то была жизнь? – невинно интересуется Витс.

Практически вся команда одаривает его такими взглядами, будто спросил он что-то неприличное.

– Марсианские экосистемы – одни из самых богатых и разнообразных, цивилизация – одна из древнейших и самых развитых во всей Галактике. Марсиане помогали создавать хифсдангл и строить магистрали, – рассказывает Карл. – Если Марс в самом деле пал, это огромная потеря для всего Млечного Пути.

– Между прочим, Витс не так уж наивен, – вступает Стив. – Карл, я вижу твои земные воспоминания. Когда ты был на Земле...

– ...Марс уже был необитаем. И никто этого... не заметил! Даже я не обратил внимания! Как я мог...

– Что-то не сходится, – качает головой Млем.

– Да мы тогда на Титане зависли, на Марс толком и не смотрели, – вспоминает Джекс. – Ну, а у Карла и на Земле проблем хватало.

– Марсиан я видел незадолго до того, как сам попал на Землю, – произносит Стефан. – Они тогда в баре музыку играли. Неужто все они из колоний? Хотя... нет! Я вспомнил – щёчные лёгкие у них были однотонными, без меток. Значит, не из колоний.

– Нелогично, – комментирует Бастер в своей излюбленной манере.

– Думаю, не лишним будет на Марс всё-таки взглянуть, – заключает Стив. – Летим.

Через несколько молчаливых дечасов «Тёмная Материя» достигает Солнечной системы. Мятежники, так или иначе связанные с Землёй, провожают эту планету печальными и укоризненными взглядами. Непохоже, чтобы там хоть что-то изменилось в лучшую сторону: судить об этом можно по площади лесов, которая ещё больше сократилась с тех пор, как мятежники были там последний раз. Лесов и тогда было не так уж много...

А Марс оказывается действительно опустошённым – как и сотни тысяч, а то уже и миллионы, других миров.

Но есть одна необычная деталь.

– Странно, но просветы не показывают здесь ни генераторов жёсткого излучения, ни ядераспылителей, – удивляется Джекс.

– Может, они климат разболтали, и сэкономили тем самым на генераторах? – предполагает Стефан.

– Климатические условия идентичны тем, что наблюдались до опустошения, – добавляет Бастер. – Следовательно, дело не в этом.

– Приземлимся – посмотрим, – кратко выражается Стив.

«Тёмная Материя» опускается на один из уступов в Долине Розового Неба.²⁸ Вид оттуда открывается впечатляющий – глубокие каньоны простираются на угомирады, причудливо изрезая красноватую поверхность планеты. И всё же, без жизни эта красота скорее мрачна, чем величественна.

– Пусто, – печально констатирует Леод. – Ещё один мёртвый мир.

– Меня вот что смущает, – задумчиво произносит Карл. – Может, не абсолютна моя память, может, повредился какой-то пузырьёк, но у меня полное ощущение, что всё здесь коптермирад на десять выше, чем было раньше. У вас же бывает такое чувство, верно?

– Да, как-то раз я перевесила книжную полку на коптер-

---

²⁸ Землянам это место известно как Долины Маринер.

мирад вправо, а потом ещё недели две тянулась за книгами на коптермирад влево, – подтверждает Веншаменя.

– Так и здесь. Мы должны быть ниже.

– Может, тут что-то спрятано и грунтом присыпано? – оживляется Силмак. – Дайте-ка, ребята, я докопаюсь до сути! Докопаюсь, ха!

Шнырявка разминает все десять лап и готовится вбуравиться в почву, но из грунта прямо перед ним вдруг высвобождается... голова марсианина. Его густой оранжевый мех украшен голубыми пятнами. Брови и верх головы окрашены в глиняно-коричневый цвет. Тёмно-зелёные дополнительные лёгкие на щеках, три ярко-зелёных глаза с ровными квадратными зрачками, сайгачий хобот и четыре пушистые антенны на голове придают марсианину сюрреалистичный на взгляд многих белых путников вид.

– Привет, всем привет! – весело обращается к изумлённой команде марсианин. – А я и думаю, откуда новые мысли, всё никак понять не могу, чьи это мысли появились. Как же вы здесь оказались, как вы сюда добрались-то? Где ваш корабль, корабль ваш где? А, теперь вижу, вижу его сейчас! У вас такая же хитрая маскировка, как и у нас – аргоново-гиперполимерный щит, у вас аргоново-гиперполимерный щит для маскировки, да?

– Нет, у нас просто модифицированный гиперполимер, – отвечает Бастер.

– Как интересно, интересно как!

Никто точно не знает, откуда взялась привычка марсиан, которые сами себя именуют «недб'иллстангха», что можно перевести как «любопытные носы», повторять всё по два раза. Одни говорят, что в стародавние времена так любил говорить вождь какого-то племени, и привычка распространилась на всю планету, когда все племена объединились. Другие считают, что это уже обычай современных марсиан: они должны быть полностью уверены в том, что собеседник их слышит и понимает. Третьи находят корни этой традиции в каких-то древних сказаниях, четвёртые – в разреженном марсианском воздухе... но, каким бы ни было её происхождение, эта привычка придаёт марсианскому говору особую мелодичность и – иронично – неповторимое обаяние. В письменной речи марсиане, напротив, очень лаконичны. Но любому письму марсианин всегда предпочтёт живое общение.

– Сай Фай?! – придя в себя после первоначального шока, узнаёт марсианина Карл.

– Карл, это же ты, Карл! – радуется Сай Фай. – Я тебя и не узнал сразу в новом теле, не узнал с новым симбионтом! Ну, что мы всё на пороге, что мы на пороге! Заходите, все заходите!

– К-куда? – всё ещё не понимая, что вообще происходит, спрашивает Витс.

– Вниз, сюда, вниз! – бодро отвечает Сай Фай и... ненадолго исчезает, будто бы растворившись в воздухе.

Вновь житель Красной планеты появляется перед командой уже целиком, поскольку в невидимом щите появляется обширная дыра. Как и все марсиане, Сай Фай высок, двуног и четверорук. Одет он, впрочем, не очень-то и экзотично: на нём светло-голубой халат, тёмно-серые брюки и белая рубашка, а на шее – красный галстук-бабочка.

Сай Фай стоит на ступенях лестницы, которая ведёт на истинную поверхность Марса.

– Добро пожаловать, добро пожаловать! Идём в Город, пошли в Город! Погода сегодня хорошая, хорошая сегодня погода, прогуляемся, пойдём пешком! – радостно верещит Сай Фай.

А на истинной поверхности Марса кипит жизнь. Экипаж «Тёмной Материи» встречают рощицы из зелёных древовидных авахрясей, опутанных светящимися голубыми и зелёными лианами, заросли красных маракелей, синих пятногрибов и бежевых грибов-факелов, а также цветущие луга из трав, окрашенных буквально во все цвета радуги. Из особенно высокой травы прямо перед Сай Фаем вдруг выскакивает целое стадо ярко-красных существ, арио, таких рыб с длинными ногами и руками. За стадом гонится неутомимый преследователь, похожий одновременно на акулу и гепарда. Тонконогий хищник с широкой пастью, покрытый синей щетиной с зелёными пятнами, занят тем, что пытается отделить какого-нибудь арио от стада, и потому совершенно не обращает внимание на другое прыгающее животное

поблизости. Марсианский тушканчик – фиолетово-зелёный зверёк, не интересующий крупных охотников – защищается от хищников поменьше весьма оригинальным способом. И способ этот тушканчик тут же показывает, когда к нему приближается уц-литачрав, четвероногий хищник с кашалотьей головой и исполинскими когтями на передних лапах. Тушканчик разворачивается к зверю забавной мордочкой с чёрным хоботком и поднимает четыре странные лопасти, которые венчают его скулы и углы нижней челюсти. Лопасты эти мгновенно меняют цвет с зелёного на красный, и на каждой из них проявляется круглое чёрное пятно. Одновременно тушканчик ещё и распушает гриву, которая из красновато-фиолетовой становится ярко-бирюзовой. Таким образом, тушканчик в глазах уц-литачрава становится похож на детёныша зубоклюва, ещё одного опасного хищника. Конечно, сам детёныш, пока у него в клюве не отрастут зубы, не может навредить никому, кроме мелких насекомых, похожих на мокриц выбегунов (которыми, кстати, не прочь закусить и тушканчик). А вот его разгневанная мать может всыпать кому угодно по первое число не только зубастым клювом, но и огромными загнутыми когтями на шести мощных ногах. Потому охотник с не самым острым зрением решает не рисковать и поспешно ретируется. Окончив представление, тушканчик поворачивается к команде. Рассмотрев каждого пристальным взглядом четырёх чёрных глаз, расположенных в два ряда, тушканчик решает, что все эти странные круп-

ные животные вряд ли поведутся на его излюбленный трюк, и упрыгивает восвояси.

После этого забавного эпизода мятежники встречают ещё немало любопытных существ: одвипсатча, слоновидное четвероногое животное с двумя головами, одна из которых является продолжением второй, толстоногого пятиглаза, круглорота-бронеспина, похожего на голубую черепаху с шестью ногами, жирафоподобных содекпо с четырьмя глазами, зелёных кшеоканлетов с присосками на руках и ногах, светозоров, чёрных бескрылых грифончиков с ярко-жёлтыми глазами, выарги, фиолетовых стебельчатоглазых животных с вытянутым костяным рылом и крабьими клешнями на руках, алхлетритов, красных, зелёных и синих козявочек, похожих на пиявок... и ещё десятка два существ самых разных форм и размеров.

– У вас очень красивый планета! – замечает Фиб-Фиб. – Вы её прятать под щитом от Тримперия, да?

– Не совсем, не совсем так, – отвечает Сай Фай. – Мы наблюдали за нашими соседями, наших соседей мы видели. Там, на Басурме, на Басурме они.

Сай Фай показывает на выдающуюся светло-голубую точку на небе.

– Солнце-3, она же – Земля, она же – сучья помойка, – ухмыляется Стефан.

– Земляне, стало быть, по-марсиански – «басурмане»... хе-хе, – не упускает случая тихонько съязвить Джекс.

– Марсиане называют Землю Басурмом? – удивляется Витс. – Забавно, но один наш писатель назвал Басурмом как раз... Марс.

– Хо-хо, вот это юмор! Смешно получилось, да! – смеётся Сай Фай, но тут же меняет весёлый тон на осуждающий: – Мы видели, как представители вашего вида уничтожают друг друга, мы видели все ваши войны. Фордокс-приманцы пытались вас образумить, вас фордокс-приманцы учили другой жизни, но вы не слушали, не слушали вы! И плохо с ними обращались, и обращались с ними плохо!

– Это точно! – восклицает Стефан. – До сих пор жалею, что время потратил на эту дурацкую проповедь, которую никто, конечно, не слушал. Чёрт меня дёрнул тебя тогда послушать, Джекс! Земляне безнадёжны, говорю тебе!

Увидев, как при этих словах поникает Витс, Стефан смягчается:

– Ну, не все, конечно... человек двадцать приличных на всю планету найдётся.

– И мы решили, что если вы друг с другом так обращаетесь, если вы так ненавидите друг друга, да ещё и инопланетян обижаете, обижаете инопланетян, лучше нам будет не встречаться, не встречаться лучше нам, – продолжает Сай Фай. – Вот мы и построили вокруг планеты аргонново-гиперполимерный щит, соорудили вокруг Марса аргонново-гиперполимерный щит, чтобы замаскироваться, чтобы спрятаться. Такие же щиты мы на корабли устанавливаем, на кораб-

лях у нас такие же щиты. Потом оказалось, что мы правильно спрятались, оказалось, что спрятались не зря! Тримперия уничтожила все наши колонии, где мы щит не поставили, где не было щита, все колонии Тримперия разрушила. А здесь всё в порядке, здесь всё хорошо, потому что мы от вас спрятались, потому что скрылись от вас! И, повторюсь, звездолёты скрыли, скрыли звездолёты! Мы путешествуем, мы везде летаем, а вы нас не видите, нас вы не видите!

– Подожди, что?! – поражается Витс. – Вы же развитая цивилизация, как мне сказали! У вас наверняка такие технологии, что стоит вам одну кнопку нажать – и всё наше примитивное оружие рассыпется, как плохой сахар!

– Дело не в оружии, не в оружии дело! Ваш вид очень упорный, вы очень целеустремлённые. Но не в хорошем смысле, не ради благих целей! Если вы хотите что-то уничтожить, вы это уничтожите, если хотите что-то разрушить, обязательно разрушите! Мы не успеем разработать какую-то защитную технологию, не успеем мы защиту выработать, как вы придумаете что-то новое, как вы что-то тут же изобретёте другое!

– Как Тримперия?

– К сожалению, да, увы, да.

– И на тримперцев-то, в отличие от вас, влиять ещё можно, – вступает Герн. – Орхгов, вон, уболтали, паукрабихам сейчас по-другому намежнем, что нехорошо Млечный Путь драть...

– Ой, я как раз хотел вам рассказать, мне есть, что вам рассказать! – возбуждённо перебивает Сай Фай. – Прямо у моей лаборатории вчера ходострел упал, вчера у моей лаборатории упал ходострел! С какого-то паукрабского корабля упал, упал с какого-то паукрабского корабля. Старый, правда, какой-то старенький, но рабочий, он работает! Там интересная модификация, он изменён – если бы паукрабы не обновили ходострелы, если бы паукрабы ходострелов не обновили, с его помощью можно было бы всех отключить, всех ходострелов можно было бы разом отключить!

– Старый? Ой, обидно как получилось, – вздыхает Ксандер. – Конечно, пока мы работали над кораблём на Самобыте, паукрабихи без дела не сидели.

– Вся работа – коту под хвост! – восклицает Джекс.

– О, это ваша работа, ваша работа, получается? Пропала, пропала работа, выходит? Но ничего, всё хорошо! С обновлёнными тоже можно кое-что сделать, я знаю, что можно сделать с обновлёнными ходострелами! – ободряет Сай Фай. – Ко мне тут попал образец, один образец у меня оказался. Это наши разведчики привезли, разведчики наши привезли. Я вам всё покажу, всё я вам покажу! Идём, пошли дальше! До Города уже недалеко, Город уже близко!

Внезапно мимо команды проносится жёлто-коричневый рогатый зверёк, напоминающий лемура, только вместо пальцев на руках у него – шесть щупалец. Судя по пронзительному визгу, этот зверёк – флипнийре – от кого-то спасается.

Обернувшись, команда понимает, от кого именно.

Джррайкда, или марсианский электрощупалец – крупное четвероногое существо с чёрным телом, розовым клювом и розовыми же кончиками двух щупалец – двумя голубыми глазами без заметных зрачков внимательно осматривает гостей. Что-то ему не нравится, и он начинает, угрожающе треща, замахиваться щупальцами. А щупальца джррайкда – это очень опасное оружие: они могут испускать мощные электрические разряды.

– Знакомая скотинка, – усмехается Сэн.

– Весь из себя такой страшный и опасный, а справиться с ним легко, – добавляет Райтлет. – Нужен фонарик или зеркало. Если он увидит вспышку или блик, он подумает, что уже израсходовал заряд.

Райтлет и Сэн одновременно вынимают из кармашков на поясе фонарики и направляют их чудовищу прямо в глаза. Электрощупалец застывает на месте, несколько раз промаргивается и, удивлённо посмотрев на свои щупальца, уходит как ни в чём не бывало.

– Тут озеро рядом, рядом озеро, – сообщает Сай Фай. – Джррайкда обычно у озёр охотится, у озёр часто джррайкда охотится.

Действительно, вскоре взору команды открывается красноватое от обилия водорослей озеро. Что интересно, вода в нём вовсе не мутная, и потому даже с берега видно многих подводных обитателей. В озере плавают похожие на китов,

только без грудных плавников усовнины, страшнозубы, которые напоминают хваталков, и хоботные подбиратели. Подбиратели, сине-зелёные животные с четырьмя чёрными глазами, бока у которых покрыты множеством отростков, похожих на рыбы плавники, двумя руками собирают на мелководье синие губкоподобные образования. Эти «губки» на самом деле – сложные сообщества бактерий, архей, грибов, водорослей и ростосинтов. Их название на марсианском языке, «зартайщвэтс'ятмив» в переводе означает «не то, чем кажется». Действительно, внешне бездеятельные фильтраторы, как только оказываются в цепких руках подбирателей, начинают изо всех сил изображать вёртких животных и пытаются ускользнуть. Иногда им это даже удаётся. Но и тогда они не оказываются в полной безопасности: их могут поймать ярко-красные длиннохвостые существа со стебельчатыми глазами и синими плавниками на боках – хлыстуны.

– Мы почти у Города, мы уже почти пришли к Городу! – радуется тем временем Сай Фай. – Сейчас, пройдем через пастбища языкунов, через пастбища языкунов пройдем, и будем на месте, и мы уже на месте!

Языкуны – это приземистые восьмиллапые звери с густым белым или чёрным мехом, покрытым тёмно-синими и бордовыми пятнами. Четыре глаза у этих зверей глубоко черны, как и длинные языки, которыми они неторопливо облизывают соцветия коконников. Коконники – растения, которые так же нужны языкунам, как языкуны – им, ведь эти виды

давно эволюционировали вместе. Звери, слизывая с соцветий вкусную и питательную слизь, переносят пыльцу, опыляя растения.

Вдруг Сай Фай издаёт громкий трубный носовой звук. Так он приветствует хозяина стада языкунов, который как раз возвращается из Города. Хозяин стада отвечает так же. Ещё о чём-то поговорив с фермером на особом, так называемом «далёком» марсианском наречии, которое предназначено для общения на большом расстоянии, Сай Фай радостно объявляет:

– А вот и Город, вот уже и Город!

Город на Марсе – это единая планетарная сеть самых разных поселений: пищепроизводственных посёлков, промышленных и энергетических районов, центров науки и искусства, а также прикосмопортовых мегаполисов. Постройки марсиан крайне разнообразны по форме и цвету, но здания одного назначения обычно обладают определённым стилем. Жилые дома похожи по форме на коралловые рифы. Заводы представляют собой нагромождения параллелепипедов. Чёрнодырные энергофабрики напоминают модели молекул с шарами, которые соединены между собой трубами. Пищепроизводственные комплексы, в которых содержатся производители клеток для биореакторов и находятся собственно биореакторы промышленных масштабов, а ещё перерабатывающие цеха, походят на каких-то вытянутых мягкотелых существ. Центры науки, которые объединяют университеты,

естественнонаучные музеи, обсерватории и лаборатории, отличаются очень сложной органической формой: это сферические, вытянутые и изогнутые мягкие фигуры, соединённые между собой многообразными отростками. Центры искусства, которые включают в себя концертные залы, изобразительные музеи и театры, напоминают по форме короны с изогнутыми зубцами. Гостиницы – это многоэтажные здания, издалека похожие на высокие торты, а магазины – скромные треугольные сооружения.

Прогулявшись по пёстрым улицам, команда оказывается перед домом-лабораторией Сай Фая. Экзотического вида здание и впрямь сочетает в себе признаки жилого дома и центра науки.

– Прямо зартайщвэ́тс’ятмив перед делением, просто как зартайщвэ́тс’ятмив перед делением выглядит! – кратко описывает свой дом-лабораторию марсианин.

Внутри центральное место занимает лаборатория. Её интерьер чётко обозначает круг научных интересов Сай Фая: всё и вся. Сложные аппараты и производственные установки, модели землёлётов и космических кораблей, телескопы, микроскопы, биологические препараты и химические реактивы соседствуют с внушительной библиотекой, вольерами с марсианскими и инопланетными животными, картинами, скульптурами, мастерской и даже кинотеатром.

– Трудно поверить, что когда-то гелий могли добывать только из воздуха, только из воздуха могли добывать гелий,

не могли производить его, не умели его производить! – вос-
торгается Сай Фай, ведя гостей по лабиринту своей Лабо-
ратории Всего и Вся. – Теперь же во всём Млечном Пути
фабрики уподобились звёздам, где синтезируются элемен-
ты, стали похожи на звёзды, где элементы синтезируются!
А вот поглядите, какая зверюшка, смотрите на зверюшку!
Млюн'ющемип это, млюн'ющемип! Считай, тушканчик, на
тушканчика похож, только уши побольше, только уши боль-
шие, совсем без передних лап, передних лап нет, да и задние
не такие длинные, задние лапы короче. А здесь, вот тут... о,
больше всего на свете я люблю всё, что связано с магнита-
ми, магниты обожаю! Это же какая сила, потрясающая сила!
Экзотическая штука, знаете ли, экзотическая вещь! У нас-то
на Марсе почти нет магнитного поля, практически нет маг-
нитного поля на Марсе! А всего-то в куске железа выровнять
домены, домены выровнять в железе, те самые, в которых
электроны движутся, в которых движутся электроны... и по-
жалуйста – железо намагничено, у вас намагниченное желе-
зо! А, вот и ваш ходострел, вот ваш ходострел!

Команда окружает ходострела, на которого было потраче-
но невероятное количество сил и времени. Теперь же он –
всего лишь одна диковинка для марсианской лаборатории.

– А вот новый, это новый ходострел! – объявляет Сай Фай,
нажимает где-то какую-то незаметную кнопку, и к мятежни-
кам подлетает обновлённая паукрабья полумашина.

Да, именно подлетает, поскольку теперь вместо ног у хо-

дострела – левитационная установка, какую используют в землелётах. Ещё одно изменение бросается всем в глаза – каждое металлическое щупальце на боку ходострела теперь раздвоено: нижняя половина, как и раньше, служит для перетаскивания строительных материалов и битья рабов, а верхняя половина стала новым боевым орудием. «Хелицеры» тоже изменились: они стали больше и кривее.

– Ещё уродливее, чем раньше стали, – фыркает Джекс. – Ненавижу эти ходячие солонки! Ах, да, теперь ещё и летающие... тьфу!

– Главные изменения – внутри, внутри всё самое интересное! – подсказывает Сай Фай.

Киберпанки настраивают просветы и сканируют ходострела вдоль и поперёк. Судя по классической горькой улыбке Джекса, дела мятежников совсем плохи.

– Разумеется, эти мерзячие твари избавились от того управляющего модуля. А мы ещё такой спектакль ради него устраивали! – комментирует киборг. – Ну, и коды новые, как же без них-то. И сеть теперь переменная, а не постоянная. Чёрт, без шансов. И что теперь делать, Сай Фай?

– Есть два пути, два решения есть, – отвечает марсианин. – С одной стороны, вот тут слабое место у орудий есть, вот слабое место у орудий. Если разболтать эту систему, если эту систему разболтать, можно ходострела изнутри взорвать, взорвать изнутри! Команды можно послать по экстренной сети, по экстренной сети дать команду, и тогда можно...

– ...устроить цепь взрывов! – догадывается Стив. – Насколько мощными они будут?

– Сложно предсказать, точно сказать не могу, но радиус в угомирад измеряется, порядка нескольких угомирад радиус.

На лице Стива вырисовывается нешуточная внутренняя борьба. Как видят другие телепаты, в четырёх мозгах сражаются стремление зацепиться за эту слабость ходострелов и уничтожить их всех раз и навсегда... и любовь ко всему живому и прогрессивному.

Убеждённому пацифисту Млему кажется, что первое вот-вот победит. Но не успевает оно что-либо сказать или даже передать мысль, которая упрекнула бы Стива в жестокости, как тот сам переходит на сторону второго.

– Могут пострадать невинные существа, – произносит Стив. – Не годится. Какой второй вариант, Сай Фай?

– Можно изменить паутинные железы, на паутинные железы воздействовать можно! – восклицает марсианин.

– Хм, но все эти орудия... – задумчиво бормочет Тикки. – Какой смысл ковыряться с железами, если ходострелы всё равно будут стрелять?

– Дело тут даже не столько в том, чтобы ослабить ходострелов, – с нарастающей радостью отвечает Джекс, – а в том, чтобы унижить паукрабих и заставить их чувствовать себя бессильными! Я всеми руками за этот план!

– Развивая мысль, если мысль развить, то можно и самим паукрабихам паутинные железы повредить, можно им самим

паутинные железы повредить! – заключает Сай Фай. – Только вот у меня не получилось ничего придумать действительно, ничего у меня толкового не вышло. Ткани защищённые, очень хорошо ткани защищены. Биотехнология нужна более продвинутая, нужна продвинутая биотехнология!

– Мы всё равно собирались на Ксибидитичик, – сообщает Карл. – Если там ещё осталась цивилизация, мы попросим чирритью помочь нам с биотехнологией.

– Отличная идея, идея прекрасная! О, хотел бы я с вами полететь, хотелось бы мне с вами, но не знаю, кому лабораторию оставить, кому бы лабораторию оставить... столько друзей, так много друзей, что и не знаю, кому, не знаю, кому оставлю!

– Предлагаю тебе не мучиться с выбором, – вступает Стефан. – Как ты, думаю, уже прочитал в моих мыслях, я сразу на твою лабораторию глаз положил, как только вошёл. Я уже соскучился по лабораторным работам, и обстановка тут самая подходящая для работы моего гениального мозга. Мне уже тут удалось в уме решить несколько сложных задач. Лучше меня тебе никого не найти!

– Точно, точно! Стефан, ты и вправду гений, ты действительно гений, Стефан! – воодушевляется Сай Фай. – Вся лаборатория твоя, твоя теперь лаборатория, почувствуй себя как дома, будь как дома!

– Выудил двойной комплимент, – усмехается Джекс, подтолкнув Стефана локтем.

– Но прямо сейчас мы в путь не отправимся, не отправимся сразу в путь! – объявляет Сай Фай. – Я не отпущу вас, не угостив мороженым, без мороженого не уйдёте! Кто марсианского мороженого не едал, тот жизни не видал, ничего вы о жизни не знаете, если марсианского мороженого не пробовали!

Не успевает Айзел печально вздохнуть и напомнить хозяину, как вынуждены питаться фоксиллинда, как Сай Фай его успокаивает:

– А для тебя, Айзел, я в мороженое пуцу выбегунов, выбегунов я тебе в мороженое пуцу!

Марсианское мороженое – это изумительное лакомство на любой вкус. Основа у него всегда одна – жирное и сладкое молоко языкунов. Иные же ингредиенты, которые марсиане ласково называют просто «пряностями», можно подбирать по-своему, но с одним обязательным условием: помимо основной сладости, всегда должна ощущаться легчайшая острота, кислинка и нотка соли. Сай Фай приспособливает рецепт под каждого: например, в мороженое для Стива он добавляет немного мелкодревной хвои и каплю крови восьминогого подкрада, для Силмака – горстку пустынных орехов, для Млема – малость острой на вкус протоплазмы из охваусских водяных грибов, для Семиларена – пару лапок накосиножки... словом, биореактор Сай Фая работает на полную мощность, выдавая экзотические пряности одну за другой. И не зря: мороженое изумляет всех.

– Вот в этом и суть, вся суть в этом! – гордо заявляет Сай Фай. – У всех разное чувство вкуса, каждый ощущает вкус по-своему. Тут очень много науки, науки очень много задействовано! Молоко языкунов безвредно для большинства Странников Одиннадцати Пространств, не опасно молоко языкунов для большинства белых путников, потому оно в основе, поэтому оно – основа! А все эти пряности, пряности для каждого, надо добавлять по чуть-чуть, совсем по щепотке, но так, чтобы вкус почувствовать, чтобы вкус ощутить! И самое удивительное в этом мороженом, самое удивительное в мороженом то, что вкус разные существа чувствуют очень похожий, что разные существа ощущают почти один и тот же вкус! Целая наука, я говорю, целая наука, тонкая, тончайшая наука с кучей мелких деталей, мелких деталей масса! Обожаю их, обожаю эти мелкие детали!

Вкусив этой тонкой науки с кучей мелких деталей, команда в слегка обновлённом составе возвращается к кораблю. Стефан же, попрощавшись с друзьями, сразу принимается изучать доставшуюся ему Лабораторию Всего и Вся. Сай Фай же с неизменным восторгом обследует мятежнический звездолёт.

– Сразу видно, хорошие инженеры руки приложили, хорошие инженеры поработали! – комментирует Сай Фай.

– Ну, мозгов в нашей команде больше, чем содержащих их тел, – улыбается Ксандер, кивнув в сторону Стива.

– На себя не намекаешь? – смеётся Тецклай.

– Лишь самую малость. Мозги я сохранил только у паука-марбианина, вранокруда, циникодонта и вырпытня.

– А в придачу к мозгам есть ещё и руки, которые растут из правильных мест, – добавляет Райтлет.

– Логично, – заключает Бастер, и команда поднимается на борт.

Несколько деминут – и невидимый корабль выходит из атмосферы Марса, невидимого лишь обманчиво...

– А можно мне ещё внутри корабля покопаться, можно посмотреть, что внутри? – обращается Сай Фай к Стиву. – Так интересно, что у вас там, так хочется всё это у вас изучить?

– Давай, – отзывается терраформ. – Со стороны, как говорится, виднее – может, ты и ляпы какие-нибудь найдёшь незамысленными глазами. Изучай на здоровье!

Путь от Марса до Ксибидитичика занимает не один дечас, и потому у марсианина предостаточно времени, чтобы разобраться с нутром звездолёта. Ровно так же, как и у небольшой части команды для того, чтобы разобраться с нутром собственным.

Духовным.

Витс приходит в каюту Стива с новым философским вопросом.

– Ст-тив, я т-тут п-под-думал... – робко начинает землянин, но терраформ насмешливо перебивает его:

– Ты подумал, Витс? Надо же.

Как ни парадоксально, ехидный тон Стива помогает Витсу взять себя в руки и перестать заикаться:

– Я ещё тогда, когда мы обсуждали, что делать с новыми ходострелами, об этом подумал... ну... спрошу сразу прямо: ты бы смог пожертвовать десятью невинными существами, чтобы спасти тысячу?

– Ах ты подкрадский сын, догадался, о чём я думал! Но я отвечу. Тебе покажется, что от ответа я увёртываюсь, но я так скажу: всегда есть другой выход.

– А если всё-таки его не будет? Либо ты бросаешь в огонь... скажем, всю нашу команду, либо гибнут... триллионы разумных существ по всей Галактике?

– В таком случае мне пришлось бы бросить вас в огонь, верно. Это было бы для меня очень тяжело, и я бы не смог после этого жить так, как прежде, но это было бы единственным правильным решением. Если бы действительно не было никакого иного выхода.

– Значит, всё дело просто в количестве тех, кого ты спасаешь?

– Вовсе нет.

– То есть... ты смог бы, наоборот, убить триллион ради двадцати?!

– Смог бы. Если бы этот триллион был триллионом безликих общественных насекомых, у которых нет самого понятия личности. Блургры, спешу заметить, не в счёт – они не очень-то и безликие, как можно по Фиб-Фибу судить. Хм,

забавно – слово «триллион» по-прежнему болезненно отзывается у тебя в мозге, как я погляжу.

– Д-да, есть т-такое... я всё ещ-щё н-не мог-гу себе эт-того п-простить...

– Такое не за год и не за два проходит. И я имею в виду цеффанский год, если что! Но вернёмся к нашему разговору. Вижу, тебя удивляет мой подход.

– Конечно, удивляет. Почему, как ты говоришь, «безликие» насекомые не заслуживают жизни, а мы – заслуживаем?

– Жизни заслуживают все, кроме безнадёжных негодяев. Об этом ещё поговорим. Но если будет стоять такой выбор, какой ты предлагаешь, предпочтение я всегда отдам личностям. Существа, у которых есть понятие «личности», скорее смогут основать высшую цивилизацию и стать полноправными членами галактического сообщества. Безликие же такими никогда не станут. Если все одинаковые, как можно ожидать от них прорыва в какой-либо области? Такое однородное общество будет эволюционировать крайне медленно, и явно не в сторону настоящего разума. Напомню, что такое разум, согласно Галактической Энциклопедии: это способность существа, обладающего второй сигнальной системой, отвечать за свои поступки, использовать научный метод познания и выражать чувства посредством искусства.

– Но почему горстка разумных существ важнее, чем множество неразумных?

– Только разумные существа могут спасти от гибели всю

Вселенную.

– А она может погибнуть?

– Неизбежно погибнет, если ничего не делать. В нашей Вселенной постоянно увеличивается энтропия – всё больше и больше становится неупорядоченной энергии. Из-за расширения Вселенной рано или поздно не останется звёзд, и всё остынет. И тогда жизнь во Вселенной больше никогда не сможет существовать. Наша Вселенная станет холодным и абсолютно пустым местом. Спасти её можно только силами разумных существ – сама Вселенная ничего для своего спасения сделать не может.

Вопреки тому, что утверждает Стив, Витс при этих словах чувствует себя ничтожной, беспомощной букашкой, гибели которой, в случае чего, не заметил бы вообще никто в целой Вселенной...

– Когда принадлежишь к цивилизации, которая ещё недавно переставляла целые звёзды, строила магистрали и терраформировала планеты, неизбежно мыслишь в особых масштабах, – объясняет свои взгляды Стив. – Возможно, для тебя они слишком большие и слишком странные, но я тебе, по крайней мере, не лгу. Я сказал тебе именно то, что думаю на самом деле.

– Хорошо, я тебя понял, – задумчиво протягивает Витс. – А вот что ещё меня беспокоит: что будет, если мы как-то навредим невинным существам, когда что-нибудь сделаем с паукрабихами и их ходострелами? Чем мы тогда будем луч-

ше двумперцев?

– Я возьму всю вину на себя.

– На себя?!

– В конце концов, вся Тримперия – это исключительно моя ошибка.

– Как – твоя? Стив, но... ты же был не один... почему ты...

– Ещё тогда, на Эр-Нюге, я мог прикончить Хргрт'Экту. Но я этого не сделал. Я понадеялся, что он исправится.

– Разве это убийство всё решило бы? А как же паукрабихи и йорзе?

– Согласен, возможно, это убийство решило бы не всё. Но, как минимум, не было бы орхгской части Тримперии, которая разрушила больше миров, чем кто бы то ни было ещё. А может, всё можно было бы решить ещё раньше, и без всяких убийств. Если бы я был чуточку внимательнее...

– А остальные хокенд'ивены? Неужели они были... глупее тебя?

– Конечно, нет. И всё равно – все братья признавали меня особенным, выдающимся. А когда ты особенный и выдающийся, ответственность на тебе неизбежно больше, чем на остальных. Кстати, а ты подумал над тем, что я тебе ещё на Самобыте говорил о твоей собственной судьбе?

– Так, поверхностно, – пожимает плечами Витс. – Я был так увлечён работой над кораблём, что всё как-то не до того было. И я... я всё ещё не верю, что стал подлецом просто из-

за того, что, грубо говоря, пошёл не в тот вуз.

– Поскольку ты – несостоявшийся художник, я тебе советую в самом буквальном смысле обрисовать свою жизнь. Нарисуй какую-нибудь серию портретов, или комикс, или что-то вроде того. Прямо с самого детства, прямо с первых воспоминаний. И тогда ты увидишь, прав я или нет.

– Ладно, я попробую.

Витс уходит в отсек управления, вооружившись большим листом бумаги и карандашом. Эткими комиксовидными набросками он пытается обрисовать свой жизненный путь.

Итак, детство. Вроде бы всё хорошо – родители души не чаяли в Витсе, он их тоже любил. В школе у Витса было очень много друзей, поскольку он был застенчивым, тихим и часто уходил в мир собственных фантазий – кстати, неизменно с карандашом в руке. И всё же Витс был счастлив. Окружающий мир казался неиссякаемым источником радости...

Стоп, стоп. Зачем уходить в мир фантазий, если в реальности всё хорошо? Нет, одно другому не мешает – реальный и воображаемый мир могут гармонично сосуществовать... но равновесие между реальностью и миром грёз у Витса нередко нарушалось, и точно не в пользу первого. В чём же дело? Конечно, случались всякие неприятности – но это неизбежный элемент жизни. Ну, время от времени ссорились родители, ну и что с того... да, после ссор они какое-то время не разговаривали, а Витса настраивали... друг

против друга, переманивали каждый на свою сторону! И при этом они повторяли, что желают Витсу только добра...

Вот! Его использовали как инструмент для выяснения отношений! Послушный, наивный мальчик не понимал этого...

Хорошо, одной загадкой меньше. Но это явно не корень всех бед. Что дальше? Подростком, под влиянием гормональных сдвигов, Витс обрёл некоторую дерзость, которую с удовольствием выплёскивал в слегка хулиганских комиксах и едких карикатурах. Их заметила однажды одна учительница, и... Витс стал настоящей звездой всех школьных выставок рисунков. К концу школы Витс решил, что пойдёт учиться на художника. Но родители, особенно отец, были категорически против и настаивали, чтобы Витс стал актёром. В один голос, даже не ссорясь, они твердили, что их сын достоин лучшего, что быть художником не «престижно», что ему не будут платить, что все художники – сплошь бомжи и пьяницы... Витс, тем не менее, попробовал настоять на собственном выборе. Однако родители ловко переобулись в воздухе и изменили тактику: они начали давить на жалость и совесть ещё неокрепшего Витса. Мол, они всегда только и заботились о том, чтобы любимому сыночку было хорошо, желали ему только лучшего, только добра, старались изо всех сил, заботились о его будущем – а он, неблагодарный, не ценил этого. Совесть Витс не смог воспротивиться и пошёл учиться на драматического актёра, как и хотели ро-

дители. И вроде бы всё оказалось не так уж плохо, но...

Стив был прав! Абсолютно, совершенно прав! Именно в тот момент что-то надломилось глубоко внутри Витса. С каждым днём он становился всё более эгоистичным, жадным и злым, настоящим подлецом, готовым на любую низость ради того, чтобы возвыситься самому. А когда Витс, уже прославившись в театральных кругах, получил первую главную роль в кино и был тепло принят даже самыми требовательными критиками, его характер одновременно ожесточился и изнежился. Витс начал требовать к себе отношения, как к звезде первой величины, скандалил, если ему хотя бы на день позже выплачивали гонорар, коварными путями ломал судьбы потенциальным соперникам. Когда родители попытались закономерно присоединиться к успеху Витса, тот публично назвал их нахлебниками и завистниками. Этим же «званием» Витс наделил и немногочисленных друзей. Собственно, скоро друзей у него не осталось совсем. Совесть и сострадание стали Витсу чужды. Его интересовала только слава, деньги и собственное удовольствие. Поэтому триллион фунтов стерлингов был всего лишь...

Стоп. Неужели всё то зло проснулось в Витсе исключительно из-за неудачи с выбором собственного жизненного пути? Неужели родители, которые вроде бы как желали ему только добра, виноваты во всём этом кошмаре?

Или Витс просто изначально был злым?

Или произошло что-то ещё, чего он не изобразил?

Нет, самому не разобраться...

– Стив, я п-последовал т-твоему с-сов-вету, н-но п-понял, чт-то нич-чего не п-понял, – застенчиво возникает Витс со стопкой рисунков в руках у каюты терраформа.

– Давай посмотрим, – добродушно улыбается Стив.

Дрожащей рукой Витс раскладывает на столе перед терраформом свои рисунки.

– А рисуешь ты действительно здорово, – замечает Стив. – Руки у тебя из правильного места растут.

Витс отвечает на этот сдержанный комплимент, скромно пожав плечами:

– Практики давно не было, но что-то я вроде могу ещё накалякать.

– Ха, «накалякать»... так, посмотрим... ну, не знаю, что тут тебя смущает – всё ясно. Я был прав – сломался ты именно в то время, когда тебе не дали выбрать собственный путь.

– Да, но... не в этом дело. Почему я стал злым? Неужели в этом виноваты только мои родители? Может, я уже родился негодяем и ничего уже не смогу с собой сделать? М-может, я з-зря п-пыт-таюсь ст-тать х-хорош-шим?..

К глазам Витса подступают слёзы отчаяния. Но выбраться наружу им не даёт уверенный голос мудрого Стива:

– Когда мы приходим в этот мир, добра и зла в нас примерно поровну. Небольшие отклонения в одну или другую сторону, конечно, могут быть из-за генов, но личность разумного существа определяет не только геном. Добрыми или

злыми мы становимся уже под влиянием множества других факторов.

– Но почему я выбрал именно зло? Я же мог смириться, или, наоборот, настоять на своём, или... ну, хоть что-то сделать такое, что никому впоследствии не навредило бы?

– Ты был просто слаб. Зло – выбор слабых.

– Почему?

– Зло всегда проще, чем добро. Зло быстро возвышает тебя за счёт страданий других, а добро – это довольно тяжёлый труд, причём далеко не всегда благодарный.

– Разве добро – это тяжёлый труд? Но почему тогда... я тут прочитал недавно в Энциклопедии, что крысы освобождают сородичей из клетки и делятся с ними шоколадом, хотя опыт строят так, что они могут этого не делать, могут просто съесть шоколад и убежать? Если на добро, на бескорыстную помощь способна даже неразумная крыса, почему не все разумные существа добрые?

– Если ты возьмёшь того же крысёнка и будешь плохо с ним обращаться, он вполне может вырасти в озлобленного грызуна, который не пойдёт спасать сородича, а в одиночку сожрёт свой шоколад и удерёт, ещё и нагадив напоследок. Разумные существа устроены сложнее, на них может повлиять ещё очень много всего. В отличие от крысы, которая живёт здесь и сейчас – и, я тебя уверяю, вытаскивает сородича из клетки, не думая об отдалённых последствиях своего поступка – разумное существо живёт в сложном континуу-

ме из прошлого, настоящего и будущего, который постоянно меняется. А сложное, как ни парадоксально, и сломать легче. Возвращаясь к тебе, я не могу точно сказать, что именно на тебя повлияло в тот момент, но путь зла ты точно выбрал не из каких-то извращённых убеждений, а из бессилия. Ты просто не смог пойти против своих родителей.

– Но как бы я мог сделать? Разве я не должен был быть им благодарен за всё, что они для меня делали? Разве они не желали мне добра?

– Ты уверен, что они всегда были бескорыстны?

– Как может быть иначе?

– Легко. Вот, я же вижу, что они настраивали тебя друг против друга, когда ссорились! Ты был для них лишь инструментом!

– Такое случается в любой семье, даже в самой благополучной!

– Нет, не в любой. В моей такого не было. Как и у всех остальных хокенд'ивенов, как и у всех без исключения фордокс-приманцев, фоксиллинда и марсиан. Нет, Витс, твоя семья была не очень здоровой. А ну-ка, дай я у тебя в воспоминаниях покопаюсь...

Стив касается пальцами лба Витса. Тот замирает и зачем-то даже задерживает дыхание. К счастью, терраформу не требуется много времени, чтобы всё выяснить:

– Вот я и нашёл подслушанный однажды разговор. Ты ему значения не придал, а зря. Оказывается, отца твоего в своё

время выгнали из театрального училища, и он хотел взять реванш твоими руками. А мать, увы, желала только того, чтобы на неё с уважением смотрели подруги, чьи дети – хотели они того или нет – заняли так называемое «высокое положение» в вашем несовершенном земном обществе.

– Чушь! Полный бред! Я тебе не верю, Стив! – возмущается Витс.

– Можешь не верить, но это так. Да, да, я всё прочитал.

– Хорошо, допустим, что ты не солгал...

– Когда это я тебе лгал, подкрадский ты сын?!

– Понятия не имею, я же не телепат! Так вот, если всё действительно так... меня это всё равно не оправдывает! В скольких семьях происходит всё то же самое, но не все же становятся мерзавцами из-за этого!

– Да, выбор сделал ты сам. Да, ты мог не становиться мерзавцем. Но мне трудно осуждать существо, которому так подло сломали судьбу ради собственных дурацких хотелок. Тебя не поддержали в один из важнейших моментов жизни. То, что ты, ещё неокрепший, задавленный родительским авторитетом, ступил на простой и привлекательный путь зла, меня не очень-то и удивляет.

– «Задавленный авторитетом»?! Да что ты несёшь, Стив?! Меня даже не били ни разу, а моим сверстникам то и дело доставалось ремнём по заднице!

– Мерзотные у вас методы воспитания. Дикарьё! И вот что я тебе скажу: насилие бывает не только физическим, но и

моральным. И да – когда давят на жалость, это одна из самых коварных и страшных форм насилия!

Стив вдруг резко повышает голос:

– Не на жалость ли ты давил, когда заставил меня обнять тебя тогда на Цеффане???. Не показным ли отчаянием ты добился того, что я подставил спину под шприц с ядом???

При этих гневных словах Витс съёживается и закрывает лицо руками.

– Я п-подлец... я всё-т-таки п-подлец! – всхлипывает он.

– Ничуть не больший, чем твои родители! Да, я уже не смягчаю выражения! Будь моя воля, я бы наказал их за то, как они сломали тебя, давя на жалость!

– Но нельзя же во всём обвинять только их! – оторвав руки от заплаканного лица, вскрикивает Витс.

– Правильно, нельзя! Ты тоже виноват! Но ты можешь это исправить. Работай над собой, стань лучше не на словах, а на деле!

Витс поникает ещё больше. Стив смягчается и обнимает его:

– Ты уже стал намного лучше.

– Нет, не стал, – шепчет Витс, уткнувшись чуть ли не в самый лёгочный мозг терраформа.

– Ты показал это буквально дечас назад. Ты назвал моих братьев настоящим именем. Раньше ты пользовался только общим словом «терраформ».

– Разве это так важно? Стив, что я вообще хорошего сде-

лал за всё это время? Ничего! Наоборот, я даже человека убил...

– Дрянь ты убил, а не человека, это во-первых. А во-вторых, ты помогал строить корабль на Самобыте...

– О, большое достижение! Прямо в одиночку его и строил, да! – с необычным для себя сарказмом откликается Витс.

– Дослушай меня! Твоя была идея – подарить флуплюльцам биореактор. Ты в лицо признался Леоду, что послал на смерть его брата. И, кстати, ты помог Леоду решить его проблему с джарсом. Он вообще благодаря тебе увереннее в себе стал. Ты спас Юркслу на Фирс-Ы, когда про него все забыли. Да в конце концов, на той же Фирс-Ы ты меня спас! Забыл, что ли?

Витс с трудом поднимает глаза. Ему уже легче, но в голосе всё ещё чувствуется дрожь:

– Это всё так... но этого же мало, правда?

– Ты обязательно сделаешь ещё больше добрых дел. Я в тебя верю.

Витс вдруг осознаёт, насколько прав был Стив всё это время, когда осуждал его родителей.

Слов «я в тебя верю» Витс ни от кого из родителей никогда так и не услышал...

Землянин собирается разразиться целой благодарственной речью, но Стив, оттолкнув его от себя, фыркает:

– А теперь шагом марш зубы чистить и спать. Надоел уже со своими вопросами.

Витс испуганно уставляется на Стива. Тот пытается сохранить максимально холодное и строгое выражение лица, но не может сдержать привычной насмешливой улыбки. Едва разглядев её, Витс расслабляется, забирает рисунки и уходит к себе. Его многократно вскипевшему мозгу действительно требуется отдых.

Дальнейший полёт проходит практически в полной тишине. Её нарушает лишь однажды выкрик Бастера:

– Двумперский патруль по левому борту!

И уже через десяток стеков Бастер сообщает:

– Они нас не заметили, курс не меняем!

Наконец, «Тёмная Материя» без каких-либо приключений достигает Ксибидитичика.

Глава 18. О биотехнологии и птичках

Техника техникой, но лифт ломается чаще, чем лестница.

Станислав Ежи Лец

Сегодня, используя инструменты генной инженерии, мы умеем обращаться с генетическим материалом примерно так же, как со словами, напечатанными в текстовом редакторе.

*Александр Панчин
«Сумма биотехнологии»*

*Были тут скворцы с дроздами,
Были сойки и сороки,
И все прыгали, порхали,
Охорашивались, пели,
Щеголяли блеском перьев,
Распускали хвост, как веер.*

Генри Лонгфелло

«Песнь о Гайавате»

Редкая планета может похвастаться таким разнообразием экосистем, как Ксибидитичик. Сложная мозаика из густых и редких, зелёных и переливающихся всеми цветами (включая инцилитовый), покрытых цветками и плодами, древесных, травяных и грибных лесов, заросших и открытых болот, буйно цветущих и сухих полей, небольших скал и врезающихся в самые облака гор, а также необычных мягкоплотных земель, сложенных исключительно животными, отчасти создана силами природы, а отчасти – руками, точнее, клювами и лапами чирритью, местных разумных птиц, потомков покрытых перьями ящеров. До сих пор там и сям попадаются похожие на земных динозавров существа, у которых передние конечности не стали крыльями, хвосты не укоротились, а челюсти по-прежнему полны острых зубов. Впрочем, эти мелкие хищные ящеры часто оказываются закуской для хищников покрупнее и пострашнее. А вот настоящие птицы, десятки видов, которые воспользовались независимо обрётённым разумом, объединились и построили цивилизацию, основанную на всеобщей дружбе и использовании биотехнологии во всех сферах жизни, не боятся никаких хищников.

Не видно даже, чтобы их пугала Двумперия...

Собственно, признаков птичьей цивилизации экипаж «Тёмной Материи» вовсе не замечает. Кругом, кажется, цар-

ствует только совершенно дикая природа. Лес, на опушке которого приземляется звездолёт, относится к типу тёмно-зелёных малотравных. Из-за плотных крон деревьев с тёмно-зелёными листьями выглядит он дремучим и непроходимым, но на самом деле что травянистый ярус, что подлесок из-за недостатка света там весьма жиденький.

– И даже мыслей не видно, – комментирует Карл.

– Удивительно, но это так, в самом деле ничего не видно, как ни странно, – вторит Сай Фай.

– Хе, телепаты хреновы, – фыркает вдруг Семиларен. – Вон же, шуршит кто-то вон за тем стволом!

Из-за толстого ствола дубовидного дерева выходит тонкотелое четвероногое существо тёмно-серого, почти чёрного цвета с синим отливом, с которым контрастирует ярко-зелёное пятно на щеке. Его небольшая голова увенчана паразавролофьим гребнем, спина – парусом, а хвост – крючковидным шипом. Острые зубы и когти существа красноречиво свидетельствуют о его хищных повадках.

– Э-э-э, хавкрийиц, – сообщает Айзел. – Это, гм, самый опасный из местных, эм, хищников. Хавкрийцы, э-э-э, охотятся стаями с жёсткой иерархической структурой...

В самом деле, вскоре всю команду окружает целая стая. Глухое шипение, которое издают эти хищники, не предвещает ничего хорошего.

– Нам конец!!! – взвизгивает Эффелина.

– Ррр, да не такие уж они и страшные, – успокаивает всех

Райтлет и тянется за верным горметом.

– Сейчас разберёмся с этими чертями поросячьими! – весело поддерживает Сэн.

Но охотники на чудовищ не успевают ничего сделать. Откуда-то сверху раздаётся пронзительный птичий крик. Единственный резкий вопль быстро превращается в оглушительный многоголосый хор. Хищники встревоженно поднимают головы и поджимают хвосты. Миг – и о существовании хавкрийицев напоминает лишь удаляющийся шорох и хруст веток.

Мятежники пытаются разглядеть в листве источник спасительного птичьего хора, но никого так и не обнаруживают. Внезапно прямо перед командой на землю спускается красивый чирритью, представитель вида смельчаков. Тело и маховые перья этой птицы размером со скворца окрашены в изумрудно-зелёный цвет. Щёки, грудь и брюшко – белые с чёрными пестринами. Длинный клюв, лапы и предплечья – лимонно-жёлтые, плечи – алые, кончики маховых перьев – чёрные. Рулевые перья – сапфировые с белыми кончиками. Лоб украшает блестящее голубое пятно с салатовой каймой и поперечными фиолетовыми полосками.

– Мип-уиу, – неожиданно для тех, кто не ведаёт о лингвистических познаниях Айзела, обращается к чирритью фоксиллинда. – Чи-чи-чир-чир-ви-чи. Крекс-крекс, крекс-крекс, коу-коу хряяянк!²⁹

---

²⁹ Опасности нет. Мы пришли с миром. Мы ваши друзья, а не двумперцы!

– Кок-кок, – ещё более неожиданно, и теперь уже для всех – переходит на птичий язык Леод. – Чир-чиррио, чир-чиррио, джжжууии ух-хууу-ху, ху-хуу, хряяянк твит-твит-твит, корр-каа!³⁰

– Эм, прекрасный птичий, Леод! – делает комплимент ягулярру Айзел.

– Спасибо. Произношение, конечно, очень нелегко даётся, от акцента млекопитающего мне никуда не деться, но зато структура понятная.

Смелчак несколько раз приподнимает и опускает сверкающие перья на лбу, после чего переходит на весёлый хифсдангл с птичьим акцентом:

– Фить-фить, да вы могли ничего и не рассказывать! Мы про вас, чек-чек, и так всё знаем!

– Пряма-таки всё, – ухмыляется Герн.

– Ти-тич, всё, Герн! Вы же все только что с Марса, пинь, так? Прилетели к нам, чтобы разобраться с паутиными железами в паукрабьих ходострелах?

– Да, всё верно, – с улыбкой подтверждает Стив.

– Откуда же вы всё про нас знаете? – поражается Силмак. – Бетамак, что ли, на вас работает?

– И он на нас, чик-чиррик, и мы на него, – отвечает чирри-тью. – Слышали когда-нибудь про МСП?

– Нет...

---

³⁰ И ещё кое-что. Позвольте похвастаться – мы те самые мятежники, которых двумперцы считают мёртвыми!

– А мы есть. Маленькие Серые Птички – самые секретные агенты во всём Млечном Пути!

– И ты только что нам их выдал, – цепляется за слово Тецклай.

– Не выдал! Ти-тич! Мы – секрет, который не секрет. Чек-чек, мы везде, нас больше, чем вы можете себе представить. Нас не видно, не слышно, пинь, а главное, нас невозможно отличить друг от друга. А уж если кого-то из нас, фьють, поймают и что-то заподозрят...

Чирритью слегка приседает, начинает часто хлопать крыльями и со смешным писком приоткрывает рот – точь-в-точь птенчик, который выпрашивает корм у родителей.

Вся команда, включая, казалось бы, непробиваемых Тецклая и Герна, не сдерживает вздох умиления.

– Вот, фить-фить! – гордо свистит чирритью. – Ну, а если дела совсем плохи...

Птица опускает одно крыло, заносит над ним лапку и начинает забавно чесать себе голову. Новый вздох умиления команды оказывается ещё громче и убедительнее первого.

– А я думала, котики милые! – смеётся Веншамея.

– Котики? Карр, жалкие дилетанты! – презрительно каркает чирритью. – И, к тому же, коварные. Фьють, им сложно доверять.

– Тебе бы обидеться, Леод, – усмехается Семиларен.

– А я не кот, – спокойно реагирует ягулярр. – На кошку я похож благодаря конвергентной эволюции. Так-то из ино-

планетных зверей ко мне ближе всех бинтуронги.

– И это мы тоже, чик-чирик, знаем! – весело чирикает чирритью. – Только вот, чек-чек, забыл представиться: Крилли Чирп, в прошлом – агент МСП, сейчас – просто разведчик и ваш друг. Добро пожаловать на Ксибидитичик!

Тут же все деревья поблизости будто бы приходят в движение – все ветки оказываются облеплены родственниками чирритью-смельчака. Кого только нет в этой разноцветной пернатой братии! Большие и малые древни, окраской похожие на козодоев, а формой тела – одновременно на дятлов, поползней и пищух: это мастера лесного дела. Инцилитовые щёголи, на земной взгляд – ослепительно-белые хохлатые птицы, на иной же – изукрашенные замысловатыми узорами вдоль и поперёк – теоретики самых разных направлений, от физики до лингвистики. Болотники, похожие на фиолетово-синих цапель в мелкую белую крапинку – знатоки молекулярной биологии и тончайшей геной инженерии; шутят, что своими острыми багровыми клювами они могут откуда угодно извлечь отдельную молекулу. Иссиня-чёрные ворон-головы с туканьими клювами – напротив, умелы в работе с не самыми мелкими живыми организмами: и изловят кого угодно, и содержать смогут даже самое капризное существо. Зубастики, изящные сине-зелёные птицы с чёрными «очками», белым брюшком, серебристыми щеками и оранжевым клювом с зазубринами по краям – лучшие не только на Ксибидитичике, но в тадумирадных окрестностях пла-

неты изготовители инструментов и всякого рода оборудования. Садовники – розовые с жёлтым длиннохвостые птицы с непропорционально вытянутым клювом – талантливые ботаники. Длинношеие лыбеди, похожие на лебедей голубоватого цвета с червонно-золотым клювом – специалисты по водным формам жизни, водным ландшафтам, инфраструктуре и транспорту – словом, всему, что связано с водоёмами. Столь же широкая, но совершенно другой высоты специализация – дело вечнолётгов, светло-синих птиц с двумя длинными белыми перьями на голове: их среда – воздушная. Делами земными занимаются пастушки – птицы шоколадного цвета с ярко-фиолетовым клювом. Внешне гораздо более скромные дроздики разной, но всегда однотонной окраски, отвечают за планетарные и космические транспортные сети, информационные каналы и прочие глобальные вещи. С наукой и техникой так или иначе связаны нелетающие, похожие на киви ходоки, стремительные, напоминающие крачек неборезы, серо-голубые с розоватыми крыльями и причудливым клювом с жёсткими щетинками птицы-фильтраторы, чёрно-белые с разноцветными отливами большеклювые контрастники, усачи, этакие лупоглазые лягушкороты с коротким клювом, и лазурно-белые всевзоры с пятью глазами и телепатическими способностями. Изобразительным, музыкальным, литературным и иным искусством занимаются такие виды, как многоцветы, цветовую гамму оперения которых описывать землянину просто бесполезно, похожие

на лирохвостов жёлто-зелёные хвостаки, голубые в белую полосу пловцы, экстравагантные странноклювы, клювы которых с разнообразными по форме, размеру и цвету гребнями – сами по себе произведения искусства, и чёрно-белые кукрикицы – курообразные птицы с пятью пальцами на изящных ногах. Есть и чирритью, которые следят за погодой, прилётами космических кораблей и вообще всем, что происходит на Ксибидитичике и вокруг него – это внимательные страж-птицы, сиреневые в чёрную полосу соколообразные пернатые с красными щеками. Наконец, серо-коричневые прихваты с ловкими клювами, которыми можно делать вообще всё, и всё те же смельчаки – это чирритью-универсалы, которые находят себя в самых разных занятиях.

И, конечно, среди всего этого цветастого разнообразия тут и там мельтешат бесчисленные маленькие серые птички (среди которых есть и настоящие Маленькие Серые Птички) – либо представители слабоопознаваемых видов, похожих на земных славок, камышовок и пеночек, либо слётки уже описанных. Эти пернатые настолько быстрые и незаметные, что уследить за каждой в отдельности не удаётся даже тренированным охотникам на чудовищ.

Когда команда знакомится с несколькими десятками весёлых птиц, которые захотели пообщаться поближе с выдающимися мятежниками, к ней снова обращается Крилли:

– Ти-тич! Вы как раз вовремя к нам прилетели! Мы и сами хотели вас позвать. Мы почти закончили, чик-чирик, работу

над весьма интересным суперорганизмом, чек-чек, который как раз сможет повредить паукрабихам паутинные железы! Спешу заметить, фьюить, в остальном эта штучка для них безопасна, никакие жизненно важные функции не затронет.

– Это самое главное, – одобряет Млем.

– За мной, чирп! – восклицает Крилли и ведёт новых друзей сквозь чашу.

Чаша, как обнаруживают мятежники, вовсе не царство дикой природы. Мало того, что временами чаша буквально расступается перед идущими и летящими, так ещё и некоторые «деревья» на самом деле оказываются замаскированными зданиями, транспортными станциями и даже целыми космопортами. На ветвях космопортов дремлют уникальные ксибидитичикские живые корабли. Эти суперорганизмы похожи на крупных по стандартам чирритью (в самый большой корабль с большим трудом влезет один Айзел) причудливых насекомых с птичьими хвостами, мягкими мешками на спине и торчащими во все стороны антеннами. Вытянутые «морды» кораблей снабжены выразительными голубыми глазами и короткими клювами. На теле находится множество трубок, благодаря которым живые корабли и перемещаются в космосе: у основания каждой трубки спрятаны резервуары с самовоспламеняющейся смесью газов. На стволах некоторых деревьев уютно разлеглись картяки-лойо – лишённые глаз мягкотелые животные с огромными ушами и слабым намёком на четыре лапы. На коже существ возникают, меня-

ются и исчезают узоры, которые оказываются картами местности и прочей полезной информацией. Передатчиками информации на дальние расстояния служат информеры – существа, которые представляют собой просто букет антенн с тонкими ножками. Эти организмы специально разработаны для того, чтобы излучать, принимать и передавать радиоволны на любые расстояния, в том числе и межпланетные. Смотреть в небо, тем не менее, чирритую предпочитают глазами, но не простыми собственными, а «глазами Космоса» – по сути, телескопами, но полностью органическими: из кожистых труб, которые высовываются тут и там из дупел, в пространство пристально всматриваются гигантские живые глаза.

Вдруг мимо пробегает какое-то крупное шестиногое животное, спина которого усеяна выемками разных форм и размеров, а над ней нависает своеобразное кожистое покрывало.

– Грузовоз, – комментирует Крилли. – Очень полезная зверюшка! Кстати, пинь, мы прилетели. Вот и лабораторный комплекс. Один стек, дайте ему с вами познакомиться. Чирп, дружок, к тебе гости. Все тут разные, но все наши друзья. Чек-чек, не бойся.

Лабораторный комплекс представляет собой огромный суперорганизм. Внешне он выглядит как громадная грязно-жёлтая скала с прозрачными окнами и узкой щелью, напоминающей закрытый рот. Органическую природу «скалы» выдаёт разве что мягкая тёплая кожа и несколько тонких

щупалец. Щупальца эти начинают ходить ходуном при приближении команды. Потом, успокоившись, они аккуратно дотрагиваются до каждого гостя. После этого лабораторный комплекс наконец-то открывает рот, то есть, дверь.

Внутри комплекс ещё более замысловат, чем снаружи. Столы, шкафы и всё оборудование – всё это выросты тела комплекса, тёплые, живые и дышащие. С потолка свешиваются семь любопытных стебельчатых глаз. Десяток длинных конечностей с разным количеством пальцев также крепится к потолку. Кое-где сквозь кожу комплекса просвечивают толстые нервы. Среди колб, пробирок и чашек (тоже органических, хоть и похожих на стеклянные) обнаруживается и внушительное устройство, которое скромно именуют просто живым компьютером. Грибовидное тело, утыканное сверху трубками, а снизу сплошь поросшее толстыми корневыми отростками, оснащено кожистой клавиатурой и экраном, который представляет собой прямоугольный лоскут кожи картона-лойо.

– У вас здесь... ваще всё живое? – изумляется Накет.

– Чик-чирик, да! – с гордостью отвечает Крилли. – Биотехнология – наше всё.

– Надеюсь, и для паукрабих это будет всё, – как бы невзначай бросает Джекс.

Тонкий оттенок слова «всё» в данном контексте улавливают все – включая даже сам лабораторный комплекс, который начинает слегка подрагивать, словно в припадке хохота.

– Ти-тич, паукрабихам недолго осталось над Галактикой издеваться! – восклицает Крилли. – К микроглазу!

Микроглаз, аналог микроскопа, похож на «глаз Космоса»: на одном из концов кожистой трубки находится зоркий живой глаз. Другой конец прикрыт кусочком кожи всё того же картяка-лойо. К нему подключены особые нервы, которые и отображают всё, что видит глаз. А видит всякий глаз, не приросший к трубке, затейливую амёбку, в цитоплазме которой плавает около десятка бактерий со жгутиками. При большем увеличении, которого чирритью добивается, погладив трубку клювом в определённой точке, становится видно, что каждая бактерия несёт в себе две белковых капсулы.

– Полностью эта конструкция, чирп, над которой трудились лучшие умы Ксибидитичика, называется так: ксибидитичикский противопаутиноплёт. КППП, ка-три-пэ, катрип сокращённо, – разьясняет Крилли. – Чек-чек, амёба проедает паукрабий панцирь, и бактерии-транспортёры проникают в гемолимфу. Панцирь у паукрабих восстанавливается, если что. Белковые капсулы, чирп, это капсиды, упаковка вирусов. Упаковка, кстати, а ещё клеточная стенка бактерии состоит из паукрабьих белков, пинь, и потому иммунная система её не заметит. Один вирус – мозговой, другой – железистый. Чик-чирик, сначала оба вируса попадают в слюнные железы. Бактерия находит слюнные железы по специфическим продуктам обмена веществ. Там, ти-тич, бактерия разрушается и высвобождает вирусы. Вирусы поражают всю

слиянную железу, и поэтому легко передаются воздушно-капельным путём. Потом через гемолимфу мозговой вирус поступает в участок мозга, который принимает сигналы от паутинных желёз и посылает сигналы туда. Вирус связывается со специфическими белками и не позволяет паукрабихам управлять паутинными железами. В сами железы тоже через гемолимфу попадает железистый вирус. Чик-чирик, он поражает клетки так, что железа вскоре отмирает и рассасывается. Оба вируса, чек-чек, не могут поразить никакие другие ткани: они просто там погибают. Другие организмы вирусы заразить не смогут. Темп мутирования, пинь, у них крайне низкий, мы даже ещё его понизили, чтобы ни во что опасное вирусы не эволюционировали.

– Гм, великолепно! – восторгается Айзел. – Воистину, э-э-э, чудо биотехнологии. Одобряю, хм, как биолог.

– Чирп, спасибо, пернатый брат! Итак, паукрабихи больше не смогут плести паутину, и даже не вспомнят, как это делать. Поражённый участок мозга постепенно, чирп, утратит связь с другими нервными центрами!

– С другой стороны, – охлаждает птичий пыл Млем, – не слишком ли это жестоко? По сути, мы лишаем паукрабих основного средства общения.

– Они умеют говорить, – отрезает Стив. – Обойдутся без нитей.

– Я-то обхожусь! – жужжит Фиб-Фиб.

– И по сравнению с тем, что паукрабихи сделали с теми,

кого поработили, лишить их паутины – это самое этичное, что мы можем сделать.

– Что ж, соглашусь, – смягчается центор.

– Чик-чир! Давайте посмотрим, как катрип работает! – чирикает Крилли. – Дружок, открой испытательную камеру.

В одной стенке комплекса открывается новый «рот», и команда видит небольшое помещение с прозрачными стенками. Внутри в двух отдельных отсеках находятся две паукрабиhi. Правда, ведут они себя неуверенно и...неразумно?

– Не волнуйтесь, чек-чек, это искусственно выращенные низкосознательные паукрабиhi, – объясняет Крилли. – По сути, аппараты со всеми функциями живого организма, кроме высокого сознания. Чирп, только низменные потребности и инстинкт паутиноплетения. Кстати, мы проверяли, как вирусы действуют на высокое сознание. Никак! Пинь! Дружок, экран, пожалуйста.

На стенке комплекса разворачиваются два экрана, которые отображают состояние органов и систем, а также биохимические показатели крови каждой паукрабиhi. Это многослойное изображение, которое позволяет рассматривать как всё вместе, так и мелкие детали, вплоть до единственной клетки.

– Распыли катрип, – произносит Крилли. – Образец номер один.

В одной из камер появляется и быстро рассеивается лёгкий белый туман. Тут же в нескольких местах на паукрабьем

панцире появляются мельчашие, заметные только на экране, дырочки от катрипа-амёбы. Всего через деминуту в гемолимфу паукрабихи попадают бактерии-транспортёры. Ловко маневрируя среди гемоцианиновых телец и лейкоцитов, транспортёры добираются до слюнных желёз, где выпускают на волю вирусы. Делая только то, что они умеют – то есть, размножаясь – вирусы через десять деминут захватывают паутинные железы и нужный участок мозга.

– Чирп, убери перегородку, – говорит комплексу Крилли.

Между отсеками с паукрабихами исчезает перегородка. Через несколько деминут катрип так же быстро и успешно заражает вторую паукрабиху.

– Всё как по учебнику, чик-чирик! – гордо чирикает Крилли. – И всего через пару паукрабих суток они перестанут плести паутину!

– А что же ходострелы, мерзячие эти солонки? – интересуется Джекс.

– Карр, я ждал этого вопроса! Ты удивишься, чек-чек, но катрип работает и на этих машинах! Дружок, открой отсек с ходострелами.

В очередном отсеке, который открывает лабораторный комплекс вниманию публики предстают два ходострела нового образца, как на Марсе.

– Зарази образец номер один, – командует Крилли.

Лёгкий туман окружает ходострела. На обшивке появляются мелкие дырочки – точно такие же, как на панцирях па-

украбах. А на новом экране, который отображает состояние паутинных желёз внутри машины, через несколько деминут возникает обнадёживающая картинка: вирус начинает разрушать ткани.

– А теперь самое интересное – заразим второй образец! – восклицает Крилли.

Перегородка опускается, и... кажется, что ничего не происходит. Если паукрабахи, даже низкосознательные, хоть как-то активничают, то ходострелы стоят пнями. Но вдруг на втором экране появляется та же картинка, что и на первом. Второй ходострел... заразился!

– Как?! Как туда попал катрип? – тараша на экран удивлённые глаза – и органический, и цифровой – спрашивает Джекс.

– Через систему вентиляции, пинь! – отвечает Крилли, гордо топорща перья.

– Это же гениально! Чёрт, обожаю вас всех, птички! – радуется киборг.

– Мы старались, фьють! Мы молодцы! Теперь, ти-тич, нам нужны вы. Точнее, ваш невидимый корабль. Мы уже рассчитали места, где нужно распространить катрип, чтобы он разошёлся по всей Галактике. Разделимся на команды и распылим катрип.

– А ты, похоже, готов вступить в наши ряды, – замечает с хитрой улыбкой Стив. – «Разделимся», а не «разделитесь».

– Да, я не оговорился, чирп! Уж сколько вёсен я не был в

космосе! И давно я хотел, чек-чек, вам помочь по-настоящему, делом. Я много места не займу, установлю себе жёрдочку, звёздную лампу да песочную ванну, и больше мне ничего не надо. Ну, кроме зёрнышек, конечно!

– Крилли, гм, ты уже с нами, – заявляет Айзел.

– Чирп, спасибо! – радуется Крилли. – Ну что, не будем терять время, вылетаем?

– Я бы только одну маленькую деталь в сам катрип добавил, одну бы мелочь я добавил в катрип, – вступает Сай Фай. – Скажи, Крилли, тут есть атомно-молекулярный манипулятор, атомно-молекулярный манипулятор есть тут хоть в каком-нибудь виде?

– Есть, живой, – отвечает Крилли. – Ти-тич, но работает он точно так же, как и неорганический. Что у тебя за идея?

– Было бы очень здорово, если бы можно было отслеживать распространение наших вирусов, было бы здорово отследить, как наши вирусы распространяются. Моя идея вот в чём, вот в чём моя идея: сделаем наноробота из органических молекул и кремния, наноробота такого органо-кремниевое сделаем, чтобы он проник в организм паукрабихи, чтобы в организм паукрабихи попал. Дальше он включает крошечный просвет, маленький просвет в нём будет. Сканирует организм, весь организм сканирует и выясняет, есть ли у паукрабихи вирусы, есть ли вирусы у неё, а ещё – нет ли других нанороботов, нет ли ещё нанороботов. Если есть вирусы и нет других нанороботов, если нанороботов нет, а ви-

русы есть, робот даёт сигнал, сигнал даёт... скажем, «один», сигнал «один». После этого наноробот создаёт свою копию, копию свою создаёт из того, что найдёт, из атомов и молекул, которые будут рядом...

– Прости, что перебиваю, – обращается к Сай Фаю Яарвокс, – но как насчёт электронной начинки? Того самого «кремния»?

– К счастью, паукрабиhi – это такие организмы, такие организмы эти паукрабиhi, которые накапливают кремний, они кремний накапливают. Их панцирь состоит из кремнезёма, из кремнезёма панцирь сделан. Молекулы и атомы найдутся, будут нужные атомы и молекулы. Нанороботы опознают друг друга, друг друга узнают, и один из них находит слюнные железы, слюнные железы находит, чтобы тем же воздушно-капельным путём распространяться, чтобы распространяться, как вирусы, воздушно-капельным путём. Если же наноробот попадает в организм без вирусов, в незаражённый организм, он даёт сигнал «ноль», сигнал «ноль» даёт.

– Отличная мысль, чик! – восклицает Крилли. – Но, получается, оставшийся в заражённом организме наноробот будет повторять процедуру и создавать новые копии? Не истощит ли он паукрабиху?

– Я подумал и об этом, об этом я тоже подумал. Надо установить предельное число копий, число копий, которое максимально он может создать. Думаю, ста копий хватит, хватит

ста копий. Она и не заметит ничего, ничего не заметит.

– Подкрадский ты гений, – улыбается Стив, похлопав Сай Фая по плечу.

– От гения слышу! Сам такой!

Внезапно небо Ксибидитичика сотрясает громкий птичий вопль с металлическими нотками:

– Кьё-о-о-о!!! Кьё-о-о-о!!!

– Чирп! Тревога! – вскрикивает Крилли. – К нам наведались двумперцы!

– Что ж теперь делать-то? – беспокоится Веншамея.

– Ровным счётом ничего, пинь. Мы делаем это уже третий раз за лето. Дружок, спрячь нас, будь добр.

Внутри лабораторного комплекса ничего не меняется. А снаружи он становится похож на совершенно неинтересный холмик, поросший мхом. Хотя под этим мхом и образуется вполне себе гиперполимерный щит.

– Всё, чек-чек, нас не обнаружат, – заявляет Крилли.

– Обнаружат, – замогильным голосом вдруг сообщает Карл. – Быстро, все, скрываем мысли! Забиваем мозги всякой фигнёй, матом, похабщиной, всем, чем не надо! К вам, киберпанки, это тоже относится, это киборг! Я скажу, когда можно будет расслабиться! Скорее!

Произнеся это, Карл забирается на мягкий потолок и вжимается в него всем телом. Так же поступает и Тецклай.

Погрузившись в самые глупые, отвратительные, низменные и несвязные мысли, команда не замечает хода времени.

Кажется, что оно или остановилось с концами, или просто неприлично долго тянется.

Наконец, Карл спрыгивает с потолка:

– Опасность миновала. Но, боюсь, ненадолго...

– Так что случилось? – недоумевает Фиб-Фиб.

Крилли выставляет вперёд правую лапку и снимает с цевки органический аналог коннектара – нервинфлойо. По сути, это симбиотический суперорганизм, состоящий из картяка-лойо и информя, пронизанный изысканной сетью нервов и нервных окончаний.

– Сейчас посмотрю, – говорит Крилли, касается клювом нервинфлойо и через деминуту рассказывает: – Ти-тич! Прилетели йорзе, а с ними Итиен, та пиратка. Она недавно прирастила к себе протоплазмика, лишив того сознания... и научилась чувствовать, так сказать, сородичей.

– Чёрт! Чёрт!!! – шипит Карл.

– И йорзе по её наводке лес всё-таки прочесали. Но нашего гиперполимера оказалось достаточно, да и скрытые мысли до Итиен не долетели. Но вот что тревожно: пинь, перед тем, как улетать, йорзе заявили, что раз разумной жизни тут нет, её надо... здесь поселить. И знаете, зачем? Чек-чек! Дословно: «чтобы у Создателя было больше верноподданных»!

– Интересно, откуда они будут брать этих новых верноподданных, – вслух думает Стив. – Выращивать, похищать? Интересный эксперимент. Как скоро они планируют этим заняться?

– Наши агенты говорят, что йорзе не торопятся. Но надо подготовиться. И нужно побыстрее разделаться с паукрабихами, чтобы у йорзе было меньше помощников. Усовершенствуем катрип и летим скорее, фьюить!

– Уже принимаюсь за дело, за дело уже берусь, – раздаётся голос Сай Фая, который склонился над атомно-молекулярным манипулятором – ящиковидным прибором, который покрыт тончайшими иголочками внутри и костными ручками – снаружи.

– Итиен – чудовище, – шепчет Карл. – Мало ей электронной телепатии! Надо было ещё сородича сгубить...

– Представляю, как он страдал, – вздыхает Млем. – Вы, протоплазмики, чувствительны к боли...

– С другой стороны, когда Итиен была недалеко, я успел заметить осколки его воспоминаний. В них была лаборатория с протоплазмиками... и этот загадочный доктор Райкрофт.

– И чё это за хрен? – любопытствует Накет.

– К сожалению, воспоминания о внешнем виде Райкрофта повреждены безнадёжно. Только голос остался в памяти моего несчастного сородича. А голос такой, что... у миллиардов и миллиардов существ может быть точно такой же. Ничего особенного.

– Но ты запомни на всякий случай, – простодушно советует Силмак. – Ай, прости... я забыл, что ты ничего не забываешь. Тьфу! Ну и ерунду спесочил!

– Да ладно, хотя бы обстановку разрядил...

– Нанороботы уже готовы, готовы нанороботы! – объявляет тем временем Сай Фай. – Их оказалось совсем легко собрать, их собрать удалось очень быстро! Испытаем их, проверим!

Вновь команда возвращается к испытательной камере с новыми низкосознательными паукрабихами – на этот раз тремя. Проверив на них действие катрипа с нанороботами и убедившись, что всё работает как надо, мятежники забирают образцы удивительного суперорганизма и начинают выдвигаться из лабораторного комплекса. Айзел останавливается рядом с одной объёмистой бутылью, наполненной мутно-белой жидкостью.

– Э-э-э, это же культура клеток, гм, паукрабих, верно? – обращается фоксиллинда к Крилли.

– Ти-тич, да. Я слышал, как ты пощёлкивал клювом при виде паукрабих, пернатый брат, – отвечает чирритью. – Я всё понимаю.

Крилли наливает немного жидкости в пробирку. Отдавая её Айзелу, он тихо чирикает:

– Чир-чири, на мой вкус, они очень даже ничего. Но у тебя чувство вкуса своеобразное.

– Надо, хм, ответить в духе Стива: спасибо, сам знаю! – отшучивается Айзел.

– Подкрад тебе, оставь эту фишку мне, – с дружеским упрёком произносит Стив.

Мятежники, среди которых уже числится Крилли, возвращаются к «Тёмной Материи». Невидимый звездолёт под ликующие возгласы сотен чирритью направляется в особенно тихий уголок Укрытого Рукава, чтобы как следует проработать предстоящую операцию.

Глава 19. Мёд и дёготь

Приходит человек в политбюро и спрашивает:

– Где «это»?

– Что «это»?

– Ну «это»!

– Что «это»?!

– Ну «это»: «И как один умрем в борьбе за это». Где «это»?!

К/ф «Чёрная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви»

Мудрецов постигшие их бедствия возвышают, а глупцов ломают окончательно.

Наполеон I

Полёт проходит в атмосфере радостного возбуждения.

Впрочем, никакие эмоции не мешают команде прийти к рациональной мысли о том, что катрип следует распылять в нескольких точках паукрабьей части Двумперии одновременно, а не последовательно. Предварительные расчёты чирритью показали, что достаточно будет заразить всего девять планет – шесть внутрирукавных и три межрукавных, по три в одно и то же время, чтобы вирусы смогли быстрее распространиться среди зловредных беспозвоночных. Таким образом, нужны три команды, которым необходимо доверить распылители. Три, а не девять – ведь, как рассчитывают Стив и Бастер, есть два нюанса: во-первых, вероятность успеха повышается с опытом, а во-вторых, рисковать придётся лишь небольшой части коллектива.

Команды образуются скоро и споро. Одна состоит из опытных охотников на чудовищ, вторая включает в себя две пары стальных во всех смыслах этого слова рук, третья же образована двумя пернатыми: истинно пернатым соавтором катрипа и покрытым перовидками хозяином системы Самобыт. Девять планет, которые должны быть заражены катрипом, команды разбирают так же бодро. Райтлет и Сэн берут на себя внутрирукавные Мизергели и Альдон, а также находящуюся неподалёку, в Огненно-Хвостовом Межрукавье, планету Увафыр. Бастеру и Джексу достаются внутрирукавные Флупплюль и Кибервирт, из Укрыто-Шлейфового Межрукавья – Кнуузэ. Крилли и Ксандер же должны отправиться на внутрирукавные Хлонокоптер и Агроквеан, а ещё

на Исс-Юнгулюс из Многозвёздно-Хвостового Межрукавья.

Разделяться мятежники планируют последовательно, аккуратно и в глухих уголках нужных звёздных систем. Хотя «Тёмная Материя» и зарекомендовала себя как истинно незаметный корабль, лишняя осторожность не повредит. Первыми от команды отпочковываются охотники на чудовищ. Перед отлётом они проверяют не только распылители катрипа, но и коннектеры – киберпанки установили новую программу, которая обеспечивает связь с нанороботами.

– Вы давайте, как следует катрип распыляйте, а то вдруг промахнётесь! – громко сопровождает отделение маленького юркого корабля от «Тёмной Материи» Эффелина.

Райтлет и Сэн переглядываются и разворачиваются к элгантине. Они застывают неподвижно. Лишь смена цветов сартонарийской радужки и подёргивания тц-рикского хвоста говорят о содержании направленных в сторону Эффелины мыслей.

Глаза телепатов лезут на лоб, а их лица начинают медленно вытягиваться. Не-телепаты догадываются, отчего это, и принимаются хохотать. Выждав ещё пол-деминуты, охотники удаляются.

– Накет, записывай, – заявляет Стив, когда кораблик Райтлета и Сэн исчезает во тьме законного космоса.

– Да с удовольствием, – отзывается бедантиевец. – Материал для диссертации буду уже щас набирать, вот чё!

Терраформ прорывивает Накету выражение, прозвучав-

шее в мозге Райтлета. В мягком литературном переводе оно означает «всем совершенно наплевать на то, что ты думаешь».

Вскоре наступает время, когда от экипажа «Тёмной Материи» должна отделиться команда киберпанков. Джекс и Бастер тоже успевают получить так необходимое для них напутствие Эффелины:

– Постарайтесь везде катрип распылить, как следует постарайтесь!

Матерный лексикон Накета обогащается фордокс-приманским пожеланием скучной жизни и кибервиртским проклятием, которое уходит корнями во времена проводных информационных сетей.

Что интересно, третья команда отделяет свой маленький звездолёт под необычный аккомпанемент: молчание Эффелины. Крилли и Ксандер даже оборачиваются к ней перед тем, как зайти в свой кораблик.

Смерив непонятым взглядом пернатых братьев, элантина мямлит:

– Ну, удачи.

– И это всё? – изумляется Карл. – А я уже настроился!

– И я вошёл во вкус, – вторит Накет. – А чё, интересно же, как эволы ругаются!

– Извини, Накет, но я не ругаюсь матом, – заявляет Ксандер. – Даже в мыслях. Я же осознаю, что кругом телепаты.

– Щупальца не распускай, проглотон, – находится, нако-

нец, Эффелина. – Осторожнее с ним, Крилли...

Договорить элегантина не успевает: восторженный вопль телепатов легко перебивает её тонкий визгливый голос.

– Прошу прощения, – бубнит Ксандер. – Сорвался всё-таки...

– Да туда её, молодец! – гогочет Стив.

– А от тебя, Крилли, я такого крутого словца не ожидал, не думал я, что ты так браниться умеешь, – обращается к чирритю Сай Фай.

– Чик-чирик! Богат наш язык на все случаи жизни, – весело чирикает Крилли.

Итак, к тому моменту, как маленький звездолёт с двумя пернатыми мятежниками на борту достигает Хлонокоптера, Накет узнаёт для себя в общей сложности восемнадцать новых матерных слов, шесть оскорбительных фразеологизмов и две особых частицы, делающих неругательное выражение бранным.

– А мы не будем зря терять время, – объявляет Стив оставшемуся экипажу. – Где у нас могут возникнуть проблемы? Где паукрабихи или йорзе – или они вместе, хотя это вряд ли – могут помешать нашим планам? Какие будут предложения?

– Разве они не считают нас замёрзшими на Глации? – сомневается Леод. – Пока у нас не было никаких инцидентов, из-за которых о нас могли бы вспомнить.

– Может, гм, наведаться в Укрытый Рукав? – предлагает

Айзел. – Помните, э-э-э, что говорил Стефан? Двумперцы, хм, находят какие-то лазейки, эм, в Укрытый Рукав. Э-э-э, и это несмотря на, гм, кораблеедов.

– Как любит говорить Бастер, логично, – улыбается Стив. – Держим курс на край Укрытого Рукава. Может, даже к трактиру поближе.

– Не в сам трактир, надеюсь? – стонет Яарвокс. – Столько времени прошло, а я до сих пор даже думать о нём не могу.

– Пить надо меньше, – язвит Веншамея.

– Чья б мычала!

– Разумеется, никакого трактира, – улыбается Стив.

Пока «Тёмная Материя» направляется к окраинам пока ещё относительно свободного от Двумперии рукава Галактики, небольшой звездолёт Райтлета и Сэн достигает Ми-зергели, планеты с зеленоватой атмосферой. Серая поверхность единственного материка усеяна светло-розовыми паукрабьими постройками, и покрыта толстым слоем отвратительной паутины. К счастью, приземление в планах охотников не стоит.

– Хоть это и не достойные противники-чудовища, и не совсем охота, но, думаю, сказать «юур солшом» лишним не будет, – шепчет Сэн. – Красивая всё-таки традиция перед охотой. На нужный лад настраивает.

– Верно. Юур солшом, – соглашается Райтлет и включает распылители.

Если бы хоть одна паукрабиха смотрела на небо, она бы

заметила, что тут и там в воздухе появляются какие-то странные белые облачка, которые быстро исчезают. Но паукрабихам на Мизергели совсем не до того: они заняты тем, что разрабатывают новые коварные планы... и плетут свою омерзительную паутину.

Охотники выходят из атмосферы Мизергели. Их коннектары показывают, что операция прошла успешно, вирусы проникли в паукрабью гемолимфу, а нанороботы уже начали копировать друг дружку и вместе с вирусами распространяться. Катрип начинает победное шествие по паукрабьей столице.

– Юур дефнерп! Подозрительно идеально, – заключает Райтлет.

– Юур дефнерп! Погоди, нам ведь ещё на две планеты надо наведаться, – напоминает Сэн. – Вот там-то, может, и вляпаемся во что-нибудь!

– О, да, наверняка! Что за жизнь без приключений на свой хвост!

Как ни странно, на Альдоне и Увафыре всё проходит так же гладко.

– Вот как Двумперия влияет на разум, – догадывается Райтлет, когда настраивает новый курс небольшого корабля. – Нам уже кажется ненормальным, если всё проходит по плану.

– Возможно, на то эти черти пороссячи и рассчитывают, – тревожится Сэн. – Ладно, ну их. Интересно, как там у осталь-

ных дела?

А у остальных диверсантов тоже всё хорошо: всё прошло без сучка и без задоринки. Джекс и Бастер даже нашли время убедиться в том, что заражены не только паукрабиhi, но и ходострелы, а Ксандер и Крилли – даже взять воздушные пробы ДНК немногочисленных живых существ, которые ещё населяют почти полностью умерщвлённый паукрабиhamи Исс-Юнгулюс.

А вот у остальной команды проблемы возникают уже на подлёте к окрестностям Таймлете. Двумперская боевая флотилия не несёт той угрозы «Тёмной Материи», что несла когда-то «Хитрюге», но летит таким строем и с такой скоростью, что грозитя влететь в невидимый корабль чуть ли не в полном составе. Автопилот мятежнического звездолёта предлагает множество вариантов, как уйти от опасности, но ни один не выглядит достаточно убедительным.

Вдруг просвет засекает поблизости – хотя и вне поля зрения мятежников – кое-что особенное.

– Э-э-э, мёртвый кораблеед в стадии мурчальника, – с горечью в голосе сообщает Айзел. – Наверняка, гм, дело двумперцев. Хм, этого я и боялся.

– Как будто кораблееды не умирают сами по себе, – сомневается Герн. – Они же не бессмертны.

– Всё же, стоит присмотреться, – решает Стив и витиеватым путём подводит корабль к мурчальнику.

Глаза и рот кораблееда неестественно широко раскрыты,

а потускневший мех стоит дыбом. Похоже, что существо погибло в мучениях.

Стоит «Тёмной Материи» подлететь поближе, как боевая флотилия двумперцев резко меняет курс. Как раз в сторону мятежнического звездолёта.

– Неужели они устраивать ловушка? – тревожится Фиб-Фиб.

– Итиен!!! – взвизгивает Карл. – Мысли! Скрываем!

– Не хватало нам ещё этой телепатки новоделанной, – ворчит Леод, укладываясь под парящим столом.

– Свет ещё надо выключить, – сообщает скорее сам себе Стив.

«Тёмная Материя» уже не в первый раз превращается в тёмный и, по мнению «новоделанной телепатки», совершенно безжизненный участок пространства...

Телепаты-мятежники изо всех сил стараются, с одной стороны, не выдать себя, но с другой – проследить за Итиен. Вдруг они вычитывают очень нехорошую мысль, которая уже стала сообщением для паукрабих в боевых кораблях:

– Что ж вы, дуры, один трупак оставили! Вот возьмёт какая-нибудь зараза и восстановит этих тварей!

– Юрксла! – шипит Стив. – Тебя не увидят те, кто с тобой не знаком! Скорее лезь к трупу и достань хоть одну шерстинку, хоть какую-то ткань!

– Уже, это, как его, иду, вот! – бойко откликается лопхоф-ссла, молниеносно обвязывается полимерно-металлическим

тросом и вылезает из звездолёта.

– Сай Фай! Не тормози, твой выход!

Марсианин подкрадывается к приборной доске и настраивает просвет. Дело в том, что телепаты успели втайне от Итиен коллективно прийти к мысли, что опасную ситуацию надо использовать для того, чтобы выудить максимум информации о двумперских кораблях. Именно с этими кораблями должна быть как-то связана печальная судьба кораблеедов... Взяться за сканирование зловещих звездолётов решил именно Сай Фай – в силу любви к мельчайшим деталям во всём, а также особой ловкости четырёх рук.

Тем временем шестью тонкими ручками Юрксла выдирает знатный клочок шерсти из тела кораблееда. Для верности он собирается добыть ещё один, но Стив, дёрнув за трос, затаскивает невидимое для Итиен существо внутрь корабля. Буквально через несколько стеков паукрабиhi покрывают труп мурчалника специальной газовой оболочкой и поджигают особо горячим пламенем. Труп практически мгновенно обращается в пепел. Корабль мятежников едва успевает отлететь на безопасное расстояние и не подцепить опасную горючую атмосферу.

Когда от кораблееда остаётся только серое облако, двумперская флотилия и корабль Итиен снова меняет курс – но не так, как предполагали мятежники. Паукрабиhi и серая ушелица-киборг вовсе не стремятся вглубь Укрытого Рукава, отныне лишённого естественной защиты. Флотилия сво-

рачивает совершенно в другую сторону.

– Мизергели, – вылавливает мысль Млем. – Надеюсь, что это знак того, что у наших охотников всё получилось.

– Ох, у нас тоже всё, гм, получилось, – выдыхает Айзел, указывая рукрылом на Юркслу. – Что бы мы, эм, без тебя делали?

– Я, это, почему-то, как бы, думаю, вот, что, это самое, Стив бы, как его, ну, полез бы, вот, – отвечает лопхофссла.

– Угадал, – кивает Стив. – Не забудем, впрочем, и о Сай Фае. Сколько же полезных данных ты успел добыть, молодец!

– Я не просвет, не просвет я, – отшучивается Сай Фай. – Я просто настроил и записал информацию, просто настроил инструмент да сохранил данные! Не меня хвалить надо, а технику, всё техника родная, а не я!

– Ну ты скромняга. Друзья, теперь наши приоритеты несколько сместились. Айзел, тебя я попрошу изучить образцы и подумать о том, как восстановить наших уккрыторуканных зверюшек. Их надо будет сделать устойчивыми к тому, что их сгубило.

– Главный вопрос, по-моему – где это делать, – высказывается Силмак.

– Могу порекомендовать, хм, родной Сабкостисс, – произносит Айзел. – Нам, э-э-э, не раз приходилось, гм, восстанавливать вымерших живых существ, э-э-э, модифицировать их, реинтродуцировать, гм, в естественную среду оби-

тания. И расположена, эм, наша планета там, куда, гм, вряд ли добрались двумперцы. Хм, даже если они уже начали, э-э-э, захватывать Рукав.

Когда фоксиллинда принимается за работу с энциклопедическим секвенатором и химическим анализатором, «Тёмную Материю» нагоняет звездолёт киберпанков.

– Эта киборгша вам ничего не сделала? – спрашивает с порога Джекс. – Она тут совсем рядом была, Итиен.

– Разминулись, – лаконично отвечает с потолка Карл.

– Ну и прекрасно! У нас всё получилось. Как остроумно выразился мой стальной друг, кристально чисто, в тон моему белому костюму.

– Логично, – усмехается Бастер.

Вскоре на «Тёмную Материю» возвращаются и охотники, и Крилли с Ксандером. Обменявшись впечатлениями, мятежники берут курс на Сабкостисс. Путь, к сожалению, затягивается. Мятежники обнаруживают, что по крайней мере четыре привычные магистрали перестроены и ведут теперь совершенно в другие регионы Млечного Пути. К счастью, незаметность «Тёмной Материи» не подводит: даже тогда, когда звездолёт выныривает из труб в особенно густонаселённых двумперских районах, на корабль не обращает внимания вообще никто – ни сами двумперцы, ни их подданные.

Через многие дечасы нужный путь, наконец, удаётся найти. И экипаж с радостью слышит заветную фразу из уст Айзела:

– Э-э-э, друзья, за бортом – Сабкостисс!

К счастью, Сабкостисс выглядит нетронутым: всё то же синее небо и бескрайние густые леса.

И тот же космопорт в кроне громадного раскидистого дерева с ярко-жёлтыми листьями.

– Вот только, эм, здесь нам лучше сейчас, гм, не светить-ся, – комментирует фоксиллинда. – Вдруг двумперцы, гм, подключатся, хм, к нашим информационным сетям. Ныряем, э-э-э, в самую чащу, к нашей, хм, Лаборатории Моделирования Биологического Разнообразия. Вон туда, эм, где самые толстые, гм, ветви.

– Пинь! Чувствую себя как дома! – замечает Крилли, усевшись Айзелу на плечо. – Те же затерянные в густых лесах сооружения, чик-чирик.

– Разве что они, э-э-э, неживые. Впрочем, э-э-э, я смотрю, ты уже успел, гм, привыкнуть к нашему, хм, корабельному оборудованию, к технике, эм, которая не реагирует, гм, на клевки и поглаживания.

– Чирп! Да, было, конечно, непривычно, но любое разумное существо должно уметь приспособливаться ко всему. Как говорится, кто не влетает – тот пролетает!

– Но кое-что, хм, в нашей лаборатории будет тебе, э-э-э, прекрасно знакомо.

– И что же, чирп?

– Эм, погоди, брат! Терпение...

Команда приземляется у подножия совершенно древо-

видного, но из дерева не состоящего лабораторного комплекса. Хоть это и не космопорт, через регистрацию и считывание биологических тканей мятежникам приходится на входе пройти.

– Не засветимся? – хмыкает Веншаея.

– Научные информационные сети сугубо внутренние и хорошо защищены, – обнадёживает Бастер.

В предбаннике самой лаборатории, который обвешан всевозможными экранами, плакатами, фотографиями и даже картинами, Айзел резко останавливается и прислушивается.

– Похоже, хм, внутри кое-кто из моих старых знакомых, гм, коллег и учеников!

Айзел открывает дверь лаборатории. Интерьер помещения, которое называют Экосистемным Центром, бел и сверкающ, что несколько не сочетается с «деревянной» облицовкой здания. У стен расставлены парящие и прикреплённые к полу столы с классическим лабораторным оборудованием, шкафы, витрины, энциклопедические секвенаторы, биореакторы, компьютеры, электрогенераторы, копипринтеры... пространство, как принято на Сабкостиссе, забито всякой всячиной более чем под завязку. В центре лаборатории, тем не менее, весьма просторно: там находится экосистемный имитатор – суть огромное помещение с прозрачными стенками, внутри которого самым остроумным способом, а именно с помощью управляемых ксибидитичикских мягкоплотов, которых срастили с саморгом, можно смоделировать

любую экосистему.

Именно вокруг экосистемного имитатора, который сейчас воспроизводит условия одной из загубленных паукрабихами планет, собрались знакомые Айзелу фоксиллинда... вместе с одним орхгом.

– Гм, позвольте представить – мой учитель, профессор Тинбер Ненок, давняя коллега Броейн Дмаакн и ученик Ланен Фраг. И ещё один мой ученик – многим из вас уже, э-э-э, знакомый Креффш’Дор, – объявляет Айзел.

Все эти фоксиллинда и орхг синхронно, как по сигналу, оборачиваются к Айзелу и его друзьям. Стеков десять стоит звенящая тишина. Наконец, Ланен в глубочайшем изумлении шепчет:

– Профессор Дори? Вы живы?

– Мы думали, Вас уже на свете нет! – восклицает Броейн. – Вас всех же сбросили на Глацию во время снежной бури!

– Главное, гм, чтобы так же думали, э-э-э, паукрабихи и йорзе, – мягко улыбается Айзел.

– Ваших, значит, рукрыл дело – беспаятинная болезнь, которая буквально несколько дечасов назад появилась! – добродушно усмехается Тинбер.

– Э-э-э, это дело в основном одного очень ловкого клюва и, гм, четырёх замечательных рук. И, конечно, гм, тех, кто помог распространить вирус. Рекомендую...

Айзел представляет каждого члена экипажа «Тёмной Ма-

тери» в таких красках, что каждый, кто умеет смущённо менять цвет, делает именно это. Даже честолюбивый Стив.

– А теперь, гм, сразу к работе, – сворачивает фоксиллинда на деловую стезю. – Э-э-э, вам что-нибудь известно, гм, о гибели кораблеедов... ах, да, я же не написал статью, гм, для Энциклопедии! Я, э-э-э, о космических чудовищах...

– Четыреформы-астероидоеды межзвёздные? – отзывается Креффш'Дор. – Знаем только, что их отравили фтором. А собрать образцы тканей мы не успели – двумперцы предусмотрительно сожгли все трупы.

– Моё название, – кивает Тецклай.

– Совпадение, – смеётся Айзел. – Коллеги, э-э-э, спешу вас обрадовать: мы, хм, успели взять образцы.

Фоксиллинда указывает рукрылом на Юркслу. Взору учителя, коллеги и учеников Айзела лопхофссла предстаёт с внушительным комом шерсти в руках.

– Наверное, можно связать нового мурчальника, а там он сам разовьётся, – шутит Витс.

– О, блеск, так и сделаем! – одобряет шутку Айзел.

– Я, кстати, вязать умею, – потупив взгляд, вступает Креффш'Дор. – И как раз... ну... связываю это увлечение с занятиями анатомией.

Двумя правыми руками орхг указывает на одну из витрин неподалёку. На ней красуются совершенно умильные и при этом анатомически точные вязаные органы, скелеты и вскрытые организмы.

– Гм, синтез науки и искусства, хм, в чистом виде, – комментирует Айзел. – Э-э-э, ты не забыл, чему я тебя учил.

– На долгие годы забыл, служба Тримперии... более того, профессор, позвольте покаяться. Не знаю, сможете ли Вы меня простить после того, что я вам расскажу. Если нет, это будет справедливо.

– Я уже давно тебя, гм, простил. Ты ведь, эм, не плохой, на самом деле. Просто, э-э-э, ты легко поддаёшься влиянию.

– Именно. Так вот, после Вашей проповеди на Эр-Нюге я уже готов был вернуться в науку, собрался на Сабкостисс... но по дороге меня поймали йорзе. Уж не знаю, мозговзломом ли, или просто красивыми словами, но они меня на сторону Двумперии склонили. Они снова разбудили мои низменные инстинкты, выдали ворох оружия и отправили на окраину Многозвёздно-Хвостового Межрукавья, на Глоэклоэццоэнцак. В тамошних густых джунглях прятались и пытались устроить базы мятежники вроде вас. Йорзе называли их «партизанами». И моя грязная работа заключалась в... убийстве этих самых «партизан». Меня так и называли, просто «убийцей». Не помню, как долго я нёс эту недостойную службу, но я лишил жизни сотни существ. Убивал всех, даже безоружных, не слушая мольбы о пощаде. Какая-то крохотная часть меня сопротивлялась, вспоминала Ваши слова, но зло уверенно побеждало. Знаю, теперь Вы отвернётесь от меня. И будете совершенно правы.

– Да, гм, ты вновь поддался дурному влиянию. Тем не ме-

нее, хм, сейчас ты здесь, эм, занимаешься благородным делом. Значит, э-э-э, ты исправился.

– Да. Но не Ваша проповедь наставила меня на путь истинный. Меня вразумил Господин.

– Э-э-э, господин... кто?

– Не помню. Можете надо мной смеяться, но я действительно не помню ни вид, ни внешность, ни даже голос Господина. Знаю только одно: Господин сказал мне, что надо окончательно порвать с Имперским Союзом и заняться наукой.

– Интересно. Что же, гм, произошло?

– Всё изменилось в один дождливый вечер. Тогда я наткнулся на экипаж и пассажиров какого-то подбитого корабля. Ни у кого из них не было сколько-нибудь серьёзного оружия. Но меня это, понятное дело, не смутило. Я помню, как замахнулся испарителями, готовясь разрубить всех на куски, но тут ко мне кто-то подошёл вплотную – кажется, капитан... и... что было дальше, я не помню вообще. Как будто кусок воспоминаний вынули из мозга. Осталось только очень приятное ощущение. Как... знаете, как оргазм, только очень долгий и... не такой, как обычно... он был во всём теле, а больше всего – в голове, вот... сразу после этого я побросал всё оружие, нашёл свой корабль и улетел на Сабкостисс, даже не известив йорзе. С тех пор я здесь, занимаюсь наукой и творчеством, и ни разу больше я не принимал участие ни в каких грязных делах. И ни за что не приму. Я

скорее умру, чем буду убивать невинных.

– Это, гм, замечательно! Знай, э-э-э, я не держу на тебя зла. Просто, эм, не сворачивай больше с достойного пути, хорошо?

– Никогда не сверну! Так я поклялся моему Господину...

– Знакомый почерк, – вступает Стив. – Бельтальянский гипноз в чистом виде.

– Но им сейчас владеют, гм, всего два существа во всём Млечном Пути! – восклицает Айзел. – Э-э-э, звёздный кит и Пикку Ляакяри.

– Пикку Ляакяри? Незнакомое имя. Он обучался тогда, когда я был в полукоме?

– Да. Это, эм, тот уйкку-монашек, которого тогда Райтлет, гм, спас. Был ещё кто-то... э-э-э, вылетело из головы, хм, не помню, кто это был.

– А я, кажется, помню, – неожиданно заявляет Тецклай. – Правда, только вид. До меня доходили слухи, что это человек.

– То есть, гм, имени не вспомнишь?

– Нет.

– Жаль. Но, хм, как бы то ни было, эм, я рад за тебя, Креффш'Дор! Пусть, э-э-э, не совсем своим умом, но ты, гм, дошёл до верной дороги в жизни. Кем бы ни был, эм, твой Господин, он всё сделал, э-э-э, правильно.

– Развели тут философию! Пошли уже займёмся четырёхформами! – верещит Ланен, приняв из рук Юркслы шерсть

мурчальника.

Почти незаметная дверь ведёт в святая святых Лаборатории Моделирования Биологического Разнообразия: Универсальный Инкубатор. Его интерьер выдержан в тёмно-синих цветах. Как и предыдущее помещение, это под завязку забито всевозможным оборудованием. Среди привычных секвенаторов, компьютеров и копипринтеров выделяются живоросты – аппараты для искусственного выращивания живых организмов. Это особая гордость фоксиллиндской технологии, которая распространилась по Млечному Пути почти одновременно с Галактической Энциклопедией. Именно благодаря живоростам стало возможно воскрешать любые формы жизни, а также проводить множество экспериментов, которые раньше осуществить было трудно технически или этически. Живоросты представляют собой прозрачные прямоугольные баки, заполненные либо жидкостью, либо смесью газов, привычной для выращиваемого организма. К одной стороне бака прикреплена система подачи необходимых веществ, в том числе питательных, дезинфекторы и фильтры, а также система управления гравитацией. В крышку встроены осветительные приборы. Дно любого бака выстлано бактериальным матом. Микробиальное сообщество призвано перерабатывать отходы жизнедеятельности выращиваемого организма в форму, удобоваримую для растущих в специальном отсеке под баком грибов. Грибы окончательно минерализуют все отходы. Полученные соединения, естественно, использу-

ют вторично. Сам выращиваемый организм может либо свободно расти на островке специального субстрата, либо его могут удерживать тонкие, лёгкие, но очень прочные нити из саморга. Из саморга же сделана и едва заметная сетка физико-химической стимуляции, которую применяют при выращивании организмов, способных к произвольному движению. Ею оборачивают животных, протоплазмиков, проглотонов, слизевики и ростосинтов. Физико-химическая стимуляция позволяет такому организму вырасти полностью готовым к жизни за пределами живороства.

Существует два способа выращивания живых организмов: конструкторский и эмбриональный. Первый – это своеобразная сборка организма из отдельно выращиваемых частей. Например, если нужно создать животное, первым делом выращивают скелет, затем кровеносную систему, нервную и так далее. Так можно в один приём вырастить организм определённого возраста, а ещё поэкспериментировать с его внутренним строением. Второй способ, как следует из названия, представляет собой управляемое выращивание организма из зиготы. При желании процесс можно ускорить – и притом так, что можно вырастить, скажем, марсианского языкуна меньше чем за местные шестнадцатидесять суток.

Какой из двух методов применить для космических чудовищ?

– Я бы рекомендовала создать несколько пар взрослых че-

тыреформов, простимулировать их размножение, а полученное потомство вырастить в ускоренном режиме, – предлагает Брокейн.

– Не стоит забывать, гм, что нам надо поработать с физиологией чудовищ, – вступает Айзел. – Э-э-эм, необходимо сделать их устойчивыми, хм, к фтору.

– А ещё они должны научиться переваривать соединения гиперполимера, сложные соединения гиперполимера должны уметь усваивать! – добавляет Сай Фай. – Двумперцы решили, что гиперполимер в соединении с металлами будет лучше для их кораблей, двумперцы решили соединять гиперполимер с металлами для кораблей. Металлы кораблеедам привычны, привычны кораблеедам металлы. А вот с гиперполимером они эволюционно не знакомы, не знакомы они с гиперполимером эволюционно.

– По-моему, проще всего подселить кораблеедам какие-нибудь симбиотические микроорганизмы, которые могли бы перерабатывать гиперполимер, – отзывается Ксандер.

– Ти-тич! Такие ещё надо сконструировать и вырастить отдельно, – комментирует Крилли. – Обычно гиперполимер, чирп, перерабатывают простой переплавкой, а вот микробы ещё не научились его разрушать. Чек-чек, и пока ещё таких никто не создал.

– Может, легче будет как-то изменить саму пищеварительную систему кораблеедов? – рассуждает Млем.

– А можно вот ещё что сделать: так сказать, недоделать

и то, и другое, – заявляет Стив. – Например, начальную стадию расщепления гиперполимера можно поручить определённым пищеварительным ферментам. А завершающую – уже микроорганизмам. Таким микроорганизмам не нужно уметь перерабатывать сырой гиперполимер. Их создать явно будет легче.

– Мысль замечательная, – восхищается Тинбер. – И всё-таки, по-моему, стоит попробовать создать микроорганизмы, которые смогут усваивать гиперполимер от начала и до конца. Мы ведь не можем утверждать с уверенностью, что их выращивание потребует невероятных усилий и дикого количества времени, пока не попробуем!

– Согласен, гм, попытаться стоит, – отвечает Айзел. – Но есть одна, э-э-э, проблема: мы не можем быть, гм, уверены в том, что микроорганизмы, хм, которые перерабатывают столь сложный и непривычный, эм, для живых организмов материал, хм, будут хорошо себя чувствовать, э-э-э, в организме кораблеедов. А кораблееды, гм, в свою очередь, не будут страдать, хм, от присутствия микробов или, э-э-э, от их метаболитов. Придётся усложнять, гм, этот суперорганизм, нужны, гм, соединительные элементы. Вот они-то обычно, хм, не умеют расти быстро, э-э-э, меньше года³¹ никак, а стимулировать их, эм, сложно.

– Один косячок – и моя протоплазма за двое местных суток соединит даже веник с чайником, оперу с балетом и бо-

---

³¹ Год на Сабкостиссе длится 360 суток.

жий дар с яичницей, – вызывается Карл и демонстративно выпускает из рук щупальца.

– Ни фига себе побочный эффект! – восхищается Яарвокс.

– Да! Чирп! Теперь всё сложится, пинь! – радуется Крилли.

– Кажется, э-э-э, мы определились, – подводит итоги Айзел. – Итак, хм, предлагаю следующий план: эм, создаём микроорганизмы, разрушающие гиперполимер, гм, записываем в генах кораблеедов устойчивость к фтору, э-э-э, берём протоплазму Карла...

– После косячка, – ядовито напоминает Джекс.

– Для меня, а не для него, – находится Карл, указав на киборга.

– Ха, выкрутился!

– Так вот, гм, а затем пробуем, э-э-э, всё соединить конструкторским методом. Потом, хм, скорректируем геномы симбионтов, э-э-э, и вырастим популяцию кораблеедов, гм, ускоренным эмбриональным способом, – обобщает Айзел.

Схема устраивает всех. Несмотря на то, что многие процессы автоматизированы, никто не остаётся без дела на многие местные дни. В конце концов, необходимо не только создать новых кораблеедов, проверить их состояние в космических условиях, но и построить... настоящую двумперскую флотилию, чтобы чудовища смогли проявить себя в деле.

А ещё надо не забывать следить за тем, как распространя-

ется в паукрабей части Двумперии катрип, а вслед за ним – отчаяние у паукрабих. И попытаться понять, как эта приближающаяся победа отразится на положении дел в Галактике. Не будет ли это подарком для зловещих йорзе с туманными намерениями? Тем более, что они как-то не собираются помогать паукрабихам, страдающим от беспутинной болезни. Хворь уверенно захватывает один паукрабий мир за другим, за чем с нескрываемым удовольствием – слегка даже садистским – и наблюдают мятежники.

– Просто услада для глаз! – рассматривая в очередной раз карту, злорадствует Джекс.

– Я думало, вы говорите «мёд для глаз», – бормочет Млем.

– Ну, так сказать тоже можно, но обычно говорят «усллада».

– Как бы только в этой бочке мёда не нашлось какой-нибудь ложки дёгтя, – блещет знанием человеческих фразеологизмов Леод.

И ложка эта всё-таки находится.

– Друзья, у нас проблемы, беда, друзья, – сообщает как-то раз с утра всему коллективу Сай Фай. – Посмотрите на карту, поглядите на карту. Вот этот участок Многозвёздно-Хвостового Межрукавья точно занят паукрабихами, точно здесь, в Многозвёздно-Хвостовом Межрукавье, паукрабихи рулят. Но тут сигналы «ноль», только «ноль»! Неужели нашли лекарство, лечить научились?

– А может быть, у них выработался иммунитет, – предпо-

лагает Ксандер. – Или он был врождённым.

– В любом случае, надо проверить, проверить надо, что там!

– И взять образцы тканей, – добавляет Крилли. – Чирп, если поспешим, сможем подкорректировать катрип. Я бы доверил это охотникам.

– Логично, – соглашается Бастер.

– Это мы запросто! – усмехается Райтлет. – Можем и целую паукрабиху словить!

– Достаточно, эм, взять образец гемолимфы, – охлаждает пыл охотника Айзел.

– Куда летим? – нетерпеливо интересуется Сэн.

Планета, на которую по наводке Крилли направляется маленький незаметный корабль – Ксуфьекарро – некогда была цветущим миром, который считал своим долгом посетить каждый художник, скульптор и архитектор из всякой высокоразвитой цивилизации. Не только красоты самой зелёно-голубой планеты были источниками вдохновения: местные жители были настоящими знатоками изобразительного искусства, умели задевать самые тонкие душевные струны всех существ, у которых только были глаза. Но сейчас Ксуфьекарро – это сплошная розовато-серая масса из бесплодной земли, паукрабьих городов и паутины. Паутина также тянется от планеты к каждому из четырёх её спутников. В замысловатых узорах зашифрована одна и та же история, содержание которой не зависит от того, где паутина протянута. А

могло бы: этот мир был населён никем иным, как царственными терраформами. История их уничтожения не вписана в Великую Паутину. Как и истории гибели триллионов других существ и сотен миллионов иных миров...

Райтлет и Сэн приземляются в одном из промышленных районов, где, в случае чего, легко спрятаться среди одинаковых уродливых труб, баков и покрытых мерзкой паутиной и копотью установок.

– Отвратительное место, – морщит нос тц-рики.

– Ещё бы. Так, быстро пробиваем какой-нибудь паукрабихе панцирь и валим, – шёпотом озвучивает план Райтлет и готовит специальное копьё, которым поделились с охотниками фоксиллинда: под остриём находится маленькая пробирка, в которую должно попасть достаточное для анализа количество гемолимфы.

Сэн готовит такое же копьё, и охотники затаиваются. Но не успевают они обменяться традиционным «юур солшом», как к ним обращается какой-то странный неприятный голос:

– Какая трогательная парочка неудачников.

Обернувшись, Райтлет и Сэн видят... йорзе. Судя по форме, это командующий.

– Ррр, это мы ещё посмотрим, кто тут неудачник! – рычит сартонари.

– Конечно, вы! – мерзко ухмыляется йорзе. – Мы уже нашли лекарство от вашего дурацкого катрипа и начали его распространять. И скоро мы вылечим всех паукрабих. Они

нам ещё понадобятся.

– Что?! Да вы всё врёте! – рявкает Сэн.

– Не врём, пушистенъкая, не врём. Лучше сдайтесь, и, быть может, волей Создателя вы останетесь живы.

– Ppp!!! – только и удаётся прорычать разгневанному Райтлету. – Хрен вам моржовый! У вас ничего не выйдет!

– Пошли вы к чертям поросячьим! – вторит Сэн.

За спиной у йорзе постепенно собирается целый полк вооружённых до зубов киборгов с гадкой гиеньей ухмылкой.

– Какое восхитительное упрямство, – ощеривается командующий. – Мне вас даже чуть-чуть жалко. Огонь!

В охотников тут же летят многочисленные парализующие снаряды электробластеров. К счастью, скорости реакции Райтлету и Сэн хватает, и они успевают уклониться. Затем они начинают отбиваться от снарядов с помощью гормонов. Это вроде бы удаётся, но йорзе становится всё больше и больше... охотникам приходится бежать.

– Сэн! Я их отвлеку, а ты возьми образцы и лети! – обращается к тц-рики сартонали, когда они немного отрываются от погони.

– Но я даже кораблём управлять не умею! – возражает Сэн. – Давай лучше наоборот...

– Нет, я не могу заставить тебя так рисковать!

– Ой, какая жалость! – возникает вдруг за спинами охотников всё тот же йорзе-командующий.

Миг – и йорзский испаритель разрубает оба копыта с про-

бирками.

– Такой изумительный план – и провалился! Какое разочарование! – продолжает злорадствовать Йорзе, пытаясь одновременно поранить охотников.

Райтлет и Сэн, едва отбившись от командующего, вновь убегают. В какой-то момент сартонари вспоминает о своих крыльях, но стоит ему с Сэн на руках только оторваться от земли, как один парализующий снаряд разрывает ему крыловую перепонку. Другой же снаряд перебивает Сэн хвост. Еле сумев восстановить координацию движений, охотники вновь принимаются бежать.

Йорзе становится всё больше, а сил у охотников – всё меньше... наконец, они попадают в тупик, образованный гигантскими баками с чем-то горючим. Йорзе окружают охотников со всех сторон. Шансов на спасение не остаётся.

И всё же, дарить Йорзе полную победу охотники не собираются. Окинув беглым взглядом баки, Райтлет достаёт гормет и даёт Сэн знак, чтобы она сделала то же самое.

План ясен и краток.

Убийственно краток.

– Корфилль, – глядя в глаза Сэн, произносит Райтлет.

– Корфилль, – повторяет Сэн, глядя в глаза Райтлету.

Охотники одновременно замахиваются горметами... и вонзают их в бак у себя за спинами.

– Твою ж дивизию!!! – только и успевает прошипеть противный йорзский командующий, прежде чем мощный взрыв

уничтожает весь злосчастный промышленный район...

Тем временем на Сабкостиссе кипит работа над корабледами. После ряда испытаний самыми крепкими, достойными стать защитниками Укрытого Рукава и многих других регионов Млечного Пути признают тех чудовищ, пищеварительная система которых способна частично переваривать гиперполимер самостоятельно и лишь для завершающей стадии распада требует усилий микроскопических друзей.

– Что ж, я снова гений, – усмехается Стив, когда завершается очередное испытание.

– Эм, согласен, – кивает Айзел. – За чудовищ, эм, можно не переживать. А вот, гм, от Райтлета и Сэн ничего не слышно, хм, уже долго.

– Гррр, слишком долго, – тревожится Тецклай. – Киберпанки, точно никаких сигналов не было?

– Не было, – отвечает Бастер. – Последний сигнал был три дечаса назад. Потом всё исчезло. Мы не можем выйти на связь.

– Гррр, я слетаю сам и посмотрю! – заявляет хриввалэйтн с нескрываемой дрожью в голосе.

– Может, лучше я? – вызывается Крилли. – Я ведь могу притвориться, чик-чирик, неразумным...

– Не рискуй зря. Я полетел.

Тецклай быстро собирается и улетает на Ксуфьекарро. Гнетущее беспокойство охватывает оставшуюся команду.

– Паукрабихи – бойцы так себе, – пытается разрядить об-

становку Семиларен. – Наши охотники их легко раскидают, если что. Я уверен, что с ними всё в порядке, а связи нет из-за каких-нибудь двумперских глушилок. Да и вообще, не могли паукрабихи их найти, корабль-то невидимый...

– Нет, Семиларен! Дело не в паукрабихах! Карррр! – неожиданно нервно каркает Крилли. – Чек-чек! О ужас! Нет! Нет!!! Чир-чири!!!

– Что случилось? – спрашивает Леод.

Крилли, ничего не отвечая, садится на шею Семиларену и вдруг клюёт его под костные пластины на голове.

– Э! Ты охренел?! – возмущается блент.

Чирритью спрыгивает с шеи Семиларена, держа в клюве какую-то штучку, отдалённо напоминающую нервинфлойю, только с десятком этаких насекомых лапок.

– Живой жучок! Чирп, эти проклятые йорзе! Украли нашу технологию, модифицировали её и пользуются ей в своих гнусных целях! – не выпуская штучку из клюва, верещит Крилли. – Они всё о нас знают!

– И... с каких пор? – с трудом сохраняя хладнокровие, интересуется Стив.

– Сейчас проверим! Чик-чирик, Айзел, можно воспользоваться секвенатором?

– Э-э-э, разумеется, конечно, – растерянно бормочет фоксиллинда.

– И при чём здесь секвенатор? – фыркает Тикки.

– Чирп, на наших жучках всегда поселяются микроорга-

низмы, – отвечает Крилли, поместив жучок в специальную ячейку для биологического материала. – И он вступает в симбиоз с первыми, которые на нём поселяются. То есть, чирп, увидев, какие на нём микроорганизмы, мы узнаем, где жучок выпустили.

Через несколько деминут на экране секвенатора отображаются последовательности ДНК микроорганизмов-симбионтов жучка.

– Бедантия, – делает вывод Крилли. – Вы прогулялись там, а они, гады, рассыпали там все эти жучки...

– Но... как это? – недоумевает Витс. – На Бедантию выходили только... люди...

– Чик-чирик, это же живой жучок! Он умеет размножаться. К тому же, жучки общаются между собой, прямо как наши нанороботы в катрипе, по тому же принципу. Так что жучок есть на каждом из вас... и, стало быть, на мне тоже, чек-чек!

– Получается, йорзе знают всё, что происходило с нами на Бедантии и после неё? – уточняет Яарвокс, хотя по лицу его видно, что он уже всё понял.

– Всё, абсолютно всё!

– Етить твою мать, жопа, срань бедантиевская! – ругается Накет. – Чё, блин, делать-то теперь?

– Первым делом, пинь, – снять жучки и уничтожить их! – заявляет Крилли.

– И как уничтожить?

Крилли подбрасывает жучка в воздух, сноровисто ловит его и заглатывает.

– Вот так, пинь, – сообщает чирритью. – Мы специально, чик-чирик, разрабатывали их такими – съедобными для птиц. Здесь есть какая-нибудь уединённая комнатка? Каждому придётся раздеться. Я всех осмотрю и уберу жучки, чек-чек. Они могут сидеть на любом, извините, месте, даже самом интимном.

– Хранилище запасного лабораторного оборудования, вон там, – показывает Тинбер.

Растерянные и шокированные мятежники по очереди заходят в хранилище, где Крилли скрупулёзно осматривает их тела и склёвывает живые жучки. Процесс занимает не один дечас: модифицированные йорзе ксибидитичикские жучки ухитряются находить такие места на телах мятежников, откуда доставать их особенно неудобно даже тонкому клюву Крилли.

– Получается, йорзе в курсе всей нашей работы с корабле-едами, – грустно произносит Карл, когда все снова собираются в полном составе.

– Да, в курсе, – не менее печально констатирует Стив. – Полностью.

– Но мы, э-э-э, не можем просто взять и, гм, уничтожить всю эту работу! – заявляет Айзел.

– Йорзе наверняка наведаются на Сабкостисс. Так что, видимо, придётся.

– Чирп, мы можем взять клетки кораблеедов и культуры симбионтов и попытаться хоть как-то модифицировать их на Ксибидитичике, – предлагает Крилли. – Теперь-то йорзе об этом не узнают, пинь.

– Но ведь йорзе стали туда тоже прилетать чаще, мы же сами в этом убедились! – возражает Карл. – И с ними Ити-ен...

Тут возвращается Тецклай. В руках у него – кусок брони Райтлета и клочок шерсти из хвоста Сэн, а в глазах – горе и отчаяние.

– Порадовать мне вас нечем, – беззвучно сообщает Тецклай. – Там были йорзе. Очевидно, они погнались за охотниками. А потом всё взорвалось. Там кругом были баки с горючим. Погибли все.

Воцаряется скорбное молчание. Никто не в состоянии сказать хоть слово.

– Может, они попытались остановить йорзе, которые собирались вылечить паукрабих? – предполагает Стив, выйдя из этого печального оцепенения.

– Не знаю. Этого уже не узнать. То, что я принёс – это всё, что осталось.

– И погибли Райтлет и Сэн, очевидно, напрасно, – горько вздыхает Джекс, заглянув между делом в карту распространения катрипа. – Сигналы «ноль» распространяются всё быстрее. И как раз с Ксуфьекарро.

– И всё эти жучки, каррр! – каркает Крилли. – Тецклай,

зайди на деминутку вон туда, я тебя осмотрю и уберу жучок.

– Что? – недоумевает хриввалэйтн.

– Я тебе всё объясню. Пошли.

– Как же Райтлета и Сэн жалко, – всхлипывает Веншамея, когда Тецклай и Крилли уходят. – Что йорзе в их смерти?

– То же, что и в смерти любого из нас, – задумчиво пожимает плечами Млем. – О, нет... боюсь, что теперь мы все окончательно подписали себе смертный приговор.

– Почему?

– Пока мы несли на себе жучки, мы были для йорзе источниками ценной информации. Теперь у нас их нет, и мы для йорзе бесполезны. А раз мы бесполезны – значит, нас можно спокойно убить.

– Но зачем они тогда убили Райтлета и Сэн, если на них были жучки?

– Я думаю, йорзе предложили им что-то такое, на что они не могли согласиться, – рассуждает Стив. – Они всегда были храбрыми и принципиальными. Наверняка йорзе попытались склонить их на свою сторону. А они отказались. И никакие жучки их уже не могли спасти.

– Гррр, скорее нам надо отсюда убираться, – возникает Тецклай, с которого Крилли довольно быстро снял жучка.

– И всё-таки, есть ложка мёда в бочке дёгтя, – всё так же задумчиво произносит Млем.

– Наоборот, – поправляет Джекс.

– Нет, именно так. Пока мы невидимы для йорзе, мы ещё

можем успеть что-то сделать.

– Но что именно? Всё уже пропало! – нервно визжит Эффелина.

– Этого я не знаю.

– Слушайте, можно на Самобыте пока на дно залечь, – вступает Ксандер. – Мы тут с Найкой переписались. Самобыт сейчас вообще на самом краю Млечного Пути, там вообще никого нет в округе. Полетели туда. Дечасов десять дорога займёт, но зато мы будем в безопасности.

– А наши... кораблееды? – с горечью посмотрев на живоросты, вопрошает Айзел. – Да, мы возьмём клетки и симбионтов, э-э-э... но, гм, я не хочу уничтожать уже выросших!

– Мы спрячем их, – уверяет Айзела Креффш'Дор. – А если йорзе и прилетят, я клянусь Вам, профессор, что буду защищать кораблеедов, чего бы это ни стоило. Ради Господина. Ради Вас. Ради вас всех.

– Мы все их будем защищать! – поддерживает Ланен. – Клянёмся!

– Клянёмся! – вторят Тинбер и Брокейн.

– Спасибо, коллеги. Гм, я всегда в вас верил, – растроганно отвечает Айзел.

Мятежники, забрав образцы клеток и культуры симбиотических микроорганизмов, поднимаются на борт «Тёмной Материи» и покидают Сабкостисс.

На корабле царят печаль и неуверенность. Нелепая и напрасная гибель Райтлета и Сэн, а также осознание тщетно-

сти всех усилий не дают команде сосредоточиться и придумать что-то новое. Для некоторых тревога становится просто невыносимой.

– Стив, – привычно обращается к терраформру за советом Витс.

Терраформ, сидящий в своей каюте, встречает человека взглядом... лишённым обычной насмешки. Пустым, ничего не выражающим взглядом.

– Неужели всё пропало? Всё, что мы делаем, напрасно? Добро не победит зло? Или добро – это не мы? Судьба нами распоряжается, или мы – судьбой? – вываливает на Стива хаотичные тяжёлые вопросы Витс, глядя ему прямо в глаза.

Терраформ медленно поднимается и подходит к Витсу вплотную. Амебоидные зрачки Стива медленно сужаются до такой степени, что глаза его становятся практически полностью белыми. Витс вздрагивает, но не отводит взгляд.

– Витс, – тихо подаёт голос Стив. – Я. Не. Знаю.

– К-как? – заикается землянин. – Т-ты же сам-мый мудрый, у т-тебя всегд-да есть реш-шение!

– Не сегодня.

– Но, Стив...

– Сейчас у меня нет никаких ответов.

Терраформ разворачивается и возвращается в свою каюту. Человек видит, как Стив погружается в состояние сцифа'ха.

А это значит, что в ближайшие дечасы искать ответы на

все эти тревожные вопросы Витсу придётся самому.

Глава 20. Удар ниже пояса во благо

Если в первый момент идея не кажется абсурдной, она безнадежна.

Альберт Эйнштейн

Когда то, чего мы очень долго ждём, наконец приходит, оно кажется неожиданностью.

Марк Твен

Что делать?

Кто виноват?

Есть ли смысл жизни?

Что такое добро и зло?

Это не самые сложные вопросы, которые приходят сейчас в голову Витсу. В отчаянных попытках найти хотя бы один, хотя бы самый маленький, хилый и пустяковый ответик Витс буквально мечется по своей каюте, как зверь в тесной клетке.

Вдруг Витс резко останавливается. Ему кажется, что кто-то заметил эти метания. Краснея от стыда, землянин медленно поворачивается в сторону двери, закрытой впопыхах не до конца, и видит там Веншамею, которая вопросительно

на него смотрит.

– Ты чего? – спрашивает она без какого-либо определённого выражения.

– Да так... ничего, – мямлит Витс. – Просто пытаюсь навести порядок в мыслях. Столько вопросов, а ответов никаких.

– У меня тоже такая ерунда. Знаешь, до чего я тут дошла в своих мыслях? Может, вся эта история с Имперским Союзом – это какой-то необходимый этап в истории, и нечего нам, следовательно, из-за этого трепыхаться. Явная глупость, но не могу от неё отделаться!

– Похоже, это просто отчаяние. Я тоже начинаю думать, что мы ничего уже не изменим...

– Но, если подумать... один раз-то смогли? С орхгами, я имею в виду.

– Один раз смогли. Но орхги теперь кажутся такими слабаками... просто смешными слабаками по сравнению с паукрабихами и йорзе. Такие карикатурные злодеи, знаешь, которых рисуют в дешёвых комиксах. Всё их это жуткое оружие, все эти громадные армии вмиг исчезли после краткой речи Айзела! А на какие только ухищрения мы не шли ради того, чтобы победить или хотя бы ослабить паукрабих... и что? Чего мы добились? Райтлет и Сэн погибли, йорзе о нас всё знают. Всё бесполезно.

– Выходит, добро побеждает зло только в сказках...

– А ведь говорят, что добро – это выбор сильных, а зло –

слабых. Раз так, не получается ли, что мы как раз слабы... и, значит, творим зло, пытаясь что-то изменить? А Имперский Союз – это, выходит, какое-то такое неочевидное добро. В общем-то... он же помог кому-то сплотиться, принять какие-то правильные решения? Нас самих он объединил, в конце концов... нет, слушай, это же софизм какой-то! Что за бред!

Под грузом этого странного софизма Витс бессильно плюётся на свой диванчик.

Веншамея садится рядом.

– Может, всё это – справедливое нам наказание за то, что мы сделали? – рассуждает она. – Всё-таки, как-никак, мы распространили болезнь, и...

– А могли взорвать всех ходострелов, невзирая на последствия, – перебивает Витс. – погоди! Значит, мы всё-таки на стороне добра? Мы могли бы всё разнести, чтобы только уничтожить имперцев, а мы ещё думаем, как бы не навредить другим? Да и им самим – тоже мне болезнь, ничего жизненно важного не затрагивает!

– Да, ты прав! Очень здравая мысль! А я какую-то околесицу несла...

– Ты? А у меня не околесица была только что? Я дошёл до того, что Двумперия – это добро!

– По-моему, ты просто от отчаяния забыл, что понятия добра и зла можно применять только к отдельно взятым разумным существам, которые могут отвечать за свои поступки.

ки. Только разумное существо может делать выбор между добром и злом, правильно? Значит, не может быть добрых и злых цивилизаций, империй и прочего, как не может быть добрых и злых неразумных существ. Может оказаться так, что зверства Три- и Двумперии кому-то помогли. Но это несколько не оправдывает злодеяния каждого имперца в отдельности. Я вот так думаю.

Витс светлеет лицом:

– Конечно же. Знаешь, теперь я понимаю, почему именно тебя избрали королевой Теэклавеллы – ты очень мудрая женщина.

– Избрали? Ты думаешь, что правителей на Теэклавелле избирали? – искренне удивляется Веншамя.

– Я же правильно понимаю, что ваша цивилизация – одна из высших? Раз она высшая, то наверняка у вас не работают... ну, не работали всякие эти архаичные механизмы типа передачи власти по наследству, как у нас, на Земле нашей примитивной. Так ведь?

Веншамя улыбается, медленно качает головой и отвечает:

– Это фордокс-приманцы выбирают своих Мастеров. И как выбирают – там учитывают не просто мнение большинства, а знания каждого, кто голосовал... У нас-то всё как обычно: раз я – дочь короля, значит, я королева.

– То есть, тебе не дали выбора?

– А должны были?

Витс и Веншамея уставляются друг на друга с одинаковым изумлением.

– Подожди-ка, – шепчет теэклавеллянка. – А что, если быть королевой – это не моё призвание? Получается... выходит...

– У нас с тобой похожая судьба? – робко предполагает Витс.

– Да! Да! Меня не спрашивали... мне даже не говорили, что можно как-то по-другому... я живу не своей жизнью! А когда человек не на своём месте в жизни, он и делает всякие глупости, так?

– Ну, вроде того...

– Вот! Вот почему я такая дура! Устроила восстание, которое сгубило целую планету, в отношениях счастья найти не могу... и несу какую-то глупость постоянно.

– Никакая ты не дура! Просто жизнь – очень сложная штука. Я вот даже не знаю, смогу ли я хоть когда-то хоть чуть-чуть в ней разобраться.

– Может, попробуем разобраться вместе? Одна голова – хорошо, а две – лучше.

– Давай попробуем.

– Ну вот призвание. Как понять, есть ли оно у тебя, и какое?

– По-моему, это когда тебе что-то легко даётся, а все думают, что это очень сложно и спрашивают тебя: «Как тебе это удаётся?». А ты только и можешь, что скромно улыбнуть-

ся и сказать «не знаю».

– Ага. Допустим. Тогда у тебя всё понятно – ты прекрасно рисуешь. Я видела твои рисунки, они просто чудесные. Ты настоящий художник.

– А я вот, между прочим, не уверен, что это действительно моё призвание. Да, мне очень нравится рисовать, и может быть, у меня даже получается неплохо, но меня не покидает ощущение, что на самом деле мой смысл жизни в чём-то другом. Что бы изменилось, если бы я всё-таки пошёл в художественное училище? Наверняка я бы не стал злодеем, но выдающимся каким-то художником я тоже мог не стать. Это моё увлечение, да, но главное ли это в жизни? Вот что я никак не могу понять.

– Ну, ты хотя бы что-то умеешь делать! А я? Я ничего толком не умею...

– А как же резьба по дереву? Ты тогда на Самобыте показывала же!

– Этому учат... учили всех теэклавелльцев. Это не что-то особенное. Так что ничего оригинального я не умею – только влюбляюсь во всех подряд красивых мужчин, теряя голову, и разочаровываюсь.

– Ты умеешь влюбляться. Береги это умение, не теряй его.

– А кто не умеет?

– Я. Я разучился это делать.

Веншамея принимается звонко хохотать:

– Разучился?! Да брось! Это же невозможно! Нельзя ра-

зучиться делать то, что умеет каждый!

Витс смеряет Веншамаеу странным взглядом и вздыхает:

– Можно разучиться. Достаточно просто стать таким мерзавцем, каким стал я.

– Витс, мне сложно поверить, что ты был мерзавцем. Нет в тебе ничего злого, на самом деле.

– Ещё как есть. А было ещё больше. Так вот, насчёт любви. Как только я завоевал кое-какую популярность, вокруг меня, конечно, начали виться поклонницы. И поначалу я заводил с ними вполне искренние романы – то есть, не только в меня девушки влюблялись, но и я в них. Но со временем я превратился... господи, в кого я превратился!

У Витса вдруг перехватывает дыхание, а к глазам подступают слёзы.

– Я н-ник-кому в эт-том н-не п-признавался... д-даже Сттиву... я б-был п-просто от-тврат-тителен! – заикается землянин. – Мне т-так ст-тыдно об эт-том г-говорить...

– Я никому этого не выдам, – успокаивающим тоном произносит Веншамаея.

– Телепаты всё равно узнают, я уже раскрыл эту мысль... но, если ты действительно хочешь знать, я скажу. В общем, романы стали для меня не поводом сделать добро ближнему, а средством самого низкого удовлетворения. Мне стало абсолютно наплевать на желания, личности, чувства всех этих девушек. Я просто пользовался ими, как... стыдно даже сказать, чем! Я был просто маньяком. Всё, что мне нужно было

– это страсть в постели, и больше ничего! И потом я бросал этих девушек, как ребёнок бросает надоевшую игрушку! И ты ещё говоришь, что я не был мерзавцем?! Я разучился любить по-настоящему, не физически, а духовно, понимаешь! Я перестал желать добра тем, кого якобы любил!

Веншамея задумчиво отводит взгляд:

– А я чем лучше тогда? С Накетом мы сблизились на интимной почве, Джекса я отвергла именно потому, что он равнодушен к плотским отношениям... и ты утверждаешь, что я умею влюбляться? По-настоящему?

– Но ты ведь желала добра и Накету, и Джексу, верно? Ты не пользовалась ими, как инструментами?

– Конечно, я хотела для них добра. Но, возможно, меньше, чем они заслуживают... слушай, я больше думала о себе, на самом деле. Смотри, Витс, я даже этого не умею, оказывается! Где же мне искать своё призвание, если я и в таких вещах – профан?

– Надеюсь, мы его когда-то найдём.

– Надеюсь, и твоё тоже.

Витс и Веншамея обмениваются очень тёплыми взглядами.

Возможно, даже слегка влюблёнными...

Тут раздаётся голос Стива из отсека управления:

– Друзья мои, давайте все вместе подумаем, что делать дальше.

Вся команда собирается и рассаживается за парящим сто-

ЛОМ.

– Должен вам признаться: те несколько дечасов, что я провёл в сцифа'ха, не привели меня ровным счётом никуда, – обращается ко всем терраформ. – Поэтому я предлагаю заняться мозговым штурмом. Любые идеи, даже самые абсурдные, глупые, неосуществимые.

– Только не аморальные, – вступает Млем.

– А может, даже и аморальные. Даже мои четыре мозга полностью себя исчерпали. Вперёд, друзья мои.

– Ну, можно сжечь на хрен всю паутину, а паукрабих связать и заставить на это смотреть, – находится Герн. – И не говорите мне, что это жестоко. По сравнению со всем, что эти твари наделали, это массаж их тонких ножек.

– А может, всё-таки взорвём ходострелов? – загорается Семиларен.

– Пострадают невинные, не годится! – заявляет Млем. – Я бы попыталось их перевоспитать.

– Э-э-э, то же, что с орхгами, гм, с паукрабихами, не работает, – отмахивается Айзел.

– А может, поместить их всех в какая-нибудь один закрытый улей? – предлагает Фиб-Фиб.

– Можно найти слабости в их внутренних взаимоотношениях, – вкрадчиво вступает Леод. – Развалить всю эту их империю, так сказать, изнутри.

– А наверняка всё из-за того, что паукрабихи – хищницы! – тут же встречает Эффелина. – Нужно их отучить от

мяса, и они станут добрыми!

– А у меня вот одна биотехнологическая идея появилась, – протягивает Ксандер, но тут же смущённо бормочет: – Ой, нет, совсем дурацкая идея, не буду её озвучивать.

– Неужели она глупее, чем у Эффелины? – язвит Тикки.

– Ну... она... нет, правда, не надо. Давайте ещё кто-нибудь.

– Ксандер, хотя бы от телепатов её не прячь, не прячь идею от телепатов! – наострив антенны, пытается уговорить эвола Сай Фай.

– Нет, она совсем идиотская.

– Ксандер, чирп, ну пожалуйста! – взмаливается Крилли.

– Нет, это абсурд.

– Хорошо, давай я свою идею выдам! – пытается спасти ситуацию Яарвкос. – Лично я предлагаю переловить всех паукрабих, запихать каждой в задницу по два угомирада её же собственной паутины и заставить слушать, как Стефан читает земную рекламу! Абсурд? Да! Осуществимо? Конечно, нет! У тебя такая же идея, Ксандер?

– Нет, но она... ну, не стоит ей делиться.

– Нет уж, телись... тьфу, блин, делись! – оговаривается Накет, чем вызывает взрыв смеха.

– Нет, Накет, это не оговорка! – гогочет Силмак. – Народ, вот вам загадка: едет парень по деревне, не мычит, не телится, говорит, что есть идея – да вот ей не делится! Разгадка – Ксандер!

Хохот стоит такой, что и герой загадки начинает похрюкивать от смеха, хотя изо всех сил пытается удержаться.

– Ксандер, подкрадский ты сын, если ты не выдашь эту идею, я тебе в морду дам! – не переставая ржать конём, меняет тон на угрожающий Стив.

– Не буду говорить, и всё! – выпаливает Ксандер неожиданно громким для себя голосом.

– Ну просто Джекс номер два, – вздыхает Карл.

– И это ни фига не комплимент в данном контексте, Ксандер! – смеётся Джекс.

– И, боюсь, те методы убеждения, которые работают для Джекса номер один, для номера два бесполезны, – хихикает Млем.

– Слушайте, ребята, не пытайтесь меня заставлять, – упирается Ксандер. – Не хочу я озвучивать эту дурацкую идею, и всё. Никто меня не убедит.

– Даже Айзел? – интересуется Тецклай.

– Особенно Айзел. Я невосприимчив к фоксиллиндскому гипнозу.

– Я не собирался тебя гипнотизировать! – обиженно и чисто, без междометий, восклицает Айзел.

– Говорю вам, никто меня не убедит! – продолжает Ксандер.

– А никто из нас этого делать и не будет! – неожиданно выкрикивает Джекс и встаёт.

Изящно вытянув из нагрудного кармана коннектар, ки-

борг обращается к Ксандеру с настораживающей нежностью:
– А давай мы сейчас возьмём и позвоним Найе. Так и скажем: твой муж не хочет выдавать нам какую-то классную идею. Набираю номер.

Глаза Ксандера тут же белеют. Он вскакивает и хватается Джекса за руку:

– Ладно! Ладно!!! Так и быть! Если ты решил подключить к этому делу Найку, всё, мне уже бесполезно сопротивляться... она меня и на убийство уговорила однажды, и тут уговорит!

Джекс широко улыбается, убирает коннектар и садится. Ксандер тоже садится, вздыхает и торопливо произносит:

– Короче, я подумал, что можно модифицировать катрип так, чтобы он превращал паукрабих в паукрабов... их физиология это позволяет... довольны? Хорошая идея, осуществимая?

Вся команда уставляется на Ксандера. Удивление быстро превращается в бурную радость.

– Ксандер, это гениально!!! – восторгается Стив и заключает эвола в объятия. – Подкрадская ты задница, что ж ты молчал, подлец?! Это же то, что нам нужно!

– Мы наконец-то поставим паукрабих на колени! – восклицает Джекс, театрально воздев руки к небу. – На все восемь!!! Мы унизим их так, что они глазёнки свои поднять не смогут даже на один мирад!

– А как они будут... – начинает спрашивать Веншамея, но

её перебивает Карл, прочитав вопрос в мыслях:

– Они уже давно практикуют искусственное выращивание. Это обычное дело. Я тебе больше скажу: естественным путём давно не размножаются, например, марсиане, хотя все возможности у них есть, и у них равное соотношение мужчин и женщин.

– Да, искусственным путём проще, проще искусственно, и интереснее, и даже интереснее получается! – подтверждает Сай Фай.

– Тогда я всеми руками за этот план, – соглашается Веншамя.

– Знаете, а у меня и насчёт кораблеедов одна идея есть... – бубнит Ксандер.

Воцаряется гробовая тишина. Джекс снова тянется за конфектаром, но Ксандер тут же выпаливает:

– Я сам всё расскажу! Только мне нужно узнать кое-что... Сай Фай, ты же изучил двумперские корабли. У них есть какая-то отличительная черта? Что-то, что гарантированно отличает любой двумперский корабль от любого не-двумперского, что не зависит от формы, назначения и прочего?

– Есть! Точно есть! – радостно отвечает марсианин. – Все двумперские корабли несут в обшивке слой адамантомифриловинила, у всех двумперских кораблей в обшивке есть адамантомифриловинил! Это их визитная карточка, это их обязательная отличительная черта! Двумперцы так вычисляют шпионов, шпионов так двумперцы вычисляют: есть ада-

мантомифриловинил – не шпион, не шпион, если есть адамантомифриловинил, а если нет – шпион, шпион, если нет!

– Тогда моя идея сработает. В общем, большие кораблееды неизбежно будут мишенями, даже если как-то удастся выпустить тех с Сабкостисса так, чтобы йорзе не видели. А вот если кораблеедов превратить в каких-нибудь таких маленьких существ, которые быстро размножаются и держатся плотными стаями, бороться с ними будет в разы сложнее. А чтобы они не нападали на не-двумперские корабли, основным источником энергии для них как раз можно сделать этот... попробую выговорить... адамантомифриловинил.

– Ксандер, блестяще! Гм, просто блеск! – восхищается Айзел, но тут же остывает: – Хм, но где же нам вырастить, эм, новых кораблеедов? На Сабкостисс, гм, вот-вот прилетят, э-э-э, йорзе. На Самобыте, гм, мы вряд ли сможем, э-э-э, построить живоросты – это, хм, займёт слишком много времени...

– На Марсе! На Марсе мы их вырастим! – верещит Сай Фай. – У меня в лаборатории есть и живоросты! Живоросты у меня в лаборатории есть! Сейчас напишу Стефану, Стефану напишу сейчас, дам ему контакты биологов, дам биологов контакты, и пусть принимаются за работу, пусть работают над кораблеедами!

– Чик-чирик, это здорово! – радуется Крилли. – Ну, а нам для модификации катрипа вполне хватит корабельной лаборатории! Пойдём, Ксандер, ты мне подскажешь. Айзел,

чирп, ты нам тоже поможешь!

– Логично, – только и успевает прокомментировать Бастер, прежде чем вся команда в радостном возбуждении разбегается.

Что для обновлённого катрипа, который в процессе юмористически переименовывают в «мужиковирус», что для мини-кораблеедов (им тоже находят новое название – космические грызуны) не требуется много времени. На Самобыте команда задерживается всего на десять местных суток, да и те пролетают незаметно. Ну, за исключением тех моментов, когда Найя настаивает на том, чтобы все остались за столом ещё чуть-чуть и только попробовали ещё пятьдесят-шестьдесят пирожков...

Наконец, настает время выпускать новые шедевры биотехнологии – «мужиковирус» и космических грызунов – на волю. Команда решает разделиться пополам: один невидимый – истинно невидимый, поскольку Крилли ещё раз перепроверяет, не затаился ли где-нибудь йорзский жучок, и никого не обнаруживает – корабль должен будет распылить над несколькими паукрабьими планетами вирус, а другой – выпустить космических грызунов по краям галактических рукавов и возле главных магистралей. В первую команду входят Стив, Витс, Веншамея, Накет, Силмак, Бастер, Крилли, Фиб-Фиб, Семиларен и Эффелина, во вторую – соответственно, Айзел, Ярвокс, Герн, Джекс, Карл, Млем, Ксандер, Тикки, Тецклай, Сай Фай, Леод и Юрксла.

Обе команды очень осторожно и быстро выполняют свои задания – настолько, насколько это возможно: на всё требуется двадцать стандартных корабельных суток.³²

Всё проходит настолько гладко, что объединившуюся вновь команду начинают снедать подозрения. Несмотря на то, что и «мужиковирус», и космические грызуны успешно распространяются по Млечному Пути, что показывают надёжные карты киберпанков, ничего значительного вроде бы не происходит. Никаких признаков того, что Странники Одиннадцати Пространств могут вздохнуть хотя бы с частичным облегчением.

В томительном ожидании хоть каких-то новостей проходят одни корабельные сутки, двое... пять...

Наконец, через пять корабельных суток Крилли собирает всю команду в отсеке управления.

– Чирп! Сообщение от МСП! – радостно чирикает чирри-тью. – Паукрабихи, точнее, уже паукрабы, хи-хи, собираются выступить с обращением ко всей Двумперии! Его будут транслировать по всем двумперским каналам связи!

Для киберпанков не составляет никакого труда подключиться к одному из таких каналов. Вся команда впивается многочисленными глазами в экран.

Но принесёт ли это обращение весть о победе?

---

³² Стандартные корабельные сутки равны восемнадцати дечасам – столько делятся сутки на Фордокс-Приме (и на старой, и на новой, по приятному совпадению).

Или паукрабихи... то есть, паукрабы, наоборот, усилят свой натиск?..

Пока все видят только какое-то розовое здание и зеленоватое небо Мизергели. Но вот на его фоне появляется группа паукра...

...бов. Это точно паукрабы. Зелёные глаза выдают их с головой.

Один паукраб, неловко пряча от камеры платальбом с подготовленным текстом, начинает обращение – голосом явно мужским, но дрожащим и неуверенным:

– То, что было нашей гордостью, стало нашим позором. Ещё недавно мы плели паутину по всей Галактике. Но эта паутина... больше не Великая. Она принесла нам только зло. После того, как нас поразила беспутинная чума... мы были согласны на всё, лишь бы снова можно было её плести. И вот чем это обернулось. Наши корабли превращаются в пыль прямо в космосе, а мы... мы потеряли самих себя. Мы больше не знаем, кто мы. Мужчины мы или женщины, паукрабы ли мы вообще... мы не знаем. Мы знаем только, кто за всем этим стоит.

Мятежники беспокойно переглядываются. Неужели что-то выдало их?

– Так йорзе... отблагодарили нас за всё... за всё, что мы для них сделали! – сбивчиво продолжает паукраб. – Они предали нас! Под предлогом лечения они изменили нас, лишили нас сил и унизили!

Вздых изумления вырывается у всей команды.

– Они ещё и на йорзе всё свалили, – еле сдерживая бурную радость, шепчет Джекс. – Это же просто праздник какой-то!

– Мы... поняли их сообщение, – едва не выронив из дрожащих клешней текст, говорит паукраб. – Мы больше не нужны йорзе. Мы больше... больше никому не нужны. Так и быть... мы уходим. Млечный Путь больше не наш. Мы отправляемся в изгнание. Мы спрячемся там, где нас больше никто не найдёт. Кто захочет продолжить наше дело – пусть продолжит. Если никто не захочет – мы не настаиваем. Йорзе... эти вероломные киборги всё равно заплатят за это предательство... пусть и не нам. Двумперии конец. Мы уходим.

Паукрабы медленно разворачиваются и бредут куда-то в одну сторону. Трансляция заканчивается.

– Друзья мои, ура! – восклицает Стив.

– Ура!!! – гремит вся «Тёмная Материя».

– Остались только йорзе, – констатирует Карл, когда радостные возгласы немного стихают. – Сомневаюсь, что свой оставшийся кусок Галактики они назовут просто «Империей»... но это не так уж важно. Главное то, что мы можем на что-то влиять. Значит, всё не так уж безнадежно, даже когда кажется, что безнадежно.

– Йорзе, конечно, будут на нас очень злы, – сбавляет градус радости Млем. – Мы их, по сути, подставили. Вообще, насчёт йорзе у меня странное предчувствие... но не буду, пожалуй, портить всем настроение. Мы победили паукрабих,

не слишком навредив им – и это хорошо.

– Они сказали, что потеряли самих себя, – бубнит Витс. – Может, это было всё-таки жестоко...

– Не беспокойся, для них «потерять себя» – не то же самое, что для тебя, – бодро утешает Витса Джекс. – Они просто столкнулись с чем-то, что сильнее их. А что делает тиран, когда ему дают пинка? Правильно, превращается в хнычущую тряпочку. И хныканье это ничегошеньки не стоит. Пустой звук.

– Они себя ещё найдут, я в этом уверен, – добавляет Стив и добавляет шёпотом с улыбкой: – Как и ты. Ты себя обязательно найдёшь.

Витс отвечает на эти тёплые слова не менее тёплой улыбкой.

– Что ж, друзья мои, предлагаю немного отдохнуть и сразу же браться за разведку, – объявляет Стив. – Пока у нас ещё есть преимущество: йорзе не знают, где мы, а их корабли грызут миллионы крошечных зубов. Нельзя терять время. Нужно собрать как можно больше информации и придумать, как освободить Млечный Путь окончательно. А главное – как сделать так, чтобы такое больше никогда не повторилось. Ксандер, если у тебя будут какие-то идеи – выдавай их сразу, слышишь!

– Да, не заставляй меня опускаться до шантажа, – добавляет Джекс.

– Постараюсь, – смеётся Ксандер.

Посмеявшись, команда расходится по каютам.

Через несколько дечасов им предстоит взяться за самую загадочную и сложную часть Имперского Союза.

Могущественных, хитрых и фанатичных йорзе.